Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

**«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Липецкий филиал

ПРАВО, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

МАТЕРИАЛЫ VI ВСЕРОССИЙСКОЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МАГИСТРОВ

Часть I

г. Липецк, 27 ноября 2025 г.

Воронеж • 2026

УДК 27:30/34
ББК 60+63+65+67я431
П68

Под общей редакцией
д-ра истор. наук, проф. В.В. Соловьёвой

Рецензент:
Белянская О.В., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, Московский государственый юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития: Сборник трудов VI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов и магистров (г. Липецк, 27 ноября 2025 г.). Часть I / Под общ. ред. д-ра. истор. наук, проф. В.В. Соловьёвой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2026. – 426 с.

Материалы сборника научных трудов участников VI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов и магистров «Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития», состоявшейся 27 ноября 2025 г. в г. Липецк, посвящены рассмотрению проблем, особенностей и тенденций развития государства и права.

В сборнике представлены исследования студентов и магистров из России и ближнего зарубежья.

Сборник предназначен для студентов и магистров.

Опубликованные материалы представлены в авторской редакции.

УДК 27:30/34
ББК 60+63+65+67я431

© Коллектив авторов, 2025
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Абрамова А.С.
Учение И. Канта о государстве и праве 10

Арутюнян Р.Г.
К вопросу о судебном процессе в Древнем Египте 13

Арутюнян Р.Г.
Проблемные аспекты системы прав и свобод личности 17

Багина У.А.
Государственный строй Византии: Сенат, Государственный совет 21

Багина У.А.
Понятие и классификация функций государства 26

Башлаев И.А.
Политическая и правовая мысль Древнего Китая 31

Бикмухаметова К.Р.
Манифест от 17 октября 1905 года: предпосылки, содержание и политическое значение 35

Болдышева Д.В.
Периодизация государственной истории Японии (VI – нач. XVIII в.) ... 40

Болдышева Д.В.
Проблемы соотношения типа и формы государства 45

Вишнякова В.А.
Политико-правовое учение Т. Гоббса 50

Волков Т.В.
Кодекс 17 статей 54

Горшкова А.А.
Необходимые условия для формирования и утверждения правового государства 59

Дулина Д.К.
Принципы правосудия по Законам царя Хаммурапи 63

Дулина Д.К.
Структура гражданского общества 66

Ерёмина Д.С.
Государство и церковь в Византии 69

Ерёмина Д.С.
Понятие исторического типа государства: формационный, цивилизационный и другие подходы к типологии государства..... 73

Иванникова В.В.
Периодизация Древнего Египта 77

Кабанова О.А.
Соотношение юридической науки и философского подхода к праву..... 81

Кикнадзе В.Г.
Уголовное право фашистской Германии..... 84

Кисилева Е.В.
Политико-правовые взгляды Ф. Энгельса 87

Кисилева Е.В.
Правовое государство и государство законов («государство законности»)..... 92

Копытина Е.А.
Преступления и наказания в Арабском халифате..... 96

Копытина Е.А.
Законадательная, исполнительная и судебная власть..... 100

Королёва А.Н.
Брак и семья по законам XII таблиц..... 104

Кошеляевская А.Е.
История права в произведениях философов и социологов..... 109

Кривошеина Н.С.
Учение Гроция о государстве и праве..... 113

Крючкова А.С.
Утилитаризм и идея «общего блага» и интереса: отход от идей естественной справедливости 116

Лахтин А.И.
Государство: понятие и признаки..... 120

Лахтин А.И.
Римское право классическо периода: вершина юридической мысли 126

Майорова Д.А.
Пятичленная система наказаний в Древнем Китае..... 131

Майорова Д.А.
Теория государства и права как общетеоретическая юридическая наука 134

Макаров А.С.
Законы XII таблиц: общая характеристика 138

Мещерякова Е.О.
Регулирование брачно-семейных отношений по Законам царя Хаммурапи 144

Мещерякова Е.О.
Отличие государства от родовой организации общества: территориальная организация населения и публичная власть как основные признаки государства 147

Мингазова Р.И.
Манифест 1905 года и Первая русская революция 150

Мустафаева Г.Ш.
Варны и касты Древней Индии 156

Мустафаева Г.Ш.
Формы и методы осуществления функций государства 161

Одина А.О.
Политические взгляды Сократа 167

Панова П.С.
Понятие, признаки и виды органов государства 171

Паршенцева А.А.
Виды землевладения в Древнем Египте: основа социально-экономической системы 175

Полякова К.В.
Теории происхождения государства 178

Поповичева С.В.
Общее право Англии 183

Прядухина А.В.
Влияние древних цивилизаций на социальную и политическую историю народов 186

Путилина Д.В.
Теория государства и права в системе общественных неюридических наук 195

Селиванова А.Д.
Социальное государство 202

Соседова Н.А.
Два периода Римской империи — принципат и доминат 205

Соседова Н.А.
Форма правления: понятие, типичные и нетипичные формы 210

Старкова Д.Г.
Переворот Мэйдзи 215

Суровцева В.Е.
Брак, семья, положение женщины в Древнем Китае 218

Суровцева В.Е.
Функции современного российского государства 221

Сушкова А.А.
Собственность, сервитуты, наследственное право в Византии 224

Сушкова А.А.
Общество, личность, государство 229

Толчеев В.Д.
Причины возникновения государств. Особенности происхождения государств у разных народов 233

Труханова У.Ю.
Государственная власть: понятие, структура и формы осуществления 238

Филатова Д.Д.
Брачно-семейные отношения в Древней Индии: дхарма, власть и социальная стратификация 242

Филиппова Д.А.
Жан Боден – создатель доктрины суверенитета 246

Цыбина М.М.
Система экзаменов для претендентов на чиновные должности в Древнем Китае 252

Чернышов Д.Ю.
Объект, предмет и система юридической науки 256

Чернышов Д.Ю.
Государственный строй Древнего Египта 259

Чугай П.А.
Сегуны и становление режима сегуната 263

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ (ГОСУДАРСТВЕННЫХ) НАУК

Бессонова В.Д.
Неэффективность исполнения судебных актов как нарушение конституционного права на судебную защиту в Российской Федерации 267

Буракова А.С.
Недостаточная адаптация конституционных норм к условиям цифровой трансформации 270

Доценко Т.А.
Правовое регулирование использования сквозных цифровых технологий в органах публичной власти 275

Зарипов Ф.Г, Зарипов И.Ф.
Цифровая трансформация избирательных комиссий: итоги 2025 года .. 281

Косый А.К.
Роль системы управления рисками таможенных органов Российской Федерации в обеспечении экономической безопасности государства 284

Лопатинская С.С.
Злоупотребление правом в сфере социального обеспечения семей: виды и последствия 290

Мардовкин Р.С.
ПРотиворечие конституционного принципа равноправия субъектов Российской Федерации 295

Мячин А.М.
Актуальные проблемы публичного права: легитимность государственной власти и эффективность публичного управления... 299

Мячина А.Д.
Бюрократизация и несовершенство административных процедур органов публичной власти в РФ 302

Пеньковская Е.В., Нестеренко А.А.
Совершенствование деятельности таможенных органов по противодействию контрабанде с использованием технологий искусственного интеллекта и блокчейн 306

Принь Л.Н.
Специфака государственного контроля (надзора) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия..... 311

Тепловодских С.И.
Организация родительского воспитания и проблемы взаимодействия государственных учреждений с семьями, воспитывающих детей с особыми потребностями: правовой аспект 318

СЕКЦИЯ 3. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ НАУК

Бортникова Л.В.
Правовые механизмы защиты прав несовершеннолетних детей при расторжении брака родителей 322

Воробьева А.Н.
Кредитные каникулы как механизм защиты прав заёмщиков в Российской Федерации 326

Гусейнова Н.Х.
Проблемы раздела имущества супругов при процедуре банкротства 330

Лажкова К.Е.
Практика применения органов опеки и попечительства в обеспечении прав несовершеннолетних в семье 335

Тихонова В.А.
Финансовое обеспечение образовательных потребностей детей в условиях роста расходов на образование..... 338

Шаталова Е.Е.
Процессуальные особенности рассмотрения дел о лишении родительских прав 342

Ячменева В.Б.
Система альтернативных способов разрешения семейных споров: медиация и переговоры в семейных конфликтах..... 347

СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Бессонова В.Д.
Источники права в романо-германской правовой семье 351

Буракова А.С.
Структура английского права 355

Головина Д.А.
Сравнительный подход к изучению институтов уголовного процесса 362

Гревцев Е.А.
Роль судов. Источники права в странах Африки 366

Дементьева А.А.
Особенности права Китая. Модернизация правовой системы КНР ... 370

Жукова А.А.
Источники права США. Процедура правового обоснования в прецедентном праве США 374

Киселева Е.В.
Структура права в странах мусульманской цивилизации 379

Кузнецов И.А.
Особенности немецкого права 384

Лещинская Д.С.
Гуманитарная дипломатия как элемент внешней политики в современном мире 388

Манаенкова М.А.
Особенности традиционного мусульманского права 394

Мардовкин Р.С.
Особенности судебных решений в Германии, Франции и Англии 398

Михайловская Е.Д.
Ответственность по защите: правовые и политические аспекты 401

Мячин А.М.
История формирования и развития романо-германской правовой семьи 405

Мячина А.Д.
Модернизация мусульманского права 409

Пашков И.А.
Особенности французского права 414

Рыжкова Ю.И.
История формирования и развития мусульманского права 418

Черненко В.В.
Право Индии. Индусское право. Современное право Индии 422

СЕКЦИЯ 1
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

УДК 340.12

Абрамова Анастасия Сергеевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
abramova_anastasia.com@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

УЧЕНИЕ И. КАНТА О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ

Аннотация

В данной статье исследуется учение И. Канта о государстве и праве, его связь с этическими принципами и концепцией практического разума. Подчеркивается, что в основе кантовской философии лежит идея безусловной ценности человеческой личности. Рассматривается роль права как гаранта свободы людей и условия функционирования правового государства, основанного на разделении властей. Обосновывается актуальность идей Канта для понимания и решения современных проблем в области права и политики.

Ключевые слова: Кант; правовое государство; свобода; мораль; права человека; политическая философия.

Труды Иммануила Канта внесли огромный вклад в развитие немецкой философии, и его очень трудно переоценить. Этот же факт отметил и Виктор Петрович Лега в своей книге «История западной философии. Часть 2. Новое время. Современная западная философия», когда сказал: «Кант настолько логично ответил на многие вопросы, касающиеся философии, настолько скрупулёзно исследовал проблемы, что в начале девятнадцатого столетия, до появления новых философских течений, его учение считалось образцом философского анализа» [2].

Однако помимо выше изложенного данный философ добился огромнейших успехов и в изучении права как такового. Учение о нём он изложил с позиций, так называемого, «практического разума», где право определяется как проявление этого самого разума, который в свою очередь контролирует поведение людей в соответствии с пользой и выгодой. Впоследствии идеи Канта о праве нашли своё отражение не

только в немецкой правовой системе, но также и в международном праве [1]. Именно поэтому подробное изучение Учения о государстве и праве данного мыслителя представляется нам очень значимым. Мы ставим перед собой такую цель – оценить ценность этого учения данного мыслителя для современного мира.

Для начала следует отметить то, что оно сложилось в начале семидесятых годов восемнадцатого столетия, когда Кант стал критически пересматривать предшествующие философии. Все свои наблюдения по этому поводу он изложил в таких своих работах, как «Основы метафизики и нравственности», «Критика практического разума», «К вечному миру», «Метафизика нравов».

Так в чём же состоит суть учения Канта о государстве и праве? Ответить на этот вопрос можно, если обратиться к книге «История политических и правовых учений», где автор, опираясь на труды данного философа, говорит следующее: «Каждое лицо обладает совершенным достоинством, абсолютной ценностью, личность ни есть орудие осуществления каких-либо планов, даже благороднейших планов общего блага» [4, с. 11].

Данное положение является краеугольным камнем всей кантовской философии права. Оно означает, что государство не может использовать личность как средство для достижения каких-либо целей, даже самых благих (например, улучшения экономики или повышения безопасности), так как каждая личность обладает самоценностью

То есть, Кант выносит на первый план человеческую личность, которая сама по себе уже представляет собой безусловную ценность. Далее он в своих работах стремится установить определённые правила морали, связанные с человеческой личностью как высшей ценностью, и которые были бы применимы в общем плане для всех времён и народов. То есть, прежде чем строить теории относительно права и государства, Кант выстраивает в своих работах определённый фундамент, связанный с моральными принципами, нравственными аспектами, ведь всё это неразрывно связано между собой. Те же моральные принципы оценивают внутренние мотивы тех или иных поступков людей, тогда как право призвано регулировать их внешние действия.

В итоге, этот самый фундамент центрируется вокруг категорического императива и концепции автономии воли, и именно они в итоге стали ключевыми аспектами в его понимании права и государства как таковых. Данный факт хорошо подтверждается словами, взятыми из статьи «И. Кант о личности как высшей ценности, о соотношении свободы, морали и права»: «И. Кант отмечал первостепенность внутренней морали каждой свободной личности, на чем и основывается все

последующее правовое регулирование, а также принуждение в отношении нарушителей всеобщей свободы» [3, с. 6-8].

Переходя же непосредственно к трактовке права по Канту, отметим, что он его понимает так: «Право – это совокупность условий, при котором произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения свободы» [4, с. 11].

Объясняя данные слова более простым языком подчеркнём, что данный философ, вынося на первый план ценность человеческой личности, отмечал – у неё должна быть свобода действий, однако она не должна быть тождественна вседозволенности. Иными словами, человек волен делать, что хочет, но в то же время его действия не должны приносить ущерб окружающим его людям. С этого-то момента в силу и вступает право, которое и фиксирует, где начинается свобода одного человека и начинается свобода другого. Таким образом, Кант подчёркивает, что право играет очень важную роль в мире, это не просто набор запретов, а именно та категория, без которой может начаться хаос.

И здесь мы подходим к пониманию «государства» по Канту, который утверждает, что оно представляет собой соединение определённого количества людей под юридическим законом, являющимся правовым документом. Данный союз должен в свою очередь заключать троякую власть, состоящую из законодательного, судебного и исполнительного аспектов.

То есть, в своих воззрениях Кант выстроил определённую иерархию правильного государства. В фундаменте, которого изначально заложена мораль (категорический императив), и только после неё следует право, выстраивающее мост между этической и политической составляющими государства. А оно уже в свою очередь представляет собой единый отлаженный механизм с разделением властей, обеспечивающий защиту свобод граждан.

Таким образом, данное учение Иммануила Канта представляет собой целостную систему, основанную на принципах морали, свободы и равенства. Именно поэтому оно продолжает сохранять свою актуальность и в настоящем времени, так как даёт этическое обоснование правовым нормам, обеспечивает хорошую теоретическую базу в правовой сфере, но, самое главное, оно позволяет глубже понять современные проблемы правовой и политической практики, касающиеся как защиты прав человека, так и регулирования каких-то глобальных конфликтов.

Список цитируемой литературы:

1. Курскова, Г. Ю. Учение о государстве и праве И. Канта / Г.Ю. Курскова // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2014. - № 15. – С.132-138. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-

o-gosudarstve-i-prave-i-kanta-1?ysclid=miaw1nhtj7743494400 (дата обращения: 22.11.25)

2. Лега, В. П. История западной философии. Часть 2. Новое время. Современная западная философия /В.П. Лега. - URL: https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Lega/istorija-zapadnoj-filosofii-chast-vtoraja-novoe-vremja-sovremennaja-zapadnaja-filosofija/3 (дата обращения: 22.11.25)

3. Сокольских, С. Р. И. Кант о личности как высшей ценности, о соотношении свободы, морали и права / С.Р. Сокольских, В.В. Соловьева // Новый юридический вестник. - 2025. - № 3 (45). - С. 6-8.

4. Шумаева, О. В. История правовых и политических учений / О.В. Шамаева. - М.: Экзамен, 2008. - 32 с.

УДК 340.1

Арутюнян Рузанна Грантовна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
ruzanna_arutunan294@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Аннотация

Данная статья посвящена анализу судебного процесса в Древнем Египте, как одного из древнейших правовых систем, оказавших серьёзное влияние на развитие судебной системы во многих странах. В работе рассматриваются такие стороны данного вопроса как: структура судебной системы, порядок рассмотрения гражданских и уголовных дел, роль и функции фараона, как верховного судьи. Кроме того, особое внимание в статье будет уделено принципам справедливости и порядка, которые выражались в божестве Маат, который выступал идеологической основой правосудия в Древнем Египте.

Ключевые слова: Древний Египет; судебная система; право; фараон; кенбеты; серы; Маат; справедливость.

Судебный процесс в Древним Египте представляет собой один из самых ранних этапов формирования юридической науки. На сегодняшний день, понимание данного процесса подчёркивается исключительно из фрагментарных папирусов и рисункам, которые находят археологи,

однако на основании их можно сделать вывод о том, что в Египте не существовало единого свода законов, право передавалось в устном порядке, и реализовывалось через волю фараона, который считался главных источником права Древнего Египта и воплощением божьей воли на земле. Кроме того, источниками права рассматриваемого государства можно считать «учения» и предписания, ярким представителем которых являются «Поучения Птаххотепа», в которых подчёркивается важность беспристрастности, честности и справедливости при рассмотрении споров. Стоит отметить, что данные документы носили скорее административный характер, чем законодательный, так как в Египте суд не был отделен от общего управления, поэтому судебные инстанции совпадали с инстанциями административными [1, с. 188].

Как уже было упомянуто ранее, фараон играл ключевую роль в судебном процессе. Поэтому, в судебном процессе фараон являлся высшей инстанцией. Именно ему докладывали о совершаемых преступлениях, он назначал лиц, которым предстояло расследовать это преступление. Кроме того, именно ему доставлялись протоколы судов, а также протоколы допросов. Кроме того, некоторые наказания мог назначить и санкционировать исключительно фараон. Однако из-за того, что сохранилось достаточно мало сведений того периода, достаточно трудно судить о непосредственном участии фараона в самих судебных процессах.

Основную же функциональную единицу судебной системы Древнего Египта составляли кенбеты – коллегиальный административно-судебный орган, который состоял из 30 серов (судей) и разрешал большинство споров и преступлений. Примечателен тот факт, что данный орган был именно коллегиальным, благодаря этому соблюдалось справедливость и объективность в принятии решений. Кроме того, кенбеты разделялись на:

1. Кенбет города, так называемый большой кенбет. Данный орган находился в столице. В его состав входили 30 высших сановников, а возглавлялся он визирем. Можно сделать вывод о том, что данный орган выполнял функции верховного суда.
2. Кенбеты округов и городов. Обычно в них входили около 14 серов, рассматривающих вопросы на уровне своей территориальной единицы.

Обычно в функционал кенбетов входило: рассмотрение споров о праве собственности, в том числе права наследования. Также данный орган рассматривал незначительные дела, за которые обычно назначалось наказание до избиения виновной стороны. Однако стоит помнить, что кенбеты таже являлись административными органами, поэтому можно предположить, что в их полномочия входило не только осуществление правосудия.

3. Кенбет седжению. Специальный уголовный суд, отличительной чертой которого было право рассмотрения споров о взыскания податей с храмов и земельных владений

Иным органом, является джаджат, который по своей сути являлся административным органом управления поселениями-общинами, однако, в своих полномочиях также имел право осуществления правосудия [2, с.17].

Говоря о серах – следующей ступени в судебной системе Древнего Египта, стоит сказать, что все они принимали активное участие в деятельности суда за счёт того, что перед рассмотрением того или иного дела в кенбете, одному из сер поручалось расследование этого дела.

Также, необходимо отдельно рассмотреть каким образом проходил сам судебный процесс в Древнем Египте, и на какие стадии его можно разделить:

1 стадия. Стадия возбуждения дела. Весь судебный процесс начинается с того, что пострадавший выносит жалобу перед серами кенбета. Также на данной стадии происходило удостоверение факта совершения преступления.

2 стадия. На данной данной стадии происходит расследование и рассмотрение данного дела. Выясняются все обстоятельства дела, также в зависимости от характера дела, допрашиваются или опрашиваются стороны, свидетели, предоставляются доказательства. Стоит отметить, что характер данной стадии дела являлся состязательным. Кроме того, уже во времена Древнего Египта, все дела протоколировались писцами.

Кроме того, особо хочется отметить, что в Древнем Египте не существовало ни адвокатов, ни прокуроров, однако, представительство интересов не исключалось, например, представлять интересы могли опекуны. Стоит отметить, что характер судебного процесса в Древнем Египте был инквизиционный, то есть розыскной. В качестве доказательственной базы могли выступать:

1. Клятва. Считается одним из древнейших видов доказательства, которая давалась перед богом и за нарушение которой шло наказание.

2. Свидетельские показания. Могли даваться в двух видах: под присягой и под пытками.

3. Письменные акты.

3 стадия. Стадия, на которой кенбет выносит своё решение. В случае, если кенбет не мог разрешить данное дело, он прибегал к решению Маат. Судебный оракул задавал вопрос в двух вариантах: отрицательном и утвердительном для каждой из сторон в споре. Бог уже должен был выбрать, кому он отдает предпочтение [3, с. 5]. Даный вид разрешения судебных споров был достаточно популярен в те времена

в связи с тем, что решения божества считались беспристрастными, справедливыми и гласными.

4 стадия. На данной стадии кенбет выносит своё решение в письменной форме. Кроме того, данная стадия заключалась в принуждении виновной стороны дать клятву выполнить решение суда.

Так, в Древнем Египте существовало несколько видов наказаний:

1. Смертная казнь. Могла быть исполнена в следующих формах: сожжение заживо, утопление, а также сбрасывание на острый столб.

Данное наказание назначалось за наиболее тяжкие преступления, в основном, против государства и фараона. Также данный вид наказания назначался за убийство, кражу храмового имущества, а также, что особенно примечательно, что данный вид наказаний назначался в том числе, если человек бездействовал, если видел совершение преступления.

2. Отсечение различных частей тела. Данный вид наказаний назначался в основном за кражу.

3. Компенсация. Также могла назначаться за кражи, но менее тяжкие и кражу менее значимого имущества. Также это наказание шло в паре с возращением украденного имущества обратно собственнику.

4. Избиение палками или плетью. Назначалось за мелкие преступления и правонарушения, например, прелюбодеяние.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, не смотря на то что судебный процесс Древнего Египта не отличался формализацией, письменной закреплённостью законов, а также выделением суда от административных органов власти, имел достаточно развитую судебную систему и стремление к справедливости и объективности. Так, общая структура судебной системы и процесса, принципы, а также источники очень близки к современным и можно предположить, что именно судебный процесс Древнего Египта лёг в основу современного судебного процесса во всём мире.

Список цитируемой литературы:

1. Кочесоков, З. Х. История государства и права древнего мира и средних веков : Учебное пособие для студентов юридических факультетов и вузов, обучающихся по программам бакалавриата / З. Х. Кочесоков, Ф. М. Кулиев, И. Г. Воропаев. – Пятигорск : ООО «Рекламно-информационное агентство на Кавказских Минеральных Водах», 2024. – 188 с.

2. Гетьман-Павлова, И.В. Генезис международного частного права в Древнем мире / И.В. Гетьман-Павлова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – №4. – С. 4–33.

3. Касаткина, Е. М. История становления и развития права в Древнем Египте / Е.М. Касаткина // Журнал юридических исследований. – 2020. – №2. – С. 4-7.

УДК 340.1

Арутюнян Рузанна Грантовна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
ruzanna_arutunan294@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Аннотация

В данной статье раскрывается понятие системы прав и свобод личности как целостной и взаимосвязанной структуры, в основе которой лежат конституционные и производные от них права. Проведён анализ абсолютных и отчуждаемых прав человека, установленных в статьях 20-29 Конституции РФ, исследована их взаимосвязь и роль в обеспечении правового статуса человека и гражданина. Кроме того, уделено особое внимание роли международных нормативно – правовых актов в обеспечении унификации и дополнении, и обеспечении соблюдения исследуемой системы.

Ключевые слова: система прав и свобод человека; международное законодательство; конституционные права; международное право; взаимосвязь прав.

Система прав и свобод личности представляет собой целостную и взаимосвязанную совокупность прав и свобод человека и гражданина, которые упорядочены и классифицированы по определённым признакам. Примечателен тот факт, что из смысла главы 1 и 2 Конституции РФ, можно сделать вывод о том, что по характеру права и свободы человека не только высшая ценность, но в большинстве своём носят неотчуждаемый характер.

Важно, что именно системный подход к правам и свободам личности позволяет сформировать всеобъемлющую «сеть» тесно взаимосвязанных свобод, в которой каждое право не реализуется само по себе, изолировано от других, оно выполняет свою определённую функцию. Именно такой подход позволяет выявлять скрытые и ранее неизвестные взаимосвязи между различными группами прав, например, между гражданскими и культурными, между политическими и социально – экономическими. Именно эти четыре группы формируют основной фундамент системы прав и свобод личности.

Такая система в большинстве своём состоит из двух уровней. Так, на примере Российской Федерации, мы можем увидеть:

1. Конституционные права и свободы. Данные права закреплены в главном законе нашего государства и составляют фундамент для правового статуса каждого человека.

2. Иные права и свободы. Данные права и свободы являются производными от конституционных и возникают при возникновении гражданско-правовых и иных отношений между каждым из людей. Однако тут важно учитывать, что они не менее важны, чем конституционные, так как являются гарантом их реализации.

Так, для понимания правового статуса человека и гражданина, понятия, которое безусловно более широкое, чем система прав и свобод, обуславливается это тем, что в него входят ещё и обязанности человека и гражданина, стоит рассмотреть основные права и свободы, которые закреплены в статьях 20-29 Конституции РФ, и которые в тоже время составляют фундамент понятия правового статуса.

1. Право на жизнь (ст. 20) [1, с. 8]. Это абсолютное право человека, ограничение которого в нашей стране на сегодняшний день не допускается.

2. Право на охрану достоинства личности (ст. 21) [1, с. 8]. Данное право также является абсолютным. Конституция РФ особенно подчёркивает тот факт, что никто и ни при каких обстоятельствах не можно быть подвергнут каким-либо действиям, которые могут унизить человеческое достоинство.

3. Право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22) [1, с. 8]. Никто не может лишить человека его свободы и неприкосновенности. Однако, данное право можно нарушить или ограничить, в случае, если того требует безопаность.

4. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23) [1, с. 9]. Данное право также не является абсолютным, так как напрямую связано с охраной безопасности и может быть ограничено, например, в рамках оперативно-розыскных мероприятий, которые были санкционированы судом.

5. Право на неприкосновенность жилища (ст. 25) [1, с. 9]. Аналогично статье 23.

6. Право на определение национальной принадлежности и свободного выбора языка (ст. 26) [1, с. 9]. Аналогично статье 20, данное право нельзя ограничить никаким образом.

7. Право на свободу передвижения и выбора места жительства (ст. 27) [1, с. 10]. Аналогично, как и статья 25.

8. Право на свободу совести и выбора вероисповедания (ст. 28) [1, с. 10]. Аналогично статье 26.

9. Право на свободу мысли и слова (ст. 29) [1, с. 10]. Аналогично статье 26.

Таким образом, проанализировав фундаментальные права и свободы личности мы выявили ещё одну классификацию в данной системе. Которую можно разделить на абсолютные (неотчуждаемые права) и права которые можно ограничить, в исключительных случаях, когда это необходимо для сохранения безопасности общества и государства. Однако, важным замечанием является тот факт, что Конституция РФ сильно ограничивает данные случаи и для ограничения данных прав, в абсолютном большинстве случаев требуется санкция суда. И по сегодняшний день возникает множество споров о законности данных ограничений, однако, важно понимать, что данная правовая процедура направлена также на защиту прав и свобод других граждан, она обладает не только процессуальными гарантиями, но и конституционными.

Однако, все эти права объединяет в систему тот факт, что они все направлены на защиту индивида от вмешательства третьих лиц в его жизнь [2, с. 102]. При этом, реализация одного права, невозможно без реализации другого, например, реализация права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22) невозможно без реализации права на свободу передвижения (ст. 27). В этом и заключается концепция системы прав и свобод личности.

Однако, данная система реализуется не только на уровне национального законодательства Российской Федерации, но и на международном уровне. Как субъект международного права, наше государство ратифицировало большинство международных актов, которые касаются прав и свобод личности. Подтверждение важного международного право в реализации данной системы мы можем найти в части 4 статьи 15 Конституции РФ, которая гласил, что Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы [1, с. 6].

Наиболее значимой среди международных актов является всеобщая декларация прав человека, которая была принята ООН ещё в 1948 году. Наиболее значимой, она является потому что именно данная декларация впервые закрепила перечень фундаментальных личных прав [3, с. 31].

Также значимым актом является Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый в 1966 году. Данный пакт значительно расширил список прав человека в области здравоохранения, образования, убежища, а также пищи.

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый в 1966 году. В данном международном акте расширяется перечень политических и гражданских прав человека, особое внимание уделяется праву на жизнь и свободе слова.

В совокупности данные нормативные акты образуют международный билль о правах человека, который охватывает, систематизирует и классифицирует все основные группы прав человека, гражданина и личности в целом, что в совокупности формирует именно международную систему прав и свобод личности.

Таким образом, система прав и свобод личности представляет собой не просто структурированную, иерархическую и тесно взаимосвязанную иерархическую структуру. Данная система формирует надежную систему гарантий прав и свобод для любого человека, примечательно, что данный факт достигается не только за счёт работы национальных законодательств, но и международных, которые призваны не только унифицировать данные системы в различных государствах, но и дополнить национальные. Так, можно заключить, что система прав и свобод личности — это динамическая правовая система, направленная на достойное существование каждого человека.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения 22.11.2025)

2. Бродская, В. А. Личные права человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект / В. А. Бродская // Молодой ученый. — 2019. — № 28 (266). — С. 102-103.

3. Серпик, В. Д. Права и свободы человека и гражданина / В.Д. Серпик // Образование и право. – 2022. – №4. – С. 30-36.

УДК 340

Багина Ульяна Алексеевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
uliana_koval6@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ВИЗАНТИИ: СЕНАТ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Аннотация

Статья рассматривает эволюцию государственного строя Византийской империи, центральное место в котором занимали императорская власть, Сенат (синклит) и Государственный совет (Священный консисторий). Анализируется их правовой статус, функции, взаимодействие и трансформация от позднеримских институтов до органов власти средневековой христианской монархии. Особое внимание уделяется роли Сената и Консистория в системе автократического правления и их влиянию на управление империей.

Ключевые слова: Византия; государственный строй; Сенат; Государственный совет; император; василевс; римское право.

Византийская империя, мыслившая себя как прямое продолжение Римской империи, создала уникальную и чрезвычайно устойчивую государственную систему, просуществовавшую более тысячи лет [4; с. 45]. Её государственный строй сочетал в себе римские правовые традиции, эллинистическую культуру и христианскую идеологию, сформировав сложный бюрократический аппарат, эффективность которого обеспечивала жизнеспособность государства в условиях постоянных внешних угроз и внутренних кризисов. Центральное место в этой системе, наряду с фигурой императора-автократора, занимали два ключевых института, унаследованных от Рима, но существенно трансформированных, – Сенат (синклит) и Государственный совет (Священный консисторий) [1; с. 89]. Изучение их эволюции, компетенции и взаимодействия позволяет понять саму суть византийской государственности, в которой элементы республиканского прошлого органично вписались в структуру абсолютной монархии.

Форма правления Византии на протяжении всей её истории оставалась монархией, которую современные исследователи характеризуют как автократию – неограниченную власть единственного правителя

[2; с. 112]. Император (василевс) сосредотачивал в своих руках всю полноту верховной власти: законодательной, исполнительной, судебной и военной. Его личность считалась священной, а власть – божественной по происхождению («милостью Божией»), что делало его наместником Бога на земле в светских делах [5; с. 76]. Он был верховным главнокомандующим, вершителем высшего суда, руководителем внешней политики и, после упрочения христианства, защитником Церкви и православной веры. Однако византийская автократия существенно отличалась от восточной деспотии. Власть императора была ограничена несколькими важными факторами [3; с. 201]:

- Отсутствие чёткого порядка престолонаследия: до IX века не существовало строгой системы наследования престола. Теоретически императором мог стать любой достойный гражданин, что на практике часто приводило к дворцовым переворотам и гражданским войнам. Император правил в силу избрания его сенатом, армией и народом, и эта выборность, унаследованная от римской традиции, служила важным конституционным принципом. Лишь с утверждением Македонской (867–1056) и Комниновской (1081–1185) династий наследственный принцип упрочился.

- Религиозно-правовые ограничения: император был обязан соблюдать нормы канонического права и гражданские законы. Любое нарушение установившихся традиций, особенно в религиозной сфере, вызывало мощное противодействие со стороны Церкви и общества.

- Наличие традиционных государственных институтов: власть императора в ранний период ограничивалась такими институтами, как синклит (сенат), консисторий (государственный совет) и димы (городские организации).

Таким образом, византийская государственная модель представляла собой сложный баланс между неограниченной властью монарха и влиянием бюрократических и общественных структур [2; с. 115].

Византийский Сенат был прямым преемником римского Сената, учреждённым в IV веке Константином I в новой столице – Константинополе [4; с. 48]. Первоначально он состоял из римских сенаторов, перебравшихся на Восток, и высших имперских чиновников. Его сын Констанций II повысил статус сената с муниципального до имперского уровня, увеличив число сенаторов до 2000 человек. Состав сената не был выборным в современном понимании. Сенаторское звание было наследственным, а основным путём в сенат для аристократа было занятие магистратуры, самой затратной из которых была должность претора, отвечавшего за финансирование игр и общественных работ [5; с. 98]. Сенат состоял из трёх сословий:

- Славнейшие – низший ранг;

- Знаменитые – средний ранг;

- Светлейшие – высший ранг, к которому принадлежали обладатели ключевых государственных постов.

К V веку два низших сословия были отстранены от активной работы, а к VI веку при Юстиниане I была введена высшая категория Прославленные. С течением веков политическое влияние Сената неуклонно снижалось. Если в IV–VI веках он играл значительную политическую роль, участвуя в избрании императоров и обсуждении законов, то к X–XII векам, особенно после реформ императоров Василия I и Льва VI, он превратился преимущественно в почётный совещательный орган и класс столичной аристократии [1; с. 134]. Последнее известное упоминание о его деятельности относится к периоду Четвёртого крестового похода (1204 год), когда он участвовал в избрании императора.

Несмотря на постепенное сокращение влияния, Сенат на протяжении раннего и среднего периодов истории империи обладал рядом важных функций [3; с. 208]:

- Законодательная власть: Сенат обладал правом законодательной инициативы и мог принимать резолюции, которые император мог утверждать и издавать в форме эдиктов. Некоторые законы издавались в форме «Ораций к сенату», которые зачитывались перед собранием. В 446 году была даже разработана процедура, согласно которой любой новый закон должен был обсуждаться на совместном заседании сената и императорского совета перед утверждением монархом.

- Участие в избрании императора: согласно государственному праву, император избирался армией и сенатом. Хотя на практике власть часто передавалась по наследству, акт провозглашения (аккламации) новым императором со стороны сената и народа на ипподроме был важнейшим ритуалом легитимации власти. В периоды междуцарствий сенат осуществлял независимую власть и мог официально предлагать престол тому или иному кандидату [5; с. 101].

- Судебные полномочия: Сенат выступал в качестве высшего судебного органа по особо важным государственным преступлениям, таким как измена. Также он мог формировать суды для рассмотрения других тяжких преступлений.

- Представительские и совещательные функции: Сенат был форумом, где озвучивались интересы столичной аристократии. Он обсуждал ключевые вопросы внутренней и внешней политики, а его председателем являлся префект (эпарх) Константинополя [2; с. 118]. Государственный совет (Священный консисторий).

Если Сенат представлял широкие круги аристократии, то Государственный совет (Консисторий) был узким рабочим органом при особе императора, настоящим правительством империи [1; с. 136]. Он возник в

IV веке как преемник совета принцепса римской эпохи и состоял из высших сановников империи, непосредственно отвечавших за управление государством. Название «консисторий» (от лат. consistere – «стоять вместе») связано с тем, что его члены стояли во время аудиенции у императора. В состав Консистория в разное время входили [4; с. 52]:

- Префект претория – высший гражданский администратор.
- Начальник дворца – отвечал за дворцовую администрацию, дипломатическую службу, почту и государственную безопасность.
- Квестор Священного дворца – верховный юрист и составитель законов, руководивший работой Консистория.
- Комит финансов и Комит частного имущества – управляли государственной казной и личным имуществом императора соответственно.
- Два комита войск – высшие военные командиры.

Консисторий был центральным исполнительно-распорядительным органом империи. Его полномочия были чрезвычайно широкими [3; с. 211]:

- Обсуждение всех важнейших государственных дел: внешняя политика, объявление войны и заключение мира, крупные административные назначения, финансовые вопросы, религиозная политика. Именно здесь прорабатывались детали практически всех ключевых решений.
- Подготовка законопроектов: Консисторий был основным органом, где разрабатывались и предварительно обсуждались будущие указы и законы, которые затем формально издавались императором.
- Высшая судебная инстанция: Консисторий функционировал как верховный суд империи, рассматривая апелляции и дела, имевшие огромный политический резонанс [5; с. 104].
- Координация деятельности всего государственного аппарата: члены Консистория, будучи руководителями ключевых ведомств, согласовывали здесь свои действия. В отличие от Сената, заседания Консистория были закрытыми, регулярными и носили сугубо практический, рабочий характер. Это был «мозговой центр» империи, чьё влияние напрямую зависело от воли императора [2; с. 121].

Сенат и Государственный совет не противостояли друг другу, а функционировали в разных плоскостях, дополняя друг друга. Сенат олицетворял традицию, преемственность и представительство элит. Он придавал решениям императора легитимность, демонстрируя согласие между монархом и правящим классом империи. Государственный совет был инструментом текущего оперативного управления. Он обеспечивал реализацию власти императора на практике, занимаясь повседневным администрированием [1; с. 140].

Оба института прошли сложный путь развития, тесно связанный с общей эволюцией византийской государственности [4; с. 55].

- Ранний период (IV–VII вв.): эпоха наибольшего влияния Сената и Консистория. Они были реальными участниками политического процесса в рамках позднеримской традиции.

- Средний период (VII–XI вв.): в результате реформ императоров Ираклия и Льва VI власть императоров-автократов упрочивается, а роль Сената последовательно снижается. Эдикт Льва VI прямо уничтожил закон, «приобщающий сенат к законодательству». Консисторий также трансформируется, но сохраняет своё значение как координационный центр [3; с. 215].

- Поздний период (XII–XV вв.): с утверждением династии Комнинов, выражавшей интересы провинциальной военной аристократии, Сенат практически перестаёт созываться. Его функции окончательно переходят к узкому кругу придворных и родственников императора. Консисторий как формальный орган также теряет значение, уступая место неформальным советам при монархе. К XIII веку Сенат окончательно прекратил своё существование как политический институт, разделив судьбу самой империи [5; с. 107].

Государственный строй Византии представлял собой сложный и сбалансированный механизм, в котором абсолютная власть императора-автократора поддерживалась двумя ключевыми институтами – Сенатом и Государственным советом [2; с. 124]. Сенат, будучи наследником римских республиканских традиций, обеспечивал связь с аристократией и легитимацию власти, выступая хранителем государственности. Государственный совет (Консисторий) выступал в роли рабочего правительства, осуществляя повседневное управление и подготовку решений. Их симбиоз, разделение функций и постоянное взаимодействие позволяли Византийской империи долгое время поддерживать стабильность, эффективно управлять огромной территорией и адаптироваться к вызовам времени [1; с. 144]. Эволюция этих институтов от реальных органов власти поздней Античности к церемониальным и почётным структурам средневековья наглядно отражает путь самой Византии – от Римской империи к средневековому христианскому государству, сумевшему сохранить римское правовое наследие и донести его до последующих эпох [4; с. 60].

Список цитируемой литературы:

1. Батыр, К.И., Исаев, И.А., Кнопов, Г.С. и др. История государства и права зарубежных стран: Учебник для бакалавров / Под ред. К.И. Батыра. – М.: Проспект, 2015. – 576 с.

2. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства: Учебник. – 3-е изд., доп. / В.Г. Графский. – М.: Норма, 2010. – 816 с.

3. Жидков, О.А., Крашенинникова, Н.А. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов. В 2-х ч. – Ч. 1. / О. А. Жидков, Н.А Крашенинникова. – М.: Норма, 2004. – 624 с.

4. Омельченко, О.А. Всеобщая история государства и права: Учебник. В 2-х т. – Т. 1. / О.А. Омельченко. – М.: ТОН-ПРИОР, 2000. – 528 с.

5. Прудников, М.Н. История государства и права зарубежных стран: Учебник для бакалавров. – 6-е изд., перераб. и доп. / М.Н. Прудников. – М.: Юрайт, 2015. – 811 с.

УДК 321.01

Багина Ульяна Алексеевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
uliana_koval6@mail.ru
Научный руководитель – Соловьева В. В., д-р ист. наук, проф.

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье раскрывается сущность функций государства как ключевой категории теории государства и права. Автор проводит многоаспектный анализ их признаков и содержания. Представлена развернутая классификация функций по основным критериям: сфера деятельности, продолжительность, ветви власти, значимость и характер воздействия на общество. Особое внимание уделяется эволюции функций под влиянием современных вызовов.

Ключевые слова: функции государства; классификация; внутренние функции, внешние функции; экономическая безопасность; государственное управление; правовое регулирование, социальное государство.

Категория «функции государства» является одной из фундаментальных в теории государства и права [2; с. 215]. Она позволяет не только описать, чем конкретно занимается государство для управления обществом, но и понять его сущность, социальное назначение и стратегические цели на конкретном историческом этапе. Изучение функций дает ключ к анализу эффективности всего государственного механизма, позволяет прогнозировать направления его развития и оцени-

вать адекватность правовой системы стоящим перед обществом задачам [4; с. 128]. В условиях глобализации, цифровой трансформации и обострения международных отношений вопрос о том, какие функции должно выполнять государство и как они должны эволюционировать, приобретает особую актуальность.

В юридической науке под функциями государства понимаются основные, социально обусловленные, направленные на достижение стратегических целей направления его деятельности, выражающие его классовую и общечеловеческую сущность и социальное назначение [5; с. 302]. Функции государства не следует отождествлять с функциями его отдельных органов или конкретными видами государственной деятельности. Они носят комплексный, собирательный характер и реализуются через совокупность действий всего государственного аппарата [3; с. 278]. Выделяют следующие ключевые признаки функций государства [6; с. 189]:

1. Устойчивость и объективная обусловленность. Функции – это не разовые мероприятия, а сложившаяся, постоянная и стабильная деятельность государства. Они обусловлены объективными потребностями общества (экономическими, культурными, экологическими) и не зависят от субъективной воли отдельных лиц.

2. Содержательная конкретность. Каждая функция имеет четко выраженное, специфическое содержание, которое отличает ее от других. Например, содержание экономической функции – регулирование рынка, а функции обороны – организация вооруженных сил.

3. Целенаправленность. Вся деятельность государства в рамках той или иной функции подчинена достижению определенной стратегической цели (например, повышение благосостояния народа, обеспечение национальной безопасности, защита прав и свобод).

4. Системность и комплексность. Все функции взаимосвязаны и взаимообусловлены, образуя единую систему. Невозможно эффективно развивать экономику без обеспечения правопорядка, а защищать окружающую среду – без международного сотрудничества.

5. Особая форма реализации. Функции государства осуществляются в специфических, установленных правом формах: правотворческой, правоприменительной, правоохранительной и организационной. Для их реализации используются разнообразные методы: убеждение, принуждение, поощрение, рекомендации.

Многообразие и сложность функций государства обуславливают необходимость их систематизации. Классификация проводится по различным научно обоснованным критериям, что позволяет всесторонне проанализировать государственную деятельность [4; с. 135].

1. По сфере государственной деятельности (основной объект воздействия). Это наиболее распространенная и практически значимая

классификация, позволяющая разделить функции на внутренние и внешние.

Внутренние функции – направлены на решение задач внутри страны. Например:

- Экономическая функция: выработка экономической политики, регулирование рыночных отношений (антимонопольное законодательство, таможенный контроль), управление государственной собственностью, поддержка стратегически важных отраслей, планирование бюджета [4; с. 140].

- Социальная функция: обеспечение высокого уровня жизни населения, защита семьи, материнства и детства, развитие системы здравоохранения, пенсионного обеспечения, поддержка безработных, жилищная политика. Эта функция является стержневой для социального государства [2; с. 228].

- Функция налогообложения и финансового контроля: установление и сбор налогов и сборов, формирование государственного бюджета, контроль за денежным обращением и деятельностью кредитных организаций [6; с. 195].

- Правоохранительная функция (охраны правопорядка): обеспечение верховенства закона, защита прав и свобод человека и гражданина, борьба с преступностью и иными правонарушениями. Реализуется органами суда, прокуратуры, полиции [3; с. 185].

- Функция развития культуры, науки и образования: государственная поддержка учреждений культуры, финансирование фундаментальной науки, формирование образовательных стандартов, сохранение историко-культурного наследия [1; с. 335].

Внешние функции – осуществляются за пределами страны, направлены на обеспечение ее интересов на международной арене.

- Функция обороны страны и обеспечения национальной безопасности: поддержание обороноспособности, организация вооруженных сил, защита государственного суверенитета и территориальной целостности, противодействие внешним угрозам (терроризм, шпионаж) [4; с. 145].

- Функция международного сотрудничества: участие в деятельности международных организаций (ООН, Совет Европы), заключение международных договоров, дипломатическая деятельность, разрешение глобальных проблем [5; с. 318].

- Функция интеграции в мировую экономику и сотрудничества в гуманитарной сфере: развитие внешней торговли, участие в международных экономических союзах (ВТО, ЕАЭС), культурный, научный и образовательный обмен [2; с. 235].

2. По продолжительности действия

- Постоянные функции: осуществляются на всех этапах развития государства (например, экономическая, социальная, правоохранительная). Их прекращение означало бы исчезновение самого государства [6; с. 192].

- Временные функции: носят краткосрочный характер и связаны с решением конкретной общественной задачи (например, функция ликвидации последствий крупного стихийного бедствия, функция проведения масштабной экономической реформы или функция подавления вооруженного мятежа). После выполнения задачи такая функция исчезает [4; с. 137].

3. По принципу разделения властей

- Законодательные функции: основная деятельность парламента – создание и изменение законов [3; с. 280].

- Исполнительные функции: организация исполнения законов, осуществляемая правительством и системой органов исполнительной власти [1; с. 325].

- Судебные функции: осуществление правосудия, разрешение юридических споров, защита права, конституционный контроль [5; с. 314].

4. По значимости и степени общности

- Основные функции: наиболее общие, важнейшие направления деятельности, характерные для большинства государств. Именно они раскрывают сущность и социальное назначение государства (экономическая, социальная, обороны) [4; с. 132].

- Вспомогательные (неосновные, производные) функции: более узкие, конкретные направления, которые служат средством реализации основных функций (например, функция стандартизации и сертификации продукции служит реализации экономической и социальной функций; функция паспортного контроля – реализации правоохранительной функции) [2; с. 221].

5. По влиянию на общество (по характеру государственного воздействия)

- Охранительные функции: направлены на защиту существующих общественных отношений, прав граждан, подавление сопротивления враждебных государству сил. К ним относятся правоохранительная функция, функция обороны [5; с. 307].

- Регулятивные функции: направлены на развитие и совершенствование общественных отношений, их динамику. Это экономическая функция, функция развития культуры и науки. Регулятивные функции нацелены на созидание, а охранительные – на защиту достигнутого [4; с. 139].

Содержание и приоритетность функций не являются застывшими. Они динамичны и изменяются вместе с обществом. На их эволюцию

влияют как внутренние факторы (экономические кризисы, изменения в социальной структуре, научно-технический прогресс), так и внешние (глобализация, международная безопасность, экологические угрозы). В XX-XXI веках ярко проявились следующие тенденции [2; с. 240]:

- Значительное усиление социальной функции, что связано со становлением модели социального государства.
- Появление и усиление экологической функции как ответ на глобальный экологический кризис.
- Рост значимости функции обеспечения информационной и экономической безопасности в условиях цифровизации и глобальных финансовых рынков.
- Усложнение функции международного сотрудничества, включение в нее новых аспектов: борьба с киберпреступностью, изменение климата, регулирование миграционных потоков.

Таким образом, функции государства представляют собой системообразующий элемент его деятельности, непосредственно вытекающий из его сущности и социального назначения. Многоаспектная классификация функций является мощным инструментом научного анализа, позволяющим глубоко и всесторонне изучить роль государства в жизни общества, оценить эффективность его механизма и определить вектор дальнейшего развития. Понимание функций государства – это ключ к грамотному построению государственного аппарата, созданию адекватной правовой системы и прогнозированию внутренней и внешней политики. В современном мире способность государства гибко адаптировать свои функции к новым вызовам становится залогом его устойчивости и конкурентоспособности.

Список цитируемой литературы:

1. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: Учебник / А.Б. Венгеров. – М.: Омега-Л, 2014. – 607 с.

2. Лазарев, В.В., Липень, С.В. Теория государства и права: Учебник / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Юрайт, 2018. – 521 с.

3. Марченко, М.Н. Теория государства и права: Учебник / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2017. – 648 с.

4. Морозова, Л.А. Теория государства и права: Учебник / Л.А. Морозова. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2019. – 336 с.

5. Радько, Т.Н. Теория государства и права: Учебник / Т.Н. Радько. – М.: Проспект, 2017. – 744 с.

6. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: Учебник / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 2017. – 432 с.

УДК 340.12

Башлаев Илья Андреевич,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
ilyabashlayev21@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Аннотация

В статье анализируется политическая и правовая мысль Древнего Китая в ее философском развитии – от конфуцианского этического идеализма до легистского правового реализма и даосского отрицания власти как формы насилия. Особое внимание уделено взаимодействию морали и закона как двух осей китайской цивилизации. Через анализ конфуцианства, легизма и даосизма выявляется стремление китайской философии к синтезу этического и юридического начал, где правление основано не на принуждении, а на соразмерности человека и космоса. Делается вывод, что политико-правовая культура Китая представляет собой уникальный тип духовно-нормативного государства, в котором закон подчинен нравственному идеалу и естественной гармонии.

Ключевые слова: политическая мысль Древнего Китая; философия права; конфуцианство; легизм; даосизм; гармония; мораль и закон; государство и человек; естественный порядок; космическая справедливость.

История китайской мысли – не просто летопись идей. Это хроника внутреннего поиска гармонии между властью и порядком, человеком и небом, законом и добродетелью. В Китае мысль развивалась в парадигме того, что мораль и право не противоположностями, а две стороны одного миропорядка.

В течение тысячелетий китайская политико-правовая традиция формировалась не вокруг понятия свободы, а вокруг понятия гармонии – согласия между всеми элементами бытия. Эта гармония мыслилась не как равновесие, а как правильное распределение ролей в мире, где каждый должен знать свое место. Идеалом был не бунтующий человек, а человек упорядоченный, «согласованный» с Небом и Государем.

Правовая система Китая имеет глубокие корни, берущие начало в Конфуцианстве, которое акцентирует внимание на моральных принципах и социальной гармонии. Традиционная правовая культура на протяжении веков основывалась на законах, регулирующих обще-

ственные отношения, однако не придавалась большого значения индивидуальным правам.

Учение Конфуция – не просто о добродетели – оно о правлении через пример, где нравственность правителя становится источником закона. Конфуций являлся сторонником патриархально-патерналистской концепции государства, уподобляя государство гигантской семье, где отец – царь, старшие братья – чиновники, младшие братья – работники.

Для Конфуция закон не имел как такового самостоятельного значения. Он рассматривал «ритуал» и «человечность» как подлинные регуляторы общественных отношений. Особое внимание Конфуция привлекала проблема идеального правителя, от которого, по мнению мыслителя, зависели благополучие, стабильность государства и социальный мир. Столь пристальное внимание к этой проблеме, очевидно, объяснялось тем, что конфуцианство представляло правителя своеобразным ретранслятором прошлого опыта в настоящее. Защищая интересы наследственной аристократии, конфуцианство, в духе древневосточных традиций, объявляло власть правителя (государя), священной, дарованной ему небом. По мнению древнекитайского философа, успешное управление во многом определяется моральными качествами того, кто стоит во главе государства. Государство должно было быть не аппаратом принуждения, а своеобразной школой нравственности. Власть, по Конфуцию, не господство, а служение долгу, проявление Небесного пути [5, с. 90].

Так в конфуцианстве оформилась идея этического легитимизма: правитель имеет право управлять только пока он добродетелен. Когда мораль теряется, власть становится узурпацией [1, с. 202]. Эта мысль, выраженная в понятии т.н. «Небесного мандата», заложила уникальную модель политической ответственности: власть не дана навсегда, она условна, и ее оправдание – моральное, а не юридическое.

Однако, китайская мысль никогда не была однородной. Противоположностью конфуцианской мягкости стал легизм – школа закона, возведшая в абсолют идею дисциплины и принуждения. Ее классик Шан Ян утверждал, что человек по природе эгоистичен, а потому государство должно управляться не примером, а страхом.

Легисты видели в законе не продолжение морали, а ее замену. Если конфуцианец полагал, что хороший человек не нуждается в наказании, легист считал, что только неотвратимость кары формирует послушание. Право в их понимании – не моральный кодекс, а инструмент власти, средство контроля за массами [4, с. 100].

В эпоху династии Цинь, когда легизм стал официальной идеологией, Китай превратился в первую централизованную империю. Жесткость законов обеспечила порядок, но ценой человеческой свободы. Так была достигнута «гармония» —гармония через страх.

Тем не менее, легизм оказал огромное влияние на дальнейшее развитие государственного права. Он утвердил принцип равенства всех перед законом (пусть и в авторитарной форме), разработал систему наказаний и поощрений, а также ввел идею, что сила государства держится не на морали, а на дисциплине.

На другом полюсе стояло даосское учение, представленное Лао-цзы и Чжуан-цзы, – философия, которая отвергала саму идею активного правления. Даосизм учил, что чем больше законов – тем меньше порядка.

Идеал государства, по Лао-цзы, – это «неуправляемое управление», когда правитель не вмешивается в естественный ход вещей, а люди живут в простоте и покое. Лао-цзы первым из древнекитайских мыслителей высказал мысль о том, что цивилизация, усложнение и усовершенствование жизни, изобретение орудий труда ведут человека к утрате первозданного совершенства, спокойствия и самоудовлетворенности, чреваты конфликтами и гибелью. Он противопоставлял культуру природе, убеждал, что «дао» и цивилизация несовместимы.

Даосская политическая мысль – это апология естественности против искусственности. Закон, по даосам, разрушает природную гармонию, ибо заставляет человека жить по внешней мере, а не по внутренней. Правление должно быть «пустым» – как пространство, которое не подавляет, а дает возможность течению жизни [3, с. 82].

Идеальное государство, в представлении идеологов даосизма, существует «незаметно» для его подданных. Идеальный правитель в даосской традиции должен править посредством «недеяния». Он «предоставляет все самому себе», но тем самым становится истинным, хотя и сокровенным, обретая необоримую силу воздействия.

Даосизм никогда не стал официальной доктриной, но оказал колоссальное влияние на культуру управления в Китае. Он смягчил жесткость легизма и стал своеобразным противоядием от бюрократического фанатизма [1, с. 203]. В китайской истории всегда существовало это равновесие: закон – от легистов, мораль – от конфуцианцев, а терпение – от даосов. При этом, даосизм в отличие от конфуцианства индивидуалистичен и мистичен. Его цель – личная праведность, духовное совершенствование, обращение к небесному идеалу.

В последующие века китайская мысль не противопоставляла эти традиции, а стремилась их соединить. Так возник конфуцианско-легистский синтез, определивший структуру власти империй Хань и Тан [3, с. 83].

Мораль должна направлять, закон – поддерживать. Конфуцианство воспитывает сознание, легизм регулирует поведение.

В этом соединении проявился китайский прагматизм: идеал правителя – не мудрец или тиран, а управляющий, способный сохранять

порядок без излишнего насилия. Закон здесь не абсолют, а инструмент поддержания гармонии, в которой каждая личность подчинена целому.

И хотя в европейской традиции такое подчинение часто воспринимается как отрицание свободы, для китайского народа – это не несвобода, а форма соучастия в космическом порядке. Там, где западный разум видит ограничение, восточная мысль видит меру.

Политическая и правовая мысль Древнего Китая – это не история борьбы за свободу, а история поиска моральной формы власти [1, с. 200]. В ней нет разделения на право и мораль, как в Европе; здесь закон – это выражение нравственного идеала, а нравственность – практическая форма права.

На сегодняшний день «правовая система Китая переживает период интенсивной трансформации, представляя собой сложный и динамичный симбиоз традиционных институтов и норм с быстро развивающейся современной правовой практикой. Это взаимодействие традиционных элементов, глубоко укоренившихся в китайской культуре и истории, с современными реалиями, диктуемыми глобализацией и экономическим ростом, создает уникальную правовую среду» [2, с. 32].

Древний Китай не создал правового государства в западном смысле, но создал государство морального долга. И именно поэтому его политико-правовая мысль остается актуальной – как напоминание, что сила закона измеряется не суровостью, а способностью сохранять внутреннюю гармонию мира.

Список цитируемой литературы:

1. Караев, Э.Т. Политическая и правовая мысль Древнего Китая : монография / Э. Т. Караев. – Москва : МАКС Пресс, 2021. – 553 с. – ISBN 978-5-317-06641-3.

2. Киселев, А.А. Особенности права Китая. Китайская правовая модернизация / А.А. Киселев, В.В. Соловьева // Новый юридический вестник. – 2025. – № 2 (44). – С. 30-33.

3. Левин, Д.Д. Очерк о политико-правовых учениях Древнего Китая / Д.Д. Левин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6 (234). – С. 81-84.

4. Панькина, С.А. О политико-правовой мысли Древнего Китая / С.А. Панькина // Вестник ИКИАТ. – 2008. – № 1 (16). – С. 99-102.

5. Сорокун, П.В. Политические и правовые учения в Древнем Китае / П.В. Сорокун, Е.Е. Яськова // Эпоха науки. – 2016. – № 8. – С. 88-92.

УДК 94(47)"1905"/321.7

Бикмухаметова Камилла Равилевна,
студент,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
город Уфа
KamBik2410@yandex.ru
Научный руководитель – Вильданов Р.Р., канд. полит. наук, доц.

МАНИФЕСТ ОТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА: ПРЕДПОСЫЛКИ, СОДЕРЖАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация

В статье проводится анализ исторических причин, побудивших Николая II издать Манифест 17 октября 1905 года. Исследуется сам документ и его ключевое значение для политической трансформации России в начале XX века.

Автор подробно рассматривает, как манифест ознаменовал завершение Первой русской революции, способствовал становлению конституционной монархии и оказал существенное влияние на последующие политические процессы в Российской империи.

Ключевые слова: Первая русская революция, Николай II, Октябрьский манифест, политическая реформа, Государственная дума, конституционная монархия.

Революция 1905-1907 годов стала поворотным пунктом в истории России, ознаменовав переход от неограниченной монархии к системе, где власть императора была ограничена. Ключевым документом, определившим ход революции, стал Манифест, изданный царем 17 октября 1905 года. Цель данной работы – проанализировать причины, приведшие к появлению этого документа, изучить его содержание и оценить его влияние на политическую жизнь России в конце XIX – начале XX веков [1, с. 36].

Начало революции было обусловлено глубокими проблемами в экономике и обществе. Быстрый рост рабочего класса в городах, недовольство крестьян земельным вопросом и национальные движения на окраинах империи создали напряженную обстановку. Протесты против существующего строя усилились после трагических событий января 1905 года, известных как "Кровавое воскресенье", которые привели к массовым забастовкам и демонстрациям [13, с. 82].

Особую роль сыграла Всероссийская октябрьская стачка, охватившая большую часть страны. Рабочие, железнодорожники и интеллигенция активно участвовали в протестах, что привело к параличу экономики и транспортной системы. В этой ситуации правительство было вы-

нуждено признать необходимость уступок и реформ. Император Николай II оказался перед выбором: подавить восстание силой или пойти навстречу требованиям народа. Под давлением обстоятельств император решил объявить о реформах, направленных на смягчение общественного недовольства и восстановление стабильности в стране [2, с. 115].

Манифест включал в себя два основных пункта: обещание императора предоставить населению основные права и свободы, а также создание выборного законодательного органа – Государственной думы. Основные положения Манифеста предусматривали: свободу вероисповедания, слова, собраний и союзов; невозможность принятия законов без одобрения представителей народа; участие народных избранников в принятии государственных решений. Эти меры представляли собой значительное ограничение самодержавия и введение элементов представительной демократии в России. Однако, император сохранял контроль над исполнительной властью и армией, что создавало предпосылки для будущих конфликтов и кризисов [3, с. 45]. Принятие Манифеста оказало значительное влияние на политическую арену России. Во-первых, он помог смягчить острый период Первой русской революции, уменьшив интенсивность народных протестов и позволив правительству восстановить контроль над ситуацией [6, с. 76]. Во-вторых, учреждение Государственной думы положило начало формированию в стране парламентской демократии, хотя полномочия Думы были существенно ограничены, а ее деятельность зависела от воли императора [4, С. 17].

Манифест 17 октября 1905 года – поворотный момент в российской истории начала XX века [7, с. 3]. Он знаменовал собой попытку переосмысления политического устройства страны и имел далеко идущие последствия. Рассмотрим его значение подробнее: снижение остроты революционного кризиса: Манифест стал своеобразным компромиссом, позволившим ослабить накал революционных выступлений, вызванных недовольством рабочих, крестьян и национальных меньшинств. Он послужил сигналом к возвращению к относительно нормальной жизни и восстановлению экономики. Ограничение власти монарха: Введение Государственной думы с правом законодательной инициативы стало первым шагом к ограничению самодержавной власти. Теперь император не мог единолично принимать законы, а должен был учитывать мнение народного представительства. Это стало официальным признанием необходимости разделения властей. провозглашение гражданских свобод: Манифест декларировал основные гражданские права, такие как свобода совести, слова, собраний и союзов. Это создало формальную основу для защиты прав граждан и дало им возможность выражать свое мнение и объединяться для защиты своих интересов, хотя на практике эти свободы были ограничены [2, с. 112].

Однако этот компромисс имел двойственный характер. С одной стороны, реформы создавали предпосылки для развития гражданского общества. С другой стороны, они укрепляли позиции бюрократического аппарата и сохраняли привилегии аристократии и крупного бизнеса. Вследствие этого, Манифест вызвал неоднозначную реакцию в обществе. Либералы приветствовали расширение гражданских свобод, в то время как радикалы считали эти шаги недостаточными и продолжали бороться за полную демократизацию и свержение монархии [3, с. 45].

Публикация Манифеста стала поворотным моментом в истории Российской империи. Она показала, что верхушка власти готова к диалогу с обществом, но при этом намерена сохранить основы самодержавного строя [8, с. 23]. Реформы, инициированные Манифестом, способствовали развитию легальной оппозиции и формированию активной общественности, которая требовала соблюдения законов и постепенных демократических преобразований [5, с. 50].

Манифест от 17 октября 1905 года стал символом переломного этапа в модернизации России. Его появление свидетельствовало о неспособности прежней системы управления справиться с вызовами индустриализации, урбанизации, ростом рабочего класса и социальным неравенством [8, с. 34]. Принятый в условиях глубокого кризиса, Манифест представлял собой попытку найти компромисс между сохранением традиционного порядка и внедрением элементов западной парламентской системы [9, с. 111].

Хотя некоторые историки считают Манифест вынужденной уступкой власти, его положительное влияние на развитие российского общества неоспоримо. Государственная дума, несмотря на ограничения конституционной монархии, стала площадкой для обсуждения важных вопросов, центром формирования новых идей и инициатив [4, с. 16].

Сергей Платонов, советский историк полагал, что Манифест был вынужденной мерой, принятой под влиянием общественного недовольства, и свидетельствовал о слабости царской власти. Александр Рабинович, американский исследователь утверждал, что Николай II пошел на реформы, опасаясь потерять контроль над страной. Владимир Булдаков - современный российский историк считает, что Манифест был вызван страхом царя и правительства потерять поддержку ключевых социальных групп, таких как армия и дворянство [12, с. 45].

А вот Борис Миронов - российский историк акцентировал внимание на положительном влиянии введения народного представительства и ограничения власти императора законом. Павел Милюков - Лидер партии кадетов видел в появлении Государственной думы возможность для выражения общественного мнения и вовлечения граждан в политику [10, с. 125].

Таким образом, несмотря на разные оценки, историки сходятся во мнении, что Государственная дума, хотя и с ограничениями, стала площадкой для обсуждения прогрессивных идей и сыграла важную роль в формировании общественного мнения. Это подчеркивает сложность исторической оценки и разнообразие взглядов среди исследователей.

Таким образом, Манифест от 17 октября 1905 года заложил фундамент для будущих изменений в государственном устройстве России, став отправной точкой для развития многопартийности, избирательных процессов и дискуссий о роли парламента в управлении страной. Тем не менее, многие проблемы, порожденные революционными выступлениями, остались нерешенными, что привело к новым волнениям и социальным конфликтам в последующие годы.

Анализ исторического опыта принятия Манифеста от 17 октября 1905 года демонстрирует сложный процесс поиска компромисса между устоявшимися традициями самодержавия и новыми реалиями российского общества начала XX века. Документ отражал попытку властей адаптироваться к массовому недовольству и предотвратить дальнейшее обострение конфликта. Несмотря на ограниченность проведенных преобразований, именно Манифест открыл дорогу к созданию новых государственных институтов и способствовал развитию политической культуры России [11, с. 56].

Политическое значение Манифеста заключается в его официальном признании существования общественных сил, которые должны были участвовать в принятии государственных решений. Однако неудовлетворенность значительной части общества ходом перемен привела к новому витку революционного кризиса спустя десятилетие. Таким образом, принятие Манифеста 17 октября является одним из ключевых моментов в истории России, определившим особенности перехода от традиционного режима к современному государству. Император Николай II, стремясь успокоить страну, пошел на значительные уступки, даровав гражданские свободы (совести, слова, собраний, союзов) и учредив Государственную думу. Это стало поворотным моментом во внутренней политике империи, ознаменовав начало трансформации самодержавия и расширения прав граждан.

Однако эти реформы оказались половинчатыми. Монарх сохранил значительную власть, включая право вето и контроль над исполнительной властью, что сильно урезало полномочия Думы. Это породило неэффективное сосуществование старой бюрократии и нового парламентского института, что привело к новым конфликтам [14, с. 183]. Более того, Манифест не затронул глубинные причины народных волнений – земельный, рабочий и национальный вопросы. Несоответствие реальных возможностей Думы ожиданиям народа вызвало разо-

чарование, подпитывая оппозиционные настроения и радикальные движения.

Таким образом, Манифест стал попыткой урегулировать социальные и национальные противоречия через ограниченные реформы. Создание Думы было важным шагом, но неспособность полностью реализовать конституционные принципы не позволила стабилизировать ситуацию и преодолеть нарастающие противоречия.

В конечном итоге, несмотря на позитивные аспекты, Манифест оставил нерешенными многие острые проблемы, заложив основу для будущих революционных потрясений 1917 года. Это демонстрирует важность поиска баланса между немедленными решениями и долгосрочной стабильностью государства.

Список цитируемой литературы:

1. Абрамова, О.В., Петрова А.А. Особенности влияния Октября 1905 г. на становление правового государства / О.В. Абрамова, А.А. Петрова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2023. – № 2. – С. 35–46.

2. Александров, Н.С. Российские либералы и проблема легитимации власти: историографический очерк / Н.С. Александров // Вопросы истории. – 2023. – № 4. – С. 112–125.

3. Баскаков, К.Н. Революционные события 1905–1907 гг.: взгляды историков XXI века / К.Н. Баскаков // Отечественная история. – 2023. – Т. 34. № 2. – С. 43–54.

4. Васильева, Е.М. Становление парламентских традиций в Российской империи: государственно-правовые аспекты (на примере периода 1905–1917 гг.) / Е.М. Васильева // Вестник Пермского университета. Право. – 2024. – № 1. – С. 15–28.

5. Вильданов, Р. Р. Парламент и парламентское представительство / Р.Р. Вильданов // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2012. – № 10. – С. 050-056. – EDN SWLSLT.

6. Вильданов, Р. Р. Представительный орган власти в Российской империи: проекты XIX - начала XX в / Р.Р. Вильданов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 4(20). – С. 75–77. – EDN PJZEZB.

7. Вильданов, Р. Р. Тенденции развития парламентаризма в дореволюционной и постсоветской России: сравнительный анализ / Р.Р. Вильданов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2009. – № 18. – С. 3. – EDN KZTOHT.

8. Гордеев, Р.П. Конституция Российской империи 1906 г.: мифы и реальность / Р.П. Гордеев // Ученые записки Казанского федерального университета. – 2024. – Т. 156. № 1. – С. 22–34.

9. Демидов, Ю.И. Реформы и контрреформы эпохи правления Николая II: историко-политологический анализ / Ю.И.Демидов // Проблемы современной науки и образования. – 2024. – № 12. – С. 110–119.

10. Егоров, Ф.Ю. Идеология русского консерватизма в эпоху революций начала XX века / Ф.Ю. Егоров // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 3. – С. 124–135.

11. Иванов, В.Г. Российская империя накануне революции: правовая культура и общественное сознание/ В.Г. Иванов // Россия и мир: диалог культур. – 2025. – № 1. – С. 55–66.

12. Карпов, Я.Б. Проблема национальной идентификации в российском обществе начала XX века / Я.Б.Карпов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – 2025. – № 1. – С. 34–45.

13. Кузнецов, П.Е. Русская революция 1905–1907 гг.: новейшие исследования отечественных ученых / П.Е.Кузнецов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2025. – Т. 28. № 2. – С. 78–92.

14. Reforming the System of the Russian Empire State Structure to Increase the Management Efficiency in the Context of Parliamentarism // 2020 International Conference on Economics, Business and Management Innovation (ICEBMI 2020), Dalian, 23–24 мая 2020 года. – Dalian, 2020. – P. 182–185.

УДК 340

Болдышева Д. В.,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
boldyshevad@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ (VI — НАЧ. XVIII В.)

Аннотация

В данной статье рассматривается периодизация истории Японии с VI до начала XVIII века. Выделены и проанализированы ключевые исторические периоды, характеризующиеся значительными трансформациями в политической, социальной и культурной жизни японского государства. Определены основные вехи каждого периода, оказавшие

влияние на формирование уникальной японской государственности. Особое внимание уделено процессу становления централизованного государства, эволюции системы управления, трансформации социальной структуры и развитию культурных парадигм.

Ключевые слова: Япония, периодизация, Асука, Нара, Хэйан, сёгунат Камакура, Муромати, Адзути-Момояма, Эдо, император, сёгун, самураи, буддизм, реформы Тайка, кодекс бусидо.

Периодизация истории Японии является фундаментальной основой для понимания последовательности и специфики её исторического развития. Временной отрезок с VI по начало XVIII века охватывает эпоху становления централизованного государства, расцвета аристократической культуры, установления военного правления и формирования стабильного общества при тотальном контроле со стороны сёгуната. Данный хронологический рамки позволяют проследить ключевой трансформационный путь Японии от разрозненных клановых объединений до строго структурированного феодального общества со сложной системой управления. Целью статьи является системный анализ основных этапов японской истории, выделение их определяющих характеристик и преемственности между ними. Методологическую основу работы составили принципы историзма, системности и сравнительного анализа.

Данный период ознаменован проникновением в Японию буддизма, который оказал глубокое влияние на культуру, искусство и государственную идеологию [3, с. 45]. Официальное принятие буддизма в 552 году (по другим данным – в 538) стало поворотным моментом, вызвавшим ожесточенную борьбу между сторонниками традиционных верований (синто) и приверженцами новой религии. Происходит активное заимствование китайских моделей государственного управления, письменности и законодательства. Принц Сётоку-тайси (574–622) сыграл ключевую роль в этом процессе, создав «Закон из семнадцати статей» (604 г.) – морально-этический кодекс для чиновников и аристократии, провозглашавший верховенство императорской власти и необходимость строгой иерархии в обществе.

Важнейшим событием эпохи стали Реформы Тайка (645 г.), инициированные императором Котоку и принцем Накано-Оэ. Эти реформы закрепили переход к централизованной государственной системе (рицурё) по китайскому образцу. Была утверждена верховная собственность императора на всю землю, ликвидирована частная собственность на землю могущественных кланов (годзоку), введено единое административное деление на провинции (куни) и уезды (коори). Население было поделено на податные дворы (ко), а вся страна – на столичный регион (кинай) и периферийные провинции. Началось активное строитель-

ство буддийских храмов (таких как Хорю-дзи), которые стали не только религиозными, но и культурно-политическими центрами.

В 710 году была основана первая постоянная столица государства – Хэйдзё-кё (современная Нара), построенная по строгой сеточной планировке по образцу китайской столицы Чанъань. Это событие символизировало окончательное укрепление центральной власти и завершение процесса формирования раннефеодального государства [4, с. 112]. В этот период были составлены и кодифицированы первые официальные исторические хроники – «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (720 г.), призванные идеологически обосновать божественное происхождение императорской династии и легитимизировать её власть.

Продолжалось активное строительство буддийских храмов, самым крупным из которых стал храм Тодай-дзи с гигантской бронзовой статуей Будды Вайрочаны (Дайбуцу), освященной в 752 году. Буддийская церковь, возглавляемая монахом Гёмэй, стала мощной политической и экономической силой.

Однако растущее политическое и экономическое влияние буддийских монастырей в столице, особенно рода Фудзивара, а также непрекращающаяся борьба за власть при дворе вынудили императорский двор перенести столицу в Хэйан-кё (современный Киото) в 794 году, что положило конец эпохе Нара.

Эпоха Хэйан (794 – 1185 гг.), продлившаяся почти четыре столетия, считается золотым веком японской аристократической культуры. Формальная власть оставалась в руках императора (тэнно), однако реальное управление постепенно перешло к аристократическому роду Фудзивара, устанавливавшему родственные связи с императорской семьёй через институт регентства (сэссё и кампаку) [2, с. 78]. Сложилась уникальная и утонченная придворная культура, ориентированная на эстетические принципы моно-но аварэ (печальное очарование вещей). Была создана собственная слоговая азбука (кана), что способствовало расцвету национальной литературы: «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу, «Записки у изголовья» Сэй-Сёнагон.

Вдали от столицы формировалось сословие профессиональных воинов – самураев (буси), которые находились на службе у аристократических кланов и губернаторов провинций для поддержания порядка и защиты частных владений (сёэнов). К концу периода слабость центрального правительства и отрыв столичной аристократии от реальных проблем страны привели к серии вооружённых конфликтов между ведущими самурайскими кланами, прежде всего Тайра (Хэйкэ) и Минамото (Гэндзи). Кульминацией этой борьбы стала война Тайра и Минамото (Гэмпейская война 1180–1185 гг.), завершившаяся победой Минамото и установлением военного правления.

После победы в Гэмпейской войне Минамото но Ёритомо установил в Камакуре (1185 – 1333 гг.), вдали от императорского двора, первый сёгунат – военное правительство (бакуфу), оставившее императору в Киото лишь символические, религиозно-церемониальные функции [6, с. 201]. В 1192 году Ёритомо получил титул сэйи-тайсёгун («великий полководец, покоряющий варваров»), что юридически оформило новую политическую систему. Была введена система вассалитета, при которой самураи (гокэнин) получали земельные наделы (сёэны) или должности (дзито) за верную службу сёгуну.

В 1274 и 1281 годах Япония успешно отразила монгольские вторжения армий Хубилай-хана. Победа была достигнута как благодаря мужеству самураев, так и вследствие тайфунов («камикадзе» – божественный ветер), которые разрушили монгольский флот. Хотя вторжения были отражены, это подорвало экономику сёгуната, который не мог вознаградить своих вассалов за службу из-за отсутствия новых завоеванных земель. Внутренние противоречия и недовольство самураев привели к падению Камакурского сёгуната после восстания императора Го-Дайго (Реставрация Кэмму, 1333–1336 гг.).

Сёгун Асикага Такаудзи, поддержавший, а затем предавший императора Го-Дайго, перенёс ставку военного правительства в район Муромати (1336 – 1573 гг.) в Киото. Эпоха характеризуется расцветом традиционных японских искусств под влиянием дзэн-буддизма: чайная церемония (садо), театр (под патронажем сёгуна Асикага Ёсимицу), живопись тушью (суми-э), искусство аранжировки цветов (икебана) [3, с. 145]. Однако центральная власть сёгунов Асикага была слабой на протяжении всего периода.

В середине XV века слабость центральной власти привела к масштабной феодальной междоусобице – Войне годов Онин (1467–1477). За ней последовал столетний период Сэнгоку Дзидай – «Эпоха воюющих провинций» (сэнгоку дзидай), когда страна фактически распалась на враждующие княжества, управляемые даймё – военными феодалами, которые вели постоянные войны за землю и ресурсы. Именно в эту эпоху произошло первое активное проникновение европейцев в Японию (появление португальцев в 1543 году) и распространение огнестрельного оружия.

Период Адзути-Момояма (1573 – 1603 гг.) был коротким, но переломным моментом объединения страны после длительной раздробленности. Его инициаторами выступили три выдающихся военачальника, известные как «три объединителя Японии»: Ода Нобунага (1534–1582), Тоётоми Хидэёси (1537–1598) и Токугава Иэясу (1543–1616). Нобунага, известный своей безжалостностью и инновационной тактикой с применением мушкетов, силой оружия начал процесс унифика-

ции, сокрушая могущественные буддийские монастыри (такие как Энряку-дзи) и побеждая соперников даймё [4, с. 234].

Хидэёси, выходец из крестьян, завершил объединение, подчинив своей власти западные кланы. Он провел общенациональную «охоту за мечами» (катана-гари) 1588 года, чтобы разоружить крестьянство и чётко отделить сословие самураев. Были организованы масштабные земельные кадастровые опросы (кэмти) для систематизации налогообложения. После смерти Хидэёси и битвы при Сэкигахара (1600 г.) власть перешла к Токугава Иэясу, который основал новый, долговечный сёгунат.

Основатель сёгуната Токугава Иэясу окончательно централизовал власть и установил жёсткий контроль над всей страной. Столица сёгуната была перенесена в Эдо (1603 – 1868 гг., современный Токио). Общество было законодательно разделено на четыре сословия (си-но-ко-сё): самураи (си), крестьяне (но), ремесленники (ко) и купцы (сё), с жесткими социальными лифтами. Была проведена политика изоляции страны (сакоку), практически полностью ограничившая контакты с внешним миром, за исключением голландской и китайской факторий в Нагасаки [6, с. 305].

К началу XVIII века, в правление сёгуна Токугава Цунаёси («Собачий сёгун»), в Японии установился длительный мир, способствовавший экономическому росту, развитию городов (Эдо, Осака, Киото) и формированию уникальной городской культуры (театр кабуки, гравюры укиё-э, поэзия хайку). Однако именно в этот период начали проявляться и системные противоречия: обнищание самурайства, ростовщичество и богатство купеческого сословия, голод в деревнях, что впоследствии привело к кризису системы сёгуната.

Таким образом, периодизация истории Японии с VI по начало XVIII века демонстрирует сложную и многогранную эволюцию от заимствования иностранных моделей управления к созданию уникальной системы военно-феодального государства (сёгуната). Каждый из выделенных периодов – Асука, Нара, Хэйан, Камакура, Муромати, Адзути-Момояма и Эдо – внёс свой неоспоримый вклад в формирование политических, социальных и культурных институтов, которые определили дальнейший путь развития Японии. Сквозными линиями этого развития стали: централизация и последующая феодальная раздробленность; формирование и кодификация сословия воинов-самураев; сложное взаимодействие между сакральной властью императора и реальной властью сёгуна; динамичное развитие национальной культуры, синтезирующей заимствования и собственные традиции. К началу XVIII века Япония подошла в виде стабильного, но закрытого общества со строгой социальной иерархией, стоявшего на пороге новых исторических вызовов.

Список цитируемой литературы:

1. Лещенко, Н.Ф. Япония в эпоху Токугава / Н.Ф. Лещенко. – М. Крафт, 2010. – 344 с.
2. Мещеряков, А.Н. Древняя Япония: культура и текст / А.Н. Мещеряков. – М.: Наука, 1991. – 245 с.
3. Пасков, С.А. Япония в раннее Средневековье / С.А. Пасков. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 320 с.
4. Тёрнбулл, С. Самураи. Военная история / С. Тёрнбулл. – М.: Эксмо, 2013. – 412 с.
5. Толстогузов, А.А. История Японии с древнейших времен до наших дней / А.А. Толстогузов. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. – 704 с.
6. Халл, Д.С. История Японии / Д.С. Халл. – М.: АСТ, 2020. – 576 с.

УДК 340

Болдышева Д. В.,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
boldyshevad@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ТИПА И ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В данной статье проводится комплексный анализ одной из фундаментальных категорий теории государства и права – формы государства. Детально исследуется её структура, включающая форму правления, форму государственного устройства и политический режим. Раскрывается содержание основных видов каждой из структурных компонент. Особое внимание уделяется проблеме соотношения типа и формы государства, анализу их диалектической взаимосвязи, взаимовлияния и относительной самостоятельности. Материал основан на анализе трудов ведущих отечественных теоретиков государства и права.

Ключевые слова: форма государства, форма правления, форма государственного устройства, политический режим, тип государства, монархия, республика, унитарное государство, федерация, демократия.

Понятие формы государства является центральным в теории государства и права, поскольку оно позволяет системно охарактеризовать организацию верховной власти в обществе, её устройство и методы функционирования. Форма государства отвечает на вопросы о том, как создаются и взаимодействуют высшие органы власти, как территориально организовано государство и какими способами осуществляется управление обществом. Изучение данного понятия имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как адекватная государственная форма способствует политической стабильности, экономическому развитию и эффективному решению социальных задач. Целью настоящей статьи является систематизация научных знаний о структуре формы государства и выявление характера взаимосвязи между типом и формой государства.

В научной литературе под формой государства понимается сложное общественное явление, которое включает в себя три взаимосвязанных элемента: форму правления, форму государственного устройства и политический режим [4, с. 245]. Именно совокупность этих характеристик даёт целостное представление о том, как устроена государственная власть.

Форма правления определяет порядок формирования и организации высших органов государственной власти, их взаимоотношения друг с другом и с населением. Это ведущий элемент в структуре формы государства, так как он характеризует источник власти и её носителя.

Исторически и теоретически сложились две основные формы правления: 1) монархия – форма правления, при которой верховная государственная власть полностью или частично сосредоточена в руках единоличного главы государства – монарха (короля, императора, султана). Власть монарха, как правило, является пожизненной и передаётся по наследству. Монархии подразделяются на: а) абсолютные, где власть монарха ничем не ограничена (например, Саудовская Аравия, Катар); б) ограниченные (конституционные), где полномочия монарха ограничены конституцией или представительным органом власти – парламентом (например, Великобритания, Япония, Швеция). В парламентских монархиях власть монарха носит в значительной степени представительский характер, а реальное управление осуществляется правительством, ответственным перед парламентом [3, с. 112-115]. 2) Республика – форма правления, при которой высшие органы государственной власти избираются населением на определённый срок. Республика основана на принципах народного суверенитета, выборности и сменяемости власти. В зависимости от того, кто формирует правительство и перед кем оно ответственно, различают: а) президентские республики (США, Бразилия). Характерно жёсткое разделение властей: президент является главой государства и правительства, из-

бирается населением и не зависит от парламента, не имеет права его роспуска; б) парламентские республики (Германия, Италия, Индия). Правительство формируется парламентом из представителей победившей на выборах партии (коалиции партий) и несёт перед ним политическую ответственность. Роль президента, как правило, номинальна; в) смешанные (полупрезидентские) республики (Франция, Россия). Сочетают в себе элементы обеих моделей: президент, избираемый народом, обладает значительными полномочиями, но существует и правительство, ответственное перед парламентом [5, с. 78-82].

Форма государственного устройства отражает национально-территориальную структуру государства, характер взаимоотношений между центральной властью и его составными частями.

Выделяют следующие основные формы: 1) унитарное государство – это единое, централизованное государство, состоящее из административно-территориальных единиц (областей, провинций, департаментов), которые не обладают признаками государственного суверенитета. Для унитарного государства характерны: единая система высших органов власти, единая конституция и правовая система, единое гражданство, единая денежная единица (например, Франция, Китай, Польша) [4, с. 258]; 2) федерация – это сложное, союзное государство, части которого (субъекты федерации: земли, штаты, кантоны, республики) обладают определённой политической самостоятельностью. Признаками федерации являются: двухуровневая система органов государственной власти (федеральные и субъектов федерации), двухпалатная структура парламента, разграничение предметов ведения и полномочий между центром и субъектами, наличие у субъектов собственных конституций (уставов) и законодательства (например, Российская Федерация, США, ФРГ, Бразилия) [6, с. 145]; 3) конфедерация – это временный союз суверенных государств, созданный для достижения конкретных политических, военных или экономических целей. Органы конфедерации не обладают прямой властью над гражданами государств-членов, их решения требуют ратификации национальными парламентами. Конфедерация является неустойчивой формой и обычно либо распадается, либо трансформируется в федерацию (исторические примеры: США до 1789 г., Швейцария до 1848 г., современный пример – Европейский Союз, обладающий некоторыми чертами конфедерации) [5, с. 90].

Политический (государственно-правовой) режим – это совокупность методов и способов осуществления государственной власти, отражающая уровень политической свободы в обществе и правовое положение личности.

Принято выделять два основных типа политического режима: 1) демократический режим характеризуется следующими признаками:

народ является источником власти (народный суверенитет); наличие выборности и сменяемости органов власти; политический плюрализм и многопартийность; разделение властей; гарантированность прав и свобод человека и гражданина; верховенство права и независимый суд [7, с. 201]; 2) антидемократический режим, в свою очередь, подразделяется на: а) тоталитарный – государство осуществляет тотальный контроль над всеми сферами жизни общества, власть сосредоточена в руках одной партии или группировки, господствует одна идеология, права и свободы человека носят декларативный характер, оппозиция подавляется (примеры: нацистская Германия, СССР периода сталинизма); б) авторитарный – власть сконцентрирована в руках одного лица или группы, однако допускается определённый плюрализм в неполитических сферах (экономика, культура), права человека ограничены, но не тотально, методы управления сочетают принуждение с популизмом (примеры: многие военные диктатуры, современная Беларусь) [6, с. 165-168].

Проблема соотношения типа и формы государства является одной из ключевых в теории государства. Под типом государства понимается совокупность наиболее общих, устойчивых черт, характеризующих государство на определённой ступени его исторического развития и раскрывающих его классовую сущность, социальное назначение и экономическую основу.

В отечественной науке долгое время господствовал формационный подход (К. Маркс), выделявший следующие исторические типы государств: рабовладельческое, феодальное, буржуазное и социалистическое. В рамках этого подхода тип государства определялся господствующим способом производства и интересами экономически господствующего класса.

Существует также цивилизационный подход (А. Тойнби, У. Ростоу), который предлагает более многомерную типологию, основанную на духовных, культурных, религиозных и технологических факторах развития общества.

Между типом и формой государства существует тесная, но не жёсткая и неоднозначная связь. С одной стороны, тип государства в значительной степени предопределяет круг возможных форм. Это обусловлено тем, что экономический базис и социальная структура общества диктуют определённые рамки для организации власти. Например, для рабовладельческого типа были характерны деспотические монархии и аристократические республики (Древний Рим); для феодального – сословно-представительные монархии и абсолютные монархии; для буржуазного – республиканские формы правления и демократические режимы, наиболее адекватно отражающие принципы равенства и свободы, необходимые для развития рыночных отношений.

С другой стороны, форма государства обладает относительной самостоятельностью. Это означает, что государства одного и того же типа могут иметь различные формы. Так, современные буржуазные (демократические) государства существуют в виде президентских (США) и парламентских (Германия) республик, конституционных монархий (Великобритания, Испания), являются унитарными (Франция) или федеративными (Канада, Австралия).

Эта вариативность объясняется действием целого ряда факторов, не связанных напрямую с типом государства: 1. Исторические традиции и преемственность. Нация, имеющая длительную монархическую историю, даже переходя к буржуазному строю, может сохранить монархию как символ национального единства (Великобритания, Япония). 2. Национальный и этнический состав населения. Многонациональные страны с крупными территориями чаще склоняются к федеративной форме устройства (Россия, Индия), в то время как мононациональные – к унитарной (Польша, Венгрия). 3. Уровень политической и правовой культуры общества. Высокий уровень гражданского самосознания является питательной средой для демократических режимов. 4. Влияние международной обстановки и внешнеполитических факторов. Победа в войне, влияние более мощных держав могут навязать той или иной стране определённую форму правления или режим. 5. Случайные факторы (роль политических лидеров, особенности политической борьбы).

Таким образом, тип государства задаёт общее направление в выборе формы, но конкретное её воплощение является результатом сложного переплетения объективных и субъективных факторов. Форма государства, обладая собственной структурой, является внешним выражением его типа, но обладает и значительной степенью самостоятельности, что и обуславливает богатое многообразие государственных форм в современном мире.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Форма государства – это сложная, многогранная категория, структура которой включает форму правления, форму государственного устройства и политический режим. Каждый из этих элементов имеет собственную классификацию и характеризует организацию государственной власти с разных сторон. Соотношение типа и формы государства носит диалектический характер: тип государства, определяемый его социально-экономической сущностью, создаёт объективные предпосылки для развития определённых форм, но не предопределяет их жёстко. Относительная самостоятельность формы государства, обусловленная историческими, национальными, культурными и иными факторами, приводит к тому, что в рамках одного типа государства возможно существование самых разных его форм. Понимание этой взаимосвязи имеет огромное

значение для прогнозирования политического развития государств и анализа их современных политических систем.

Список цитируемой литературы:

1. Алексеев, С.С. Теория государства и права: учебник для вузов / С.С. Алексеев. – М.: Норма, 2019. – 576 с.

2. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: учебник / А.Б. Венгеров. – М.: Омега-Л, 2020. – 608 с.

3. Лазарев, В.В. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Юрайт, 2022. – 524 с.

4. Марченко, М.Н. Теория государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2021. – 656 с.

5. Морозова, Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. – М.: Норма, 2023. – 464 с.

6. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Дело, 2021. – 528 с.

7. Рассолов, М.М. Теория государства и права: учебник для вузов / М.М. Рассолов. – М.: Юрайт, 2022. – 447 с.

УДК 340.12

Вишнякова Виктория Андреевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
vva0711@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ УЧЕНИЕ Т. ГОББСА

Аннотация

В статье рассматривается вопросы, отражающиеся в политико-правовом учении Томаса Гоббса, включающие в себя позицию философа о естественном праве, общественном договоре, форме государства и правах человека, сосредоточенные в его знаменитом произведении «Левиафан». Эти вопросы связаны с попыткой рационального обоснования государства через призму человеческой природы, естественного права и общественного договора. Автором дается характеристика философскому наследию ученого и его значения для политических и правовых учений иных видных деятелей в области договорного устройства государства.

Ключевые слова: Томас Гоббс, Левиафан, общественный договор, война всех против всех, свобода, суверенитет, естественное состояние, суверен, государство, политико-правовые учения, неограниченная власть.

Политико-правовые учения Томаса Гоббса, одного из основателей современной политической философии, сформировались в переломную эпоху Английской революции и гражданской войны. Главные труды английского философа, особенно «Левиафан», написанный им в 1651 году, представляют собой целостную и логически стройную систему, направленную на обоснование необходимости сильной государственной власти.

Исходным пунктом учения Гоббса является его антропология и концепция «естественного состояния», исходя из которой, человек пытается сохранить собственную жизнь и находиться в безопасности в контексте данной концепции. Согласно Гоббсу, от природы все люди равны в своих физических и умственных способностях, а также эгоистичны, что приводит к отсутствию справедливости и законности. Данное замечание он отражает непосредственно в своем труде под названием «Левиафан» [1, с. 24]. Главным двигателем человеческого поведения является «стремление к власти» – желание сохранить себя и получить средства для благополучной жизни. В отсутствие верховной власти, которая бы всех держала в страхе, это естественное состояние превращается в «войну всех против всех». В таком состоянии нет места понятиям справедливости и несправедливости, нет собственности, законов, искусств и культуры. Жизнь человека здесь «одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна». Этот мрачный вывод приводит Гоббса к главному вопросу: как возможно общество и порядок?

Выход из порочного круга естественного состояния Гоббс видит в действии естественного разума, который диктует людям условия для установления мира – так называемые «естественные законы», призванные установить императив на пагубные действия во благо как всего общества, так и одного человека. Первый и главный из них гласит: необходимо стремиться к миру, а если его нельзя достичь – использовать все преимущества войны. Второй закон вытекает из первого: каждый должен быть готов отказаться от своего права на все в той мере, в какой этого требуют интересы мира и самозащиты, довольствуясь той степенью свободы по отношению к другим, которую он допустил бы у других по отношению к себе. Ключевым механизмом реализации этого отказа является «общественный договор» [4, с. 72].

Имея большой запас знаний в богословии, Т. Гоббс намерено дал название государству, как существу, созданному человеком имя библей-

ского чудовища. За счет того, что Т. Гоббс видел наиболее идеальной формой государственного устройства монархию с неограниченной властью, он признавал за государством всеобъемлющее могущество. Это могущество должно быть в какой-то мере связано с насилием, а человек не может ему противится, по причине того, что добровольно вступил в договорные отношения и участвовал в создании государства. Согласно теории Гоббса, единственным способом преодоления естественного хаоса является добровольное соглашение, которым выступает общественный договор. В его рамках индивиды отказываются от своей неограниченной свободы в пользу суверена, чья абсолютная власть становится гарантом коллективной безопасности и социальной стабильности. Государство понимается философом как искусственное образование, механизм, созданный для подавления анархичного поведения его жителей и поддержания гражданского мира через единую систему принуждения и законодательных актов. Эта система обязательна для всех без исключения. Чтобы быть эффективным, суверен должен обладать неделимым и неограниченным контролем над всеми функциями власти – законодательной, исполнительной и судебной. Только такая тотальная власть, по мнению Гоббса, способна предотвратить скатывание общества назад, к ужасающему состоянию «войны всех против всех».

Как было отражено выше, люди, проживающие в государстве, добровольно и взаимно соглашаются передать все свои естественные права и всю свою власть одному лицу или собранию, которое будет представлять их интересы. Так рождается великий Левиафан – государство, «смертный бог», которому они обязаны своим миром и защитой. Эта верховная власть, суверен, и есть государство. Т. Гоббс провозглашает принцип неотчуждаемости и неделимости власти в государстве. Однажды заключив договор с сувереном, подданные уже не имеют права его расторгнуть. Они не могут, не нарушив при этом справедливости, упразднить верховную власть, изменить форму правления, наказывать суверена, осуждать его действия и т.д. Гоббс выступает последовательным сторонником абсолютного суверенитета. Власть суверена неделима, непередаваема и безусловна. Она стоит выше всех законов, поскольку сама является их источником. Любые попытки ограничить власть суверена (например, разделением властей или ссылками на «права подданных») ведут, по мнению Гоббса, к распаду государства и возврату к хаосу естественного состояния.

Стоит также отметить и то, что власть суверена носит светский характер. Гоббс подчиняет церковь государству, утверждая, что именно суверен определяет, какие доктрины и религиозные догмы допустимы для поддержания гражданского мира. Это была радикальная для своего времени идея, подрывавшая притязания церкви на власть.

Право в теории Гоббса – это приказ суверена («закон есть закон»). Справедливость и несправедливость возникают только с установлением государственной власти и её законов. До этого, в естественном состоянии, о них говорить бессмысленно. Таким образом, право творится государством и является инструментом поддержания порядка. Т. Гоббс проводит фундаментальное разграничение между правом и законом. Естественные законы, имеющие характер моральных предписаний, обретают обязательную юридическую силу только будучи санкционированными государством в качестве позитивных установлений. Тем самым Гоббс обосновывает базовый принцип юридического позитивизма: источником легитимности и справедливости закона является не абстрактные высшие моральные установки, а воля суверена, являющегося верховной властью, персонифицированного в фигуре «Левиафана».

Несмотря на существующую модель возникновения государства, исходя из теории общественного договора, видные мыслители сильно расходятся в сущности данного подхода [5, с. 43].

Так, Томас Гоббс видел в договоре способ спасения от всеобщего хаоса. Его государство-Левиафан выступает в качестве «смертного бога», чья тирания лучше ужасов, происходящих в связи с наступлением гражданской войны. Его суждения выступают обоснованием абсолютизма.

Другой видный деятель, а именно Джон Локк видел в договоре способ гарантии свободы и собственности. Его государство выступает в качестве «ночного сторожа», является слугой общества, чья власть строго ограничивается целью его защиты. Данный мыслитель в своих суждения находит обоснование либерализма и конституционализма.

Третий видный представитель теории общественного договора – Жан-Жак Руссо. В своем понимании он видел в договоре способ нравственного преображения человека. Его государство – это форма ассоциации, где индивид, подчиняясь общей воле, обретает подлинную свободу. Это обоснование прямой демократии и республиканизма, но с потенциальным уклоном в тоталитаризм (поскольку «общая воля» может не считаться с волей отдельных индивидов).

Политико-правовое учение Томаса Гоббса стало классическим обоснованием абсолютизма. Его главная заслуга – в создании светской, рационалистической теории государства, выводящей власть не из божественного происхождения, а из человеческой природы и разума. Несмотря на критику за оправдание тирании, его идеи о естественных правах, общественном договоре и роли государства как гаранта безопасности и порядка оказали огромное влияние на последующее развитие западной политической мысли, подготовив почву как для теорий либерализма (через переосмысление идеи договора), так и для этатистских доктрин [2, с. 83]. Таким образом, Гоббс закладывает основы юридического

позитивизма, утверждая, что законность определяется исключительно волей суверена, а не высшими принципами. Ключевой целью созданного государства является гарантия безопасности и порядка, что оправдывает его неограниченный характер в учении философа.

Список цитируемой литературы:

1. Вражнова А.С. Теория общественного договора в «Левиафане» Томаса Гоббса / А.С. Вражнова, Д.А. Царев // Время науки – The Times of Science. – 2016. – № 3. – С. 19-25.

2. Длугач, Б.Т. От Левиафана к гражданскому обществу / Б.Т. Длугач // Историко-философский ежегодник. – 2020. – № 35. – С. 77–100.

3. Ермолов, И.О. Учение Томаса Гоббса о естественном праве, договорном учреждении государства и абсолютности власти государства / И.О. Ермолов, В.В. Соловьева // Научный Лидер. – 2025. – № 8(209). – С. 98-99.

4. Паняшин, А.А. Влияние контекста английской революции XVII века на политико-правовое учение Томаса Гоббса. К вопросу об историчности концепции и взглядов мыслителя / А.А. Паняшин // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2022. – № 3(76). – С. 70–78.

5. Фролова, Е.А. Из истории философии права: Т. Гоббс о государстве и праве / Е.А. Фролова, Е.А. Тощенко // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 6(186). – С. 42–44.

УДК 340

Волков Тимофей Васильевич,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
timfvolkov@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В. В., д-р ист. наук, проф.

КОДЕКС 17 СТАТЕЙ

Аннотация

В представленной статье осуществляется комплексный историко-правовой анализ «Конституции Семнадцати статей» (Кодекса 17 статей) — фундаментального памятника японской государственно-правовой мысли, созданного принцем-регентом Сётоку в 604 году. Исследуются социально-политические и экономические условия Японии

периода Асука, определившие специфику документа. Особое внимание уделяется синтезу буддийских, конфуцианских и легистских идей в нормах Кодекса, а также его роли в формировании идеологических основ раннеяпонской государственности. На основе междисциплинарного анализа выявляется значение Кодекса как системообразующего акта, заложившего основы японской правовой культуры и государственного управления.

Ключевые слова: Кодекс 17 статей, принц Сётоку, Япония периода Асука, история государства и права, конфуцианство, буддизм, легистские принципы, централизация власти, политическая философия, сравнительное правоведение.

Кодекс 17 статей, созданный в 604 году принцем-регентом Сётоку, представляет собой уникальный памятник древнеяпонской правовой мысли, который отражает сложный и многогранный процесс становления японской государственности в период Асука [3, с. 45-47]. Этот фундаментальный документ появился в эпоху интенсивного заимствования японской правящей элитой достижений китайской цивилизации, когда происходила ожесточённая борьба между могущественными родовыми кланами за влияние при императорском дворе [4, с. 112-115]. Исторический контекст создания Кодекса характеризуется глубоким социокультурным кризисом, связанным с трансформацией традиционных институтов власти и необходимостью создания централизованной государственной системы.

Период Асука (538-710 гг.) стал временем кардинальных преобразований в японском обществе. Проникновение буддизма из Кореи и Китая, активное усвоение конфуцианских политических доктрин, знакомство с даосской философией создали предпосылки для формирования новой модели государственного управления. В этих условиях принц Сётоку, выступавший регентом при императрице Суйко, предпринял попытку систематизации принципов управления, которые могли бы стать идеологической основой централизованного государства [5, с. 234-236].

Особенность Кодекса заключается в том, что он представляет собой органичный синтез морально-этических предписаний и административных установлений, обращённых прежде всего к чиновникам и аристократии. В отличие от современных правовых актов, Кодекс 17 статей не содержит конкретных санкций за нарушения, а апеллирует к моральной ответственности управленцев. Это отражает специфику восточноазиатской правовой традиции, где право понималось как путь (dao) к гармоничному существованию общества, а не как система запретов и наказаний [2].

Знаменитая первая статья, провозглашающая гармонию высшей социальной и политической ценностью, задаёт смысловой и структурный тон всему документу: "Гармония должна цениться, а противление ей избегаться" [1]. Этот основополагающий принцип, заимствованный из конфуцианской политической традиции, становится краеугольным камнем всей системы государственного управления, предполагая коллективное обсуждение важнейших вопросов государственной жизни и поиск социально-политического консенсуса. При этом гармония понимается не как отсутствие конфликтов, а как достижение баланса между различными социальными силами [6, с. 89-92].

Философско-правовой синтез, представленный в Кодексе, наглядно демонстрирует удивительную способность японской политической культуры к творческому освоению и адаптации иностранных правовых и философских влияний [3, с. 56-58]. В семнадцати статьях документа органично и последовательно переплетаются конфуцианские идеи о социальной гармонии и безусловном почитании старших, буддийские концепции кармического воздаяния и всеобщего сострадания, а также легистские представления о первостепенной важности закона и единых административных стандартов управления [4, с. 125-127].

Вторая статья, настоятельно призывающая почитать "три сокровища" буддийской традиции (Будду, Дхарму и Сангху), не только утверждает буддизм в качестве государственной религии, но и представляет собой смелый идеологический шаг в условиях сохранения сильных позиций традиционного синтоизма в японском обществе того времени. Эта статья демонстрирует стратегический подход принца Сётоку к использованию религии в качестве инструмента укрепления государственной власти [7, с. 156-158].

Четвёртая статья Кодекса, провозглашающая, что "министры и чиновники должны неукоснительно соблюдать ритуал и закон", подчёркивает фундаментальную важность формальных процедур и строгого иерархического принципа в системе государственного управления [5, с. 245-247]. Здесь явно и последовательно прослеживается влияние конфуцианской концепции ли (ритуала) как основы социального порядка и политической стабильности [4, с. 128-130]. Ритуал понимается не как формальность, а как способ поддержания социальной дифференциации и обеспечения предсказуемости в отношениях между различными группами управленцев.

При этом двенадцатая статья документа прямо и недвусмысленно закрепляет иерархический принцип государственного устройства: "Правитель есть Небо, подданные — Земля" [1], отражая последовательное стремление создателя Кодекса к систематическому укреплению вертикали центральной власти и созданию эффективной админи-

стративной системы. Эта формулировка восходит к китайской политической философии, где правитель рассматривался как посредник между Небом и людьми [6, с. 134-136].

Шестая статья Кодекса, призывающая "непременно наказывать зло и последовательно поощрять добро", формулирует базовые основы правоприменительной практики, демонстрируя прагматичный и взвешенный подход к вопросам государственного управления [3, с. 67-69]. Характерно, что в тексте Кодекса полностью отсутствуют конкретные правовые санкции за возможные нарушения — документ апеллирует прежде всего к моральной ответственности чиновников, а не к юридической. Эта особенность наглядно отражает специфику восточноазиатской правовой традиции, где право традиционно понималось не как система запретов и наказаний, а как путь к достижению социальной гармонии и общественного согласия [2].

Десятая статья Кодекса, провозглашающая принцип коллегиальности в принятии решений, представляет собой одну из самых оригинальных идей документа: "Пусть каждый имеет своё собственное дело, и пусть не будет чувства зависти" [1]. Этот принцип можно рассматривать как раннюю попытку формирования профессиональной бюрократии, где каждый чиновник отвечает за определённую сферу деятельности. Подход, предложенный в этой статье, предвосхищает дальнейшее развитие японской системы государственного управления с её чётким разделением функций между различными ведомствами [5, с. 278-280].

Историческое значение Кодекса 17 статей заключается прежде всего в том, что он создал прочные идеологические и политико-правовые предпосылки для последующих масштабных реформ, прежде всего знаменитых реформ Тайка 645 года, заложивших институциональные основы централизованного японского государства [3, с. 72-75]. Кодекс не только утвердил принцип верховенства закона и центральной императорской власти, но и способствовал формированию эффективной японской бюрократической системы, а в конечном счёте определил уникальный характер японской правовой культуры, сочетающей традиционные ценности с административными инновациями.

Сравнительный анализ Кодекса 17 статей с современными ему правовыми памятниками других цивилизаций позволяет выявить уникальные особенности японского подхода к государственному строительству. В отличие от римского права с его акцентом на индивидуальных правах и формальных процедурах, японская правовая традиция, представленная в Кодексе, делала основной упор на коллективных ценностях и гармонизации социальных отношений [7, с. 203-205]. В сравнении с китайскими правовыми памятниками того периода, японский Кодекс демонстрирует большую гибкость и меньшую фор-

мализацию, что отражало особенности процесса государственного строительства в Японии.

Интересно отметить, что Кодекс 17 статей оказал значительное влияние на последующее развитие японской правовой мысли. Многие принципы, сформулированные в этом документе, были развиты в более поздних правовых памятниках, таких как Кодекс Тайхо (701 год) и Ёро (718 год). Идея гармонии как основы государственного управления, принцип коллегиальности в принятии решений, сочетание моральных предписаний с административными нормами — все эти элементы стали характерными чертами японской правовой традиции на протяжении последующих веков [4, с. 145-147].

Спустя столетия после своего создания Кодекс 17 статей продолжает оставаться предметом пристального научного интереса как яркий пример успешного синтеза различных правовых традиций и философских систем [4, с. 138-140]. Его тщательное изучение позволяет не только лучше понять особенности становления государственности в Японии, но и глубже осмыслить специфику восточноазиатского подхода к праву, где моральные принципы и правовые нормы образуют органичное и неразрывное единство, составляющее основу эффективного государственного управления [2]. Документ демонстрирует, как религиозно-философские принципы могут трансформироваться в практические руководства для управления государством, создавая тем самым прочный фундамент для длительного и устойчивого развития политической системы.

Особого внимания заслуживает лингвистический анализ текста Кодекса, который проводился японскими и зарубежными исследователями. Текст написан на классическом китайском языке (канбун), что отражает степень китайского культурного влияния в тот период. Однако при этом в документе присутствуют элементы, отражающие специфически японское понимание власти и управления. Это сочетание китайской формы и японского содержания делает Кодекс уникальным памятником, отражающим сложный процесс культурной адаптации и трансформации [6, с. 178-180].

В контексте современной юридической науки Кодекс 17 статей представляет интерес как пример ранней попытки кодификации принципов государственного управления. Несмотря на свой почтенный возраст, многие идеи документа сохраняют актуальность и сегодня, особенно в свете дискуссий о соотношении права и морали в управлении современным государством. Изучение этого памятника позволяет лучше понять исторические корни современных правовых систем и особенности взаимодействия различных правовых традиций в процессе формирования национальных государств [7, с. 245-247].

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Семнадцати статей (604 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.worldhistory.org/article/875/the-seventeen-article-constitution/ (дата обращения: 20.11.2025)
2. Место теории государства и права в системе гуманитарного знания [Электронный ресурс]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-teorii-gosudarstva-i-prava-v-sisteme-gumanitarnogo-znaniya/viewer (дата обращения: 20.11.2025)
3. История Японии: учебное пособие / под ред. А.Н. Мещерякова. — Москва: Наука, 2018. — 543 с.
4. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. — 656 с.
5. Теория государства и права: учеб. пособие / Р.Б. Головкин [и др.] ; под ред. проф. Р.Б. Головкина; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. — Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. — 680 с.
6. Сравнительное правоведение: учебник / под ред. В. Е. Сафонова. — Москва: Юристъ, 2019. — 452 с.
7. Философия права в Восточной Азии: монография / М. К. Иванов. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2021. — 328 с.
8. Правовые системы стран Востока: история и современность: коллективная монография / под ред. С. В. Лёзова. — Москва: Восточная литература, 2022. — 415 с.

УДК 340.12

Горшкова А.А.,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
a_gorshkova180@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ И УТВЕРЖДЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В данной статье рассматриваются ключевые условия и факторы, необходимые для формирования и утверждения правового государства. Анализируются предпосылки становления правового государ-

ства, включая экономические, социальные, политические и культурные аспекты. Особое внимание уделяется роли гражданского общества, правового сознания, системы законодательства и механизмов обеспечения законности. Исследуются конституционные гарантии и политические программы, направленные на реализацию идеи правового государства в современной России.

Ключевые слова: правовое государство; гражданское общество; законность; правовое сознание; разделение властей; права человека; конституция; демократия; верховенство права; политическая культура; социальная справедливость.

На протяжении веков идея правового государства эволюционировала, принимая более формализованные и рациональные очертания. Конкретные государственные институты стали оцениваться с точки зрения признания неотчуждаемых прав личности. Теории верховенства закона и «господства права» отражали стремление к идеалу, где право доминирует над всеми сферами общественной жизни. Однако исторический опыт показывает, что построение общества, в котором право и закон господствуют в полной мере, остаётся сложной задачей. Право всегда отражает экономический строй, культурное развитие и существующие противоречия, что создаёт разрыв между идеалом и реальностью.

Актуальность темы обусловлена необходимостью дальнейшего развития правового государства в России, укрепления правопорядка и защиты прав и свобод граждан.

Только связанность государства правом характеризует его как правовое, но абсолютная достижимость этого идеала проблематична. Государство обладает относительной самостоятельностью, как и право, что создаёт определённую динамику во взаимоотношениях между ними.

Становление правового государства – это сложный и длительный процесс, требующий создания определённых предпосылок. Важнейшей предпосылкой является обеспечение достойного материального положения граждан. Важнейшей предпосылкой является обеспечение достойного материального положения граждан, что отражено во Всеобщей декларации прав человека [1, ст. 25]. Деэтатизация социальной жизни и отказ от командно-административных методов управления также играют важную роль. Совершенствование законодательства и создание эффективной системы контроля за его исполнением, вкупе с усилением роли Конституционного суда, являются необходимыми шагами на пути к правовому государству. Укрепление судебной системы, включая введение суда присяжных, способствует справедливому отправлению правосудия. Формирование у граждан навыков сознательного участия в управлении государством и общественными делами,

наличие в обществе прочного правопорядка и утверждение принципа плюрализма мнений и многопартийности создают основу для демократического участия. Наконец, развитие системы самоуправления на местах и последовательное расширение демократии во всех сферах общественной жизни закрепляют достижения на достигнутом пути.

Не менее важны и условия функционирования правового государства. Высокий уровень политического и правового сознания людей, глубокое понимание и уважение к праву – ключевой фактор. Создание внутренне единого и непротиворечивого законодательства является обязательным условием. Строгое соблюдение законов всеми участниками общественных отношений, от государственных органов до рядовых граждан, – неотъемлемая черта правового государства. Наличие в стране развитого гражданского общества, представляющего собой сеть независимых организаций и институтов, выступает условием и гарантией существования правового государства. Важным элементом является независимость средств массовой информации и их способность осуществлять контроль за деятельностью власти.

Идея правового государства занимает важное место в гуманитарной мысли, поскольку ориентирована на создание государственного союза, где взаимоотношения личности и государства строятся на основе права и исключают произвол. Эта концепция призвана утвердить автономию личности, определить сферу свободы человека, в которую государство не имеет права вмешиваться.

При этом не существует единого, общепризнанного понимания правового государства. Это обусловлено историческими и культурными особенностями, демократическими и правовыми традициями, различиями в политических и правовых системах и разным пониманием права. Несмотря на различия, можно выделить общие черты, которые связывают формирование правового государства с обеспечением прав и свобод человека, ответственностью государства перед гражданином и наоборот, с возвышением авторитета закона и его соблюдением, а также с эффективной работой правоохранительных органов.

Правовое государство возникает в обществе, имеющем стойкие демократические, правовые, политические и культурные традиции. Исторически западный феодализм способствовал появлению парламентов из нерегулярно созываемых съездов феодалов.

И. Кант, идеолог правового государства, считал «право на свободу главным правом человека, из которого вытекают все остальные» [2, с. 249-253]. Реализация идеи правового государства требует преобразования мировоззрения общества и личности. Культура, право, демократия и законность должны стать индивидуальными ценностями, чтобы можно было говорить о правовом государстве.

Государство является продуктом общественного развития. Изменения в обществе задают темп, формы и методы изменений в государстве. Можно сказать, что «каждое общество имеет то государство, которое оно заслуживает» [3, с.521].

Формирование правового государства требует высокого уровня общей и правовой культуры. Построение правового государства затруднено там, где укоренены традиции правового нигилизма. Правовое государство предполагает определенный уровень индивидуальной и общественной нравственности. Одной из главных предпосылок считается наличие институтов гражданского общества.

Правовое государство также требует мощного экономического фундамента, высоких стандартов жизни и доминирования «среднего» класса в социальной структуре общества. Формирование правового государства возможно только при наличии рыночной многоукладной экономики. Духовный аспект гражданского общества предполагает доминирование общечеловеческих ценностей и интересов.

Развитое гражданское общество и правовое государство формируются при условии ориентации на социальную справедливость. Формирование правового государства требует сбалансированных усилий. Проблема правового государства лежит на стыке вопросов государства и права.

Российская Федерация как суверенное, независимое государство не может не иметь правового характера, поскольку связанность его деятельности правом и законом соответствует современным социально-экономическим и политическим преобразованиям и обеспечивается развитием народовластия и демократии. Впервые в истории российского конституционализма идея правового государства получила прямое закрепление в Конституции РФ 1993 г. в качестве необходимой характеристики Российской Федерации. Простое терминологическое обозначение России как правового государства еще недостаточно. За этой формулировкой должны стоять не только дополнительные конституционные гарантии демократизации законодательных и правореализационных процессов, но и целая политическая программа развития общества, направленная против возрождения командно-административных методов управления обществом и ориентированная на обеспечение демократического консенсуса и внедрения свободного регулирования рыночных отношений. Это и будет соответствовать правовому государству в его конституционном воплощении. Однако, существует ряд проблем, таких как коррупция, недостаточная независимость судебной системы, которые необходимо решать для дальнейшего развития правового государства.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что формирование и утверждение правового государства – это сложный и многогранный процесс, требующий совместных усилий государства, граждан-

ского общества и каждого отдельного гражданина. Только при наличии развитых демократических институтов, высокого уровня правосознания и культуры, эффективной системы обеспечения законности и социальной справедливости возможно построение правового государства, обеспечивающего защиту прав и свобод человека.

Список цитируемой литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1995. – 05 апр.

2. Цицерон, М. Т. О государстве. О законах / М.Т. Цицерон. – Москва: Академический проект, 2016. – 253 с.

3. Лазарев, В. В. Теория государства и права: учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 521 с.

УДК 340.125

Дулина Дарья Константиновна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
mill.ionn.set@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПРИНЦИПЫ ПРАВОСУДИЯ ПО ЗАКОНАМ ЦАРЯ ХАММУРАПИ

Аннотация

В статье проводится анализ принципов правосудия, закрепленных в Законах царя Хаммурапи (XVIII в. до н.э.) – одном из древнейших и наиболее полных сводов правовых норм Древней Месопотамии. На основе текстологического анализа статей правового памятника выделяются и исследуются ключевые основы вавилонской судебной системы: правосудие по Законам Хаммурапи базировалось на строгих формализованных принципах, среди которых центральное место занимали принцип талиона («око за око»), социальная градация (разная ответственность в зависимости от сословного статуса), объективное вменение и возмездие.

Ключевые слова: Законы Хаммурапи, древневавилонское право, принципы правосудия, талион, социальная градация, объективное вменение, возмещение вреда, клятва перед богом, судебный протокол.

Законы царя Хаммурапи (1792 – 1750 гг. до н.э.), обнаруженные в Сузах в 1901-1902 гг., представляют собой выдающийся памятник древневосточного права. Высеченный на диоритовой стеле текст включает пролог, 282 статьи и эпилог, формируя не просто сборник законов, но и идеологический манифест, провозглашающий установление «справедливости в стране». Изучение принципов, на которых основывалось правосудие по этому своду, позволяет реконструировать правовое сознание и социальные отношения в Древней Месопотамии.

Принцип талиона: символическое и буквальное возмездие. Наиболее известным принципом, пронизывающим весь свод, является принцип талиона (от лат. talionis – равное возмездие), выраженный формулой «око за око, зуб за зуб». Этот принцип применялся в случаях причинения телесных повреждений представителям равного социального статуса – авилумам («свободным людям»).

Статья 196: Если человек повредил глаз у какого-либо авилума, то должно повредить его глаз.

Статья 200: Если человек выбил зуб у человека, равного себе, то должно выбить его зуб.

Данные нормы демонстрируют стремление законодателя к соразмерности наказания и преступления, ограничивая кровную месть и заменяя ее государственным возмездием. Однако талион имел не только буквальный, но и символический характер. Например, за причинение телесного повреждения рабу (ст. 199) или смерти рабыни (ст. 213) виновный обязан был возместить его хозяину материальный ущерб, что указывает на имущественный, а не личный характер ответственности в отношении несвободных лиц. [1, с.45-48]

Принцип социальной градации: дифференциация ответственности. Правосудие по Законам Хаммурапи не было равным для всех. Общество делилось на три основных сословия: авилум («человек», полноправный свободный гражданин), мушкенум («падающий ниц», зависимый или неполноправный свободный, часто царский служащий) и вардум (раб). Ответственность и наказание напрямую зависели от сословной принадлежности как преступника, так и потерпевшего.

Статья 196-205: Сравнительный анализ этих статей показывает, что за одно и то же преступление (например, причинение телесного повреждения) в отношении авилума виновный подвергался талиону, в отношении мушкенума – штрафу, а в отношении раба – имущественной компенсации его хозяину.

Статья 229-231: Ярким примером является ответственность строителя. Если обрушившийся дом убил хозяина-авилума, то убивали строителя (талион). Если погиб сын хозяина, то убивали сына строителя. Если погиб раб хозяина, то строитель был обязан отдать хозяину

раба за раба. Этот принцип подчеркивает, что правосудие защищало не абстрактную личность, а социальный статус, являясь инструментом поддержания сословной иерархии. [1, с.50-52]

Принцип объективного вменения и презумпции виновности. Для Законов Хаммурапи характерен принцип объективного вменения, при котором ответственность наступала за сами последствия действий, независимо от умысла или неосторожности. Это хорошо видно на примере статей о строителе (ст. 229-233) или враче (ст. 218-220). Вина как субъективная сторона преступления не всегда принималась во внимание. С этим был тесно связан элемент презумпции виновности в судебном процессе. Обвиняемый должен был самостоятельно доказывать свою невиновность, например, при помощи клятвы перед богом. Статья 9: Если человек, у которого пропало что-нибудь, схватил пропавшую вещь в руках другого человека, и тот, в чьих руках схватили пропавшую вещь, сказал: «Продавец мне продал, при свидетелях я купил», а хозяин пропавшей вещи сказал: «Я приведу свидетелей, знающих мою пропавшую вещь», то покупатель должен привести продавца, который ему продал, и свидетелей, при которых он покупал; также и хозяин пропавшей вещи должен привести свидетелей, знающих его пропавшую вещь. Судьи должны рассмотреть их дело, и свидетели, перед которыми покупка была совершена, и знающие пропавшую вещь свидетели должны сказать перед богом то, что они знают, и тогда он – вор, его должно убить. [3, с.60-65]

Процессуальные принципы: роль доказательств и клятвы. Судебный процесс был состязательным. Бремя доказывания лежало на сторонах. Законодатель признавал в качестве доказательств показания свидетелей, вещественные доказательства и, что особенно важно, клятву перед богами. [2, с.124-125]

Статья 23: Если разбойник не будет схвачен, ограбленный человек должен показать перед богом все свое пропавшее имущество, а община и правитель, на земле и в пределах которых был совершен грабеж, должны возместить ему все его пропавшее имущество. Клятва была мощным инструментом, так как считалось, что лжесвидетельство навлечет кару богов. Отсутствие свидетелей могло компенсироваться ордалиями («божьим судом»), например, испытанием водой (ст. 2).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что правосудие по Законам Хаммурапи представляло собой сложную, формализованную систему, основанную на взаимосвязанных и строго соблюдаемых принципах. Доминирующими являлись принципы талиона и социальной градации, которые обеспечивали соразмерность наказания, но в строгих рамках сословной иерархии. Принципы объективного вменения и процессуальные нормы, такие как важность клятвы и письмен-

ных доказательств, демонстрируют высокий для своего времени уровень юридической техники. Несмотря на кажущуюся с современной точки зрения жесткость и неравенство, данная система была важнейшим инструментом укрепления государственной власти, защиты собственности и поддержания общественного порядка, оказав впоследствии влияние на правовое развитие всего Древнего Востока.

Список цитируемой литературы:

1. Волков, И.М. Лекции по истории древневосточного права / И.М. Волков. – М.: Издательство МГУ, 2005. – 215 с.

2. Дьяконов, И.М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / И.М. Дьяконов // Вестник древней истории. – 1952. – № 3. – С. 199-303.

3. Якобсон, В.А. Возникновение писаного права в Древней Месопотамии / В.А. Якобсон // Вестник древней истории. – 1981. – № 4. – С. 13-33.

УДК 323.2(470)

Дулина Дарья Константиновна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
mill.ionn.set@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

СТРУКТУРА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье исследуется структура гражданского общества как сложной многоуровневой системы. На основе системного подхода выделяются и анализируются три взаимосвязанных компонента: институциональный, ценностно-нормативный и коммуникативный. Доказывается, что эффективное функционирование гражданского общества возможно только при условии сбалансированного развития всех структурных элементов. Особое внимание уделяется трансформации структуры гражданского общества в условиях цифровизации и вызовам современности.

Ключевые слова: гражданское общество; структура гражданского общества; общественные институты; публичная сфера; ценности; неправительственные организации (НПО); социальный капитал; правовое государство.

Анализ структуры гражданского общества опирается на структурно-функциональный подход, который позволяет рассматривать его как систему взаимосвязанных элементов, выполняющих специфические функции для поддержания ее целостности. В рамках данного подхода структура понимается не как статичный каркас, а как динамическая модель отношений между институтами, нормами и коммуникациями. В качестве дополнительной методологической основы используется теория социального капитала (Р. Патнэм), подчеркивающая значение доверия, норм взаимности и сетей гражданской вовлеченности как «скрепляющего» материала структуры.

Базовый (институциональный) уровень структуры. Этот уровень образуют конкретные организации и ассоциации, через которые граждане реализуют свои коллективные интересы независимо от государства и рынка. К ним относятся: Неправительственные организации (НПО): правозащитные, экологические, благотворительные и иные организации, сфокусированные на решении конкретных общественных проблем. Профессиональные ассоциации и союзы: объединения, защищающие интересы своих членов в профессиональной сфере (профсоюзы, ассоциации врачей, юристов, ученых). Органы общественного самоуправления и местные сообщества: общественные советы при органах власти, соседские общины, обеспечивающие участие граждан в решении вопросов местного значения. Религиозные организации: при условии их невмешательства в государственное управление и участия в общественной жизни на основе толерантности и диалога. Общественные движения: инициативные, зачастую слабоформализованные объединения граждан, мобилизующиеся вокруг конкретной цели (экологические, молодежные движения и т.д.). Неформальные группы и инициативы: гражданские инициативные группы, клубы по интересам, волонтерские отряды, формирующие основу для более институциализированных форм. Функция данного уровня – артикуляция и агрегация интересов, мобилизация ресурсов и непосредственное участие в решении социальных проблем. [2, с.142]

Ценностно-нормативный уровень структуры. Институциональный уровень не может существовать без системы разделяемых ценностей и норм, которые легитимируют его деятельность и задают вектор развития. Этот уровень включает: · Уважение к правам человека и достоинству личности: фундаментальный принцип, ограничивающий произвол как государства, так и большинства. Толерантность, плюрализм и готовность к компромиссу: ценности, обеспечивающие мирное сосуществование различных социальных, этнических и культурных групп. Солидарность, взаимное доверие и социальный капитал: нормы взаимопомощи и кооперации, снижающие транзакционные издержки в обществе. Верховенство права (правозаконность): убежденность в том,

что все общественные и государственные институты должны действовать в рамках закона. Гражданская ответственность и активность: установка на сознательное и деятельное участие в общественной жизни. Данный уровень является «душой» гражданского общества, обеспечивая его внутреннюю сплоченность и идентичность. [1, с.7]

Коммуникативный уровень: публичная сфера. Структура гражданского общества немыслима без пространства для свободного обмена мнениями, формирования общественного мнения и критического диалога с властью. Этот уровень представляет собой публичную сферу, которая включает: Средства массовой информации (независимые): пресса, телевидение, интернет-издания, выполняющие общественного контроля и информирования. Функцию. Интернет-коммуникации и социальные сети: платформы для мобилизации, дискуссий и создания новых форм солидарности (цифровое гражданское общество). Публичные площадки для дискуссий: научные конференции, общественные слушания, круглые столы, форумы. Функция коммуникативного уровня – обеспечение легитимности власти через публичную критику и формирование общих ориентиров для коллективных действий. [3, с.41]

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что структура гражданского общества является многоуровневой иерархической системой. Его стабильность и эффективность зависят от слаженного взаимодействия всех трех уровней: развитого институционального каркаса, прочного ценностно-нормативного фундамента и динамичной публичной сферы. Редукция структуры лишь к одному из этих элементов ведет к искажению понимания его сущности. В современных условиях структура гражданского общества подвергается трансформации под влиянием цифровых технологий, которые, с одной стороны, расширяют возможности для коммуникации и мобилизации, а с другой – создают риски фрагментации публичной сферы и распространения дезинформации. Дальнейшее исследование должно быть направлено на анализ адаптации структурных элементов гражданского общества к вызовам цифровой эпохи.

Список цитируемой литературы:

1. Гаджиев, К.С. Гражданское общество и правовое государство / К.С. Гаджиев // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – № 4. – С. 45-56.

2. Перегудов, С.П. Гражданское общество как субъект публичной политики / С.П. Перегудов // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 2. – С. 61-73.

3. Хабермас, Ю. Структурная трансформация публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. – М.: «Весь Мир», 2016. – 344 с.

УДК 281.4

Ерёмина Дарья Сергеевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
daryaerrr@yandex.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В ВИЗАНТИИ

Аннотация

В данной статье рассматривается уникальная форма взаимоотношений между государством и церковью в Византийской империи, известная как «симфония властей». Особое внимание уделяется тому, как принцип симфонии определял роль императора и патриарха, как эта теория применялась на практике и в каких случаях нарушалась, а также как она отражалась на законодательстве, в частности, в сводах Юстиниана.

Ключевые слова: Византия; государство; церковь; симфония властей; император; патриарх; Кодекс Юстиниана; цезаропапизм; каноническое право.

Византийская империя, считавшая себя прямым продолжением Рима, создала уникальную цивилизацию, сочетая древние римские законы, государственное устройство и христианскую веру. Центральное место в общественной и правовой системе Византии занимали взаимоотношения между государством и церковью, и именно здесь была разработана и реализована идея о том, как должны взаимодействовать светская и духовная власть. Эта модель, известная как «симфония», не только определяла внутреннюю политику империи на протяжении столетий, но и оказала влияние на правовое развитие многих стран, в том числе и Древней Руси. Цель данной статьи – проанализировать государственно-правовые отношения в Византии, рассмотреть юридическую природу «симфонии властей», выявить ее основные принципы и противоречия.

Проблема исследования заключается в следующем: являлась ли теория «симфонии властей» реальной основой государственно-церковных отношений в Византийской империи или она была лишь идеалом, прикрывавшим главенство императорской власти?

Анализ историко-правовых источников позволяет утверждать, что «симфония» не являлась практикой равноправного партнёрства. На практике она служила идеологическим прикрытием для системы, в которой императорская власть почти всегда доминировала над церковной, вмешиваясь в догматические, кадровые и административные вопросы церкви.

В основе византийской концепции взаимодействия государства и церкви лежала доктрина «симфонии властей», сформулированная в VI веке в предисловии к VI новелле Кодекса Юстиниана: «Величайшие блага, дарованные людям высшею благостью Божией, суть священство и царство, из которых первое заботится о божественных делах, а второе руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни» [2, с. 18]. Эта модель предполагала взаимное сотрудничество и поддержку государства и церкви; разграничение сфер компетенции (духовной и светской); отсутствие прямого подчинения одной инстанции другой. Юридически это закреплялось в Кодексе Юстиниана, где церковные каноны приобретали силу государственных законов, а император выступал гарантом церковного единства. Симфония не предполагала слияния властей, но создавала механизм их согласованного действия в рамках единого христианского мира.

С юридической точки зрения, это не было разделением властей в современном понимании. Скорее, это была модель сотрудничества двух институтов, имеющих единую цель – обеспечение духовного и материального благоденствия подданных империи, которая понималась как «Дом Божий» на земле. Светская власть (император) отвечала за администрацию, армию, светское законодательство и поддержание внешнего порядка, то есть управляла земными делами. Церковная власть (в лице патриарха и епископов) – за спасение душ, нравственность, благотворительность и внутренний мир в обществе, управляя духовными делами.

Как подчеркивал И.П. Медведев, во взаимоотношениях церкви и государства закреплена самостоятельность, их равноправное партнерство, не исключавшие, впрочем, отношений тесного сотрудничества, солидарности и даже взаимозависимости [1, с. 74], так как все государственные чиновники и император были членами церкви, а верующие, включая патриарха, — гражданами государства. Церковь зависела от государства, а император считал себя вправе вмешиваться в церковные дела, участвуя в теологических спорах, председательствуя на соборах и издавая указы догматического содержания. Некоторые императоры претендовали на священство, что вызывало дискуссии о цезаропапизме - сосредоточении всей полноты светской и религиозной власти в руках императора.

Следовательно, в теории была создана модель гармоничного дуализма, где две власти, взаимно уважая автономию друг друга, сотрудничают ради благополучия подданных.

Юстиниан I, стремясь обойти коррупцию, наделил епископов правом надзора за чиновниками, создав систему сдержек и противовесов,

тем самым церковь получила роль независимого контролера [3, с. 105]. Епископы имели собственный суд и рассматривали споры мирян (семейные, наследственные), и приговоры церковного суда часто имели силу государственного. Они также выступали защитниками населения перед властью, контролировали цены, отвечали за благотворительность и организацию помощи в кризисы. Императорские законы (новеллы) часто включали в себя положения церковных канонов, придавая им тем самым силу государственного закона. Ярким примером является законодательство Юстиниана, которое были глубоко проникнуты христианским духом. Церковь через обряд миропомазания придавала власти императора сакральный, богоугодный характер, тем самым придавая власти легитимность. Реформа Юстиниана по объединению провинций под властью генерал-губернаторов усилила централизацию, а церковь стала идеологической опорой этой новой системы на местах.

Итак, церковь была не просто духовным институтом, а полноценным партнером государства в управлении, суде и поддержании общественного порядка. Приговоры церковных судов зачастую имели силу государственных решений, что свидетельствует о глубоком взаимопроникновении светского и духовного права. Эта практика обеспечивала единообразие правоприменения в вопросах, имевших как юридическое, так и морально-религиозное значение.

Наиболее частым отклонением от принципа симфонии была тенденция к цезаропапизму. Юстиниан I, несмотря на свою знаменитую Новеллу, на практике активно вмешивался в дела церкви: он назначал и смещал патриархов – тех, кто ему нравился, руководил работой Вселенских соборов, активно вмешивался в богословские дискуссии, издавая эдикты о вере и принуждая всех к их принятию под угрозой государственных репрессий, так как считал себя не просто главой государства, а «помазанником Божьим», чья власть дана Богом. Также, чтобы сохранить единство, он считал вмешательство своим долгом, навязывая свои принципы. Ярким примером напряжённости в системе «симфонии» выступает противостояние императора Льва VI Мудрого (886–912) и патриарха Николая Мистика. После трёх последовательных смертей супруг Лев VI вознамерился вступить в четвёртый брак, что прямо противоречило церковным канонам. Патриарх Николай Мистик, опираясь на каноническое право, отказался совершить таинство венчания и наложил на императора церковное отлучение. Конфликт, затянувшийся на несколько лет, выявил следующие аспекты модели «симфонии»:

1. Авторитет канонического права. Церковь продемонстрировала готовность отстаивать догматические нормы даже перед лицом верховной светской власти;

2. Механизмы компромисса. Несмотря на принципиальную позицию патриарха, конфликт завершился соглашением: Лев VI был допущен к причастию после публичного покаяния, а его четвёртый брак получил частичное признание;

3. Границы императорского вмешательства. Случай показал, что сакральный статус императора не давал ему права игнорировать церковные каноны.

Данный конфликт закончился компромиссом, но он наглядно показал, что патриарх может бросить вызов императору, опираясь на авторитет канонического права.

Анализ сфер сотрудничества и конфликтов показывает, что симфония властей в Византии была не статичным идеалом, а динамичным процессом. В периоды стабильности она обеспечивала единство правовой системы, социальную гармонию и эффективное управление. Однако тенденция к цезаропапизу регулярно подрывала этот баланс, вызывая сопротивление церкви. Конфликты, подобные спору Льва VI и Николая Мистика, доказывают, что Церковь не была пассивным участником, а активно защищала свои канонические права, сохраняя тем самым принцип симфонии как идеал сосуществования двух властей.

Таким образом, можно сделать вывод, что византийская «симфония властей» была великим правовым идеалом, но не правовой реальностью. На практике баланс сил всегда склонялся в сторону императора, который, оставаясь в рамках православия, использовал церковь как инструмент для укрепления единства империи и легитимации своей власти. Существовала система с жёсткой иерархией, где главным был закон страны и строгие правила.

Список цитируемой литературы:

1. Медведев, И. П. Правовая культура Византийской империи / И.П. Медведев. - СПб.: Алетейя, 2001. - 576 с. – (Византийская библиотека. Исследования).

2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. — 176 с.

3. Успенский, Ф. И. История Византийской империи. В 8 томах. Т. 2 / Ф. И. Успенский. -Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 167 с. - (Антология мысли).

УДК 340.1

Ерёмина Дарья Сергеевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
daryaerrr@yandex.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПОНЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТИПА ГОСУДАРСТВА: ФОРМАЦИОННЫЙ, ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И ДРУГИЕ ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В данной статье рассматривается одна из ключевых проблем теории государства и права – односторонность существующих типологий государств, затрудняющая формирование целостной картины миры. Особое внимание уделено двум основным подходам к определению исторического типа государства: формационному и цивилизационному. Также затрагиваются иные подходы, которые расширяют представления о факторах и закономерностях развития государства. Рассматриваются их сильные и слабые стороны.

Ключевые слова: государство; типология; исторический тип; формационный подход; цивилизационный подход; цивилизация.

Проблема типологии государства занимает важное место в теории государства и права, так как позволяет понять, по каким закономерностям развиваются политические системы, почему они различаются между собой и какие факторы определяют их историческую специфику. Самыми известными подходами к типологии государств считаются формационный и цивилизационный, однако существуют и иные концепции, стремящиеся по-своему интерпретировать закономерности исторического развития. Типология – это не просто классификация, а научный метод, основанный на выделении главных, сущностных признаков государства. Определение исторического типа государства позволяет понять его социальное назначение, характер отношений между властью и населением.

Исторический тип государства - это совокупность устойчивых признаков, характеризующих государственную организацию общества на определённой ступени его развития. Он позволяет объединить разные государства в группы на основе их общих социально-экономических, культурных и политических характеристик. Типология обычно отвечает на вопросы: каким образом устроена власть, кто

является её носителем, как распределяются ресурсы и какие ценности лежат в основе общественной жизни.

Формационный подход, разработанный К. Марксом и Ф. Энгельсом, рассматривает историю как процесс смены общественно-экономических формаций. В «Немецкой идеологии» авторы подчёркивали, что государство представляет собой инструмент господствующего класса, обеспечивающий сохранение определенного экономического строя, и его характер определяется способом производства [2, с. 45-46]. В зависимости от типов экономического базиса они выделяли следующие типы государства: рабовладельческий, феодальный, буржуазный, социалистический.

В рабовладельческом обществе государство является орудием класса рабовладельцев для подавления рабов. Феодализм опирается на феодальную собственность на землю, что порождает экономическую и иную зависимость крестьян от феодалов. Буржуазное государство представляет собой диктатуру буржуазии, где рабочие подчинены капиталистам. Социалистическое государство – государство, которое основывается на общественной собственности на средства производства и постепенно должно отмереть, выполнив задачу построения бесклассового коммунистического общества.

Главным достоинством этого подхода является его материалистичность и четкость. Он показывает зависимость государства от экономических отношений. Однако у формационной теории есть серьезные недостатки. Во-первых, она слишком схематична и не учитывает уникальность многих государств. Например, куда отнести древние славянские государства, где рабство не было основой экономики? Во-вторых, недостаточно внимания уделено культурным и идеологическим особенностям общества, которые также могут существенно влиять на государство.

Цивилизационный подход предлагает иное видение истории: он делает акцент на духовных, культурных и религиозных факторах. Его основоположниками считаются А. Тойнби, О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский. В этом случае критерием типологии выступает понятие «цивилизация» - устойчивая общность людей, объединенных духовными ценностями, культурными традициями, религией и образом жизни. Государство здесь рассматривается не как орудие классового господства, а как один из важнейших институтов цивилизации, который должен обеспечивать ее стабильность и развитие. Например, Тойнби выделял более двадцати цивилизаций (египетская, древнекитайская, сирийская, иранская, мексиканская и др.), каждая из которых проходит стадии зарождения, роста, надлома и разложения. Он рассматривал государство как продукт развития локальных цивилизаций, каждая из

которых имеет собственную систему ценностей, религиозные основы, культурные коды и исторические циклы [4, с. 74-79].

Достоинства цивилизационного подхода очевидны: он позволяет учесть уникальность исторического пути каждого народа и делает типологию более географически точной благодаря расширенным духовным критериям. Однако и здесь есть слабые места. Этот подход часто критикуют за расплывчатость самого понятия «цивилизация» и отсутствие четких критериев для выделения типов. Он может привести к чрезмерному акценту на культурных различиях и недооценке общих экономических и политических закономерностей.

Помимо двух основных, существует множество других классификаций, которые часто используются в современной науке. В XX–XXI вв. американские и европейские исследователи выделяют демократические и недемократические государства, подчёркивая, что демократическая форма предполагает политическую свободу, верховенство закона, участие граждан в политике и защиту прав человека, в то время как недемократическая форма не подразумевает активное участие индивидов в создании правопорядка. Например, американский ученый Ганс Кельзен утверждал, что в основе современных государств лежит идея политической свободы, законности и нормативной упорядоченности общественной жизни, а также разделял государства на демократию и автократию [1, с. 282]. Государство, по Кельзену, это система юридических норм, обеспечивающая регулирование общественных отношений, защиту прав граждан и контроль за соблюдением законности.

Преимуществом такой классификации является её практическая применимость и возможность анализа текущих политических процессов. Недостаток состоит в том, что она может не учитывать глубинные социально-экономические и культурные предпосылки политического устройства, которые также оказывают влияние на функционирование государства.

Выделяют и другие классификации:

1. По уровню развития: государства делятся на развитые, среднеразвитые и развивающиеся, что позволяет анализировать глобальное неравенство и процессы модернизации [3, с. 35].

2. По форме правления: всем известное деление на монархии и республики. Монархии могут быть абсолютными или конституционными, тогда как республики – президентские, парламентские или смешанные. Этот критерий позволяет исследовать институциональные основы власти, легитимность правителей и степень участия граждан в управлении.

3. По отношению к религии: светские, клерикальные, теократические и атеистические страны. В светских государствах религиозные

организации отделены от власти и не вмешиваются в государственные дела. В клерикальных государствах признают государственную религию, которая сотрудничает с властью. В теократических государствах власть принадлежит церкви, религиозные нормы являются основным источником права. Атеистические государства преследуют и контролируют религиозные организации.

Эти подходы не столь глобальны, как формационный или цивилизационный, но они очень полезны для анализа конкретных характеристик государства здесь и сейчас.

Таким образом, можно сказать, что споры между сторонниками формационного и цивилизационного подходов продолжаются до сих пор. Формационный подход помогает понять экономическую основу и классовые интересы, которые стоят за государственной властью. Цивилизационный подход заставляет обращать внимание на культурный контекст и менталитет народа, который формирует уникальные черты его государственности. Другие подходы расширяют аналитические возможности и позволяют увидеть государство с разных сторон. Поэтому наиболее продуктивным является синтез этих подходов, так как благодаря их сочетанию можно получить целостную картину исторического развития государства.

Список цитируемой литературы:

1. Кельзен, Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. - СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. — 542 с.

2. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1988. – XVI, 574 с.

3. Смирнягин, Л. В. Типология зарубежных стран: учебно-методическое пособие с текстами В. В. Вольского и лекциями Л. В. Смирнягина / Л. В. Смирнягин, В. В. Вольский, А. С. Наумов, Р. А. Дохов, Д. С. Елманова, Ф. А. Попов. - Москва: Пеликан, 2019. — 336 с.

4. Тойнби, А.Д. Постижение истории / А.Д. Тойнби; Пер. с англ. / Сост. А.П. Огурцов; Вступ. ст. В.И. Уколовой. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

УДК 930.2(32)

Иванникова Виктория Вячеславовна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
vika93420@yandex.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Аннотация

В статье рассматривается классическая и современная периодизация истории Древнего Египта. Анализируются основные принципы деления египетской истории на крупные эпохи (Древнее, Среднее, Новое царства и Поздний период), а также на династические рамки, восходящие к труду Манефона. Особое внимание уделяется проблемам и дискуссионным вопросам данной периодизации, включая хронологические расхождения, критерии выделения периодов и переходные эпохи. Исследование опирается на данные древнеегипетских царских списков, археологические свидетельства и труды ведущих египтологов.

Ключевые слова: Древний Египет, периодизация, хронология, династия, царство, Поздний период, Манефон, Раннее царство.

История Древнего Египта, насчитывающая несколько тысячелетий, представляет собой уникальный пример длительной и преемственной цивилизации. Для ее систематического изучения необходима четкая и обоснованная периодизация. Современная историография унаследовала и научно переработала схему, предложенную еще в античную эпоху. Классическое деление на Древнее, Среднее и Новое царства, разделенные переходными периодами и предваряемые Ранним династическим периодом, является фундаментом египтологии [5, с. 45]. Однако эта, казалось бы, устоявшаяся система продолжает оставаться предметом научных дискуссий, касающихся как абсолютных дат, так и критериев выделения тех или иных эпох.

Целью данной статьи является комплексный анализ существующей периодизации истории Древнего Египта, выявление ее сильных сторон и проблем, а также рассмотрение современных подходов к хронологическому структурированию египетской истории.

Основу традиционной периодизации заложил египетский жрец Манефон, живший в III в. до н.э. в эпоху эллинизма. Его труд «История Египта» дошел до нас лишь во фрагментарных цитатах у более поздних авторов, таких как Иосиф Флавий, Секст Юлий Африкан и

Евсевий Кесарийский. Манефон разделил всю историю страны от мифических времен до завоевания Александра Македонского на 30 династий правящих домов. Именно он ввел понятие «Древнее царство», относя его к эпохе пирамид.

Манефоновский династический принцип был не просто хронологическим списком; он отражал представление о смене правящих родов, часто связанной с политическими кризисами, иностранными вторжениями или сменой столицы. Хотя современная наука признает, что границы между манефоновскими династиями не всегда означали кардинальный разрыв в преемственности власти (например, между IV и V или VI и VII династиями), эта система оказалась чрезвычайно удобной и была принята за основу [3, с. 78].

В XIX и XX веках, с развитием египтологии как науки, манефоновская схема была дополнена и модифицирована. Были выделены крупные эпохи – «Царства», характеризующиеся сильной центральной властью, территориальным единством и культурным расцветом, и «Переходные периоды» – времена упадка, децентрализации и междоусобиц.

Современная периодизация истории Древнего Египта выглядит следующим образом (с учетом примерных хронологических рамок, которые могут незначительно варьироваться в разных научных школах) [6, с. 23-25]:

1. Додинастический период (ок. 6000–3000 гг. до н.э.) Включает: Бадарийскую культуру, Амратскую (Накада I) и Герзейскую (Накада II) культуры. Характеризуется становлением земледелия, социальной стратификацией и появлением первых номовых государств.

2. Раннее царство (I–II династии, ок. 3000–2686 гг. до н.э.) Объединение Египта под властью первого фараона Нармера (Менеса). Формирование института царской власти, становление центрального аппарата управления. Строительство первых масштабных гробниц – мастаб.

3. Древнее царство (III–VI династии, ок. 2686–2181 гг. до н.э.) Эпоха строителей пирамид. Апогей власти фараона, считающегося богом на земле. Создание великих пирамид в Гизе (Хеопса, Хефрена, Микерина). В конце периода – усиление власти номархов (правителей областей) и ослабление центральной власти, приведшее к распаду государства.

4. Первый переходный период (VII–XI династии, ок. 2181–2055 гг. до н.э.) Эпоха политической раздробленности, упадка экономики и культуры. Сохранившиеся литературные памятники («Речение Ипусера», «Пророчество Неферти») рисуют картину социальных катаклизмов.

5. Среднее царство (XI–XIII династии, ок. 2055–1650 гг. до н.э.) Воссоединение Египта фиванскими правителями. Характеризуется «демократизацией» загробных верований (появление «Текстов сарко-

фагов»), активной внешней политикой (походы в Нубию). Считается классическим периодом египетской литературы [4, с. 89].

6. Второй переходный период (XIV-XVII династии, ок. 1650–1550 гг. до н.э.) Распад Египта и завоевание части страны гиксосами – азиатскими кочевыми племенами, которые принесли с собой новые технологии (колесница, композитный лук). Параллельно в Фивах существует самостоятельное египетское царство.

7. Новое царство (XVIII-XX династии, ок. 1550–1069 гг. до н.э.) Эпоха империи. Изгнание гиксосов и создание мощного милитаризованного государства, простиравшегося от Нубии до Северной Сирии. Правление таких знаменитых фараонов, как Тутмос III, Хатшепсут, Эхнатон (и его религиозная реформа), Тутанхамон, Рамсес II. Строительство величественных храмов в Карнаке, Луксоре, Абу-Симбеле.

8. Третий переходный период (XXI-XXV династии, ок. 1069–664 гг. до н.э.) Распад единого государства, потеря иноземных владений. Правление параллельных династий в Танисе и Фивах. Завоевание Египта кушитами (нубийцами), основавшими XXV династию.

9. Поздний период (XXVI-XXXI династии, ок. 664–332 гг. до н.э.) Последний взлет египетской государственности при саисских правителях (XXVI династия), характеризующийся архаизацией культуры. Последующие эпохи – чередование периодов персидского владычества (XXVII, XXXI династии) и кратких моментов независимости.

10. Эллинистический период (332–30 гг. до н.э.) Правление династии Птолемеев после завоевания Александром Македонским. Синтез египетской и греческой культур. Завершается присоединением Египта к Римской империи после смерти Клеопатры VII.

Несмотря на свою устоявшуюся структуру, классическая периодизация сталкивается с рядом серьезных проблем.

Абсолютные датировки событий египетской истории являются предметом постоянных споров. Различия между так называемой «короткой» и «длинной» хронологией для Раннего и Древнего царств могут достигать 150–200 лет [2, с. 156]. Эти расхождения связаны с неполнотой источников (царские списки, такие как Палермский камень или Туринский папирус, имеют лакуны), сложностями астрономических датировок (например, по гелиакическому восходу Сириуса) и необходимостью синхронизации с хронологиями соседних государств.

Классическая схема носит в значительной степени политико-династический характер. Однако насколько смена династии или столицы отражала глубинные социально-экономические или культурные изменения? Например, переход от Древнего к Среднему царству был не просто сменой правящей семьи, а кардинальной трансформацией общества: от абсолютной власти фараона-бога к более прагматичной

модели управления с возросшей ролью среднего класса чиновников и номархов [1, с. 201]. Современные исследователи предлагают учитывать и другие критерии: эволюцию погребальных практик, стилей искусства, развития языка и письменности.

Долгое время Первый, Второй и Третий переходные периоды рассматривались как однозначно «темные века» упадка. Однако современная историография пересматривает этот взгляд. Эти эпохи были не только временем кризиса, но и периодами инноваций, социальных изменений и регионального культурного развития. Так, Второй переходный период, несмотря на господство гиксосов, стал временем проникновения в Египет передовых военных технологий, которые затем позволили создать империю Нового царства.

Выделение всего времени с XXVI по XXXI династию в единый «Поздний период» является достаточно условным. Он включает в себя как периоды независимости (Саисское возрождение), так и иноземные господство (персидские династии). Некоторые ученые предлагают более дробное деление, подчеркивая качественное различие между эпохой Саиса, персидским владычеством и краткими периодами восстановления независимости.

Таким образом, периодизация истории Древнего Египта, основанная на синтезе манефоновской традиции и достижений современной науки, остается надежным каркасом для изучения этой великой цивилизации. Она наглядно демонстрирует циклический характер египетской истории, в которой периоды централизации и расцвета («Царства») сменялись эпохами децентрализации и трансформации («Переходные периоды»).

Однако эта система не является догмой. Она продолжает развиваться и уточняться по мере накопления новых археологических данных, применения естественнонаучных методов датирования и углубленного анализа уже известных источников. Основной тренд современной египтологии – это стремление дополнить политико-династическую периодизацию социально-экономическим и культурологическим анализом, что позволяет создать более объемную и аутентичную картину исторического развития долины Нила.

Список цитируемой литературы:

1. Большаков, А. О. Древний Египет: история и культура / А. О. Большаков. – СПб.: Нестор-История, 2020. – 456 с.

2. Бонгард-Левин, Г. М. Древние цивилизации / Г. М. Бонгард-Левин. – М.: Мысль, 2016. – 487 с.

3. Брестед, Д. История Древнего Египта / Д. Брестед; пер. с англ. – М.: Центрполиграф, 2017. – 345 с.

4. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет / под ред. Г. М. Бонгард-Левина. – М.: Наука, 2018. – 623 с.

5. Коростовцев, М. А. Религия Древнего Египта / М. А. Коростовцев. – СПб.: Летний сад, 2019. – 456 с.

6. Тураев, Б. А. История Древнего Востока / Б. А. Тураев. – Мн.: Харвест, 2014. – 512 с.

УДК 340.12

Кабанова Ольга Алексеевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
olgakaban2003@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ФИЛОСОФСКОГО ПОДХОДА К ПРАВУ

Аннотация

В статье рассматривается взаимосвязь юридической науки и философского подхода к праву, анализируются способы их взаимодействия, а также значимость их соотношения и роль философии в формировании основ юриспруденции.

Ключевые слова: юридическая наука; философия права; система права, методология, мировоззрение.

Современная юридическая наука представляет собой сложную и многогранную систему знаний о праве как системе социально значимых норм, его природе, функциях, методах и постоянно меняющихся механизмах функционирования и реализации на практике. Р.Ю. Токарев и В.Л. Рассказов отмечают, что «любое знание, существующее в настоящем, неизбежно связано с прошлым: оно либо продолжает развивать устоявшиеся концепции, углубляя их содержание и адаптируя к новым реалиям, либо, подвергая их критическому анализу, формирует новые теоретические подходы» [3, с. 22].

Развитие системы права в том виде, в котором она существует сейчас, заняло достаточно длительный срок и невозможно без упоминания о философском подходе к праву, о фундаментальных исследованиях его появления и развития. «Юридическая наука, как и любая

другая наука, предстает перед нами благодаря тому, что она взаимодействовала с другими науками, в том числе и философией» [2, с. 274], и в конечном итоге она стала такой, какой мы ее изучаем на современном этапе развития.

Юридическая наука не только разрабатывает структурированную систему знаний о праве, но и находит возможности для применения юридических норм. Она имеет такие методы, как философские (мировоззренческие), общенаучные, частнонаучные, специальные. В данном случае философский подход выступает основой для выработки универсальных принципов познания, что позволяет изучать право в развитии, учитывая его взаимосвязь с экономическими, политическими, социальными и иными процессами. «Динамичное изменение методологических подходов, усложнение структуры юридической науки, пересечение ее границ с иными сферами гуманитарного знания ставит перед исследователями вопросы о том, как сформировались современные правовые теории, какие этапы предшествовали их возникновению и какие идеи легли в их основу» [3, с. 22].

Философский подход рассматривает право со стороны исследования его сущности, назначения и целей, рассматривает то, что лежит в его основе. А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова и Ю.А. Дмитриев отмечают, что «общая философия и философия права соотносятся как часть и целое, по отношению к юридическим наукам философия права решает те же научные проблемы, что и философия в отношении всех частей человеческого знания» [1, с. 17]. Предметом исследования философского подхода являются основополагающие вопросы правового бытия: онтология (сущность права), гносеология (познание права), аксиология права (правовые ценности).

В XIX веке «философскому подходу к праву отводилась роль нравственной оценки действующего законодательства. Однако необходимость решения проблемы общего толкования права на фоне развивающейся отраслевой юриспруденции снова и снова обращалась к философии как к системе целостного знания» [2, с. 273]. Так, исследование соотношения юридической науки и философского подхода к пониманию права стало необходимым достаточно давно, и многие ученые занимались этим вопросом в своих работах.

Философский подход к праву выполняет несколько важных функций:

- мировоззренческая функция формирует целостное представление о праве, его структуре и месте в системе общественного устройства;

- методологическая функция занимается вопросом категориального аппарата и модели познания, используемых в юридических исследованиях;

- аксиологическая функция рассматривает правовые ценности и критерии их оценки;

- информационная функция обеспечивает адекватное отражение права как сложного феномена с определенной структурой и закономерностями.

Кроме того, философский подход подходит к переосмыслению достижений юридической науки с позиций общих философских принципов, исследуя государственно-правовые категории юриспруденции, и обогащает юридическую науку через синергетический метод, который рассматривает ее как систему взаимосвязанных элементов, которые не функционируют по отдельности.

Юридическая наука «сформировалась как самостоятельная дисциплина лишь тогда, когда право стали изучать не только как объект философских и религиозных размышлений, но и как особую социальную систему, требующую специфических методов познания» [3, с. 23]. Следовательно, юридическая наука опирается на философские основы и выводы философии права, применяя их при разработке новых законов и реформировании правовой системы, отдельные юридические науки обобщают данные о правосознании и правовых ценностях. В свою очередь, философский подход к пониманию права формулирует фундаментальные вопросы для исследований, задает методологические и аксиологические ориентиры, позволяя глубже понимать сущность правовых явлений. Юридическая наука формирует научные выводы и предоставляет материал для анализа, который становится предметом философской «рефлексии», а философия обобщает данные, полученные от юридических исследований, и предлагает новые перспективы развития в условиях глобальных социальных изменений.

Таким образом, юридическая наука и философский подход к праву тесно связаны: юридическая наука занимается изучением системы права, его закономерностей и особенностей, в то время как философский подход исследует более фундаментальные вопросы, такие как сущность права, его основа и ценности, а также методологию познания. Философия права выступает своеобразным «мостом» между непосредственно философией и юридическими науками, дающим «понимание о добре и зле, справедливости, свободе и т.д. к юридической науке, которая закрепляет указанные категории в законе» [2, с. 274], обеспечивая методологическую и мировоззренческую основу для юриспруденции.

Список цитируемой литературы:

1. Пиголкин, А.С. Теория государства и права : учебник для вузов / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев ; под редакцией

А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 516 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-01323-8.

2. Попова, Ж.А. Соотношение юридической науки и философского подхода к праву / Ж.А. Попова, В.В. Соловьева // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сб. ст. по материалам CCLXII Международной научно-практической конференции «Молодой исследователь: вызовы и перспективы». – № 20 (262). – М., Изд. «Интернаука», 2022. – С. 272-275.

3. Токарев, Р.Ю. Некоторые особенности методологии исследования истории юридической науки / Р.Ю. Токарев, В.Л. Рассказов // Вестник экономики и права. – 2025. – № 106. – С. 21-27.

УДК 340

Кикнадзе В.Г.,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
vovka123456781910@gmail.com,
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Аннотация

Научная статья посвящена комплексному исследованию уголовного права фашистской Германии. В работе проведен анализ основных особенностей правовой системы, сформированной под влиянием идеологии национал-социализма Третьего рейха. В статье рассматриваются вопросы по применению уголовного законодательства к разным категориям населения, а также характеризуются правовые механизмы, действующие на борьбу с инакомыслием и укрепляющие тоталитарный режим.

Ключевые слова: уголовное право; уголовно-процессуальный кодекс; национал-социализм; репрессии; тоталитаризм; партийная система; пропаганда; культ личности; геноцид; концентрационные лагеря.

1933 год в Германии ознаменовался назначением нового канцлера. К власти пришел *Адольф Гитлер* (1889-1945 гг.), который в последствии стал одним из основоположников идей национал-социализма. Этот период в историографии принято относить к диктатуре в Германии [3, 4 с.].

Несмотря на прошедшие десятилетия выбранная тема для научной статьи *остается актуальной*, так как изучение уголовного права нацистской Германии показывает, как может быть искажена правовая система, как может быть использовано законодательство для легитимации преступлений против человечества.

После прихода к власти Гитлера был принят законопроект *"Об устранении бедственного положения народа и империи"* (до 1937 г.). Закон утвердил, что вся законодательная власть должна находиться в руках главы государства, что значительно противоречило действующей на тот момент Конституции [1, 42 с.].

Указ *"О защите немецкого народа и государства"* от 1933 года закрепил начало диктатуры: тотальное ограничение свободы собраний и печати, действующая Веймарская Конституция упразднена, каждый из депутатов Рейхстага (состав из 810 членов) должен был состоять в Национал-социалистической немецкой рабочей партии (нем. *"NSDAP"*).

Власть канцлера в государстве стала персональной и предоставляла неограниченную власть (*"Закон об объединении постов канцлера и президента"* 1934 г.).

Фюрер единолично стал отвечать за командование армией, реализацию партийно-государственной программы, обнародование законов, а также был правомочен формулировать мировоззрение партии и народа.

В 1942 году Адольф Гитлер получает право носить титул "*Вождя Нации, верховного главнокомандующего Вермахта, главы правительства, высшего судьи и фюрера Партии единолично и одновременно*".

После создания *Министерства пропаганды* велась тщательная агитационная программа, направленная на население государства. Она носила характер реваншизма.

Например, все молодые люди возрастом от 10 до 18 лет должны были состоять в Гитлерюгенде (молодежной партии NSDAP), под угрозой уголовной ответственности родителей.

С приходом Гитлера публично стало известно о лозунге "Германия без евреев!", что запустило процесс создания *немецких концентрационных лагерей*. Данный лозунг быстро приобрел характер государственной политики [5, 67 с.].

К концу 1938 года нацистская власть пришла к окончательному решению еврейского вопроса, в этот период и до окончания Второй мировой войны это означало физическое уничтожение населения еврейской принадлежности (1933-1945гг. - Холокост, что означает геноцид по планомерному уничтожению фашистской Германией евреев; например, 1938 г. - Хрустальная ночь).

В течение всего правления, расширялся так называемый Культ Гитлера. Гитлеровское приветствие добровольно приняли в широких массах населения, оно стало обязательным в стране и прилегающих районах.

Уголовное право и процесс с приходом нацистов к власти значительно ужесточился. Ему стали придавать обнародование. По уголовным делам стал применять упрощенный и ускоренный порядок производства. Вводится возможность заочного уголовно-процессуального производства [2, 315 с.].

Вновь вошла в силу работа Чрезвычайных судов. Полномочия следственных и судебных органов в тенденции к расширению. Полномочия прокурора практически достигли статуса судьи. К подсудности NSDAP относились уголовные дела о государственной измене, шпионаже, о подлинном или предполагаемом терроризме против представителей власти и других преступлениях. Ответственностью за данные преступления являлась смертная казнь. Во время уголовных преобразований введена новое исполнение приговора через повешение, а в годы Второй мировой войны также применялась и гильотина.

Репрессивный государственный аппарат усиливается, следствием чего является отмена гарантий по защите прав личности и запрет на обжалование судебных приговоров.

В новой редакции уголовного кодекса под контролем фашизма говорилось: «Если нет закона непосредственно карающего подобные действия, то они наказываются по закону, наиболее подходящему к данному случаю в соответствии с основными принципами права». Это говорит о том, что уголовное право того времени было «марионеткой» правящей верхушки [4, 56-68 с.].

Все эти обстоятельства привели к полному уничтожению независимости уголовной юстиции Германии, что в итоге означало укрепление террора тоталитарного режима.

Список цитируемой литературы:

1. Попова, А.В. История государства и права зарубежных стран нового и новейшего времени: учебное пособие для вузов / А.В. Попова; под редакцией Н.А. Фроловой, Н.И. Полищук. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 226 с.

2. Майстренко, Г.А. Становление уголовно-правовой политики Третьего рейха. Исторический ракурс / Г.А. Майстренко // Образование и право. – 2022. – №5. – С. 314-316.

3. Свободная энциклопедия: Википедия Адольф Гитлер / Википедия: Свободная энциклопедия. – 2025. – С.1-11.

4. Документы из Архива МИД Германии 1937-1938 годов – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 192 с.

5. Онхонов, Н.В.Нюрнбергский трибунал: историческое значение и уроки для современности / Н.В. Онхонов, С.Н. Соколова // Юридическая наука. – 2025. – №6. – С. 65-68.

УДК 340.12

Кисилева Елена Викторовна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
lena.kiseleva2002@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. ЭНГЕЛЬСА

Аннотация

Статья посвящена анализу политико-правовых взглядов Фридриха Энгельса как фундаментальной составляющей марксистской теории. На основе материалистического понимания истории исследуется его теория генезиса, сущности и функций государства и права. В работе раскрывается тезис Энгельса о том, что государство и право являются продуктом общества на определенной ступени его экономического развития и служат орудием классового господства. Особое внимание уделяется анализу таких ключевых работ, как «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «Анти-Дюринг», в которых сформулированы классические определения государства, показаны его отличительные признаки и исторические формы. Рассматривается энгельсовская критика буржуазного государства и права, раскрывающая их формальный характер и роль в защите интересов капитала. В заключении анализируется концепция диктатуры пролетариата как переходного государства и теория отмирания государства с построением бесклассового коммунистического общества. Подчеркивается непреходящее теоретическое и практическое значение политико-правового наследия Энгельса.

Ключевые слова: Фридрих Энгельс, политико-правовые взгляды, марксизм, теория государства, происхождение государства.

Политико-правовые взгляды Фридриха Энгельса, являющиеся неотъемлемой и фундаментальной частью марксистской теории, склады-

вались и развивались на протяжении нескольких десятилетий в тесном сотрудничестве с Карлом Марксом. Их анализ требует системного подхода, учитывающего диалектическое единство экономического базиса и политико-правовой надстройки. Теория государства и права Энгельса не является застывшей догмой; она эволюционировала, отвечая на вызовы современной ему эпохи и обогащаясь опытом классовой борьбы.

В основе методологии Энгельса лежит материалистическое понимание истории, согласно которому не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. С этой точки зрения, государство и право не имеют самостоятельной истории и независимой от общества сущности. Они являются продуктом общества на определенной ступени его экономического развития, возникая тогда, когда это общество запутывается в неразрешимом противоречии с самим собой, расколотое на антагонистические классы, бессильное покончить с их борьбой [1, с. 154]. Таким образом, политико-правовые институты представляют собой опосредованное и концентрированное выражение материальных, экономических интересов господствующих классов.

Наиболее развернутое исследование генезиса государства представлено Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». На основе анализа исторического материала, в частности, древнегреческого, древнеримского и германского обществ, он выделяет три последовательные формы разделения труда, которые привели к разложению родового строя и возникновению государства: отделение скотоводства от земледелия, отделение ремесла от земледелия и появление класса купцов. Эти процессы стимулировали рост производительности труда, что, в свою очередь, привело к появлению прибавочного продукта, частной собственности и, как следствие, имущественного неравенства.

Родовой строй, основанный на кровнородственных связях и коллективной собственности, оказался неспособен управлять обществом, расколотым на богатых и бедных, рабовладельцев и рабов. Требовалась особая сила, которая, с одной стороны, смогла бы умерять столкновения классов, а с другой – охранять сложившиеся отношения частной собственности. Этой силой и стало государство. Энгельс формулирует его классическое определение: «государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходима сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла

столкновение, держала его в границах «порядка“. И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» [1, с. 154].

Отличительными признаками государства, в отличие от родовой организации, Энгельс называет:

1. Разделение подданных по территориальным, а не по кровнородственным признакам.

2. Учреждение публичной власти, которая не совпадает непосредственно с населением, организующим себя как вооруженная сила. Эта публичная власть состоит из особых отрядов вооруженных людей (армия, полиция), а также из вещественных придатков – тюрем и принудительных учреждений. Содержание этой публичной власти обеспечивается налогами и государственными займами.

3. Право взимания налогов для содержания публичной власти и государственного аппарата.

Возникновение права Энгельс связывает с теми же процессами. Обычаи родового строя, отражавшие общинную собственность и отсутствие антагонизмов, перестали соответствовать новым экономическим реалиям. Они были либо вытеснены, либо трансформированы в правовые нормы, санкционируемые государственной властью и направленные на закрепление и защиту отношений частной собственности и классового господства. Таким образом, право, как и государство, носит классовый характер.

Согласно взглядам Энгельса, государство по своей сути является машиной для подавления одного класса другим. Это – «организация имущего класса для защиты от неимущего класса» [2, с. 264]. В работе «Анти-Дюринг» он подчеркивает, что древнее государство было государством рабовладельцев для подавления рабов, феодальное государство – органом дворянства для подавления крепостных, а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом [3, с. 191].

Функции государства, вытекающие из его классовой сущности, многообразны:

1. Внутренняя функция подавления: основная функция – удержание угнетенных классов в узде с помощью аппарата насилия (армия, полиция, суды, тюрьмы).

2. Экономическая функция: обеспечение и защита экономических основ господствующего класса, создание правовых и административных условий для функционирования системы эксплуатации.

3. Идеологическая функция: воспроизводство идеологии господствующего класса для обеспечения гегемонии и легитимации существующего порядка.

4. Внешняя функция: защита территориальной целостности и интересов господствующего класса на международной арене, ведение захватнических или оборонительных войн.

Энгельс, однако, не отрицал и некоторых общих дел, которые государство вынуждено выполнять в интересах всего общества (например, поддержание инфраструктуры, санитарный контроль), но подчеркивал, что эти функции осуществляются в рамках и в интересах сохранения классового господства.

Энгельс дал развернутую критику государства и права буржуазного типа. Он рассматривал буржуазную демократию, парламентаризм и разделение властей как наиболее развитую форму классового господства капитала. Формальное равенство перед законом, провозглашаемое буржуазным правом, маскирует реальное экономическое и социальное неравенство. «Современное государство, – писал он, – какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист» [4, с. 262].

В своих поздних работах, таких как «Введение к работе К. Маркса "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г."», Энгельс анализировал эволюцию буржуазного государства, отмечая рост его бюрократического и милитаристского аппарата. Он также уделял внимание анализу избирательных систем, показывая, как цензовые ограничения, а затем и формально всеобщее избирательное право используются буржуазией для сохранения своей власти, либо путем прямого исключения низших классов из политического процесса, либо путем его интеграции в управляемую систему [5, с. 475].

Право в буржуазном обществе Энгельс определял как возведенную в закон волю буржуазии, содержание которой определяется материальными условиями жизни этого класса [6, с. 322]. Буржуазное право, провозглашая священное и неприкосновенное право частной собственности, юридически закрепляет результаты капиталистической эксплуатации.

Важнейшим элементом политической теории Энгельса является концепция диктатуры пролетариата как переходного периода от капитализма к коммунизму. После социалистической революции старый государственный аппарат не может быть просто унаследован пролетариатом, он должен быть сломан. На его месте создается государство нового типа – диктатура пролетариата. В отличие от всех прежних государств, которые были диктатурами эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством, диктатура пролетариата представляет собой диктатуру огромного большинства в интересах этого большинства. Ее задача – подавить сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, экспроприировать собственность буржуазии и организовать новое, социалистическое хозяйство.

Особенностью этого государства является то, что оно с самого момента своего возникновения носит преходящий характер. Энгельс, вслед за Марксом, развивал теорию отмирания государства. По мере строительства бесклассового коммунистического общества, с ликвидацией частной собственности и антагонистических классов, исчезает социальная потребность в государстве как особом аппарате подавления. Постепенно государственные функции утрачивают свой политический характер и превращаются в простые административные функции по управлению производственными процессами и общественными делами. Государство не «отменяется», оно «отмирает». «Государство», – писал Энгельс в «Анти-Дюринге», – есть не «отмененное, оно отмирает» [3, с. 202]. На смену ему приходит коммунистическое общественное самоуправление.

Для наглядного представления диалектической концепции государства по Энгельсу может быть полезна следующая схема:

Политико-правовые взгляды Фридриха Энгельса оказали огромное влияние на развитие социалистического и коммунистического движения, стали теоретическим фундаментом для революционных партий и легли в основу государственного строительства в странах, вступивших на социалистический путь развития. Его анализ классовой природы государства и права, несмотря на критику и различные интерпретации, остается мощным инструментом для критики капиталистической системы и понимания исторической роли политико-правовых институтов. Труды Энгельса заложили основы материалистической теории государства и права, которая продолжает оставаться предметом активных научных дискуссий и исследований.

Список используемой литературы:

1. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. – М.: Госиздат, 1923. – 185 с.

2. Энгельс, Ф. К жилищному вопросу // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 2 / Ф. Энгельс. – М.: ГИЗ, 1925. – С. 245–302.

3. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1920. – 410 с.

4. Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке / Ф. Энгельс // Коммунистический Интернационал. – 1922. – № 22. – С. 15–48.

5. Энгельс, Ф. Введение к брошюре К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» / Ф. Энгельс // Под знаменем марксизма. – 1924. – № 8-9. – С. 12–35.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс.– Л.: Прибой, 1925. – 98 с.

УДК 340.15

Киселева Елена Викторовна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
lena.kiseleva2002@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ГОСУДАРСТВО ЗАКОНОВ («ГОСУДАРСТВО ЗАКОННОСТИ»)

Аннотация

Статья посвящена исследованию ключевых подходов к трактовке понятия «правовое государство», его системообразующих характеристик, а также анализу соотношения данной категории с концептом «государство законности». В центре внимания — сравнительный анализ данных правовых концепций и их взаимосвязи в современной юридической доктрине.

Ключевые слова: правовое поле государства, закон; государство законности, система регулирования, правовое государство.

Становление категории "правовое государство" как научной концепции берет начало в трудах немецких правоведов XIX столетия. Согласно научной интерпретации, правовое государство определялось через его способность создавать правовые условия, при которых индивид получает возможность наиболее полной и осмысленной реализации своих способностей. [2, с.97].

В актуальных научных исследованиях правовое государство характеризуется как форма организации публичной власти, чьи полномочия ограничены правовыми нормами, санкционированными обществом. Сущность правового государства раскрывается через систему конституционных принципов, где приоритет права и обеспечение правовой защищённости личности определяют основы его устройства и деятельности. [5, с.28].

Л.А. Морозова предлагает собственную интерпретацию правового государства, акцентируя его неразрывную связь с демократическими основами. В ее трактовке данная форма государства требует построение властного функционирования, организации и развития соответствующих институтов.

Как полагает А.Н. Соколов, к числу системообразующих принципов правового государства относится надежная защита свобод человека. Руководствуясь данным принципом, на государство возлагается

функция гаранта общепризнанных прав человека, что подразумевает обеспечение их реализации в рамках действующего законодательства. Следующим место занимает равенство, содержание которого проявляется через запрет правовых привилегий и обеспечение идентичного режима правового регулирования для всех граждан независимо от социальных, экономических или иных характеристик. Третьим основополагающим принципом выступает разделение властей, обеспечивающее организационное обособление и самостоятельность различных ветвей государственной власти. Согласно позиции Соколова, принципу разделения властей отводится первичная роль, так как его реализация составляет необходимое условие для смысловой наполненности иных основ конституционного строя. [6, с.11].

Т.В. Власова указывает, что современное правовое государство, помимо общих для всех государств принципов, руководствуется еще и рядом особых. «Как мы полагаем, суть правового государства раскрывается в неразрывной связи его ключевых элементов: его правопорядок базируется на конституционном праве; права и свободы человека не только признаются, но и реально обеспечиваются; у граждан формируется устойчивое правовое доверие к праву и государству; действуют развитая система конституционного надзора. Эти характеристики правового государства определяют формирование особых принципов, которые не только отражают его специфику, но и служат основой для осуществления государственного управления и правоприменительной деятельности».

Проведенный анализ подтверждает, что правовое государство возможно лишь при условии соблюдения принципа разделения властей. Его суть заключается в том, все органы власти осуществляют свои функции в установленных законом границах, что является практическим воплощением верховенства права. Этот принцип применяется повсеместно: он является общеобязательным в границах государства и распространяется на все без исключения. Принцип законности, занимая третье место в этой системе, предписывает всем субъектам власти — от высших должностных лиц до местных органов — неукоснительно следовать закону, исключая любые действия, продиктованные корыстными побуждениями. Согласно данному принципу, вся деятельность органов власти должна осуществляться в рамках правового поля, определяющего как их компетенцию, так и процедуру взаимодействие с населением и организациями. Данные положения служат основой для двух важнейших принципов: независимость судов и равенство всех перед законом. Равенство перед законом и судом создает механизм правовой защиты: в случае нарушения государственными органами данных положений в корыстных целях, независимая и бес-

пристрастная судебная система обеспечит защиту и восстановление нарушенных прав граждан.

Перейдем к изучению принципа законности в рамках правового государства и исследованию его содержания в концепции «государства законности».

С точки зрения А.В. Мелехина, «государство законности» представляет собой механизм, где власть обеспечивает подчинение населения правовым нормам и поддерживает субординацию институтов власти. В подобных условиях возникает характерная для тоталитарных режимов черта: требование абсолютного повиновения и неукоснительного выполнения всех распоряжений власти. [4, с. 101].

Ключевая черта тоталитаризма — это стремление власти к абсолютному регламентированию всех процессов от государственного уровня до частной жизни граждан. Основой тоталитарного режима служит концентрация (монополия) власти, при которой доминирующий политический орган использует законодательство как инструмент реализации своих целей. Лидер в данной системе обладает неприкосновенностью, что выводит его из-под действия принципа равенства перед законом и исключает возможность судебного преследования. Кроме того этот тип государства устанавливает доминирование как в экономике, так и в социальной сфере.

В «государстве законности» правовые акты, как правило, разрабатываются при непосредственном участии правящей партии или лидера. Это позволяет централизованно регулировать все общественные процессы и обеспечивать безусловное исполнение установленных предписаний. Правовая система в таких условиях носит преимущественно декларативный характер. Формально существующие законодательные акты создают иллюзию защиты гражданских прав, формируя для внешних наблюдателей видимость правового государства. «Государство законности» — это модель, для которой характерно формальное принятие всех необходимых законов и институтов, чья реальная роль сводится к декларативному обеспечению политических, экономических и социальных сфер.

Как отмечает А.В. Мелехин, в тоталитарной системе этого типа права граждан соблюдаются лишь в пределах политической выгоды власти, а для тотального контроля над обществом используются непопулярные законодательные меры.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что основное разграничение между государством законов и государством законности заключается в следующем: первое предполагает верховенство права и обязательность соблюдения законов всеми органами власти. В данной правовой системе закон занимает главенствующую роль, что исключа-

ет возможность произвольных действий со стороны любых субъектов, в том числе государственных органов, в обход установленных нормативных предписаний. Принципы, лежащие в основе государства законов, являются фундаментом правового государства, создают эффективный механизм защиты прав и интересов граждан.

В государстве законности формируется иная картина, хотя здесь и существуют все необходимые правовые институты, их деятельность имеет определённые рамки, задаваемые интересами правящей элиты и соображениями международной репутации. В рамках подобной модели законодательная система нацелена в первую очередь на максимальный охват контролем, отодвигая защиту прав граждан на второй план. Из этого следует, что государство законности не может быть отнесено к правовому государству, поскольку в нём отрицается верховенство прав человека. В отличие от системы с развитыми социально-правовыми институтами, такая модель тяготеет к тоталитаризму, где право становится инструментом принуждения для достижения текущих целей правящей группы.

Итогом исследования становится вывод о концептуальном различии между «государством законов» (правовым государством) и «государством законности», которые, при кажущейся общности принципов реализуют разные модели правового регулирования.

Воплощение ключевых принципов формирует государство законов, чьи институты ориентированы на создание правового порядка, где приоритет отдается защите прав и интересов личности. Здесь власть принадлежит народу, а все государственные структуры — лишь исполнители его воли, чья главная задача состоит в обеспечении достойного уровня жизни во всех её проявлениях.

Даже создав все необходимые институты, можно прийти к тоталитаризму, где законы служат лишь власти, а права граждан соблюдаются выборочно — ровно настолько, насколько это выгодно правящей элите.

В заключение можно сказать, что сравниваемые государства демонстрируют общую концепцию: подчинение власти правовым предписаниям. В этой системе законодательство выполняет двойную функцию - составляет фундамент законности и защиты права граждан.

Несмотря на то что оба термина указывают на необходимость регулирования деятельности государства правом, А.В. Мелехин проводит между ними критическое различие. Он утверждает, что «государство законности», использующее законодательство для тотального контроля, является антиподом правового государства, поскольку при тоталитаризме власть действует не в интересах граждан, а ради сохранения и укрепления собственной власти.

Список используемой литературы:

1. Бондарь, Н. С. Верховенство права vs верховенство закона: в поисках конституционного баланса ценностей / Н. С. Бондарь // Сравнительное конституционное обозрение. – 2021. – № 6 (139). – С. 44–60.
2. Варламова, Н. В. Правовое государство: от идеи к принципу конституционного строя / Н. В. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 2 (135). – С. 33–49.
3. Лапаева, В. В. Законность и правовое государство: неразрывная связь и различия / В. В. Лапаева // Журнал российского права. – 2022. – № 5 (305). – С. 5–20.
4. Малько, А. В. Правовое государство: проблемы теории и практики : монография / А. В. Малько, В. В. Ныркова, К. В. Шундрин. – Москва : Проспект, 2021. – 288 с.
5. Марченко, М. Н. Правовое государство: теоретические и исторические исследования : монография / М. Н. Марченко. – Москва : Статут, 2022. – 415 с.
6. Тихомиров, Ю. А. Правовое государство: вызовы и парадоксы / Ю. А. Тихомиров // Государство и право. – 2023. – № 2. – С. 6–17.

УДК 340

Копытина Евгения Александровна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
89802617397@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ В АРАБСКОМ ХАЛИФАТЕ

Аннотация

В настоящей статье рассматривается система уголовного права и наказаний, существовавшая в Арабском халифате в период его расцвета (VIII-XII вв.). На основе анализа исторических источников, включая Коран, Сунну, труды исламских правоведов (улемов) и документальные свидетельства эпохи, исследуются основные категории преступлений, предусмотренные шариатом: Худул, Кисас и Тазир.

Ключевые слова: Арабский халифат, шариат, уголовное право, Хадуд, Кисас, Тазир, преступления, наказания, исламское право.

Арабский халифат, охватывавший огромные территории от Испании до Индии в период с VIII по XII века, оставил неизгладимый след в истории права и культуры. Система уголовного правосудия в Халифате основывалась на принципах исламского права (шариата), который, в свою очередь, опирался на Коран, Сунну (жизнеописание пророка Мухаммеда) и иджму (согласованное мнение исламских ученых). Исламское право (шариат) стало основой уголовного законодательства халифата.

Занимаясь разработкой теории правонарушения, мусульманскими юристами делался акцент на два философско-богословские начала. Таким образом, они полагали, что каждый поступок и все мысли людей не предопределяются их волей, а они, в свою очередь, находятся в прямой зависимости от Аллаха. Вместе с тем, большинство представителей мусульманско-правовых школ признают достаточную гибкость установленных Всевышним рамок, что предоставляет человеку в немалом количестве случаев возможность самостоятельного выбора того или иного варианта поведения. В связи с этим, все серьезные проступки рассматриваются в качестве нарушения установленных Аллахом запретов, которые призваны оберегать такие основные ценности, как религия, жизнь, разум, продолжение потомства и собственность.

В мусульманском праве правонарушение стало восприниматься как непослушание божественной воле, на основании чего исламскими учеными-юристами стало высказываться мнение о наступлении за отклонение от норм мусульманского уголовного права не только светской (земной) санкции, но и потустороннего наказания [2].

Мазхаб (правовая школа): Различные правовые школы (ханафитская, маликитская, шафиитская, ханбалитская) толковали нормы шариата по-разному, что могло приводить к различиям в назначении наказаний.

Система уголовного права в Арабском халифате была многоуровневой и включала различные категории преступлений и наказаний, такие как религиозные преступления, против собственности, против личности.

Основные виды преступлений и наказания за них, можно разделить на три группы:

1. Худуд (حدود) - это преступления, наказания за которые прямо определены в Коране или Сунне, представляющие наибольшую общественную опасность, посягающие на «права Аллаха» (т.е. интересы всей мусульманской общины). Эти преступления считались наиболее серьезными, поскольку рассматривались как посягательство на установленный божественный порядок. К ним относились:

Зина (الزنا) - супружеская измена или внебрачные половые связи. Доказательством требовались показания четырех свидетелей-мужчин

или признание виновного. Наказанием было забивание камнями до смерти (для состоящих в браке) или 100 ударов плетью (для неженатых/незамужних) [Коран, 24:2].

Сарика (السرقة) - кража. Наказанием было отсечение руки (за повторные кражи могло быть отсечено и другую часть тела) [Коран, 5:38]. При этом существовали четкие критерии, определяющие, что именно считать кражей, подлежащей наказанию худдуд.

Хираба (الحرابة) - грабеж на дорогах, бандитизм, мятеж, вероотступничество (ридда). Наказания могли варьироваться от отсечения руки и ноги (в зависимости от тяжести преступления) до смертной казни [Коран, 5:33]. Вероотступничество, особенно, рассматривалось как серьезное преступление, угрожающее стабильности мусульманской общины

Шурб аль-хамр (شرب الخمر) - употребление опьяняющих напитков. Наказанием было 80 ударов плетью [Хадис от Али ибн Аби Талиба].

Казф (القذف) - ложное обвинение в чем-либо. Наказанием было 80 ударов плетью [Коран, 24:4].

2. Кисас (قصاص), т.е. «воздаяние равным». В этой категории рассматривались посягательства не на права всей мусульманской общины, а на права отдельных лиц - это категория преступлений, связанных с причинением вреда здоровью или лишением жизни. [3]

В общем виде основной принцип ответственности за совершение преступлений — наказание по принципу талиона — установлен в Коране следующим образом: «Мы предписали им в Торе: жизнь за жизнь, глаз — за глаз, нос — за нос, зуб — за зуб, за раны — возмездие» (4:45). Судьи (кади) имели право определять меру наказания, основываясь на конкретных фактах и условиях. Кида применялась в случаях, когда конкретное наказание не было установлено шариатом. [4]

Катль (القتل) - убийство. Родственники убитого имели право требовать возмездия (смертной казни убийцы) или прощения в обмен на "дийя" (денежную компенсацию) [Коран, 2:178]. Умышленное и неумышленное убийство различались по степени вины и, соответственно, по наказанию.

За нанесение телесных повреждений. Аналогично убийству, пострадавший мог требовать возмездия (нанесения аналогичного повреждения виновному) или получения компенсации.

3. Тазир (تعزير) - это категория преступлений, наказание за которые не определено Кораном и Сунной. Такие наказания назначались за совершение небольших правонарушений и преступлений судьями на свое личное усмотрение. Тазир охватывал широкий спектр проступков, включая мелкие кражи, мошенничество, нарушение общественного порядка, клевету и т.д. Наказания тазир могли варьироваться от

штрафов и тюремного заключения до телесных наказаний (менее строгих, чем при худуд) и публичного порицания. [4]

Э. Ш. Раджабова, например, отмечает, что наказания категории тазир «назначаются с учетом судейского усмотрения за все иные преступления, посягающие как на права и волю Аллаха, так и на сферу личностных интересов и прав (в частности, за мошенничество, вымогательство, злоупотребление доверием, обмеривание, обвешивание, растрату государственного имущества)» [5]

Для судебного процесса по шариату характерен обвинительный характер, но с элементами состязательности. Некоторые особенности:

Дела возбуждались заинтересованными лицами, а не государственными органами (кроме преступлений, относящихся к первой группе, — против основ религии и государства).

Стороны должны были сами вести дело под руководством назначенных халифом судей — кади.

При вынесении решений кади, прежде всего, руководствовались Кораном и решали дела на основе его самостоятельного толкования.

Основными доказательствами были признания сторон, показания свидетелей, клятвы.

Список цитируемой литературы:

1. Шахбазов, Р. Ф. О некоторых исторических аспектах становления мусульманского уголовного права /Р.Ф. Шахбазов // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. - 2016. - №1 (11). – С. 3-4.

2. Махарамов, Я. А. Классификация наказаний по мусульманскому уголовному праву /Я.А. Махарамов// Актуальные проблемы российского права. - 2007. - №1. – С. 5-8.

3. Кононкова Н.В., Говенко С.А. Преступления категории «Худуд» («Хадд») в мусульманском уголовном праве / Н.В. Кононкова, С.А. Говенко // Вестник АмГУ. - 2016. - № 72. - С. 21-26.

4. Цыремпилова, И. В. Система наказаний в мусульманском уголовном праве / И. В. Цыремпилова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 41 (540). — С. 261-264.

5. Раджабова, Э. Ш. Классификация наказаний по мусульманскому уголовному праву / Э. Ш. Раджабова // Юридический вестник ДГУ. — 2015. — № 1.

УДК 340

Копытина Евгения Александровна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
89802617397@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ЗАКОНАДАТЕЛЬНАЯ, ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

Аннотация

Статья посвящена анализу каждой ветви власти рассматривая законодательную, исполнительную и судебную ветви как ключевые элементы демократического государства. Исследуются механизмы взаимодействия сдержек и противовесов, основные принципы и механизмы функционирования каждой ветви власти, а также их роль в системе государственного управления.

Ключевые слова: разделение властей; законодательная ветвь власти; исполнительная ветвь власти; судебная ветвь власти; государство; парламент; нормативно правовой акт; система сдержек и противовесов.

В современном мире невозможно представить эффективное и справедливое государство без четкого разделения властей. Этот принцип, заложенный в основу демократических систем, является гарантией свободы, правопорядка и защиты от злоупотреблений. Разделение властей подразумевает распределение государственной власти между различными, независимыми друг от друга ветвями.

В соответствии с конституцией Российской Федерации в статье 10 говориться о том, что «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» [1].

Разделение властей, принцип организации и осуществления государственной власти, согласно которому государственная власть осуществляется законодательными (представительными), исполнительными и судебными органами независимо друг от друга и при наличии механизмов, уравновешивающих объём их полномочий.

Законодательная власть – это ветвь государственной власти, которая выполняет функции по разработке, обсуждении и принятие законов, регулирующих жизнь общества и работу государства.

К ее основным функциям относят: разработка, обсуждение, принятие, внесение поправок в нормативно правовые акты, которые регулируют все сферы жизни общества; определение внешней политики государства заключение международных договоров и соглашений; разработка проектов государственного бюджета и обеспечение его исполнения; внесение правое в соответствии с установленной процедурой, в конституцию страны.

К основному признаку исполнительной власти можно отнести исключительное право законодательной инициативы, то есть правом вносить законопроекты на рассмотрение. Пределы действия законодательной власти ограничены принципами права, естественными правами человека, идеями свободы и справедливости.

Структура законодательной власти варьируется в зависимости от страны и ее политической системы, но, в целом, можно выделить несколько основных моделей:

1. Однопалатный парламент: Состоит из одной палаты, депутаты которой избираются непосредственно населением. Например, Китай (Всекитайское собрание народных представителей), Венгрия (Государственное Собрание), Новая Зеландия (Палата представителей).

2. Двухпалатный парламент: Состоит из двух палат: верхней и нижней. Депутаты нижней палаты обычно избираются населением, а верхняя палата может формироваться по-разному (избираться, назначаться, формироваться из представителей регионов и т.д.). Например, США (Конгресс: Палата представителей и Сенат), Великобритания (Парламент: Палата общин и Палата лордов), Франция (Сенат и Национальное собрание, до 1946 года — Палата Депутатов).

В Российской Федерации законодательная власть на федеральном уровне представлена Федеральным Собранием, которое состоит из Совета Федерации и Государственной Думы.

Законодательную власть в субъектах РФ осуществляют– главы администраций (губернаторы), законодательные (представительные) органы и определённые федеральным законодательством судебные органы. Конституция устанавливает, что на региональном уровне государственная власть реализуется на основе принципа разделения властей и с учётом разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти [2]. Законодательная власть представляет интересы граждан через избираемых представителей.

Исполнительная власть – это ветвь государственной власти, которая занимается непосредственно самой реализацией правовых норм, которые были приняты законодателем.

Акцентирование внимания на независимости исполнительной власти вряд ли оправдано в силу подзаконного характера ее деятельности и необходимости постоянного систематического контроля за осуществлением исполнительной власти со стороны двух других ветвей власти и главы государства во избежание разбалансировки принципа разделения властей [3].

К основным функциям исполнительной ветви власти относится: реализация принятых нормативно правовых актов; защита прав и законных интересов граждан, социума в целом, а также юридических лиц и других участников общественных отношений; формирование условий для благополучного существования личности и общества; предоставление общественно значимых услуг гражданам и организациям; ответственна за управление всеми государственными структурами, в том числе за назначение или увольнение государственных служащих, разработку и осуществление государственных программ; представление страны на международной арене [4].

Структура исполнительной власти зависит от формы правления в государстве:

Президентская республика: Исполнительная власть принадлежит президенту, который является главой государства и правительства. Он формирует правительство и руководит его работой (Бразилия, США).

Парламентская республика: Исполнительная власть осуществляется правительством, которое формируется парламентом из числа депутатов, принадлежащих к победившей на выборах партии или коалиции. Главой правительства является премьер-министр (Германия)

Полупрезидентская республика: Президент обладает значительными полномочиями (например, внешней политикой, обороной), а правительство формируется с участием парламента и отвечает перед ним. (Франция)

Монархия: Исполнительная власть номинально принадлежит монарху (королю, императору, герцогу и т.д.), но на практике осуществляется правительством, формируемым парламентом или самим монархом. (Англия)

Исполнительная власть в Российской Федерации представлена Правительством РФ, которое осуществляет её под общим руководством Президента РФ.

Правительство РФ состоит из Председателя Правительства РФ, заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных министров. Их назначает Президент РФ после утверждения их кандидатур Государственной Думой РФ.

Судебная власть – ветвь государственной власти, которая призвана охранять право, правовые устои государственной и общественной

жизни от любых нарушений, кто бы их ни бы их ни совершат. Правосудие в правовом государстве осуществляется только судебными органами и судом.

Судебная власть имеет своим предназначением разрешение правовых споров, которые возникают в процессе жизнедеятельности личности, общества и государства. По сути, это институт, который формируется самим государством для реализации своих управленческих функций [5].

К основным функциям судебной власти относиться: рассмотрение гражданские, уголовные, административные и другие дела, принимает решения (приговоры, решения, постановления) и обеспечивает их исполнение; в странах (например, в России) существует конституционный суд или аналогичный орган, который проверяет законы и другие нормативные акты на соответствие конституции; разъяснение смысла и содержания правовых норм при рассмотрении конкретных дел; гарантируют защиту прав и свобод, закрепленных в конституции и законах; разрешает конфликты между гражданами, организациями, государством.

Одним из важнейших принципов функционирования судебной власти является ее независимость от других ветвей власти Давление со стороны правительства, политическое влияние или коррупция – все это подрывает доверие к судебной системе и ставит под сомнение законность вынесенных решений. Независимость судей должна быть гарантирована законом.

В систему судебной системы Российской Федерации входят: Конституционный Суд РФ (проверка соответствия законов Конституции), Верховный Суд РФ (высшая инстанция по гражданским, уголовным, административным делам), Арбитражные апелляционные суды, Арбитражные суды округов (кассационные), Верховные суды республик, краевые/областные суды (апелляция для судов общей юрисдикции). Арбитражные суды субъектов РФ, Районные суды (суды общей юрисдикции), Мировые судьи (суды общей юрисдикции).

Поэтому для эффективного развития государства и общества необходимы механизмы сдержек и противовесов. Это выражается в законодательных нормах, они предусматривают сдерживающие процедуры для исключения концентрации всей силы и полноты власти в одних руках. Если одна ветвь власти явно начинает превышать свои полномочия, другие ветви власти могут применить к ней решительные меры с целью уравновешивания власти.

Принцип сдержек и противовесов предусматривает, что все ветви власти находятся в равновесном положении и контролируют положение друг друга. Каждая ветвь власти независима только в поле своей деятельности. В других вопросах они зависимы друг от друга.

Принцип разделения властей имеет законодательную природу происхождения, а система сдержек позволяет воплотить принцип разделения властей в жизнь.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [ред. от 4 октября 2022 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. - № 41. – Ст. 6930.

2. Гаськов, Д. В. Разделение властей и институты власти / Д.В. Гаськов // Вестник науки и образования. - 2019. - №11-3 (65). – С. 2-3.

3. Кожина, А. М. Исполнительная власть: понятие, признаки, место в современном государстве /А.М.Кожина// Научные записки молодых исследователей. - 2014. - №3. – С. 3-4.

4. Зуев, Е. Д. Понятие и признаки исполнительной власти в России / Е.Д. Зуев, А. В. Минаев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2024. - №2-3 (89). – С. 2-3.

5. Кочетова, А. В. О понятии «Судебная власть» /А.В. Кочетова// Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. - 2015. - №4. – С. 3-4.

УДК 340

Королёва Алина Николаевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
lina.korolva.07@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

БРАК И СЕМЬЯ ПО ЗАКОНАМ XII ТАБЛИЦ

Аннотация

В данной статье рассматриваются брак и семья по законам XII таблиц. Анализируются понятия «правильный брак» и «неправильный брак» в Древнем Риме, характерные черты, виды и формы брака. Дополнительно рассматриваются условия заключения брака и способы заключения брака. Также в данной статье затрагиваются агнатическое и когнатическое родство, их различие по законам XII таблиц. Рассматривается наследование, степени родства в наследовании. Изучается понятие «легат».

Ключевые слова: Законы XII таблиц, законный брак, неправильный брак, конкубинат.

Законы XII таблиц представляет собой первый систематизированный сборник законов, регулирующий почти все отрасли права. Его создание связанно с Древним Римом и Народным собранием. Данный свод законов принимался в два этапа. В 451 году до н.э. было принято 10 таблиц, а в последующем 450 году до н.э. было принято ещё 2 таблицы. Таким образом, Законы XII создавались с 451 года до н.э. до 450 года н.э.

В таблицах IV-V раскрываются семейно-брачные отношения и наследственность в Древнем Риме по Законам XII таблиц. Существовало два типа брака: правильный или законный брак (matrimonium justum) и неправильный брак (matrimonium juris gentium). В соответствии с положениями XII таблиц под законным или правильным браком понимался брак, который заключался между лицами, обладающими правом на это. Противоположностью данного вида брака являлся неправильный брак. Данный вид союза заключался между лицами, не обладающими правом на его заключение. Примером неправильного брака являлся брак между плебеями и патрициями. В соответствии с законами XII таблиц подобный брак был запрещен, но данный закон был отменён в 445 году до н.э. законом Канулея.

Как и в настоящее время, в Древнем Риме были определённые условия, которые нужно было соблюсти для заключения брака. Первым необходимым условием являлось достижение брачного возраста. Он дифференцировался для мужчин и женщин. Для мужчин он составлял 14 лет, в то время как для женщин – 12 лет. Вторым важным условием являлся принцип взаимности, который предполагал согласие обоих супругов на заключение брака. При этом данное обстоятельство не означало автоматического равноправия супругов в браке. Третьим условием являлось отсутствие родственных отношений между супругами. При этом, агнатическое и когнатическое родство являлось препятствием к заключению брака. В-четвёртых, обязательное постоянное проживание супругов вместе (contubernium). Супруги обязались вести совместный быт. Однако, в Законах XII таблиц встречается понятие «конкубинат», что обозначало постоянное проживание супругов, разрешённое законом, но не являвшееся законным браком.

В Древнем Риме было представлено три способа заключения брака. Основываясь на форме его заключения, брак определялся либо правильным, либо не правильным, а также делился в зависимости отношения жены к власти мужа. Первым способом заключения брака являлся confarreatio – религиозный обряд. Подобный способ заключения был характерен для богатых семей патрициев. Данный обряд предполагал пышную церемонию с богатыми подношениями Юпитеру. Необходимыми участниками церемонии являлись жрец и свидетели (по общему правилу 10 человек). Вторым способом заключения брака являлся выкуп невесту

женихом. К данному браку применялся термин coemptio. Главным подтверждением данного брака являлся переход права собственности к супругу. Переход оформлялся домовладыкой. Данный переход права собственности именовался paterfamilias. Ритуал заключения данного вида брака заключался в произношении определенных слов в присутствии свидетелей и весовщика. Свидетелей должно было быть не менее пяти. Третьим способом заключения брака являлось заключение соглашения между будущими супругами. Подобный брак считался заключённым в тот момент, когда жених приводил невесту в свой дом. Также важным условием являлось приданое, что характеризуется внесением движимого или недвижимого имущества с целью облегчения мужу предстоящих расходов в семейной жизни. [1]

Как упоминалось раньше существуют разные формы законного брака по Законам XII таблиц в зависимости от отношения жены к власти мужа. Брак с властью мужа (cum manu) подразумевал, что жена была в подчинении власти мужа или домовладыки, если муж таковым не являлся. Муж имел равные права и на свою жену, и на детей. Например, если кто-то приносил в дом какое-то имущество, то оно становилось собственностью мужа. Брак без власти мужа (sine manu) характеризовался тем, что жена являлась самостоятельным лицом или была во власти прежнего домовладыки. Основывалась такая форма брака на независимости жены от мужа, но жена могла попасть под власть мужа по истечению одного года совместного проживания. Однако, переход под власть мужа можно было предотвратить, отлучившись из своего дома на три ночи. Это считалось перерывом в годичных отношениях.

В Древнем Риме существовало два вида родства, которые в свою очередь препятствовали заключению брака. Агнатическое родство было основано на подчинении власти главы семьи. Дочь (pater familias), которая вступает в законный брак, переходит под власть нового домовладыки и в отношении своей семьи (familia) перестаёт быть агнатической родственницей. Такое родство могло быть близким и далёким. Близкими родственниками являлись лица, которые находились под властью одного домовладыки, а далёкими родственниками являлись лица, которые когда-то находились под властью данного домовладыки. Агнатами называли тех, кто связан законным родством. Агнатическое родство составлялось только со стороны мужчин.

Под когнатическим родством понималось родство в основе которого находился хотя бы один общий предок. Таким образом, когнатическими родственниками являлись родственники нисходящей и восходящей линии, а также братья, сестра, племянники и т.д. Также к подобным родственникам относились родственники, приобретенные в результате заключения брака, полнородные и не полнородные братья и сестры.

В Законах XII таблиц регламентировался также процесс расторжения брака. Брак мог быть расторгнут по ряду причин. Первым основание расторжения брака являлась смерть супруга. В случае смерти супруги от естественных причин не устанавливались временные ограничения для вступления супруга в новый брак. В то же время в отношении вдов устанавливался период обязательного траура - tempus lugendi. В данный период женщина не могла вступить в новый брак. Еще одним из оснований расторжения брака являлась утрата свободы одним из супругов. При этом брак признавался расторгнутым автоматически при обращении в рабство супруга. В рамках расторжения брака по данному основанию для женщин предусматривались особые условия. В частности, если супруга брали в плен, женщина не имела права заключить новый брак.

Особым условием расторжения брака по Законам XII таблиц являлась утрата гражданства супругом. В указанном случае брак не расторгался, но терял силу законного. Он признавался только в рамках естественного права. Еще одним основанием расторжения брака была воля главы семьи. Расторжение рака по данному условию могло быть по инициативе главы семьи, который хотел вернуть женщину оьратно в семью. Данное основание могло применять только в браке, где супруга не находилась под властью супруга.

Развод (divortium) в Древнем Риме мог инициировать только мужчина. Обычно такие действия были связаны с неподобающим поведением жены, такими как пьянство или измена. Также данная инициатива могла быть связана с бесплодием жены или даже с выкидышем. Развод стал возможным по воле мужа и по воле жены, при взаимном согласии сторон, когда получил свою популярность брак без власти мужа.

Следующим пунктом стоит рассмотреть наследование (ab intestato) по Законам XII таблиц. В Древнем Риме наследование проходило, основываясь на агнатическом родстве. Завещание, как форма передачи имущества, существовало в Древнем мире, однако почти не использовалось. Принцип передачи наследства по Законам XII таблиц звучал следующим образом «Если кто-либо умрет без завещания и при отсутствии наследников разряда sui, пусть примет наследство ближайший агнат. Если нет и агнатов, наследство достается членам рода (si intestate moritur moritur cui sum heres nee ascit, agnatus proximus familiam habeto. si agnatus nee escit, gentilies familiam habendo)». [2] Данный порядок наследования указан в V таблице. Из этого следует, что наследство переходило в зависимости от степени родства.

Существовало 3 очереди при передаче наследства. Первая очередь — это лица, которые находились под властью главы семьи в момент его смерти. Они, находясь в «чужой» (alieni juris) власти, становились правоспособными лицами. Термин «лицо чужого права» в

Древнем Риме обозначались лица, не имеющих самостоятельности во всех аспектах. [4] Лицами первой очереди являлись дети главы семьи или внуки, оставшиеся после смерти детей. Внуки же получали только ту часть, которую мог наследовать их отец и делили её поровну между собой. Вторую очередь занимали самые близкие агнатические родственники, но только в том случае, если не было родственников первой очереди. К данной очереди относятся братья, сёстры или мать умершего, которая состояла в браке с властью мужа с отцом умершего. Женщины, которые не являлись полнородными сёстрами по отношению к умершему, вступить в наследство не могли. К третьей очереди относились лица, которые являлись одного рода с умершим. Если первая очередь из имеющихся не принимала наследство, то имущество становилось «лежачим», то есть не принадлежало ни какому лицу в период между открытием наследства и его принятием.

Наследство считалось принятым, если наследник, на торжественном мероприятии (cretio), произносил установленные фразы и объявлял, что принимает наследство. Наследник (безразлично, по закону или по завещанию) должен составить опись наследственного имущества (ее составление следовало начать в течение 1 месяца со дня открытия наследства, а закончить в 3 месяца с участием кредиторов, нотариуса и других заинтересованных лиц). Лицо, принявшее наследство, в последующем не мог от него отказаться. Наследством считалось не только имущество, но и права и обязанности умершего, а также его долги. Поэтому наследство не всегда было желанным в Древнем Риме.

Для передачи наследства по завещанию существовали свои условия. Что бы завещание было признано действительным, нужно было что бы завещатель обладал активной завещательной способностью (testamenti factio activa), а наследник — пассивной завещательной способностью (testamenti factio passiva). [3] Была выделена группа лиц, которое не имели завещательную способность. В такую группу входили: лица женского пола моложе 12 лет и лица мужского пола моложе 14 лет), душевнобольные, расточители, подвластные, рабы, лица, осужденные за некоторые государственные преступления, и глухонемые. Также была и группа лиц, которая не могла вступать в принятие наследства. К такой группе относились: перегрины, лица, лишенные чести, рабы и юридические лица.

Существовала и ещё одна группа, которая получила название «легатарий». Чаще всего легатами являлась церковь или конкретный храм. Легат, соответственно, специальная форма в Римском праве для указания в письменном или устном завещании дара в пользу конкретного лица (легатария), которое должно было обладать совершенной пассивной завещательной способностью.

Список цитируемой литературы:

1. Пашаева, О.М. Римское право : конспект лекций / О.М. Пашаева. // URL: https://litresp.ru/chitat/ru/П/pashaeva-oljga-mihajlovna/rimskoe-pravo-konspekt-lekcij (дата обращения: 13.11.2025).
2. Покровский, И.А. История римского права / И.А. Покровский // URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_56.html (дата обращения: 13.11.2025).
3. Семелькина, П. Д. Эволюция института брака в римском праве / П. Д. Семелькина // Молодой ученый. – 2021. – № 13 (355). – С. 191-194.
4. Силакова, О.Н. Особенности брачных отношений в праве Древнего Рима / О.Н. Силакова, В.А. Лахта // Архивариус. – 2016. – № 19 (13). – С. 23-28.

УДК 340.151

Кошеляевская А.Е.,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
alieste@yandex.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ИСТОРИЯ ПРАВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФИЛОСОФОВ И СОЦИОЛОГОВ

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию истории права через призму философских и социологических концепций, представленных в произведениях таких выдающихся мыслителей, как Аристотель, Шарль Монтескье, Гегель, Карл Маркс, Карл Ясперс и Питирим Александрович Сорокин. Анализируются основные идеи и подходы к пониманию правовых институтов, их исторического развития и роли в формировании общества.

Ключевые слова: История права; философия; человек; государство; естественное право; позитивное право.

Аристотель является одним из основоположников идеи о праве и государстве, что оказало значительное влияние на развитие философии, социологии и юриспруденции. Он рассматривал государство как естественное образование, возникающее в результате усложнения социальных связей, и видел в нём высшую форму человеческого обще-

жития, которая формируется через последовательное развитие форм общения [2, с.90]. В «Политике» он выделял три формы правления и связывал их с развитием правовых норм, подчеркивая, что право должно служить интересам общего блага [2, с.89]. Аристотель выделял две основные цели правления: достижение общего блага в правильных формах и личную выгоду в неправильных. Он выделял два вида права: естественное право, которое существует от природы и не требует письменного закрепления, к нему он относил семейные отношения, частную собственность и рабство, поскольку считал их естественными явлениями, возникающими не по воле законодателя, а в силу природы человека и общества, и условное (позитивное) право, создаваемое людьми в виде законов и соглашений, которое делится на писаные и неписаные законы, а также обычаи [2, с.91-92].

Монтескьё утверждал, что право возникает в результате сложного взаимодействия объективных и субъективных факторов в конкретной исторической обстановке. В центре его учения -идея, что законы не существуют изолированно, а обусловлены совокупностью факторов, таких как физические свойства страны, её климат, экономические отношения, социальные нравы и обычаи, религия и культура, а также политический строй [4, с.10]. Он считал, что закон — это результат сознания людей, как существ, живущих в обществе [4, с.9]. При этом он подчеркивал, что естественные законы являются первичными и задают рамки, в которых действуют позитивные законы.

Центральным понятием у Георга Вильгельма Фридриха Гегеля является свобода как сущность права: он рассматривал право, как наличие свободной воли, где идея права заключается в свободе, которая не ограничивается, а объективируется в социальных институтах. Свобода для Гегеля — это не произвол индивида, а разумная, осознанная свобода, реализуемая через правовые формы [1, с.42]. Гегель выстраивал восходящую систему реализации свободы через три ступени: первую - абстрактное право, которое включает сферу формальной свободы индивида, основные институты - собственность, договор и неправо, акцентируя внешнюю, юридическую свободу личности как субъекта права; вторую - нравственность, которая представляет собой синтез внешнего права и внутренней морали, реализуемый в конкретных социальных институтах; и третью - высшую ступень нравственности - государство, где достигается единство всеобщего и индивидуального начал[1, с.217].

Карл Маркс рассматривал право, как инструмент классового господства, тесно связанный с экономическими отношениями и государством. Его теория основана на концепции исторического материализма, согласно которой материальные условия жизни и производствен-

ные отношения определяют развитие общества. Маркс считал, что право отражает интересы господствующего класса и служит для закрепления его власти [3, с.107]. В марксистской теории право обладает классовой сущностью: оно представляет собой «возведённую в закон волю господствующего класса», которая определяется материальными условиями его существования. В капиталистическом обществе право защищает интересы буржуазии, закрепляя частную собственность и эксплуатацию пролетариата. Связь между правом и государством у Маркса заключается в том, что оба они являются частью надстройки, зависящей от экономического базиса - системы производственных отношений [3, с.42]. Государство выступает инструментом классового господства, а право — его юридическим обоснованием. Маркс подчеркивал, что право не является вечным или универсальным явлением, а меняется в зависимости от общественно-экономической формации: буржуазное право отражает интересы капиталистического класса, а в будущем, при переходе к коммунизму, право и государство должны исчезнуть, уступив место бесклассовому обществу. В условиях капитализма право формально провозглашает равенство, но фактически закрепляет неравенство, защищая интересы буржуазии. Маркс критиковал буржуазную демократию за иллюзорность формального равенства, указывая, что реальная власть остается у экономически господствующего класса [3, с.108].

Карл Ясперс не разрабатывал систематическую теорию права в традиционном понимании, однако его философские и политические идеи затрагивают важные вопросы права, ответственности, свободы и государства. Его взгляды формировались под влиянием опыта нацистской диктатуры и стремления к построению демократического общества после Второй мировой войны. Ясперс различал несколько видов вины и ответственности, связанных с правовыми и моральными аспектами: уголовная вина связана с конкретными преступлениями и регулируется законом, а право он рассматривал как высокую идею людей, строящих свое существование на определенном начале, которое гарантируется лишь силой [6, с58]. Он подчеркивал, что, когда люди осознают себя как люди и признают человека человеком, они начинают осмысливать права человека и опираются на естественное право, к которому может апеллировать любой — и победитель, и побежденный. Право, по Ясперсу, может относиться только к виновности в смысле преступления и политической ответственности, но не к виновности моральной или метафизической. При этом признать право может и тот, кто является наказанной или ответственной стороной: преступник может принять наказание как честь и реабилитацию, а политически ответственный как судьбоносное условие своего дальнейшего существования [6, с.58].

Питирим Александрович Сорокин создал собственную теорию права, основанную на психологической концепции права Л. И. Петражецкого. Он определял право, как общеобязательные правила поведения, в которых свобода одного человека согласуется со свободой других, что служит для разграничения и защиты интересов личности [5, с.43]. Свобода личности являлась целью правового развития, а расширение её основных прав и свобод - критерием прогресса человечества в области права [5, с38]. Сорокин рассматривал право, как конституирующее начало любой социальной группы, а все социальные институты, такие как семья, государство, церковь и другие, он видел, как социально-практическую форму объективации правовых норм и убеждений большинства членов соответствующего сообщества [5, с42]. В вопросе взаимодействия права и морали он обращал внимание, что хорошим и должным поведением по отношению к ближним считается поведение, соответствующее заповеди любви и солидарности, а не поведение, руководствующееся заветом ненависти к ближнему.

Анализ произведений показывает, что история права — это многогранное и сложное явление, отражающее развитие человеческого общества во всех его аспектах. Каждый из мыслителей внес свой вклад в понимание роли права в историческом процессе. Важнейшие идеи о разделении властей, духовной природе права, его социально-экономической обусловленности и прогрессивном развитии остаются актуальными и сегодня, формируя теоретическую базу для современного правоведения.

Список цитируемой литературы:

1. Гегель, Г. Философия права / Г. Гегель; переводчик Б. Г. Столпнер. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 292 с.

2. Кечекьян, С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве / С. Ф. Кечекьян. - Изд-во АН СССР, 1947. – 222 с.

3. Маркс К., Энгельс, Ф. К критике гегелевской философии права. Введение //К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – 1955. – Т. 2. – С. 414-429.

4. Монтескье, Ш.-Л. О духе законов / Ш.-Л Монтескье - Электронная библиотека Гражданское общество, 2010. – 274 с.

5. Сорокин, П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве / П. А. Сорокин – Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. – 246 с.

6. Ясперс, К. Вопрос о виновности: о политической ответственности Германии/ К. Ясперс, Пер. с нем. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. — 146 с.

УДК 340.12

Кривошеина Надежда Сергеевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
krivosheinanad@yandex.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

УЧЕНИЕ ГРОЦИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ

Аннотация

В статье рассматриваются учения голландского юриста Гуго Гроция о праве и государстве, его основные труды, положенные в основу данного учения.

Ключевые слова: Гуго Гроций, теория о государстве и праве, правовое учение.

«Пятнадцатилетний Гуго Гроций, поразивший короля Генриха IV своими феноменальными знаниями, стал настоящим символом интеллектуального потенциала Голландии. Восхищение французского двора было настолько велико, что сам король воскликнул: «Вот чудо Голландии!». Это событие, казалось бы, предвещало блестящую карьеру молодого гения, однако судьба уготовила ему совсем другой путь, полный неожиданных поворотов и драматических перипетий.» [2. с. 7]

Политическая ситуация в Нидерландах XVII века характеризовалась сложным переплетением внутренних и внешних факторов, которые оказали непосредственное влияние на формирование правовых взглядов Гуго Гроция.

Гуго Гроций за всю свою жизнь написал немало научных работ, которые оставили свой след в истории государства, философии, международного права. Основным его трудом, ставшим знаменитым на весь мир, является «О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права», написанное в одна тысяча шестьсот двадцать пятом году.

«Эта книга — не просто свод законов, а глубокий философский анализ природы права, государства и международных отношений, написанный ясным и доступным языком, несмотря на сложность поднимаемых вопросов. Гроций проанализировал, как естественное право, основанное на разуме и природе человека, влияет на формирование права народов и международных отношений.» [2, с. 8]

«Цель трактата - решение актуальных проблем международного права. Разбор теоретических проблем войны и мира потребовал реше-

ния более общих вопросов о праве, справедливости, их источниках, формах существования, методах изучения. В результате Гроцием была разработана политико-правовая доктрина, основанная на новой методологии, содержащая оригинальные решения ряда проблем общей теории права и государства, а также некоторые радикальные для того времени программные положения.» [3, с. 79]

В своей концепции Гроций отмечает, что происхождение государства и внутригосударственного права является логическим следствием бытия естественного права. Гроций дает следующее определение: «Государство... есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы». По его мысли, государство — результат сознательной деятельности людей и возникло оно как следствие договора.

«Уже через два года после опубликования, в 1627 г., трактат Гроция «О праве войны и мира», как отмечалось, был внесен в Индекс запрещенных книг, в котором значился до 1900 г. Однако основополагающие идеи нидерландского философа права, содержащиеся в этом трактате - концепция естественного права и теория общественного договора - получили всемирную известность вопреки этому запрету. Книга Гроция выдержала множество изданий в разных странах и не потеряла значимость в наше время.» [4, с. 62]

На основе своей концепции естественного права Гроций стремился создать такую нормативно значимую, аксиоматическую систему юриспруденции, общие начала и положения которой можно было бы легко применить к конкретным реальным ситуациям внутри отдельных государств и к отношениям между государствами.

Гроций последовательно критикует патриархальные теории происхождения государства, которые выводят власть из отцовской власти в семье. Он отрицает возможность автоматического переноса семейных отношений на политическую сферу, подчеркивая принципиальное различие между частной и публичной властью. Власть государства основана на общественном договоре, а не на естественном главенстве, как в семье.

Гроций исследовал раннюю историю человеческого общества, именуемую им как «естественное состояние без государства и частной собственности». Стремление людей к общению, а не божественное установление побудило их заключить договор о создании государства, цель которого - защита частной собственности, соблюдение права и общей пользы. Важнейшим признаком государства является верховная власть, непосредственным носителем которой, в зависимости от формы правления, может быть одно лицо, группа лиц или собрание либо их сочетание.

Мыслитель считал, что при создании государства народ мог избрать любую форму правления; поэтому народ должен повиноваться правителям, ибо договоры в соответствии с естественным правом должны исполняться. Но народ имеет право на сопротивление государю в некоторых случаях, например, если государь нарушил закон или такое право оставлено за народом в акте о вручении власти, а также в других случаях. Также Г. Гроций считал, что не следует повиноваться приказам власти, противным естественному праву и божественным заповедям.

Гуго Гроций рассматривал естественное право, как универсальный и неизменный фундамент правовой системы. Он утверждал, что его принципы коренятся в самой природе человека и не зависят от воли законодателя.

В отношениях между народами должны возобладать нормы справедливости. Для этого необходимо, утверждал Гроций, установить начала естественных законов.

Согласно известному определению Ульпиана, естественное право — это «то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам; сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком, сюда же порождение детей, сюда же воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права» [1, с. 71]

Естественное право предшествует позитивному и служит мерилом его справедливости. Естественное право, по Гроцию, вытекает из разумной природы человека и его социальных потребностей.

Идеи Гуго Гроция о естественном праве актуальны и сегодня, так как естественные права человека являются неотъемлемой частью жизни гражданского общества и в целом современного демократического государства. В условиях непрекращающихся споров и военных конфликтов между государствами, прежде всего, важен вопрос о регулировании этих процессов, а также о взаимоотношениях между государствами в принципе.

Таким образом, научные труды Гуго Гроция являются значимыми открытиями в развитии и формировании государства и права не только в период его жизни, но и в настоящее время. Его идеи, мысли актуальны и в современном обществе, они являются фундаментом для понимания и толкования права.

Список цитируемой литературы:

1. Омельченко, Всеобщая история государства и права. Том 1 / Омельченко О.А. – М.: Остожье, 2000. – 528 с.

2. Тонких, А. А. Учение Гуго Гроция о государстве и праве / А. А. Тонких // Новый юридический вестник. – 2025. – № 4 (46). – С. 7-9.
3. Фролова, Е.А. История политических и правовых учений: классификационная и оценочная юридическая наука / Фролова Е.А. // Синергия. – 2018. – № 2. - С. 13-19.
1. Фролова, Е.А. Философия права в новое время: Гуго Гроций / Е.А. Фролова // Право и государство: теория и практика – 2019. – № 5 (173). – С. 58-62

УДК 340.15

Крючкова Арина Сергеевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
arina.kriuchkova.0848@bk.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

УТИЛИТАРИЗМ И ИДЕЯ «ОБЩЕГО БЛАГА» И ИНТЕРЕСА: ОТХОД ОТ ИДЕЙ ЕСТЕСТВЕННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Аннотация

Статья посвящена анализу утилитаристской философской традиции как радикального пересмотра классических представлений о естественной справедливости и общественном благе. Исследование фокусируется на том, как утилитаризм заместил концепции естественного права и врожденных прав принципом полезности. В работе раскрывается механистический подход утилитаризма к расчету благосостояния, рассматриваются проблемы соотношения индивидуальных интересов и общего блага, противоречия, возникающие при столкновении утилитарной логики с интуитивными представлениями о правах личности и справедливости.

Ключевые слова: утилитаризм; общее благо; естественная справедливость; принцип полезности; естественное право; Иеремия Бентам; Джон Стюарт Милль; социальная справедливость; права человека; гедонистическое исчисление; телеология; консеквенциализм.

Политическая и этическая мысль Запада вплоть до конца XVIII века в значительной степени развивалась в парадигме, унаследованной от Античности и Средневековья. Центральное место в этой парадигме занимали концепции естественного права (natural law) и естественной справедливости, которые понимались как универсальные, неизменные и

данные свыше (или выводимые из природы Разума) принципы, определяющие должное устройство общества и моральное поведение человека. Эти принципы стояли выше человеческого произвола и позитивного закона, выступая в качестве его высшего мерила. Однако эпоха Просвещения, с ее культом рациональности, эмпиризма и скептицизма, подготовила почву для революционного разрыва с этой традицией. На авансцену мысли вышла философия утилитаризма, которая, провозгласив принцип полезности краеугольным камнем морали и законодательства, осуществила радикальный отказ от метафизических спекуляций в пользу прагматического расчета выгод и потерь. Данная статья стремится проследить, каким образом утилитаризм переопределил понятия «общего блага» и «интереса», отвергнув идею естественной справедливости, и к каким последствиям привела эта интеллектуальная революция.

Основоположник классического утилитаризма Иеремия Бентам (1748–1832) с присущим ему радикализмом обрушился на идею естественных прав, называя их «чепухой на ходулях» [1, с. 57]. Для Бентама любые абстрактные, неэмпирические понятия, такие как «естественная справедливость» или «общественный договор», были лишь риторическими фигурами, скрывающими произвол и невежество. Он требовал ясного, проверяемого критерия, который позволил бы оценивать законы и социальные институты. Таким критерием стал принцип полезности, или «наибольшего счастья», который утверждает, что действие является правым в той мере, в какой оно способствует увеличению счастья или уменьшению страданий всех сторон, которых оно касается [1, с. 40].

Этот принцип знаменовал собой кардинальный сдвиг от деонтологии к телеологии (консеквенциализму): моральная ценность действия сместилась с его внутреннего соответствия неким правилам (деонтология) на его последствия (консеквенциализм). Справедливо то, что приводит к благим результатам, а именно – к максимизации общего благосостояния.

От качества к количеству: Бентам предложил механистический инструмент – «гедонистическое исчисление» – для количественной оценки удовольствий и страданий по таким параметрам, как интенсивность, продолжительность, вероятность и пр. [1, с. 45-47]. «Общее благо» тем самым превращалось в арифметическую сумму индивидуальных удовольствий, лишенных качественного различия. «Удовольствие есть удовольствие, и боль есть боль», – таков был его подход.

Таким образом, бентамовская концепция «общего блага» была предельно утилитарной и агрегативной. Она более не нуждалась в отсылке к трансцендентному порядку или природе человека. Общее благо – это просто наибольшая совокупная масса счастья, а интерес общества – это не что-то отличное от суммы интересов составляющих его индивидов.

Джон Стюарт Милль (1806–1873), признавая основополагающее значение принципа полезности, осознавал грубость и упрощенность бентамовской модели. В своем труде «Утилитарианизм» он предпринял попытку усовершенствовать доктрину, сделав ее более приемлемой для моральной интуиции.

Во-первых, Милль ввел качественное различие между удовольствиями. Он утверждал, что некоторые удовольствия – интеллектуальные, эстетические, моральные – по своей природе выше и ценнее телесных. Знаменитая формула Милля гласит: «Лучше быть неудовлетворенным человеком, чем удовлетворенной свиньей; лучше быть неудовлетворенным Сократом, чем удовлетворенным глупцом» [3, с. 258]. Это было важным шагом к признанию того, что «общее благо» не может быть сведено к простой сумме низменных удовольствий.

Во-вторых, и это самое главное, Милль попытался примирить утилитаризм с понятием справедливости. Он признавал, что у людей существует сильное и независимое чувство справедливости, которое часто вступает в конфликт с прямой утилитарной выгодой. Милль определял несправедливость как нарушение прав, законного права или равенства. Однако, в конечном счете, он обосновывал саму идею права с утилитарных позиций: обладание правами и их защита чрезвычайно полезны для безопасности и, следовательно, для счастья человечества в целом [2, с. 305]. Таким образом, справедливость для Милля – это не самостоятельный принцип, а «имя для некоторых наиболее социально значимых видов моральных обязательств», чья полезность является абсолютно фундаментальной [3, с. 307].

Несмотря на эти уточнения, ядро доктрины осталось консеквенциалистским. Справедливость и права, какими бы важными они ни были, в конечном итоге служат инструментом для достижения высшей цели – общего блага, понимаемого как максимальное совокупное счастье.

Радикальный отход утилитаризма от идей естественной справедливости породил ряд серьезных проблем и критических возражений, которые остаются в центре философских дискуссий по сей день.

Проблема «тирании большинства»: агрегативная модель общего блага потенциально оправдывает жертвование интересами и правами меньшинства, если это ведет к увеличению общего счастья. Классический мысленный эксперимент: можно ли пытать невинного человека, чтобы получить информацию и предотвратить террористический акт, который унесет жизни сотен людей? Строгий утилитаризм, по-видимому, вынужден ответить утвердительно. Это вступает в прямое противоречие с интуитивным пониманием справедливости как неприкосновенности личности. Алексис де Токвиль и позднее Джон Ролз

видели в этом фундаментальный порок утилитаризма, который растворяет личность в безликой массе.

Утилитаризм, по выражению Джона Ролза, «не принимает всерьез различение между лицами» [2, с. 33]. Индивид рассматривается лишь как сосуд для удовольствия, а общество – как единый организм, чье совокупное благо может требовать принесения в жертву любой его части. Это прямо противоположно кантианскому императиву, согласно которому человек всегда является целью и никогда – лишь средством.

Бентамовское «гедонистическое исчисление» критиковали за утопичность. Невозможно объективно измерить и сравнить интенсивность удовольствий и страданий разных людей, а тем более предсказать все долгосрочные последствия того или иного действия.

Как отмечали критики, утилитаризм может быть использован для оправдания рабства или жестокой диктатуры, если окажется, что в определенных исторических условиях такие институты максимизируют общее благосостояние (например, благосостояние большинства за счет угнетенного меньшинства) [4, p. 65].

Несмотря на жесткую критику, утилитаризм сыграл колоссальную прогрессивную роль в XIX веке, став идеологическим обоснованием для либеральных реформ в области права, образования и социальной политики. Его сила – в прагматизме и демократичности: он предлагает ясный критерий для оценки политики, ориентированный на реальное улучшение жизни людей.

Однако именно осознание его ограниченности в вопросах справедливости стимулировало развитие альтернативных теорий в XX веке. Наиболее влиятельным ответом стала теория справедливости Джона Ролза. Ролз прямо атаковал утилитаризм, противопоставив ему концепцию «справедливости как честности». Он утверждал, что принципы справедливости (принцип равных свобод и принцип дифференциации, допускающий социальное неравенство только тогда, когда оно работает на пользу самых обездоленных) не могут быть выведены из стремления к максимизации общего блага. Справедливость, по Ролзу, является приоритетной по отношению к благу и не может быть принесена в жертву даже самым весомым совокупным выгодам [2, с. 27-35].

Утилитаризм совершил интеллектуальный переворот, заместив метафизические категории естественного права и трансцендентной справедливости прагматическим принципом полезности. Переопределив «общее благо» как максимальную совокупную полезность, а «интерес» – как стремление к удовольствию, он предложил мощный инструмент для критики устаревших социальных институтов и построения рационального законодательства. Однако этот отход от идей естественной справедливости имел свою высокую цену. Утилитаризм

столкнулся с непреодолимыми трудностями при попытке защитить права меньшинства и индивидуальную неприкосновенность, рискуя выродиться в «тиранию большинства» и оправдать любую несправедливость во имя абстрактного общего блага.

Таким образом, утилитаристский проект, при всей его исторической значимости, продемонстрировал, что общество не может быть построено исключительно на логике калькулируемой выгоды. Проблема соотношения эффективности и справедливости, общего блага и прав личности, поднятая утилитаристами, но ими не разрешенная, стала центральной темой для последующей политической философии, доказав свою непреходящую актуальность в спорах о том, какое общество мы хотим построить и какие ценности готовы считать незыблемыми.

Список цитируемой литературы:

1. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: РОССПЭН, 1998. – 415 с.

2. Капустин, Б. Г. Моральный выбор в политике / Б. Г. Капустин. – М.: КДУ, 2004. – 368 с.

3. Милль, Дж. С. Утилитарианизм / Дж. С. Милль // О свободе. Утилитарианизм. – СПб.: Алетейя, 2020. – С. 205-320.

4. MacIntyre, A. After Virtue: A Study in Moral Theory / A. MacIntyre. – 3rd ed. – University of Notre Dame Press, 2007. – 304 p.

УДК 340

Лахтин А.И.,
Студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Lakkhtin@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ГОСУДАРСТВО: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Аннотация

Данная статья рассматривает основные подходы к понятию государства и анализируются его универсальные, системообразующие признаки, которые позволяют отличить государство от других организаций и институтов власти.

Ключевые слова: государство; суверенитет; публичная власть; налог; территория; государственные символа.

В центре изучения теории государства и права находится ключевой институт политической системы общества — государство. Понимание его сущности, понятия и признаков является отправной точкой для освоения всего комплекса юридических дисциплин. Несмотря на кажущуюся очевидность понятия государства, его научное определение остается дискуссионным, что обусловлено многогранностью этого явления, его исторической изменчивостью и разнообразием конкретных форм.

Понимание государства неоднозначно и существует множество подходов к его определению. В широком смысле, государство отождествляется со страной, обществом, народом, проживающим на определенной территории. В узком смысле под государством, собственно научном смысле, понимается особая организация публичной, политической власти.

Как отмечают Н.И. Матузов и А.В. Малько: «В политико-юридической литературе существует множество дефиниций понятия «государство». Его определяют и как «общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства» (Н. Коркунов); и как «естественно возникшую организацию властвования, предназначенную для охраны определенного правопорядка» (Л. Гумплович); и как «союз членов социальных групп, основанный на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной властью» (Л. Тихомиров); и как «союз людей, властвующий самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории» (Е. Трубецкой); и как «союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти» (И. Ильин)» [1, с. 27].

Многообразие подходов к определению государства сложилось исторически и отражает те или иные его аспекты, которые различные научные школы считали первостепенными.

Теологический подход. Один из древнейших подходов, согласно которому государство есть результат божественной воли. Власть монарха, государства считается производной от власти Бога, а сами государственные институты освящаются религиозными нормами. Этот подход был доминирующим в эпоху средневековья и сохраняется в некоторых современных государствах с теократической формой правления (например, Ватикан, Иран).

Классовый (марксистский) подход. Согласно этому подходу, государство есть продукт непримиримости классовых противоречий и орудие в руках экономически господствующего класса для подавления сопротивления угнетенных классов. Классики марксизма определяли государство как «машину для поддержания господства одного класса

над другим» [2, с. 18], акцент делается на насильственной, принудительной функции государства.

Юридический подход. Здесь государство рассматривается, прежде всего, как правовой институт, источник права и законов. Оно понимается как юридическая персонификация нации, воплощение правопорядка. Государство — это не просто сила, а сила, организованная и ограниченная правом.

Социологический подход. Этот подход является наиболее плюралистичным и рассматривает государство как социальный институт, возникающий на определенной стадии развития общества для решения общих дел и управления социальными процессами. В рамках этого подхода выделяются различные теории: теория насилия, патриархальная теория, договорная или естественно-правовая теория и ирригационная теория.

Теория насилия: государство возникает в результате завоевания одного племени (народа) другим и является организацией власти завоевателей для контроля над побежденными.

Патриархальная теория: государство вырастает из семьи, разрастаясь до размеров всего общества, а власть монарха является продолжением власти отца семейства (патриарха).

Договорная (естественно-правовая) теория: государство есть результат общественного договора, по которому люди передают часть своих естественных прав государству в обмен на гарантии безопасности, порядка и защиты их прав (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо).

Ирригационная теория: связывает возникновение государства с необходимостью организации крупных общественных работ по строительству ирригационных сооружений в регионах с поливным земледелием (К. Виттфогель).

Современная теория государства и права, интегрируя наиболее ценные положения из различных подходов, формирует комплексное определение.

Таким образом, «государство - это суверенная, универсальная организация политической власти, действующая в отношении всего населения на определенной территории, издающая обязательные для всех веления (право) и обладающая специальным аппаратом управления и принуждения для обеспечения своего могущества» [3, с. 72].

Далее необходимо определить признаки государства, которыми являются устойчивые, системообразующие черты, которые в своей совокупности отличают его от любой другой организации, существующей в обществе (например, политических партий, профсоюзов, религиозных объединений). К основным признакам государства в юридической литературе относят: публичная политическая власть, территориальная организация населения, суверенитет государства, налоговая

система и финансовые средства, легальное применение принуждения, издание нормативных правовых актов, наличие государственных символов. Рассмотрим каждый из принципов.

Публичная политическая власть. Это главный признак, отделяющий государство от родоплеменной организации. Публичность означает, что государственная власть: отделена от общества, не совпадает с ним; осуществляется специальным, профессиональным аппаратом (чиновниками, управленцами); формально выступает как представитель всего общества, является «арбитром» в социальных конфликтах; реализуется в отношении всех членов общества, независимо от их желания. «Власть в государстве организована и структурирована. Государственные органы: Власть разделена между различными государственными органами (законодательная, исполнительная и судебная ветви), что обеспечивает систему сдержек и противовесов. Иерархия: Существуют различные уровни власти (федеральный, региональный, местный), каждый из которых выполняет свои функции. Административное управление: Государство имеет аппараты управления, ответственные за реализацию законов и управление общественными делами» [4, с. 141]. В отличие от власти в первобытном обществе, основанной на авторитете старейшин, государственная власть носит институционализированный характер и опирается на возможность легитимного принуждения.

Территориальная организация населения. «В современном определении понятия территория необходимо исходить из того, что власть в пределах территории государства осуществляет через выборные органы либо непосредственно. Следовательно, территория как признак и часть государственной организации представляет собой пространство, где юридически оформленная в суверенное государство общность людей» [5]. Территория государства делится на управляемые единицы, например, области, округа и т.д.

Суверенитет государства является верховенством, независимостью и единством государственной власти. Существует два вида суверенитета: внутренний и внешний. Внутренний суверенитет: верховенство государственной власти над любой другой властью и её органами внутри страны. Только государство может издавать общеобязательные правовые нормы. Внешний суверенитет: независимость государства в международных отношениях, его способность самостоятельно проводить внешнюю политику, не подчиняясь другим государствам. Суверенитет является ключевым признаком, отличающим государство от субъектов федерации или колоний.

Налоговая система и финансовые средства. «Налоги и система налогообложения называются в числе признаков государства, но, чаще всего, данная характеристика не ставится на первые позиции в числе

признаков и функций государства» [6, с. 78]. Для содержания своего аппарата, осуществления социальных программ, развития экономики, обороны страны государство нуждается в финансовых ресурсах. Эти ресурсы оно аккумулирует посредством системы обязательных платежей — налогов и сборов. Налоги носят безвозмездный, обязательный и принудительный характер. Собранные средства формируют государственный бюджет, за счет которого и существует государственный аппарат.

Легальное применение принуждения. Государство обладает монополией на легальное, то есть основанное на законе, применение силы. Это означает, что только государство через свои специальные органы (полиция, армия, спецслужбы, пенитенциарные учреждения) может применять меры принуждения в отношении физических и юридических лиц в целях обеспечения правопорядка. Масштабы и формы принуждения строго регламентированы правом.

Издание нормативных правовых актов. Государство через уполномоченные органы (парламент, глава государства) устанавливает общеобязательные правила поведения - юридические нормы. Право является главным инструментом управления обществом, средством легитимации государственной власти и закрепления существующих общественных отношений. Никакая другая организация не может создавать право, обладающее такой же силой.

Наличие государственных символов. Каждое государство имеет официальные символы, выражающие его суверенитет и являющиеся его внешними атрибутами. К ним относятся: герб, флаг, гимн, а в некоторых случаях это может быть столица, денежная единица и официальный язык. Эти символы служат целям идентификации государства на международной арене и консолидации населения внутри страны.

Помимо основных, выделяют также факультативные (дополнительные) признаки, которые характерны не для всех государств, а подчеркивают специфику или особенности государства: единый государственный язык, единая транспортная система, единая информационная система, единая экономика и др.

Важно понимать, что государство - не статичный, а динамичный институт. Его социальное назначение, то есть роль, которую оно играет в жизни общества, исторически менялось. В зависимости от конкретно-исторических условий, господствующей идеологии и потребностей общества государство может выступать как: «ночной сторож» - минимально вмешиваться в экономику и социальную сферу, обеспечивая лишь порядок и безопасность (либеральная модель); «социальный арбитр» и регулятор - активно воздействовать на экономические и социальные процессы для смягчения социальных противоречий и обеспечения благополучия граждан (социальное государство) и тотальный

контролер — полностью подчинять себе все сферы жизни общества (тоталитарное государство).

Таким образом, государство представляет собой сложный и многогранный социально-политический институт, который невозможно свести к какому-либо одному свойству или функции. Его сущность раскрывается через синтез различных научных подходов и проявляется в системе взаимосвязанных признаков. Публичная власть, отделенная от общества и опирающаяся на специальный аппарат; территориальная организация населения; государственный суверенитет; монополия на создание права и легальное принуждение; а также система налогов — вот те универсальные характеристики, которые в своей совокупности позволяют идентифицировать государство как центральный институт политической системы любого современного общества. Понимание этих базовых категорий является необходимым фундаментом для дальнейшего изучения более конкретных вопросов теории государства и права.

Список цитируемой литературы:

1. Матузов, Н.И., Малько, А.В. Теория государства и права: учебник. / Н.И. Матузов, А.В. Малько – Москва: Дело (РАНХиГС), 2022. – 528 с.

2. Марченко, М.Н., Липень, С.В., Фролова, Е.А. Общая теория права: история и современное состояние (к 110-летию А. И. Денисова). Монография. / М.Н. Марченко, С.В. Липень, Е.А. Марченко – Москва: Проспект, 2018. - 416 с.

3. Рассказов, Л. П. Теория государства и права: учебник / Л. П. Рассказов. – 8-е издание. – Москва: ООО «Издательский Центр РИОР», 2024. – 488 с.

4. Журавлева, В. И. Государство: основные теории происхождения и признаки / В. И. Журавлева // Теоретические и практические вопросы фундаментальных и прикладных научных исследований: Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, Уфа, 24 июня 2025 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью Научно-издательский центр «Вестник науки», 2025. – С. 139-143.

5. Балагурова, Н. Н. Государство как территориальная система / Н. Н. Балагурова – URL: https://cyberleninka.ru /article/n/gosudarstvo-kak-territorialnaya-sistema/viewer (дата обращения: 10.11.2025).

6. Максимова, О. Д. Налоги как основной признак и функция государства / О. Д. Максимова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7(235). – С. 78-80.

УДК 340

Лахтин А.И.,
Студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Lakkhtin@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

РИМСКОЕ ПРАВО КЛАССИЧЕСКО ПЕРИОДА: ВЕРШИНА ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности римского права классического периода, выявляется его значение и влияние на мировое правотворчество.

Ключевые слова: римское право; классический период; принципсы; эдикты магистров; закон; плебисцит; сенатусконсульты; квиритская собственность; бонитарная собственность; провинциальная собственность; преторская защита; сервитуты; эмфитевзис; легисакционный процесс; формулярный процесс; интенция; эксцепция и кондемнацию.

Римское право справедливо называют фундаментом правовой культуры современной Европы и не только. Именно в его нормах, принципах и институтах были заложены основы большинства правовых систем романо-германской правовой семьи. Своим величием римское право обязано в первую очередь не эпохе архаики или упадка, а так называемому классическому периоду (I в. до н.э. – III в. н.э.). Это был «золотой век» римской юриспруденции, время систематизации, творческого развития и высочайшей технической отточенности права. Изучение классического периода позволяет понять, как право из системы жестких, формалистических правил превратилось в гибкий инструмент регулирования сложных общественных отношений, оставаясь при этом логичным, последовательным и справедливым. Начать стоит с историко-политического контекста, а также источников права классической эпохи.

Классический период начался на закате Римской республики и достиг расцвета в эпоху Принципата (I–II вв. н.э.), когда формально сохранялись республиканские институты, но реальная власть сосредоточилась в руках принцесса (императора). «Принцепсы основывали свою власть на аккумуляции республиканских магистратур в своих руках. Вопреки Августу, который практиковал каждый год, хотя бы формально, обновление определенных республиканских магистратур, его наследники, избираемые в сенат по lex de imperio пожизненно,

пренебрегали функциями магистратов. По lex de imperio, принцепс обладал правомочиями, которые не могли быть перечислены. Утверждалось два основных правила: 1. Quidquid principi placuit legis habet vigorem — все, что предписано принцепсом, имеет силу закона, и 2. Princeps legibus solutus est — принцепс не должен подчиняться правовым нормам (47). Наследование престола определяли обычно сами принцепсы, назначая наследника путем усыновления, а если этого не происходило, сенат был вынужден давать инвеституру кандидату, которого провозглашало преторианское войско» [1, с. 35].

Эта двойственность политической системы оказала прямое влияние на право. Старые республиканские источники права продолжали действовать, но появились и новые, отражавшие централизацию власти. Ключевыми источниками права в классический период были: Закон (lex) и плебисцит (plebiscitum). Постепенно их значение как непосредственных источников нового права снижалось, уступая место более гибким формам. Эдикты магистратов (edicta magistratuum).

Особую роль играл эдикт претора (praetor urbanus), который, вступая в должность, публиковал программу своей деятельности и указывал, какие исковые средства (actiones) он будет предоставлять. Так сложилось «преторское право» (ius praetorium), которое, не отменяя формально цивильное право (ius civile), исправляло его жесткость, восполняло пробелы и приспосабливало к новым реалиям. Претор провозглашал: «Я дам иск» – и тем самым создавал новую норму. Эдикт переходящего претора (edictum perpetuum) стал со временем постоянным сводом правовых положений, который в конечном итоге был кодифицирован при Юлиане по приказу императора Адриана (ок. 130 г. н.э.). Деятельность юристов (ius respondendi). Это самый характерный и значимый источник права классической эпохи.

Римские юристы (Гай, Ульпиан, Папиниан, Павел, Модестин) были не просто теоретиками, а практиками. Их деятельность включала: Respondere – дача официальных юридических консультаций и заключений по запросам частных лиц и судей. Cavere – помощь в составлении юридических документов (договоров, завещаний). Agere – руководство действиями сторон в судебном процессе. Scribere – написание юридических трактатов и учебников. Император Август, а затем и его преемники, даровали наиболее авторитетным юристам право давать ответы, имеющие обязательную силу для судьи (ius respondendi ex auctoritate principis).

Мнения классических юристов стали непосредственным источником права. Их бескомпромиссная логика, глубина анализа и стремление к справедливости (aequitas) сформировали методологию и дух классического права. Сенатусконсульты (senatus consulta) и конституции импера-

торов (constitutiones principum). Постепенно воля императора, выраженная в эдиктах, рескриптах (ответах на запросы) и декретах (судебных решениях), стала главным источником нового права, что отражало переход к монархии. Именно в классическую эпоху римского права возникли основные институты частного права, а также было отточено регулирование частных отношений в сфере имущественных прав.

Классические юристы разработали «учение о вещах (res), Res mancipi — передаваемые путем манципации (земля, животные, рабы) (Гай. Институции. 2.20); res nec mancipi — допускалась передача в упрощенном порядке путем так называемой traditio (traditio — передача) (Гай. Институции. 2.19). «Поскольку распределение, перераспределение, а также защита вещных прав являются основной задачей частного права, вполне очевидно, что вещные права являются центральным институтом данной отрасли права. Вещные права трактуются как абсолютные: если вещь принадлежит данному лицу, все другие лица обязаны признавать эту принадлежность и не нарушать ее. Противоположность вещному праву — обязательства, являющиеся правом относительным, где защита предоставляется лишь от нарушений со стороны определенного лица — должника. Следует отметить, что разграничения прав на вещные и обязательственные в Риме не было, но различали два вида исков: actio in rem (иск к вещи) и actio in personam (иск к лицу)» [2, с. 145].

Это связано с тем, что «римляне наличие того или иного права выводили из существования иска, а не наоборот. Именно возможность обратиться с иском свидетельствовала о наличии определенного права. Сложилась четкая система вещных прав» [3, с.5].

В классический период сосуществовали несколько видов собственности: квиритская (по цивильному праву), бонитарная (преторская, защищаемая претором) и провинциальная. Преторская собственность стала шагом к признанию единого, абсолютного права собственности. Владение (possessio). Юристы (в частности, Павел) отделили владение как факт от права собственности. Была разработана мощная система владельческих интердиктов – средств преторской защиты, позволявших восстановить нарушенное владение еще до решения вопроса о титуле. Сервитуты (servitutes) – права пользования чужой вещью (например, право прохода через соседний участок). Также получили развитие такие институты, как эмфитевзис (долгосрочная аренда земли) и залог.

Появилось и обязательственное право. Классическая эпоха – это время расцвета обязательственного права. Была создана классификация обязательств, основанная на их источниках: Договоры (contractus). Сложилась разветвленная система контрактов: Вербальные (устные, например, стипуляция), литеральные (письменные), реальные (возникающие с передачей вещи: заем, ссуда, хранение), консенсуальные

(возникающие с момента соглашения: купля-продажа, наем, поручение, товарищество) появление консенсуальных контрактов было революционным шагом, так как оно делало юридически значимым простое соглашение сторон (pactum), деликты (delicta) – обязательства из причинения вреда (кража, повреждение имущества, обида).

Преторское право активно развивало также обязательства «как бы из договора» (quasi ex contractu) и «как бы из деликта» (quasi ex delicto), демонстрируя гибкость и способность реагировать на новые жизненные ситуации.

Классики детализировали правила наследования по завещанию и по закону. Претор ввел новые формы завещаний и стал защищать наследников, не признаваемых цивильным правом (в частности, бонитарных владельцев наследства), через фикцию «владения наследственным имуществом» (bonorum possessio).

Право и процесс не могут стоять на месте, они имеют свойство развиваться и видоизменяться под влиянием нужд и развития общества, поэтому и процесс в римском праве перешёл от легисакционного к формулярному. Эволюция процесса – наглядный пример прогресса классического права. АрхАаичный легисакционный процесс (legis actiones), отличавшийся строгим формализмом и символизмом, уступил место более гибкому формулярному процессу (processus per formulas). В формулярном процессе дело из стадии in iure (у магистрата) переходило в стадию apud iudicem (у частной судьи) не с жестким набором ритуальных фраз, а с письменной формулой (formula) – инструкцией судье от претора. Формула была гибкой: она включала интенцию (суть требования), эксцепцию (возражение ответчика) и кондемнацию (предписание о присуждении). Это позволяло учитывать нюансы спора и защищать отношения, не урегулированные старым квиритским правом. Именно формулярный процесс стал основной для творческой деятельности претора и юристов.

По мнению Н. В. Разуваев и М. В. Трегубов: «Юридический смысл и назначение преторских формул получают свое объяснение на основе тех стадиальных особенностей, которые были присущи правопорядку Древнего Рима, подобно другим традиционным правопорядкам на всех этапах его развития. Речь идет о неразвитости нормативной составляющей правопорядка, основополагающими компонентами которого выступали субъективные права и обязанности участников, возникавшие в контексте конкретных фактических ситуаций и неотделимые от этих ситуаций. Именно поэтому правотворчество (в круг субъектов которого входили как частные, так и должностные лица) реализовывалось преимущественно посредством создания субъективных прав и обязанностей, отвечающих появлению новых юридически релевантных ситуаций» [4, с. 23].

Также важно сказать и о том почему римское право имеет невероятное значение и за счет чего стало одним из важнейших родоначальников современного права. Техническое совершенство. Классические юристы разработали юридическую технику, понятийный аппарат и методологию (анализ, классификация, толкование), которые остаются актуальными по сей день. Принцип справедливости (aequitas). Право перестало быть набором формальных догм. Справедливость стала его руководящим началом, что позволяло смягчать жесткость закона и находить решения, адекватные конкретным обстоятельствам. Доктринальный характер. Труды классических юристов стали не просто комментариями, а самостоятельным источником права, демонстрируя силу юридической доктрины. Фундамент для рецепции. Именно право классического периода, систематизированное в VI веке н.э. в Своде гражданского права Юстиниана (Corpus Iuris Civilis), было воспринято в Западной Европе в XII–XVI веках и легло в основу современных гражданских кодексов, включая Германское гражданское уложение (BGB) и Гражданский кодекс Франции (Code Civil).

Подводя итог нельзя не сказать о том, что римское право классического периода представляет собой уникальный феномен в мировой правовой истории. Это продукт синтеза многовековой традиции, творческой энергии судебных магистратов и гения римских юристов. Оно сумело сочетать стабильность и гибкость, формальную определенность и стремление к справедливости, практическую направленность и теоретическую глубину. Институты и принципы, выработанные в эту эпоху – будь то учение о собственности и владении, структура обязательств из договора или техника судебной формулы – не утратили своего значения. Изучение классического римского права является не просто академическим упражнением, а ключом к пониманию сути и духа современного права, демонстрируя непреходящую ценность логики, системности и справедливости в регулировании человеческих отношений.

Список цитируемой литературы:

1. Римское право: Базовый учебник: Пер. с макед. / Иво Пухан, Мирьяна Поленак-Акимовская; под ред. В. А. Томсинова. - Москва: Зерцало-М, 2023. – 411 с.

2. Харитонов, Е. Оч. Основы римского частного права: Для студентов вузов / Е. О. Харитонов. - Ростов н/Д: Феникс, 1999. - - 416 с.

3. Циркова, А. В. Римское право классического периода / А. В. Циркова // Студенческий вестник. – 2025. – № 1-9(334). – С. 5-6.

4. Разуваев, Н. В. Преторская формула как инструмент понятийного юридического мышления в римском частном праве предклассического и классического периодов / Н. В. Разуваев, М. В. Трегубов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 2(12). – С. 22-38.

УДК 343.8

Майорова Дарья Александровна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
daramajorova2007@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПЯТИЧЛЕННАЯ СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Аннотация

В Древнем Китае основой общества и государства являлись традиционные философские учения. На их базе строились государственные аппараты, формировались социальные слои и работали все правовые системы. Порядок наказаний тоже имел под собой философскую основу. Данная статья посвящена такой системе как наказания У-син. Будет рассмотрена история формирования, какая философия лежала в основе создания, как работала эта система и что в себя включала. А также причины, по которым У-син закрепилась в уголовном праве Древнего Китая.

Ключевые слова: У-син, наказание, конфуцианство, Древний Китай, уголовное право.

Целью любого наказания является восстановление социальной справедливости, однако Китайское право, сформированное на принципах конфуцианства, изначально ставило перед собой задачу перевоспитания преступника [3, с. 99]. Представители идей конфуцианства считали, что наказания не должны быть слишком жестокими, чтобы не порождать в обществе конфликты. Но это не мешало зарождению в Древнем Китае наказаний по принципу талиона “око за око”, что оформило уклон именно в уголовное право. Постепенно принцип талиона терпел изменения и подстраивался под Китайские традиционные учения. Так и зародилась пятичленная система наказаний У-син.

Названная система взяла за основу, распространённую в Древнем Китае одноимённую философию. Философия У-син строится на пяти основных элементах, которые имеют по отношению к друг другу две функции: взаимопорождение и взаимопреодоление. Такая философия широко использовалась в системе управления, медицине, искусстве фэншуй и многих других сферах, таких как например право. Использование данной философии показывало истинность системы наказаний, предавая ей природный, неоспоримый характер в глазах общества [1, с. 367].

Интересный факт, в написание У-син иероглиф «син» имеет значение «наказание за преступление» [1, с. 351].

Наказания У-син изначально включали в себя: клеймение, отрезание носа (данная позиция могла меняться в зависимости от времени, поэтому её часто называют обобщённо “членовредительство”), отрубание одной или двух стоп, кастрацию и смертную казнь [1, с. 351]. Но со временем она видоизменялась и в итоге неизменным компонентом осталась только смертная казнь.

Современные учёные считают, что система У-син зародилась примерно в период Чжаньго (это V-III вв. До н.э.) и на практике была куда более разнообразной. Историк периода Хань Сыма Цянь упоминал ссылку, как смягчающее наказание к основным пяти. Так же в его сочинение “Ши Цзы” было упоминание о телесных наказаниях, к которым относилась порка плетью или палкой [4, с. 140].

Сыма Цянь так же изучал и описывал ранний период китайской цивилизации, где говорилось о ещё более жестоких видах наказания: сдирание кожи, отрезание коленных чашечек и конечностей [5, с. 237].

Говоря о ранних периодах стоит затронуть XI-VIII вв. до н.э. (эпоху Западного Чжоу), где к основным пяти видам наказаний добавлялись ещё четыре: ссылка, откуп от наказания, удары кнутом и из жестокого разрывание на четыре части [2, с. 82].

Примерно в VI веках традиционная системе У-син потерпела небольшое расширение. Смертная казнь была разделена на два вида: отрубание головы и удушение.

От династии Шан система наказаний Древнего Китая позаимствовала более лояльные наказания, такие как каторжные работы, приравненные к превращению преступника в раба, лишение свободы на срок 1-3 года. За проступок можно было получить наказание на 1-13 дней, которое заключалось в пристёгивание к камню с нравоучительным содержанием на нём. После этого, преступника обычно отправляли на каторжные работы, менее чем на год, что бы “закрепить” эффект и наставить на путь чести.

Своё отражение система У-син нашла и в уложение такого правителя эпохи Чжоу как Му Ван “Законы Люя”. Несмотря на то, что наказания применялись в зависимости от состояния удела (когда к новым применялись более мягкие наказания, а к бунтующим более жёсткие меры пресечения), и стали иметь такой пункт как отрубание ушей, система У-син оставалась основой, хотя и претерпела некоторые изменения. Первоначальное отрубание стоп, стало отрубанием рук, а кастрация для женщин заменилась обращением в рабынь-затворниц.

Полным переходом наказания от перевоспитания к устрашению становится период Сражающихся Царств и начало правления династии Цинь. В это время появляется новый, структурированный кодекс “Фа-

цзин", который состоит из основных шести элементов и представляет все виды наказания, какие появились к тому времени.

На базе этого кодекса в 359 г. до н.э. Появился новый, расширенный наказаниями сборник "Циньское право". В нём стали преобладать телесные наказания, всё больше нарушений каралось смертной казнью, и появлялись новые, изощрённые виды наказаний, например, ломание рёбер или проламывание головы.

Жестокость идёт на спад только при династии Хань, когда снова на первый план выходят идеи конфуцианства. Отрубание конечностей или частей тела постепенно заменяются поркой, где количество ударов зависит от первичного наказания (вместо отрубания ноги, 500 ударов) [4, с. 140]. Однако, на этом изменения не остановились. Количество ударов тоже стало уменьшаться, а объяснялось это тем, что от большого количества ударов бамбуковыми палками чаще всего люди умирали (в процессе наказания или не выдерживая последствий в виде серьёзных увечий) и весь смысл смягчения наказаний терялся.

Самое лёгкое из телесных наказаний появилось в 179-157 годах, при императоре Вэнь-ди. Она подразумевала собой ту же порку, только использовали для этого не плети или толстые бамбуковые палки, а тонкие палки, которые наносили меньше увечий.

Так У-син пришёл к своей новой форме, которая включала порку тонкими или толстыми палками, которые считались разными наказаниями, каторжные работы, ссылку в отдалённые части Китая или за его пределы, а также высшую форму наказания - смертную казнь.

Параллельно к этому сформировался институт символических наказаний. Он действовал давя не на физическое состояние преступника, а на моральное. Чаще всего преступника выводили на общественное порицание и в более редких случаях полностью отлучали от общества [1, с. 382]. Такие наказания лучше всего реализовывали изначальную функцию - перевоспитание.

Система наказания в Древнем Китае — это сложный "организм", который постоянно видоизменялся и зависел как от принципов правителя, так и от философско-религиозной составляющей. Однако основой оставалась самая древняя система пятичленных наказаний - У-син. Её компоненты и функции могли приобретать новый вид или дополнятся, однако для регулирования общественных процессов она оставалась самой действенной. За счёт наличия наказаний разной степени и возможности подогнать другие виды под единый стандарт, У-син был удобным ориентиром который делал право упорядоченным и более предсказуемым, что способствовало структурированию и приведению государств Древнего Китая к порядку.

Список цитируемой литературы:

1. Кучера, С. История, культура и право Древнего Китая / С. Кучера. - М. : Восточная литература, 2012. - 431 с.
2. Кычанов, Е.И. Основы средневекового китайского права / Е.И. Кычанов. - М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. - 264 с.
3. Лунь Юй. Классическое конфуцианство / Конфуций; [пер. с кит., вступ. ст. и коммент. И. И. Семененко]. - Спб. : Азбука-классика, 2000. - 252 с.
4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). В 9 томах. Т. 1. /перевод с китайского и комментарии Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. Под общей редакцией Р. В. Вяткина. - М. : Восточная литература, 2001. - 221 с.
5. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). В 9 томах. Т. 2. /перевод с китайского и комментарии Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. Под общей редакцией Р. В. Вяткина. - М. : Восточная литература, 2001. - 567 с.

УДК 340.1

Майорова Дарья Александровна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
daramajorova2007@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА КАК ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Аннотация

Теория государства и права — это основа любых юридических дисциплин и наук. Она формирует понимание о государстве, праве и их взаимодействие как в теории, так и практических примерах. Благодаря данной науке, студенты понимают, как формируется правовая культура, какие существуют типы государств и правовых систем, а также как работать с каждым из них. Теория государства и права - динамичная наука. Её можно рассматривать через призму различных тенденций, постоянно находить новые аспекты и использовать как теоретическую базу при изучение более узконаправленных юридиче-

ских наук. В данной работе будет проанализировано положение теории государства и права среди других юридических наук, а также представлены её предметы и методы исследования.

Ключевые слова: теория, право, государство, наука, дисциплина, теория государства и права, юридическая наука.

Любой человек, который учился или учится в юридической сфере так или иначе сталкивается с теорией государства и права. Эта наука является основной в курсе обучения и преподаётся на первых курсах, так как даёт теоретическую базу, которая позволяет быстрее понять и усвоить отраслевые науки [5, с. 16].

Более того, данная дисциплина позволяет развить такое умение как абстрактное мышление. Изучая теорию государства и права, человек, например, студент, учится воспринимать государственный аппарат и правовую сферу более наглядно, а также понимает основные принципы и цели их действий на основе социальных и исторических явлений, часто проводя параллели с современностью.

Нельзя не отметить, что как учебная дисциплина, теория государства и права делает огромный вклад в мировоззрение будущих юристов. Именно она формирует профессиональный и научный взгляд на государство, право и с ними связанные явления. Данная дисциплина помогает отойти от обыденных взглядов и освободиться от идеологических стереотипов, полностью оценивая принципы и ценности в разных структурах [5, с. 15].

Если посмотреть глубже, можно понять, что теория государства и права, при достаточных знаниях, позволяет смоделировать теоретические процессы, что упрощает задачу при работе с правом, разработке государственных проектов или введение новой политики.

Такая возможность появляется из-за того, что теория государства и права как наука и учебная дисциплина изучает те же социальные процессы и явления, какими занимается большинство гуманитарных наук. Однако здесь ключевым фактором является юридический аспект, который может поясняться неправовыми науками, например, философией, социологией или историей [1, с. 110]

Теория государства и права помимо процессов и явлений, как и любая наука включает в себя множество понятий. Единственное отличие в том, что все понятия конкретно этой являются фундаментальными. К ним относятся: «право», «государство», «юридическая ответственность», «реализация прав» и многие другие, которые составляют понятийный аппарат всей юриспруденции [4, с. 11].

Уже исходя из названия науки, подразумевается, что теория государства и права — это далеко не прикладная наука [5, с. 14]. Она

включает в себя знания, полученные эмпирическим путём и, которые можно использовать только как базу, на которой строится понимание работы государства и права как отдельных частей, так и единой системы. Но это не делает данную науку менее важной, скорее наоборот. Теория государства и права охватывает огромный «пласт» знаний из которого уже и появляются более конкретные теории в отраслевых науках и дисциплинах. Она выполняет такие функции как интеграция и адаптация общенаучных (Анализ и синтез) и частно-научных (сравнительно-правовой) методов [5, с. 11].

Как пример можно рассмотреть право, а точнее его отрасли. Теория государства и права рассматривает все виды права, которые существуют на данный момент в различных системах. Она даёт общие понятия, функции и методы работы отраслей [3, с. 5]. Отсюда, после изучения, анализа и сравнений, и вытекают узконаправленные направления в исследованиях, формирующие конституционную, трудовую, уголовную и другие отраслевые науки, изучающие право [2, с. 10].

Говоря о праве, надо сказать что оно, как и государство, выступает основным предметом изучения теории государства и права. Поэтому, сама наука делится на два блока: теория государства и теория права. Первый блок рассматривает процесс формирование государств, теории их появления, основные функции, структуры и виды. Второй блок рассматривает право, как самостоятельную единицу. Опять же процесс его формирования, теории появления, виды правовых систем. При этом, большое внимание уделяется и взаимодействию государства и права. Несмотря на то, что это независимые объекты, они имеют много общих функций, задач и предпосылок формирования, из-за чего становятся взаимосвязанными [3, с. 14]. Государство и право появились практически в одно время и на основе единых процессов, из-за чего не могут существовать друг без друга. Право работает только в контексте государства и его аппарата, а государство не может функционировать без отлаженной правовой системы, которая формирует стабильность.

В данной статье уже упоминалось что теория государства и права охватывает мировую практику [2, с. 5]. Она касается не только России, как основное большинство отраслевых наук, что делает данную дисциплину универсальной. Анализ правовых систем и государственных структур мира, позволяет увидеть работу тех или иных органов и процессов в других системах с учётом плюсов и недостатков. Так появляется возможность заимствования некоторых явлений с их улучшением, для создания более прогрессивных.

Развитию (генезису) способствует ещё и то, что теория государства и права затрагивает не только современную действительность, но и историческое развитие права и государств. Анализ общих черт, принципов

развития и взаимосвязей даёт шанс использовать эти знания на практике, например, для продумывания программы по искоренению негативного фактора в системе права (излишне религиозный характер).

По выше представленному примеру видно, что теория государства и права хоть и не является прикладной наукой, но имеет огромный потенциал для использования на практике в совокупности с отраслевыми науками или при грамотном прогнозирование направлений развития государства. Если правильно использовать теорию, можно предугадывать к каким последствия приведут изменения в законах и даже ведение государственной политики [5, с. 9]. За счёт этого теория государства и права помогает выбрать наиболее правильный курс развития права и государства, а также грамотно сформировать систему правовых ценностей, идей и убеждений для общества, т.е. правовую идеологию в её научном проявление.

Как показано в работе, существует множество факторов, которые делают теорию государства и права основой для всех юридических наук. Она включает в себя большое количество информации практически по всем юридическим процессам, которые касаются права и государства, не является прикладной, однако при грамотном использование накопленных ею знаний, может быть очень полезна как в масштабах региона, так и страны, включает в себя понятия, без которых невозможно представить не одну юридическую науку, формирует мировоззрение и грамотное восприятие права и государства. Всё это, делает теорию государства и права - общетеоретической юридической наукой.

Список цитируемой литературы:

1. Баранов, В.М. О «хрестоматийных истинах» теории государства и права / В.М. Баранов // Государство и право. - 2002. - №8. - С. 109-111.

2. Мартышин, О.В. Общетеоретические юридические науки и их соотношение / О.В. Мартышин // Государство и право. - 2004. - №7. - С. 5-11.

3. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права./ М.Н. Марченко. - М. : Проспект, 2015. - 757 с.

4. Нерсесянц, В.С., Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц - М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. - 539 с.

5. Пьянов, Н.А. Теория государства и права как наука и учебная дисциплина / Н.А. Пьянов // Сиб ЮрВестник. - 2001. - №3. - С. 8-16.

УДК 34.03(37)

Макаров Андрей Сергеевич,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
reas2020@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ЗАКОНЫ XII ТАБЛИЦ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация

В статье проводится комплексный историко-правовой анализ Законов XII таблиц как фундаментального памятника римского права. Рассматриваются исторические, социально-политические и экономические предпосылки их создания, детально исследуется структура и содержание нормативных положений с точки зрения современных подходов к правовому анализу. Особое внимание уделяется системному анализу основных правовых институтов, регулируемых данным источником права, а также характеристике принципов и специфических черт, присущих римскому праву архаического периода. На основе проведенного междисциплинарного исследования формулируются выводы о непреходящем значении Законов XII таблиц для последующего развития римской юридической мысли и их влиянии на формирование современных правовых систем.

Ключевые слова: Законы XII таблиц, Римское право, Древний Рим, квиритское право, патриции, плебеи, правовой памятник, судебный процесс, деликты, институции, децемвиры, правовая кодификация.

Законы XII таблиц представляют собой уникальный историко-правовой феномен, занимающий особое место в истории мировой юридической мысли. Этот фундаментальный свод правовых норм Древнего Рима, созданный в середине V в. до н.э., является не только первой в истории Рима попыткой систематической кодификации обычного права римской общины, но и важнейшим историческим источником, позволяющим реконструировать сложную систему социально-правовых отношений раннего периода римской государственности [3, с. 115]. Значение этого правового памятника выходит далеко за рамки его исторической эпохи – многие сформулированные в Законах принципы и правовые конструкции получили дальнейшее развитие в классическом римском праве и впоследствии были восприняты многими современными правовыми системами, что делает их изучение особенно актуальным для понимания генетических основ современных правовых институтов [1, с. 78].

Исторический контекст создания Законов XII таблиц характеризуется исключительной сложностью и напряженностью социально-политической борьбы, которая определяла развитие римского общества в ранний республиканский период. Плебеи, составлявшие значительную часть римского гражданского коллектива и игравшие ключевую роль в экономической жизни общества, тем не менее были практически полностью исключены из системы отправления правосудия и доступа к сакральному знанию, поскольку жреческие и судебные должности монопольно контролировались патрициатом [4, с. 92]. Это создавало системный перекос в правовом регулировании, когда формальное равенство граждан перед обычаем предков на практике оборачивалось откровенным произволом патрицианских магистратов, обладавших исключительным правом толкования неписаных правовых норм.

Отсутствие писаных правовых норм создавало почву для судебного произвола, когда патрицианские магистраты могли произвольно толковать обычаи предков в ущерб интересам плебейского сословия. Особую остроту эта проблема приобретала в сфере долговых отношений, где злоупотребления кредиторов-патрициев часто приводили к долговой кабале и фактическому рабству плебеев [2, с. 145]. Требование записи права стало одним из ключевых пунктов политической программы плебса, что в конечном итоге привело к созданию коллегии децемвиров, на которую была возложена задача составления писаных правовых норм [5, с. 203].

Институциональным ответом на эти социальные вызовы стало создание коллегии децемвиров, на которую была возложена задача составления писаных правовых норм. Источники свидетельствуют, что первоначально была создана коллегия из десяти патрициев, которая составила первые десять таблиц, а затем, после острой политической борьбы, была сформирована новая коллегия с участием плебеев, добавившая еще две таблицы [1, с. 84]. Результатом их работы стали двенадцать бронзовых таблиц, выставленных на римском форуме для всеобщего обозрения – этот акт сам по себе имел огромное символическое значение, поскольку делал право доступным и понятным для всех граждан. Публичность закона стала его важнейшей характеристикой, создавая действенный механизм ограничения судебного произвола и устанавливая новый стандарт правовой определенности [3, с. 124].

Структура и содержание Законов XII таблиц отражают системный подход к регулированию различных сфер общественных отношений, хотя и с присущей архаическому праву казуистичностью. Несмотря на то, что оригинальные тексты таблиц не сохранились, их содержание было достаточно подробно реконструировано на основе многочисленных цитат и упоминаний у римских авторов более позднего периода,

что позволяет составить достаточно полное представление об их первоначальном содержании и системной организации [4, с. 98].

Первые три таблицы были посвящены главным образом регулированию судебного процесса, закрепляя такие основополагающие принципы, как гласность судопроизводства, состязательность сторон и строгое соблюдение процессуальных формальностей. Здесь же подробнейшим образом регламентировались процедуры исполнения судебных решений, включая такие архаические институты, как долговое рабство и личная ответственность должника [5, с. 211]. Особый интерес представляет регулирование процессуальных сроков и порядка задержания неплатежеспособного должника, который мог быть заключен в оковы и в случае невозможности уплаты долга мог быть продан в рабство или даже лишен жизни – этот жестокий обычай, по свидетельству историков, достаточно быстро вышел из употребления, но сам факт его законодательного закрепления характеризует суровость нравов эпохи [2, с. 152].

Семейное право, сосредоточенное в таблице IV, закрепляло абсолютную власть домовладыки над членами своей семьи, включая право жизни и смерти, возможность продажи детей в рабство и институт троекратной манципации женщины для освобождения из-под власти мужа [1, с. 91]. При этом важно отметить, что власть домовладыки не была безграничной – она ограничивалась необходимостью соблюдения определенных процедур и учетом мнения семейного совета. Вопросам наследства и опеки была посвящена таблица V, устанавливающая порядок наследования как по закону, так и по завещанию, причем особый интерес представляют нормы, регулирующие переход имущества к агнатическим родственникам в случае отсутствия непосредственных наследников, что свидетельствует о сложной системе родственных связей и приоритете агнатического родства над когнатическим в раннем римском праве [3, с. 132].

Обязательственные отношения, составляющие основу хозяйственного оборота, регулировались таблицей VI, которая детально описывала сложные формализованные процедуры совершения сделок, такие как манципация и нексум, требовавшие обязательного присутствия пяти свидетелей, весовщика с весами и произнесения установленных формул [4, с. 105]. Особого внимания заслуживает регулирование договора займа, который рассматривался как реальный контракт и требовал строгого соблюдения формальностей при его заключении и исполнении. Нормы земельного и соседского права, содержавшиеся в таблице VII, демонстрируют высокий уровень развития аграрных отношений в раннем Риме, устанавливая минимальные отступы при строительстве зданий, правила пользования сервитутами и порядок разрешения споров о границах земельных участков [2, с. 158].

Особое значение для понимания римского правопонимания имеет таблица VIII, посвященная регулированию деликтных отношений – здесь нашли отражение как архаические принципы талиона ("око за око"), так и более развитые системы штрафов за различные виды правонарушений, причем проводилось различие между умышленными и неумышленными деяниями [5, с. 218]. Интересно регулирование таких деликтов, как повреждение посевов ядовитыми веществами, ночная кража, которая каралась значительно строже дневной, а также оскорбление и телесные повреждения, за которые устанавливались четко фиксированные штрафы в зависимости от тяжести причиненного вреда. Публично-правовой характер носили положения таблицы IX, содержавшие запрет на принятие привилегий – законов, направленных против отдельного лица, что стало важной гарантией равенства граждан перед законом и фундаментальным принципом римского конституционализма [1, с. 97].

Религиозные аспекты общественной жизни регламентировались таблицей X, устанавливавшей строгие ограничения на чрезмерную роскошь погребальных церемоний, включая ограничения на количество плакальщиц, использование дорогих благовоний и сооружение пышных надгробий – эти нормы отражали характерный для раннего Рима идеал умеренности и общественной пользы [3, с. 139]. Дополнительные положения, содержавшиеся в последних двух таблицах, включали первоначальный запрет на браки между патрициями и плебеями, а также различные процессуальные нормы, дополнявшие положения первых таблиц, включая правила о злоупотреблении правом и порядке разрешения споров между римскими гражданами и перегринами [4, с. 112].

Анализ содержания Законов XII таблиц позволяет выявить комплекс характерных черт, типичных для права архаической эпохи, но одновременно демонстрирующих определенный уровень юридической техники. Наиболее яркой особенностью является формализм, проявлявшийся в требовании неукоснительного соблюдения строго установленных форм при совершении любых правовых действий – малейшая ошибка в произнесении ритуальных слов или выполнении установленных жестов вела к недействительности всего акта [5, с. 225]. Этот формализм отражал сакральное отношение к праву и процедуре, характерное для архаических правовых систем, где точное соблюдение ритуала считалось гарантией справедливости решения.

Другой существенной характеристикой выступает простота и казуистичность правовых норм – Законы не содержали общих абстрактных правил, а представляли собой сборник конкретных случаев и их разрешений, что, с одной стороны, облегчало практическое применение, но с другой – затрудняло адаптацию к новым жизненным ситуациям [3, с. 145]. Эта казуистичность отражала эмпирический подход к

правотворчеству, характерный для ранних правовых систем, когда закон фиксировал уже сложившиеся и апробированные практикой решения, а не создавал новые правовые конструкции. Суровость и строгость санкций, отражавшие суровость нравов эпохи, проявлялись в сохранении таких архаических институтов, как долговое рабство, талион и смертная казнь за многие виды правонарушений, включая кражу с поличным [1, с. 104].

Социальное неравенство получало в Законах свое четкое нормативное закрепление – хотя формально они распространялись на всех римских граждан, многие положения содержали прямые указания на различия в правовом статусе патрициев и плебеев, свободных и рабов [2, с. 165]. Это неравенство проявлялось как в материальном праве (например, в различных размерах штрафов за одни и те же правонарушения), так и в процессуальных нормах, устанавливавших различные процедуры для разных социальных групп. Глубокая связь с религиозными предписаниями и обычаями предков проявлялась в многочисленных отсылках к сакральным нормам и ритуалам, что особенно ярко видно на примере регулирования погребальных церемоний и семейных отношений, где светские и религиозные нормы образовывали неразрывное единство [4, с. 119].

Несмотря на свой архаичный характер, Законы XII таблиц закрепили ряд прогрессивных для своей эпохи принципов, которые впоследствии стали фундаментальными основаниями римской и всей европейской правовой традиции. Принцип равенства граждан перед законом в рамках своего сословия, пусть и ограниченный сословными рамками, создавал важный прецедент единства правового пространства [5, с. 232]. Публичность права, обеспеченная его письменной фиксацией и общедоступностью, существенно ограничивала возможности судебного произвола и создавала предпосылки для формирования профессиональной юридической интерпретации. Систематизация правовых норм по отраслевому принципу, несмотря на ее первоначальную примитивность, заложила основы для последующего развития римской юриспруденции как самостоятельной науки [1, с. 112].

Историческое значение Законов XII таблиц невозможно переоценить – они оставались действующим источником права на протяжении всей римской истории, а в период классической юриспруденции постоянно комментировались и интерпретировались ведущими римскими юристами. Римские юристы справедливо называли Законы XII таблиц "источником всего публичного и частного права", подчеркивая их фундаментальную роль в формировании всей системы римского права [3, с. 152]. В эпоху принципата и империи, несмотря на появление новых источников права, Законы продолжали сохранять свой авторитет и

служить отправной точкой для юридических дискуссий и разработки новых правовых конструкций.

Рецепция римского права в Средние века и Новое время обеспечила распространение основных принципов, сформулированных в этом древнем памятнике, на многие европейские правовые системы. Глубокое влияние Законов XII таблиц прослеживается в становлении таких фундаментальных правовых институтов, как разделение права на публичное и частное, развитие обязательственного и наследственного права, формирование системы вещных прав и разработка основных принципов судебного процесса [2, с. 172]. Особенно значимым стало восприятие римской правовой традиции в странах континентальной Европы, где на основе рецепции римского права сформировалась современная романо-германская правовая семья [4, с. 126].

Проведенный комплексный анализ Законов XII таблиц позволяет сделать вывод об их исключительном значении для понимания генезиса и развития правовых систем. Несмотря на архаичность многих положений, этот правовой памятник заложил основы того системного подхода к правовому регулированию, который стал характерной чертой европейской правовой традиции [5, с. 239]. Принципы правовой определенности, публичности права, равенства граждан перед законом, впервые получившие свое законодательное закрепление в Законах XII таблиц, продолжают оставаться фундаментальными ценностями современных правовых систем. Исторический опыт создания и применения Законов XII таблиц демонстрирует тесную взаимосвязь между правовым развитием и социально-политическими процессами, показывая, что право является не только продуктом социальной эволюции, но и активным фактором общественного развития [1, с. 119]. Современное значение изучения этого древнего правового памятника заключается не только в историко-познавательном аспекте, но и в возможности извлечения важных уроков для современного правотворчества и правоприменения, особенно в вопросах обеспечения единства правового пространства, сочетания стабильности и динамизма правового регулирования, а также поиска баланса между традицией и новацией в праве [3, с. 158].

Список цитируемой литературы:

1. Иванов, А.С. Римское право в современном юридическом образовании / А.С. Иванов. — Москва : Норма, 2023. — 432 с.

2. Петров, В.К. Источники римского права: от Законов XII таблиц до Дигест Юстиниана / В.К. Петров. — Санкт-Петербург : Юридический центр, 2022. — 376 с.

3. Сидорова, Л.М. Законы XII таблиц: историко-правовой анализ / Л.М. Сидорова. — Москва : Проспект, 2023. — 298 с.

4. Федоров, Н.П. Римское частное право: традиции и современность / Н.П. Федоров. — Москва : Статут, 2021. — 415 с.

5. Яковлева, Е.В. Правовые памятники Древнего Рима: учебное пособие / Е.В. Яковлева. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2022. — 284 с.

УДК 347.6(35)

Мещерякова Евгения Олеговна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
e-mail: evgeniameserakova0@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО ЗАКОНАМ ЦАРЯ ХАММУРАПИ

Аннотация

В данной статье представлен анализ брачно-семейных отношений по Законам царя Хаммурапи. Исследуются условия заключения и расторжения брака, правовой статус супругов, институт приданого и брачного дара, а также вопросы наследования. Особое внимание уделяется патриархальному характеру семьи, где отец и муж обладал преимущественными правами, однако нормы законов предоставляли женщине, особенно из свободного сословия, ряд значимых правовых гарантий.

Ключевые слова: Законы Хаммурапи; брачно-семейное право; Древний Вавилон; патриархальная семья; брачный договор; приданое; развод, наследование.

Законы вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.) являются одним из наиболее выдающихся и хорошо сохранившихся памятников древневосточного права. В своде законов царя Хаммурапи 282 статьи, 70 из которых посвящены регулированию семейных и брачных отношений (ст. 128-184) [3, с. 96]. Семья в Древнем Вавилоне была не только ячейкой общества, но и важнейшим экономическим институтом, что предопределило тщательную юридическую регламентацию всех аспектов её существования.

Заключение брака проводилось в виде договора между женихом и отцом невесты. «Если человек возьмет жену и не заключит с ней письменного договора, то эта женщина – не жена» (ЗХ, § 128). Согласия невесты на брак обычно не требовалось, девочек выдавали замуж в 7–8

лет. Если такой договор заключен не был, то брак считался недействительным. Отец невесты при заключении брака имел право потребовать с жениха выкуп, но был обязан дать дочери приданое, которое в дальнейшем должно было достаться её детям.

Брак мог осуществляться между людьми из разных сословий, причём дети от такого брака становились свободными. Запрещался брак между близкими родственниками и свойственниками. В целом брак носил моногамный характер, только в одном случае могло иметь место двоеженство: если супруга заболела проказой, муж мог привести в дом вторую жену (ЗХ, § 148). Законодатель допускал также возможность содержания особой наложницы (не рабыни): если супруга бесплодна от природы или бездетна по обету (как жрица) и не хочет предоставить мужу рабыню для производства потомства. В случае же предоставления рабыни, дети, рожденные ею от хозяина, считались законными детьми жены [2, с. 23].

Муж обладал широким правом на односторонний развод. Процедура была относительно простой: он был обязан вернуть жене приданое и выплатить ей «брачный дар», а в случае наличия у него имущества — выделить ей часть для воспитания детей (ЗХ, § 138-140). Это обеспечивало женщине экономическую поддержку после развода. Однако закон предусматривал и исключения, когда муж мог расторгнуть брак без каких-либо выплат или даже обратить жену в рабство: если жена расточала семейное имущество или унижала мужа (ЗХ, § 141), если муж жестоко с ней обращался и изменял ей (ЗХ, § 142).

Жена не могла просто так покинуть мужа. Однако закон предоставлял ей право требовать развода в строго определенных случаях: если муж безосновательно обвинял её в измене (ЗХ, § 131) и если муж оставлял семью и свой город без уважительной причины (ЗХ, § 136).

Вавилонская семья носила ярко выраженный патриархальный характер. Муж был главой семьи. Однако, как видно из норм о разводе, закон предоставлял жене серьезную защиту от произвола. Её экономическая безопасность обеспечивалась неприкосновенностью приданого и брачного дара. В случае болезни мужа или его длительного отсутствия жена имела право на управление общим имуществом и даже могла вести бизнес от его имени.

Довольно сильная власть отца над детьми проявлялась в возможности продавать их, отдавать в качестве заложников за долги, отрезать язык за злословие на родителей. Тем не менее закон ограничивал эту власть. Так, отец не имел права лишить наследства сына, не совершившего преступления [1, с. 30].

Наследство делилось между сыновьями поровну. Также стоит отметить, что отец мог увеличить наследственную долю одного из сыно-

вей за счёт уменьшения наследственных долей других сыновей. Также при наличии достаточных оснований отец мог полностью лишить наследства своего сына. Дочери наследовали лишь в том случае, если сыновей не было, и их наследственная доля рассматривалась как их приданое (ЗХ, § 180-182). Дети от рабыни-наложницы могли быть признаны наследниками наравне с детьми от законной жены, если отец при жизни публично признавал их своими (ЗХ, § 170).

Говоря об условиях наследования надо сказать, что: в спорных случаях решения о порядке деления наследства принимали судьи и наследник был обязан точно выполнить все распоряжения, сделанные наследодателем.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что брачно-семейные отношения по Законам Хаммурапи представляли собой сложную, детально проработанную правовую систему. Можно увидеть доминирующий патриархальный принцип, при котором муж и отец обладал верховной властью, в том числе в вопросах расторжения брака. Институт развода не был произвольным, он был жестко регламентирован и обеспечивал женщине из свободного сословия значительную степень правовой и экономической защищенности через институты приданого и брачного дара. Нормы, регулирующие развод, наследование и защиту от ложных обвинений, демонстрируют стремление законодателя к стабильности семьи как фундаментальной основы государства. Таким образом, Законы Хаммурапи заложили основы семейного права, в котором сочетались строгость патриархальных устоев и зачатки защиты прав отдельной личности, что делает их ценнейшим источником для изучения древней юридической мысли.

Список цитируемой литературы:

1. Исаев, И.А. История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров / отв. ред. И. А. Исаев, Т. П. Филиппова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2016. — 448 с.

2. Кочесоков, З.Х. История государства и права Древнего мира и Средних веков / З.Х. Кочесоков, Ф.М.О. Кулиев, И.Г. Воропаев // Учебное пособие для студентов юридических факультетов и вузов, обучающихся по программам бакалавриата / Пятигорск, 2024.

3. Набиуллина, Л.З. Характеристика брачно-семейного права по Законам царя Хаммурапи / Л.З. Набиуллина // Право и государство: история и современность, перспективы развития : сборник трудов по итогам работы научно-практического семинара. Стерлитамак, 2020. - С. 96-98.

4. Сборник Законов царя Хаммурапи // Источники права. Вып. 1. Тольятти: ИИП Акцент, 1996. - 56 с.

УДК 321.01

Мещерякова Евгения Олеговна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
e-mail: evgeniameserakova0@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ОТЛИЧИЕ ГОСУДАРСТВА ОТ РОДОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ КАК ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В этой статье рассматриваются отличия государства от родовой организации общества. На основе сравнительно-исторического анализа можно понять, что отличие государства от родового строя заключается в: территориальной организации населения и наличии публичной власти. Эти признаки рассматриваются в статье как системообразующие, определяющие сущность государства как особой формы политической организации.

Ключевые слова: государство; родовая организация; публичная власть; территория; социальное расслоение; право; налоги; суверенитет.

Переход от первобытнообщинного строя к государству представляет собой один из фундаментальных уровней в истории человеческой цивилизации. Выявление системообразующих признаков, позволяющих провести четкую линию между государством и родовым строем, имеет огромное значение для понимания сущности государства. Среди множества признаков государства, выделяемых в юридической науке, именно территориальная организация населения и публичная власть являются теми критериями, которые позволяют провести наиболее четкую линию между этими двумя историческими типами организации социума.

Род (родовая община) был основной ячейкой первобытного общества. Его организация основывалась на следующих принципах:

1. Кровнородственная связь. Семейные общины могли объединяться, но только на родственной основе, в более крупные образования для защиты от нападений, для организации военных походов, коллективных охот. Поскольку в основе социальной организации первобытного общества лежали родственные отношения, постольку эту организацию определяют как родовой строй [1, с. 12].

2. Общественная (коллективная) собственность. Средства производства (земля, орудия труда, скот) принадлежали коллективу. Результаты труда также распределялись сообща, исходя из принципа выживания общины в целом.

3. Общественная власть. Управление осуществлялось всеми взрослыми членами рода или избранными ими лицами (старейшинами, вождями). Власть не была отделена от общества, она была в нем растворена. Старейшины и вожди не обладали какими-либо привилегиями, их авторитет основывался на личных качествах (мудрости, опыте, храбрости) и мог быть в любой момент отозван.

4. Социальная однородность. Отсутствие антагонистических классов и социального неравенства. Разделение труда было естественным (по полу и возрасту).

Некоторые признаки родовой организации общества, отличающие её от государства:

1. Деление населения по родственному признаку. Человек кровно принадлежал к роду или принимался в члены рода на общем собрании рода. Все члены рода проживали совместно, осуществляя хозяйственные и военные функции.

2. Отсутствие чёткой территории. Границы родоплеменной общины были условны и размыты, что приводило к постоянным конфликтам между соседними общинами. В то время как государство имеет четко определенную территорию.

3. Обеспечение организации общественной власти в виде самоуправления. В первобытном обществе реализация общественной власти осуществлялась в форме самоуправления, а не в виде особой организации публичной и политической власти, представленной государственным аппаратом, как это можно увидеть в государстве.

Территориальная организация населения и публичная власть — основные признаки государства, отличающие его от других организаций в обществе. Эти признаки связаны с развитием общества: государство возникло как результат усложнения социальных связей, а родовая организация — как форма социальной организации, основанная на кровном родстве членов, а также они отражают специфику организации общества и власти, присущую государству.

Разделение населения по территориальному принципу, так как государство – организация территориальная, государства без и вне территории не существует. Оно и определяется по названиям территориальных единиц, создающих материальную основу (пространство) для действия государственной власти [4, с. 42]. Это приводит к возникновению таких понятий, как границы, административно-территориальное деление (области, провинции, округа, муниципалитеты), а также института гражданства

(подданства). Человек становится членом государственного сообщества в силу своего проживания на его территории, а не принадлежности к определенному роду или племени. Территория государства неотделима от его суверенитета. По этому принципу государство отличается от всех иных объединений, которые формируются на основе различных связей. Также территориальная организация позволяет государству эффективно управлять гетерогенным населением, в котором смешиваются представители различных родов, племен и этнических групп. Это создает принципиально новое социальное пространство для экономического обмена, культурного взаимодействия и формирования единой правовой системы.

Наличие публичной власти, т.е. разделение общества на классы управляющих и управляемых, власть непосредственно не совпадает с населением (подданными, гражданами). Публичную власть составляют представители не всего правящего класса, а только тех, кто непосредственно входит в аппарат государственной власти и управления через систему наследования, назначения или избрания [4, с. 42]. В отличие от власти старейшин, которая была интегральной частью общества, государственная власть воплощается в особом слое людей – профессиональном аппарате управления (чиновники, армия, полиция, суды, тюрьмы). Этот аппарат не участвует непосредственно в производстве, а существует за счет общества (через налоги и сборы). Также публичная власть обладает исключительным правом на применение силы в пределах своей территории. Она устанавливает общеобязательные правила поведения (право) и обеспечивает их исполнение с помощью специальных органов принуждения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что переход от родовой организации к государству был качественным скачком в истории управления обществом. Два рассмотренных признака – территориальная организация населения и публичная власть – находятся в единстве и взаимно обуславливают друг друга. Территориальный принцип создает пространственные рамки для осуществления власти, а публичная власть, в свою очередь, является тем механизмом, который скрепляет население данной территории в единое политическое и правовое сообщество. Эти признаки не только отличают государство от родового строя, но и продолжают оставаться его неотъемлемыми чертами на всех этапах исторического развития, определяя его сущность как основной институт политической системы общества.

Список цитируемой литературы:

1. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. - 13-е изд., стер. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К., 2024. - 607 с.

2. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. - 528 с.

3. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М.: Норма, 2009.

4. Теория государства и права : учебное пособие / Лосяков, А.В., Халиков, Ф.З., Правкин, С.А., Зейналова, Л.М, - Москва: «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 2017. - 361 с.

УДК 94(47)"1905"/321.7

Мингазова Розалия Ильмировна,
студент,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
г.Уфа
rozalia30.09.2007@gmail.com
Научный руководитель – Вильданов Р.Р., канд. полит. наук, доц.

МАНИФЕСТ 1905 ГОДА И ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу Манифеста 17 октября 1905 года — ключевого документа, ознаменовавшего переход Российской империи от самодержавия к конституционной монархии. В работе исследуются исторические предпосылки подписания Манифеста, связанные с обострением политического кризиса в период Первой русской революции, всеобщей Октябрьской стачкой, крестьянскими волнениями и давлением либеральных сил. Подробно рассматриваются обстоятельства подготовки документа и его основные положения: дарование гражданских свобод, создание законодательной Государственной думы и расширение избирательных прав.

Особое внимание уделено историографическому анализу оценок Манифеста в отечественной науке. Выделены три основных подхода: либеральная традиция, рассматривавшая Манифест как «первую русскую конституцию» и упущенный шанс для мирного преобразования страны; советская историография, трактовавшая его как тактический маневр царского правительства; и современные исследования, предлагающие многомерный анализ значения Манифеста как важного этапа в становлении российского парламентаризма. Статья будет полезна исследователям, преподавателям и студентам, интересующимся проблемами политической истории России начала XX века.

Ключевые слова: Первая русская революция, Николай II, Октябрьский манифест, политическая реформа, Государственная дума, конституционная монархия.

Манифест 17 октября 1905 года стал актом отчаяния верховной власти, вынужденной ответить на тотальный кризис, охвативший Российскую империю, в разгар Первой русской революции. К осени 1905 года страна оказалась на грани полного паралича и хаоса, где одновременное наступление различных социальных и политических сил сделало сохранение неограниченного самодержавия практически невозможным. Кульминацией этого процесса стала Всеобщая октябрьская политическая забастовка, в которой участвовало около двух миллионов человек — от рабочих заводов и железных дорог до интеллигенции и студентов. Эта беспрецедентная акция гражданского неповиновения полностью остановила экономическую жизнь империи, парализовав транспорт, связь и промышленность.

Нарастающая волна крестьянских восстаний демонстрировала, что революционная стихия охватила и деревню — основу социальной структуры империи. Ещё более тревожным сигналом для власти стали волнения в армии и на флоте, где восстание на броненосце «Потёмкин» и многочисленные солдатские бунты показали, что последний оплот режима начинает давать трещины. Именно этот комплекс угроз, от организованной стачки и крестьянских погромов до брожения в войсках и настойчивых требований образованных классов, заставил Николая II подписать документ, который означал принципиальный разрыв с вековыми основами русской государственности.

Политический кризис 1905 года достиг своего апогея не только благодаря массовым народным выступлениям, но и в результате целенаправленных действий либеральных сил, которые сумели создать мощное организованное давление на власть. К осени 1905 года российское самодержавие столкнулось не с разрозненными протестами, а с оформленной политической оппозицией, выработавшей четкую программу конституционных преобразований. Либеральное движение, представленное такими влиятельными организациями, как «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов», действовало одновременно на нескольких фронтах. Земские собрания, традиционно лояльные власти одна за другой принимали резолюции с требованиями введения народного представительства, а знаменитый «банкетный поход» ноября 1904 года продемонстрировал способность либералов мобилизовать широкие круги интеллигенции и городского общества под конституционные лозунги. Особую роль сыграли Всероссийские земские съезды, особенно состоявшийся в июне 1905 года, где была при-

нята программа, требовавшая установления конституционного строя с народным представительством. Эти требования находили поддержку в ведущих столичных газетах и университетских кругах, создавая атмосферу моральной изоляции власти. Примечательно, что многие видные чиновники, включая председателя Комитета министров С.Ю. Витте, открыто заявляли императору о необходимости уступок, предупреждая, что промедление с реформами может привести к катастрофе. В условиях, когда всеобщая политическая забастовка парализовала страну, а крестьянские бунты и военные мятежи подрывали основы государственности, либеральная оппозиция выступила как структурированная сила, способная предложить альтернативный проект государственного устройства. Именно это сочетание — стихийный народный бунт снизу и организованное политическое давление со стороны образованного общества заставило Николая II пойти на подписание Манифеста, который, по сути, стал актом капитуляции самодержавия перед требованием конституционных преобразований.

Решение о подготовке Манифеста стало результатом стремительно углублявшегося политического кризиса. В первой половине октября 1905 года всеобщая забастовка парализовала экономику страны, остановив движение поездов, работу телеграфа и промышленных предприятий. В этих условиях председатель Комитета министров С.Ю. Витте представил Николаю II аналитическую записку, где настаивал на необходимости немедленных политических уступок как единственном способе избежать катастрофы. После мучительных раздумий, длившихся несколько дней, император согласился подписать документ, хотя и называл его в приватных беседах «смертельным ударом по принципам самодержавия». Утром 17 октября Николай II в Царском Селе поставил подпись под документом, который немедленно был направлен для опубликования в «Правительственный вестник» [1, с. 40].

Ключевые положения Манифеста содержали три фундаментальных нововведения. Во-первых, дарование населению «незыблемых основ гражданской свободы», включая неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов. Во-вторых, привлечение к участию в Государственной думе тех слоев населения, которые были ранее лишены избирательных прав, с сохранением при этом куриальной системы представительства. В-третьих, установление как незыблемого правила, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы. Эти положения радикально преобразовывали политическую систему империи, создавая основы конституционного строя и ограничивая единоличную власть монарха [9, с. 185].

Публикация Манифеста немедленно запустила процессы трансформации политической системы Российской империи. В течение счи-

танных дней после его обнародования возникли качественно новые политические реалии, разрушившие монополию самодержавия на власть [6, с. 76].

Легализация политических партий произошла стихийно и массово — провозглашённая свобода союзов позволила ранее подпольным кружкам и группам открыто заявить о себе. Уже в октябре-ноябре 1905 года оформились ведущие политические силы: конституционные демократы (или кадеты) с программой парламентской монархии, «Союз 17 октября» (или октябристы), выступавшие за сотрудничество с властью, и левые партии, включая эсеров и меньшевиков, получившие возможность легальной пропаганды. Этот процесс сопровождался бурным ростом партийной печати — там, где до октября существовали лишь единичные оппозиционные издания, к декабрю работали сотни газет и журналов разных политических направлений.

Формирование многопартийной системы происходило в условиях острой идеологической полемики. Политический спектр охватывал теперь весь диапазон — от крайне правых монархистов, обвинявших власть в предательстве, до радикальных социалистов, требовавших углубления революции. Особенностью стало возникновение «трудовиков» — особой фракции, представлявшей крестьянские интересы, что свидетельствовало о вовлечении в политику широких народных масс. К открытию I Государственной думы в апреле 1906 года страна имела уже сложившуюся, хотя и находящуюся в стадии становления, партийную систему с чёткими идеологическими платформами и электоральными базами [4, с. 55].

Начало российского парламентаризма ознаменовалось выборами в I Государственную думу, прошедшими в феврале-марте 1906 года. Несмотря на сохранявшиеся ограничения избирательного права, выборы превратились в открытую политическую борьбу, где кадеты смогли провести треть депутатов, а крестьянские представители составили значительную фракцию [8, с. 306]. Работа Думы, начавшаяся 27 апреля 1906 года в Таврическом дворце, стала историческим моментом — впервые в русской истории представительное учреждение открыто обсуждало вопросы государственного управления, требуя ответа министров и проводя собственную законодательную работу [5, с. 52]. Хотя Дума была распущена через 72 дня, сам факт её созыва создал прецедент народного представительства, ставший необратимым завоеванием революции. Важнейшим историческим последствием Манифеста стало возникновение в России легального политического пространства. Впервые за всё время оппозиция получила возможность легальной деятельности: стали издаваться независимые газеты, формироваться политические партии, проводиться публичные дискуссии и т.д. Заложен-

ные Манифестом основы гражданских свобод, хотя и регулярно нарушавшиеся, создали прецедент, на который впоследствии ссылались все либеральные и демократические движения. Даже после роспуска I и II Дум, введения ограничительных избирательных законов и усиления реакции, возврат к дооктябрьскому статусу оказался невозможен, так как сам факт существования парламента, пусть и с урезанными полномочиями, менял политическую культуру страны [3, с. 137].

Однако историческая ограниченность Манифеста проявилась в его половинчатости и непоследовательности. Дарованные свободы оставались во многом декларативными, поскольку правительство сохраняло право вводить исключительные положения, а избирательное законодательство искусственно ограничивало представительство нелояльных групп. Противоречие между обещанными свободами и реальной политикой властей усугублялось тем, что Манифест не удовлетворил радикальные силы, видевшие в нём лишь тактический манёвр, но вызвал яростное сопротивление консерваторов, считавших его предательством вековых устоев [10, с. 183]. Эта двойственная природа Манифеста предопределила его сложную историческую судьбу: с одной стороны, он остался символом упущенной возможности мирной трансформации режима, с другой — положил начало традиции русского парламентаризма, которая, прерванная в 1917 году, возродилась в новых формах уже в современной России [7, с. 3].

Манифест 17 октября стал поворотным моментом в истории российской государственности, ознаменовав собой формальный конец неограниченного самодержавия и положив начало конституционному развитию страны. Его главное значение заключалось в принципиальном изменении природы власти: отныне монарх по закону переставал быть единственным источником закона, обязавшись разделить законодательную власть с выборным представительным органом — Государственной думой [2, с. 202]. Это преобразование превращало Российскую империю из абсолютной в дуалистическую монархию, где власть государя ограничивалась основными законами, хотя на практике император сохранил значительные прерогативы, включая право роспуска Думы и контроль над исполнительной властью.

Список цитируемой литературы:

1. Быковская А.С. Российский опыт конституционализма / А.С. Быковская // Конституционализм и власть в России: история, современные проблемы и перспективы : Материалы VIII Всероссийской научно-практической. – Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2025. – С. 39-43.

2. Вильданов, Р. Р. Специфика политического строя Российской империи в начале XX века / Р. Р.Вильданов // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 3(70). – С. 201-203.

3. Вильданов, Р. Р. Государственная дума в начале XX и XXI веков: общее и особенное / Р. Р. Вильданов // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 6(73). – С. 136-138.

4. Вильданов, Р. Р. Парламент в дореволюционной и постсоветской России: сравнительно-политологический анализ: монография / Р. Р. Вильданов. – Уфа, 2011. – 139 с.

5. Вильданов, Р. Р. Парламент и парламентское представительство / Р. Р. Вильданов // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2012. – № 10. – С. 050-056.

6. Вильданов, Р. Р. Представительный орган власти в Российской империи: проекты XIX - начала XX в / Р. Р. Вильданов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 4(20). – С. 75-77.

7. Вильданов, Р. Р. Тенденции развития парламентаризма в дореволюционной и постсоветской России: сравнительный анализ / Р. Р. Вильданов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2009. – № 18. – С. 3.

8. Вильданов, Р. Р. Теоретико-методологические основы анализа роли и места парламента в политической системе государства / Р. Р. Вильданов // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10(89). – С. 305-307.

9. Хуснутдинова, В. О. Инновации в государственном управлении: исторический опыт внедрения реформ в России и их влияние на эффективность / В. О. Хуснутдинова // Российское государство и общество: особенности современного состояния : Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Издательско-полиграфическая компания "Новое время", 2025. – С. 184-189.

10. Reforming the System of the Russian Empire State Structure to Increase the Management Efficiency in the Context of Parliamentarism // 2020 International Conference on Economics, Business and Management Innovation (ICEBMI 2020), Dalian, 23–24 мая 2020 года. – Dalian: 2020. – P. 182-185.

УДК 340

Мустафаева Г. Ш.,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
gunelka2727@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ВАРНЫ И КАСТЫ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Аннотация

В данной статье проводится комплексный анализ социальной структуры Древней Индии, фундаментом которой выступала система варн и каст. Исследуются религиозно-мифологические истоки формирования четырех основных варн, их социальные функции, правовой статус и эволюция. Особое внимание уделяется процессу трансформации относительно простой варновой модели в сложную иерархическую кастовую организацию (джати), регулирующую все аспекты жизни индивида. Подробно рассматривается роль ключевых концепций индуистской философии – дхармы и кармы – в легитимации и укреплении данной системы. Определяется историческое влияние варново-кастового устройства на политическое, экономическое и культурное развитие индийского общества, а также его устойчивость в контексте сменяющих друг друга эпох.

Ключевые слова: Древняя Индия, социальная структура, варны, касты, джати, дхарма, карма, брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры, «неприкасаемые», ритуальная чистота, эндогамия, «Законы Ману».

Социальная структура Древней Индии, уникальная по своей сложности, детализированности и невероятной устойчивости, на протяжении тысячелетий определяла жизнь общества, формируя правовые, экономические и культурные парадигмы. Ее основу составляли варны – четыре сословия, происхождение и иерархия которых имеют глубокое религиозно-мифологическое обоснование в священных текстах индуизма. Однако, варновая система не оставалась застывшим феноменом; она эволюционировала, породив более дробную и жесткую систему каст (джати), которая стала фактическим воплощением социального порядка в повседневной жизни. Изучение варн и каст является ключом к пониманию не только древнеиндийской истории, но и многих особенностей современного индийского общества. Целью данной статьи является системный анализ генезиса, структуры, принципов функционирования и исторической роли варново-кастовой системы в Древней Индии.

Наиболее древнее и авторитетное упоминание о происхождении варн содержится в позднем гимне «Ригведы», известном как «Пурушасукта» – гимн о Пуруше, космическом первочеловеке, принесенном богами в жертву для сотворения мира. Согласно сакральному тексту, из различных частей его тела произошли четыре варны: «Брахманом стали его уста, руки – кшатрием, его бедра стали вайшьей, из ног родился шудра» [1, с. 154]. Данный миф выполнял несколько фундаментальных функций. Во-первых, он придавал божественную санкцию социальному неравенству, представляя его не как продукт исторического развития или насилия, а как изначальный, космический порядок. Во-вторых, он метафорически определял социальные функции каждой группы: уста (брахманы) – для речения молитв и толкования Вед; руки (кшатрии) – для защиты и управления; бедра (вайшьи) – для опоры и созидания; ноги (шудры) – для служения и поддержки всего тела-общества.

Высшее положение в этой иерархии занимали брахманы (жрецы). Они выполняли сакральные функции: совершали сложные ритуалы (яджны), изучали, толковали и устно передавали священные тексты (Веды), были хранителями сакральных знаний и традиций (смрити). Их авторитет и ритуальная чистота считались наивысшими. Брахманы освобождались от налогов, их личность и собственность находились под особой защитой. «Законы Ману» утверждают: «Брахман, рождаясь для охранения сокровищницы дхармы, занимает высшее место на земле как владыка всех существ» [2, с. 93]. Их могущество основывалось на идее о том, что только через посредничество брахмана, знающего ритуалы и мантры, общество и правитель могут поддерживать связь с богами и космическим порядком – ритой.

Следующую ступень в социальной иерархии занимали кшатрии (раджаны – воины и правители). В их обязанности входило управление государством, отправление правосудия, сбор налогов и, что наиболее важно, защита общества от внешних угроз и поддержание внутреннего порядка. Между брахманами и кшатриями существовала сложная взаимосвязь, полная как сотрудничества, так и скрытого соперничества. Брахманы обеспечивали духовную легитимацию власти кшатриев, освящали их право на правление через обряды вроде абхишеки (коронации), а те, в свою очередь, предоставляли жрецам материальную поддержку (дакшину), земельные наделы и физическую защиту. Идеальная модель предполагала симбиоз «духовной силы» (брахмы) и «светской власти» (кшатры).

Третью варну составляли вайшьи (земледельцы, скотоводы, ремесленники, торговцы). Эта группа была экономическим фундаментом общества, отвечая за производство, накопление богатства и торговлю. Вайшьи, как и две высшие варны, считались «дваждырожденными»

(двиджа), что давало им право проходить обряд упанаяны – духовного рождения, символизировавшего начало обучения Ведам. Однако на практике их доступ к сакральному знанию часто был ограничен по сравнению с брахманами и кшатриями.

Низшую из четырех варн занимали шудры. Их единственным предназначением, согласно «Законам Ману», было «служение дваждырожденным без зависти» [2, с. 87]. Шудры не проходили обряд упанаяны, не имели права изучать Веды и участвовать в основных ведийских ритуалах. Их социальный и ритуальный статус был крайне низок. Брахману предписывалось принимать пищу только от шудры, состоящего у него в услужении, да и то с оговорками. При этом шудры не считались неприкасаемыми; они могли входить в деревни и города, участвуя в жизни общества в строго отведенной им роли.

Со временем, по мере усложнения общества, роста населения, разделения труда и ассимиляции разнообразных племенных групп, система четырех варн оказалась слишком общей и теоретической. Она начала дробиться на множество более мелких, замкнутых и строго эндогамных групп – джати (касты). Термин «джати» означает «рождение», что подчеркивает главный принцип кастовой системы – принадлежность к касте определяется исключительно рождением и является пожизненной и неизменной.

Формирование каст (джати) было напрямую связано с профессиональной специализацией. Каждая профессиональная группа (гончары, ткачи, земледельцы, цирюльники, кузнецы, ювелиры и т.д.) стремилась обособиться, закрепить свою монополию на ремесло и выстроить сложную иерархию относительно других групп. Критерием чистоты или нечистоты касты стала считаться не только профессия, но и строго регламентированные правила поведения (дхарма джати), приема пищи (особенно строгие запреты на мясо, вплоть до вегетарианства у высших каст) и брачных связей. Нарушение этих правил, особенно экзогамных браков, вело к ритуальному осквернению и могло привести к изгнанию из касты, что было равносильно социальной смерти.

Иерархия джати в целом укладывалась в рамки варновой системы, но не была тождественна ей. Внутри одной варны (например, вайшьев) могло существовать множество каст, выстроенных в собственном порядке престижа. Более того, некоторые касты по своему происхождению и роду занятий с трудом вписывались в четырехварновую модель. Таким образом, если варны представляли собой теоретическую, идеальную социальную модель, то касты были ее живым, практическим и гораздо более сложным воплощением, регулирующим все аспекты повседневной жизни индивида от рождения до смерти.

Важнейшим элементом, обеспечившим не только устойчивость, но и внутреннее принятие кастовой системы большинством населения, стала религиозно-философская концепция дхармы и кармы.

Дхарма – это комплексный термин, обозначающий моральный закон, долг, право, справедливость и совокупность предписанных обязанностей, которые должен исполнять человек в соответствии со своим положением в обществе (варной и джати) и этапом жизни (ашрамой).

В «Законах Ману» – древнеиндийском трактате, кодифицировавшем нормы поведения для всех социальных групп, – прямо утверждается: «Лучше исполнять собственную дхарму [хотя бы и] без совершенства, чем чужую – хорошо исполненную; ведь, исполняя предписанную [собственной] природой долг, человек не подвергается греху» [2, с. 87]. Таким образом, долг шудры – служить, долг кшатрия – править и защищать, а долг брахмана – учить и совершать ритуалы. Исполнение своей дхармы вело к поддержанию гармонии всего миропорядка.

С дхармой неразрывно связана идея кармы – универсального закона причинно-следственной связи, определяющей будущие перерождения души (сансара). Считалось, что неукоснительное исполнение дхармы своей касты гарантирует накопление благой кармы и улучшение условий рождения в следующей жизни (вплоть до рождения в высшей касте), а ее нарушение ведет к накоплению негативной кармы и рождению в низшей касте или даже в теле животного. Таким образом, кастовая система получала «естественное» и справедливое, с точки зрения индуистского мировоззрения, объяснение и оправдание: социальное неравенство объявлялось не случайностью и не результатом угнетения, а прямым следствием поступков, совершенных самим человеком в его прошлых жизнях. Нынешнее положение считалось заслуженным, а путь к улучшению виделся не в социальной революции, а в добросовестном исполнении предписанных обязанностей.

За пределами четырехварновой структуры находилась обширная группа людей, считавшихся ритуально нечистыми, – так называемые «неприкасаемые» (чандалы, парии). Они выполняли самую грязную и социально непрестижную работу, связанную с физическим осквернением: уборка нечистот и улиц, кремация трупов, выделка кож, уборка мусора. Их статус, вероятно, сформировался из-за ассимиляции автохтонных племен, не интегрированных в арийское общество, а также из-за жестких представлений о ритуальной чистоте.

«Неприкасаемость» была самой крайней формой социальной изоляции, освященной религиозными установками. Контакт с «неприкасаемым», его тенью, голосом или даже посудой, из которой он ел, считался оскверняющим для представителя любой касты. Им запрещалось селиться в основных деревнях и городах, пользоваться общими колодцами

и храмами. «Законы Ману» предписывают: «Жилище чандалов должно быть вне селения, утварь, использованная ими, должна выбрасываться [другими], имуществом их должны быть только собаки и ослы. Одежды их – одежды мертвецов, пища их должна подаваться в разбитой посуде...» [2, с. 151]. Эта группа была полностью исключена из социального организма, составляя его маргинализированный и угнетаемый сегмент.

Варново-кастовая система оказала глубокое и многогранное влияние на все сферы жизни древнеиндийского общества. С одной стороны, она обеспечивала его стабильность, консервацию социальных отношений, эффективное разделение труда и передачу профессиональных навыков внутри замкнутых групп. Она создавала четкие поведенческие ориентиры, снижала уровень социальной неопределенности и конфликтов, связанных со статусом, так как он был предопределен от рождения. Будучи освященной религией, система становилась практически незыблемой.

С другой стороны, она приводила к жесткой социальной стратификации, тотальному ограничению индивидуальных свобод и возможностей социальной мобильности, консервации неравенства, основанного исключительно на происхождении. Система порождала крайние формы дискриминации, наиболее уродливым проявлением которой стал институт «неприкасаемости». Она дробила общество на тысячи изолированных групп, препятствуя формированию единой национальной идентичности.

Несмотря на официальную отмену кастовой дискриминации в современной Индии, ее глубокие социальные и культурные пережитки продолжают оказывать значительное влияние на брачные паттерны, социальное взаимодействие и политические процессы в стране.

Таким образом, система варн и каст Древней Индии представляет собой уникальный в мировой истории пример длительного существования сложной, детализированной и ритуально обоснованной социальной иерархии. Сформировавшись в древности на основе религиозно-мифологических представлений и закрепленная в нормах обычного права и священных текстах, таких как «Законы Ману», эта система стала фундаментальной, определяющей характеристикой индийской цивилизации, во многом предопределившей ее уникальный исторический путь на многие столетия вперед.

Список цитируемой литературы:

1. Альбедиль, М.Ф. Индуизм / М.Ф. Альбедиль. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. – 288 с.

2. Бонгард-Левин, Г.М. Индия в древности / Г.М. Бонгард-Левин, Г.Ф. Ильин. – М.: Наука, 1985. – 758 с.

3. Вигасин, А.А. Общество и государство в Древней Индии / А.А. Вигасин // Вестник древней истории. – 1990. – № 2. – С. 21–33.

4. Древние цивилизации / под ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Мысль, 1989. – 479 с.

5. Законы Ману / пер. с санскр. С.Д. Эльмановича. – М.: Эксмо, 2009. – 304 с.

6. История Древнего Востока / под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высшая школа, 2003. – 462 с.

7. Ригведа. Избранные гимны / пер., коммент. и вступ. ст. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1972. – 418 с.

УДК 340

Мустафаева Г. Ш.,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
gunelka2727@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В данной статье проводится комплексный анализ форм и методов осуществления функций государства как ключевых элементов механизма государственного управления. На основе действующего законодательства Российской Федерации рассматриваются правовые и организационные аспекты их реализации, классификация и особенности применения в современных условиях. Особое внимание уделяется эволюции форм и методов государственного управления в контексте развития цифровых технологий и совершенствования правовой системы.

Ключевые слова: функции государства, формы осуществления функций, правовые методы, организационные методы, государственное управление, механизм государства, правотворчество, правоисполнительная деятельность, государственное принуждение.

Функции государства представляют собой основные направления его деятельности, выражающие сущность и социальное назначение государственного управления в конкретных исторических условиях [5, с. 245].

Реализация этих функций происходит через определенные формы и методы, которые в своей совокупности составляют механизм государства [7, с. 312].

Эффективность государственного управления напрямую зависит от правильного выбора и оптимального сочетания форм и методов осуществления государственных функций, что приобретает особую актуальность в условиях современных вызовов и угроз.

Теоретической основой исследования послужили работы ведущих отечественных ученых в области теории государства и права, конституционного и административного права. Методологическую базу составили системный подход, формально-юридический метод и сравнительно-правовой анализ.

Функции государства - основные направления его деятельности, обусловленные сущностью и социальным назначением государства в обществе [7, с. 298].

В современной юридической науке функции государства принято классифицировать по различным основаниям: по сфере государственной деятельности (внутренние и внешние), по продолжительности действия (постоянные и временные), по социальной значимости (основные и неосновные) [5, с. 251].

Содержание функций государства определяется целями и задачами, стоящими перед обществом на конкретном этапе его развития. Так, Конституция Российской Федерации в статье 7 закрепляет, что "Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека". Эта конституционная норма предопределяет содержание социальной функции современного российского государства [3, с. 112].

Особенностью современного этапа развития государственности является расширение экономической функции государства, что нашло отражение в стратегических документах развития страны. Государство активно участвует в регулировании экономических процессов, обеспечивая баланс интересов различных субъектов экономической деятельности [1, с. 89].

Формы осуществления функций государства - это внешне выраженная деятельность государственных органов, через которую реализуются его функции. Теория права и конституционная практика позволяют выделить следующие основные формы:

Правотворческая деятельность представляет собой процесс разработки, обсуждения, принятия и опубликования нормативных правовых актов. Согласно статье 105 Конституции РФ, федеральные законы принимаются Государственной Думой, а в соответствии со статьей 106 рассматриваются Советом Федерации. Особое место в системе правотворчества занимает принятие федеральных конституционных законов, требующих повышенного большинства голосов.

Правотворческий процесс характеризуется строгой процедурой, гарантирующей учет интересов различных социальных групп. Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ "О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания" устанавливает единый порядок обнародования принятых правовых актов, обеспечивающий их доступность для граждан.

Правоисполнительная деятельность заключается в реализации норм права в действиях органов исполнительной власти. Согласно статье 110 Конституции РФ, исполнительную власть в Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации, которое на основании и во исполнение Конституции, федеральных законов, нормативных указов Президента издает постановления и распоряжения.

Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФК "О Правительстве Российской Федерации" детально регламентирует полномочия и порядок деятельности высшего органа исполнительной власти. В частности, статьей 12 установлены основные полномочия Правительства в сфере экономики, статьи 13-16 - в социальной сфере, науке, культуре и других областях государственного управления.

Правоохранительная деятельность включает контроль за соблюдением правовых норм и применение принудительных мер к их нарушителям. Эта форма реализации государственных функций осуществляется судами, прокуратурой, органами внутренних дел и другими правоохранительными структурами [1, с. 156].

Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации" определяет прокуратуру как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов. Статья 1 данного закона закрепляет основные направления прокурорского надзора, обеспечивающие верховенство закона и защиту прав граждан.

Организационные формы представляют собой деятельность, не влекущую непосредственных юридических последствий, но обеспечивающую функционирование государственного аппарата [1, с. 134].К ним относятся:

Организационно-регламентирующая деятельность включает текущую работу по обеспечению функционирования органов государственной власти. Это планирование, координация, инструктирование, контроль исполнения и другие управленческие действия. Данная форма деятельности находит свое выражение в разработке регламентов государственных органов, должностных инструкций, правил внутреннего распорядка.

Например, Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, утвержденный Постановлением Государственной Думы от 22.01.1998 № 2134-II ГД, детально регулирует порядок работы нижней палаты парламента, обеспечивая эффективное осуществление ее конституционных полномочий.

Организационно-хозяйственная деятельность охватывает материально-техническое обеспечение государственных органов. Это финансирование, снабжение, управление государственным имуществом, капитальное строительство и другие действия, направленные на создание условий для нормальной работы государственного аппарата.

Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ устанавливает правовые основы финансового обеспечения деятельности государственных органов. Статьи 69.1 и 69.2 Бюджетного кодекса регламентируют порядок бюджетных ассигнований на содержание государственных органов и органов местного самоуправления.

Организационно-идеологическая деятельность включает разъяснение целей и задач государственной политики, правовое просвещение граждан, формирование позитивного образа государственных институтов. Эта форма реализации государственных функций осуществляется через средства массовой информации, образовательные учреждения, государственные праздники и другие каналы коммуникации [1, с. 145].

Федеральный закон от 27.12.1991 № 2124-1 "О средствах массовой информации" создает правовые основы для взаимодействия государственных органов со СМИ, обеспечивая информирование граждан о деятельности государства и формирование общественного мнения.

Методы осуществления функций государства - это способы и приемы, с помощью которых органы государственной власти реализуют свои полномочия [5, с. 270]. Ведущее место занимают правовые методы, которые подразделяются на:

Метод обязывания заключается в возложении обязанности на субъекта совершить определенные действия. Например, статья 57 Конституции РФ устанавливает, что "каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы". Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ детализирует эту конституционную обязанность, определяя права и обязанности налогоплательщиков.

Метод обязывания широко применяется в административном праве, где нормативные акты содержат предписания для субъектов управления. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ содержит numerous нормы, обязывающие граждан и организации соблюдать установленные правила в различных сферах общественной жизни [1, с. 201].

Метод запрещения представляет собой возложение обязанности воздерживаться от определенных действий. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" содержит всесторонний перечень запрещенных действий экстремистской направленности. Статья 1 данного закона дает определение экстремистской деятельности, а последующие статьи устанавливают конкретные правовые запреты.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ является ярким примером нормативного акта, основанного на методе запрещения. Каждая статья Особенной части УК содержит запрет на совершение определенного общественно опасного деяния под угрозой уголовного наказания [5, с. 272].

Метод дозволения заключается в предоставлении субъекту права на собственные активные действия. Статья 34 Конституции РФ гарантирует, что "каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности". Гражданский кодекс Российской Федерации развивает это конституционное положение, закрепляя принцип свободы договора (статья 421) и другие диспозитивные нормы.

Метод дозволения характерен для отраслей частного права, где участникам правоотношений предоставляется широкая автономия воли. Однако и в публичном праве данный метод находит свое применение, например, при предоставлении государственным служащим дискреционных полномочий [1, с. 98].

Соотношение форм и методов осуществления государственных функций варьируется в зависимости от конкретной функции государства и исторического контекста. В реализации экономической функции значительную роль играют методы дозволения и поощрения, тогда как для правоохранительной функции характерны методы обязывания и запрещения, подкрепленные государственным принуждением

Эффективность государственного управления достигается за счет оптимального сочетания различных форм и методов. Например, Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации" устанавливает правовые основы организации государственной службы, сочетая правовые формы (издание нормативных актов) с организационными (проведение конкурсов, аттестаций).

Современное развитие форм и методов осуществления государственных функций характеризуется внедрением цифровых технологий. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" закладывает пра-

вовые основы для перевода государственных услуг в электронную форму, что существенно меняет традиционные формы взаимодействия государства и граждан.

Таким образом, формы и методы осуществления функций государства представляют собой сложную, динамично развивающуюся систему, закрепленную в нормах права. Их эффективное сочетание и применение в рамках закона обеспечивает стабильность общественных отношений и достижение стратегических целей государственного развития.

Анализ законодательства Российской Федерации показывает, что современная система форм и методов осуществления государственных функций сочетает традиционные подходы с инновациями, связанными с цифровизацией государственного управления.

Дальнейшее совершенствование этой системы должно быть направлено на повышение эффективности государственного управления, обеспечение прав и свобод граждан, укрепление законности и правопорядка.

Перспективы развития форм и методов осуществления государственных функций связаны с дальнейшей цифровизацией государственного управления, повышением профессионализма государственных служащих, совершенствованием правового регулирования на основе лучших отечественных и международных практик.

Список цитируемой литературы:

1. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учебник / А. Б. Венгеров. – 10-е изд. – М.: Омега-Л, 2018. – 563 с.

2. Лазарев, В. В. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 5-е изд., перераб.и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 521 с.

3. Марченко, М. Н. Теория государства и права: учебник / М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 654 с.

4. Морозова, Л. А. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2018. – 464 с.

УДК 340

Одина Анастасия Олеговна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
nastya.nastya.odina@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СОКРАТА

Аннотация

Статья посвящена анализу политических взглядов Сократа, реконструируемых через труды Платона и Ксенофонта. Центральное место занимает критика философом афинской демократии, основанная на отрицании компетентности большинства в управлении. Идеалом Сократа выступает «аристократия мудрых» – власть знающих и добродетельных экспертов, гарантирующая справедливое правление. Парадокс его позиции заключается в сочетании радикальной критики режима с безусловной лояльностью законам полиса. Наследие Сократа, трагически воплотившее конфликт между философской совестью и политической реальностью, заложило основы дискуссии о легитимности власти и пределах демократии.

Ключевые слова: Сократ, идеальное государство, политика, демократия, аристократия, справедливость, законность, аристократия мудрых, политические взгляды.

Будучи гражданином Афин, Сократ на собственном примере продемонстрировал трагический конфликт между философской совестью и политической реальностью. Реконструкция его взглядов осложнена знаменитой «сократической проблемой»: будучи философом, принципиально отказавшимся от письменной фиксации знания, Сократ предстает перед нами в интерпретациях своих учеников, прежде всего Платона и Ксенофонта, чьи свидетельства зачастую носят апологетический или, напротив, идеализирующий характер. Тем не менее, сквозь призму этих источников проступает целостная и оригинальная политическая концепция.

Как было отражено выше, о представлениях Сократа о политике и государстве известно преимущественно из трудов его учеников, а также иных философов, с которыми Сократ вел диспуты, а именно в трудах Платона и Ксенофонта более точно отражены политические взгляды древнегреческого философа. В своем исследовании в области политических взглядов С.Р. Сокольских отмечала: «являясь гражданином Афин, проживающим в 469–399 гг. до н.э. Сократ застал период развития пред-

ставления о правовой государственности, но имел собственное представление об идеальной форме политического устройства» [5, с. 268].

Политические взгляды Сократа характеризуются критикой демократии и других форм правления, а также акцентом на управление государством интеллектуально и морально компетентными людьми. Он считал, что править должны «знающие» – те, кто обладает истинным знанием и мудростью, что отражает его идею интеллектуальной аристократии, иными словами мнение древнегреческого философа базировалось на идее о том, что идеалом в данном случае выступала «аристократия мудрых». Действительно, данные мысли нашли свое подтверждение в исследовании А.В. Симаева и А.В. Биряевой, которые отмечали: «истинное знание нужно получать не от учителя, а путем углубленного самопознания, полагал Сократ. Мнение Сократа о том, что «править должны знающие» относится ко всем политическим формам. Аналогичный политический идеал правления знающих полностью расходился с принципами как демократии, так и аристократии, олигархии и тирании. Особенно Сократ резко критиковал тиранию» [4, с. 13]. Согласно мнению Сократа, никто не творит зло сознательно; причиной дурных поступков является неведение. Следовательно, тот, кто действительно знает, что есть благо и справедливость, неизбежно будет действовать в соответствии с этим знанием. Сократ приходит к выводу, что править должны не просто технические специалисты, но моральные эксперты – люди, достигшие высот в самопознании и познании сущности добродетели. Их знание является гарантией справедливого правления. Эта идея, развитая его учеником Платоном в концепции философов-правителей, представляет собой аристократический идеал, где аристократия понимается не как власть знати по рождению, а как власть знающих.

Сократ выступал против произвола и тирании и одновременно при этом считал, что государство должно подчиняться разуму и целесообразности, а не случайным или эгоистическим решениям. Он был патриотом афинского полиса и воспринимал гражданство как договор с государством, требующий уважения его законов и порядков [1, с. 121]. Его взгляды выступали против охлократии (власти толпы) и устаревших традиционных порядков, предлагая вместо этого нравственную политику, основанную на объективных моральных принципах и знании. Оптимальной формой правления для него была аристократия – правление интеллектуальной элиты, которая руководит разумно и справедливо. Древнегреческий философ абсолютно точно был уверен в том, что правлением должны заниматься компетентные на то люди, равно тому, как строительством должны заниматься профессиональные строители, лечебным делом профессиональные врачи.

Критерием оценки Сократом различных форм государственного устройства служил принцип законности, который он считал фундаментальным. Философ предложил последовательное деление на две части политических режимов, разделив их на правильные и неправильные. Согласно этой типологии, царство противостоит тирании, аристократия в свою очередь противостоит олигархии, а правильная демократия – ее неправильной форме [2, с. 88]. Впоследствии данная классификация, переосмысленная Аристотелем, стала классической в политической мысли. К числу благополучных полисов, чье устройство основывалось на эффективном законодательстве и власти компетентных правителей, Сократ относил аристократическую Спарту и Крит, а также Фивы и Мегары, которые в тот исторический период времени имели черты умеренной олигархии.

Афинская народное собрание, по логике Сократа, руководствуется именно изменчивым и необоснованным мнением большинства, что приводит к принятию неэффективных и зачастую порочных решений [6, с. 76]. Ярчайшей иллюстрацией этой критики является аналогия с кораблем в VI книге «Государства» Платона, где поднимается проблематика того, будет ли разумно доверить управление судном в бурю человеку, выбранному по жребию, нежели опытному в судоходном деле лицу. Для Сократа аналогичная практика в политике была не просто абсурдной, но и преступной, так как ставила под угрозу благополучие всего полиса. Жеребьевка, всеобщее избирательное право и принятие решений большинством голосов игнорировали, по его мнению, главный вопрос: обладает ли управляющий знанием о благе.

Несмотря на радикальный характер своей критики, Сократ демонстрировал абсолютную лояльность законам Афин. Этот парадокс нашел свое высшее выражение в его отказе от побега из тюрьмы, художественно представленном в платоновском «Критоне». В диалоге с олицетворенными Законами Афин Сократ развивает теорию «договора» между гражданином и полисом. Проживая в Афинах всю жизнь и пользуясь их благами, гражданин тем самым дает молчаливое согласие подчиняться всем постановлениям государства, даже тем, которые он считает несправедливыми. Сократ рассматривает отношение гражданина и полиса как договорные отношения, при которых гражданин добровольно принимает на себя обязательство подчиняться законам государства и чтить его порядки. Это соглашение неравноправно: государство и его законы для Сократа выше и важнее отца и матери, они выступают в качестве высших родителей и воспитателей гражданина. Принятие гражданства означает согласие исполнять все решения государства, даже если они кажутся несправедливыми. Гражданин может лишь пытаться убедить власть в ошибочности решений, но если она

остается при своем, он должен подчиниться и исполнить их без насилия, терпя наказания, потому что в этом заключается справедливость и порядок в государстве. При этом сохранена возможность законного переубеждения или мирного протеста с целью исправления несправедливости, но исполнение решений государства рассматривается как обязательство гражданина ради общего блага и порядка в полисе [3, с. 47]. Нарушить приговор суда – значит нанести вред самим основам полисной жизни, то есть совершить акт высшей несправедливости.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что политическая позиция Сократа держится на двух столпах:

- во-первых, одним из таких столпов выступает критика существовавшего в то время режима с позиций знания и разума;

- во-вторых, вторым столпом выступает наравне с первым безусловное подчинение законам государства с позиции морального долго.

Нельзя рассматривать данные суждения как противоречия, вернее будет сказать о том, что это две стороны медали: только в государстве, где закон обладает непререкаемым авторитетом, возможна безопасная и продуктивная философская критика. Подрывая закон, Сократ подорвал бы и условие возможности своей собственной деятельности.

Таким образом, можно подвести итог о том, что политические взгляды Сократа представляют собой целостную систему, в которой этика является фундаментом политики. Его критика афинской демократии была не стремлением к ее свержению, а попыткой указать на ее системный изъян, выступающим в роли пренебрежения компетентностью и знанием. Выдвинутый им идеал «аристократии мудрых», хотя и казался утопическим его современникам, поставил один из центральных вопросов политической философии о том, каковы моральные и интеллектуальные основания легитимности власти.

Трагическая судьба Сократа, осужденного на смерть демократическим судом по обвинениям в неуважении к традиционным богам города и в развращении молодежи своими философскими учениями, стала наглядной иллюстрацией этого конфликта. Сократ по мнению его современников воспринял смерть как выздоровление и освобождение от земных оков. Его наследие, переработанное Платоном, заложило основы традиции, ставящей справедливость и знание выше мнения большинства, и продолжает оставаться предметом актуальных дискуссий о пределах демократии и природе политической власти.

Список цитируемой литературы:

1. Гальченко, И.А. Взгляды Сократа, Платона и Аристотеля о форме государства / И.А. Гальченко // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2023. – № 2. – С. 117–124.

2. Исаев, Б.А. Древнегреческие историки и философы о сущности демократии, ее конфликте с тиранией и олигархией и современный взгляд на этот процесс / Б.А. Исаев // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2015. – № 4. – С. 85-95.

3. Михайлов, В.Д. Формирование представлений об общественном согласии: Сократ, Платон, Аристотель / В.Д. Михайлов // Педагогика. Психология. Философия. – 2016. – № 1(01). – С. 43-51.

4. Симаев, А.В., Биряева, А.В. Политико-правовые доктрины Сократа о государстве / А.В. Симаев, А.В. Биряева // Контентус. – 2018. – № 12(77). – С. 13-19.

5. Сокольских, С.Р., Соловьева, В.В. Политические взгляды Сократа / С.Р. Сокольских, В.В. Соловьева // Молодой ученый. – 2025. – № 9(560). – С. 268-270.

6. Щитцова, А.В. Правовая культура античности / А.В. Щитцова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2013. – № 7. – С. 73-82.

УДК 340

Панова П.С.,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
polinapanova07@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ВИДЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ одного из фундаментальных институтов теории государства и права – органа государства. Исследуются основные научные подходы к определению его понятия, выявляются системообразующие признаки, позволяющие отграничить государственный орган от иных публичных институтов. На основе классификационных критериев, выработанных юридической наукой, представлена развернутая типология органов государственной власти. Особое внимание уделяется месту и роли отдельных видов органов в рамках системы разделения властей.

Ключевые слова: орган государства, государственная власть, компетенция, государственно-властные полномочия, разделение властей, система органов государства, классификация государственных органов.

Проблема определения понятия, признаков и видов органов государства занимает центральное место в теории государства и права, поскольку именно через них государство реализует свои функции, осуществляет управление обществом. Орган государства представляет собой первичное и важнейшее структурное звено государственного аппарата, создаваемое для выполнения определенных задач и наделенное для этого государственно-властными полномочиями [1, с. 215]. Несмотря на кажущуюся простоту, данное понятие является комплексным и требует детального анализа своих составляющих элементов.

Понятие государственного органа раскрывается через совокупность его специфических признаков, которые позволяют отличить его от негосударственных организаций и органов местного самоуправления. Во-первых, каждый государственный орган учреждается или формируется государством в строго установленном правовом порядке. Например, порядок формирования парламента, правительства или конституционного суда детально регламентируется конституцией и законодательством страны [2, с. 178]. Во-вторых, орган государства обладает собственной компетенцией – строго определенным кругом предметов ведения, прав и обязанностей, закрепленных в нормативных правовых актах. Компетенция является мерой власти, которой наделен орган, и выходить за ее пределы он не вправе. В-третьих, неотъемлемым признаком выступает наделение органа государственно-властными полномочиями. Это означает, что его решения носят обязательный характер для исполнения всеми, кому они адресованы, и при необходимости могут быть обеспечены мерами государственного принуждения [3, с. 145]. В-четвертых, для реализации своих полномочий орган государства имеет определенную структуру, внутреннюю организацию, которая отражает его цели и задачи. В-пятых, характерным признаком является наличие у органа финансовых и материальных ресурсов, источниками которых выступают государственный бюджет и государственная собственность. Наконец, в-шестых, важным признаком является то, что орган государства действует от имени государства и в рамках своей компетенции выражает государственную волю [1, с. 218]. Совокупность этих признаков позволяет говорить о наличии полноценного субъекта государственной власти.

Система органов государства отличается большим разнообразием, что обуславливает необходимость их научной классификации. Наиболее распространенной в теории государства и права является классификация по такому критерию, как принцип разделения властей. Согласно ему, все органы государственной власти подразделяются на законодательные (представительные), исполнительные и судебные [2, с. 185]. Законодательные органы (парламенты, законодательные со-

брания) являются представительными, так как формируются путем выборов и призваны выражать волю народа. Их основной функцией является принятие законов – нормативных правовых актов, обладающих высшей юридической силой. Исполнительные органы (правительства, министерства, ведомства) осуществляют организационно-управленческую и исполнительно-распорядительную деятельность, направленную на реализацию законов и оперативное управление общественными процессами. Судебные органы (суды различной юрисдикции) осуществляют правосудие, разрешают правовые споры и применяют меры государственного принуждения, выступая гарантом законности и справедливости [4, с. 302]. В рамках этой классификации выделяют также главу государства (монарха или президента), который может стоять над традиционной триадой властей, выполняя координирующую и интегративную функцию.

Важное значение имеет классификация органов государства по порядку их формирования. По этому основанию выделяются первичные органы, которые формируются непосредственно населением путем выборов (например, парламент, президент), и производные органы, которые формируются другими государственными органами (например, правительство, формируемое парламентом или главой государства) [3, с. 152]. По территориальному масштабу деятельности органы государства делятся на высшие, которые осуществляют свою деятельность в масштабе всей страны (федеральные органы в федеративном государстве), и местные (региональные), действующие в пределах административно-территориальной единицы (субъекта федерации, области, провинции). По способу принятия решений органы подразделяются на коллегиальные, в которых ключевые решения принимаются большинством голосов их членов (парламент, центральная избирательная комиссия, правительство в некоторых странах), и единоначальные, где решения принимаются единолично руководителем (президент, министр, губернатор) [5, с. 124].

Особую группу в системе государственных органов, особенно в странах с романо-германской правовой системой, составляют органы с особым статусом. К ним традиционно относят прокуратуру, которая осуществляет надзор за законностью, и счетные палаты (органы государственного финансового контроля), которые осуществляют контроль за исполнением государственного бюджета. Хотя их деятельность тесно связана с функционированием исполнительной или судебной власти, они, как правило, организационно обособлены и обладают специфической компетенцией, направленной на обеспечение правопорядка и финансовой дисциплины [4, с. 315]. В современных государствах все большее значение приобретают так называемые контрольные и

надзорные органы, которые не вписываются строго в классическую триаду, но играют роль в системе сдержек и противовесов (например, омбудсмены, антимонопольные службы).

Таким образом, орган государства представляет собой структурно обособленное звено государственного аппарата, обладающее установленной законом компетенцией, государственно-властными полномочиями и действующее от имени государства. Его ключевые признаки – легитимность формирования, строгая компетенция, властный характер решений, организационное единство и ресурсное обеспечение – позволяют ему эффективно выполнять возложенные на него функции. Многообразие видов государственных органов, классифицируемых по принципу разделения властей, порядку формирования, территориальному масштабу и способу принятия решений, отражает сложность и многогранность задач, стоящих перед современным государством. Взаимодействие и взаимный контроль различных органов в рамках единой системы обеспечивают стабильное функционирование государственного механизма как целостного явления, направленного на реализацию публичной власти и достижение общесоциальных целей.

Список цитируемой литературы:

1. Марченко, М. Н. Теория государства и права: учебник / М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 654 с.

2. Лазарев, В. В. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 521 с.

3. Морозова, Л. А. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2018. – 464 с.

4. Радько, Т. Н. Теория государства и права: учебник для вузов / Т. Н. Радько. – М.: Проспект, 2021. – 720 с.

5. Перевалов, В. Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В. Д. Перевалов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 583 с.

6. Алексеев, С. С. Теория государства и права: учебник / С. С. Алексеев. – М.: Норма, 2017. – 516 с.

7. Бошно, С. В. Теория государства и права: учебник / С. В. Бошно. – М.: Юстиция, 2019. – 406 с.

8. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учебник / А. Б. Венгеров. – 10-е изд. – М.: Омега-Л, 2018. – 563 с.

УДК 340

Паршенцева Анастасия Андреевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
89205311504@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ВИДЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ: ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация

В данной статье рассматривается система землевладения в Древнем Египте, выявляются ее основные виды и правовой статус. Анализируется роль государства, храмов и частных лиц в распоряжении землей как ключевым экономическим ресурсом.

Ключевые слова: Древний Египет; землевладение; царская земля; храмовая земля; доминальная земля; частное владение; условное держание; илоты; централизация; налогообложение.

Земледелие, основанное на разливах Нила, было фундаментом древнеегипетской цивилизации. Организация землевладения определяла не только экономику, но и социальную структуру, и мощь государственного аппарата. Строгая централизация управления, необходимая для поддержания ирригационной системы, предопределила доминирующую роль государства в вопросах собственности на землю. Изучение видов землевладения позволяет понять механизмы функционирования одной из самых устойчивых и долговечных империй древности. Начать стоит с анализа верховной роли фараона и основных категорий земель.

Классический период Древнего Царства и последующие эпохи (III-I тыс. до н.э.) характеризовались строгой иерархией в системе земельных отношений. «Фараон, будучи не только правителем, но и воплощением бога на земле, считался верховным собственником всей территории Египта. Это не было абстрактной концепцией, а выражалось в праве перераспределения земель, сбора урожая и наделения правом пользования» [2, с. 78].

Эта верховная собственность фараона оказала прямое влияние на формирование правового статуса различных категорий земель. Ключевыми видами землевладения в Древнем Египте были:

Царские (государственные) земли. Это был крупнейший земельный фонд, управляемый непосредственно царской администрацией.

Доходы с этих земель шли на содержание двора, чиновничества и армии. Земли обрабатывались царскими земледельцами (царскими илотами), которые были прикреплены к земле и отдавали значительную часть урожая в виде налога.

Храмовые земли. Значительные территории принадлежали крупным храмам и религиозным культам. Они жаловались фараоном за услуги или для обеспечения постоянных жертвоприношений богам. Храмовые земли обладали иммунитетом и часто освобождались от части налогов, что делало их мощными экономическими центрами. Управлялись они собственной администрацией, состоящей из жрецов.

Земли знати (доминальные земли). Высшие сановники, военачальники и чиновники получали от фараона за службу крупные земельные владения (поместья – «дома»). Первоначально это было условным держанием, связанным с должностью, но со временем, особенно в периоды ослабления центральной власти, они стремились превратить их в наследственную собственность.

Частное владение общинников. Несмотря на доминирование государственного и храмового сектора, существовали земли, находившиеся в частном владении свободных египтян. Это были, как правило, небольшие участки, передаваемые по наследству. Их собственники несли повинности в пользу государства, но могли совершать с ними некоторые сделки (сдавать в аренду, дарить).

Повышалось и правовое регулирование земельных отношений. К периоду Нового Царства сложилась разветвленная система учета и налогообложения. Была создана классификация земель, основанная на их качестве и назначении: «Высокие поля» (незатопляемые, требовавшие искусственного орошения) и «Низкие поля» (заливаемые Нилом, наиболее плодородные). Сложилась система арендных отношений, где арендная плата (обычно натурой) строго фиксировалась.

Египетское право активно развивало также институт условного служебного землевладения, особенно для воинов (например, при фараонах-завоевателях), демонстрируя гибкость и способность использовать землю как инструмент поощрения и обеспечения верности.

Центральная власть детализировала правила наследования земельных участков. Чиновники фиксировали границы владений, а споры о земле были одной из самых частых категорий судебных дел. Защита владения осуществлялась через подачу жалобы чиновнику, который проводил проверку по архивным записям и свидетельствам соседей.

Право и экономика не могут стоять на месте, они имеют свойство развиваться под влиянием нужд общества, поэтому и система землевладения эволюционировала от почти полного доминирования царского хозяйства в эпоху Древнего Царства к росту экономической незави-

симости храмов и знати в периоды смут и позднего времени. Эволюция земельных отношений – наглядный пример динамики древнеегипетской государственности. Архаичная система прямого управления царскими землями через чиновников уступила место более сложной и гибкой модели, сочетающей государственный сектор с условными и частными владениями. Это позволяло учитывать региональные особенности и стимулировать развитие сельского хозяйства, оставаясь при этом в рамках строгой фискальной системы.

По мнению Е.О. Харитонова: «Египетская система землевладения, основанная на верховной собственности фараона и централизованной системе перераспределения, стала прообразом многих восточных деспотий. Ее устойчивость обеспечивалась не столько правовыми нормами, сколько экономической целесообразностью и религиозно-идеологическим обоснованием» [3, с. 215].

Мнения исследователей сходятся в том, что именно строгая организация землепользования, возможная благодаря ирригационному земледелию, позволила Египту накопить колоссальные ресурсы и создать великую цивилизацию. Их анализ земельных кадастров и хозяйственных документов позволяет говорить о высокой степени бюрократизации и учета, что сформировало методологию управления на тысячелетия вперед.

Список цитируемой литературы:

1. Большаков, А. О. Древний Египет: экономика и общество / А. О. Большаков // Вестник древней истории. – 2021. – № 3(98). – С. 45-62.

2. История Древнего Востока: Базовый учебник / под ред. Т. Н. Михайловой. – Москва: Академический Проект, 2022. – ISBN 5-8291-1234-5 – 543 с.

3. Харитонов, Е. О. Основы истории древневосточных обществ: Для студентов вузов / Е. О. Харитонов. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – ISBN 5-222-06543-8 – 320 с.

4. Целлар, К. А. Земельные отношения в эпоху Нового Царства / К. А. Целлар // Студенческий вестник. – 2024. – № 5-2(298). – С. 7-9.

УДК 340

Полякова Карина Викторовна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Kpolakova590@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В данной статье подробно рассматриваются основные идеи о возникновении государства. К ним относятся теологическая, патриархальная, договорная, органическая, психологическая, материалистическая и теория насилия. Каждая теория анализируется с учётом её исторического контекста и ключевых положений. В статье дан анализ различных подходов, выявляются их положительные и отрицательные стороны. В исследовании подчёркивается, что глубокое понимание истоков государства является необходимым условием построения эффективного, стабильного и справедливого общества.

Ключевые слова: теория происхождения государства; государство; теологическая; насильственная; патриархальная; марксистская; психологическая; договорная; расовая; ирригационная; органическая.

Проблема происхождения государства является фундаментальной в юриспруденции. Веками ученые пытались понять, как зародилось государство, что послужило его истоками, по каким законам оно развивалось. Несмотря на то, что события, связанные с зарождением государства, относятся к древности, актуальность изучения теорий, объясняющих этот процесс, не ослабевает и в наше время. Современные государственные структуры, их организация, принципы руководства и механизмы признания власти уходят корнями в первоначальные концепции власти и порядка. На сегодняшний день существует большое количество учений, которые объясняют причины происхождения государства. В основе содержания данных учений лежат следующие факторы: время зарождения учения, характер политических отношений, господствующая идеология, специфика экономических отношений.

Основные теории происхождения государства:

Теологическая теория происхождения государства.

Теологическая теория происхождения государства была одной из первых теорий, которая объясняла возникновение государства и права в результате божественной воли, представителями данной теории яв-

ляются: Фома Аквинский, Августин Блаженный, Жак Маритен и Иосиф Волоцкий. Фома Аквинский в сочинении «О правлении властителей» утверждал, что возникновение и развитие государства аналогично сотворению богом мира. Божественный разум управляет миром, лежит в основе природы, общества, мирового порядка и каждого государства. Учение, известное как креационизм, постулирует божественное происхождение мира, утверждая, что Земля и всё живое были сотворены Богом примерно 10 000 лет назад. Таким образом, креационизм прямо противоречит теории эволюции и естественного отбора Дарвина. Таким образом, теологическая теория происхождения государства основывается на религиозной гипотезе.

Преимущества: теологическая теория направлена на укрепление порядка в обществе.

Недостатки: теологическая теория не объясняет светские аспекты государства, его эволюцию, не учитывает человеческий фактор и социальные причины возникновения.

Патриархальная теория происхождения государства.

Согласно этой концепции, зародившейся в трудах Платона и Аристотеля, развитой Фильмером и Н. К. Михайловским. В этой версии государство является естественным следствием эволюции крупной социальной общины, берущей начало в семье. По мере роста семьи и ее усложнения, члены общины приходили к пониманию необходимости государственного управления. В этой модели правитель наделяется ролью патриарха (отца), а подчинение ему становится естественной обязанностью. Иными словами, государство – это просто семья, ставшая больше.

Преимущества: подчёркивание взаимосвязи семьи и государства**,** раскрывает роль правителя государства.

Недостатки: не может объяснить жестокость законов и войны.

Договорная теория происхождения государства.

Философы Древней Греции и Китая заложили основы договорной теории. Древнекитайский философ Мо-цзы одним из первых выдвинул идею о договорном происхождении государства. Он полагал, что конфликты возникают из-за разных представлений о справедливости. Для решения этой проблемы люди пришли к соглашению: они выбрали самого мудрого человека и передали ему право устанавливать единый образец справедливости. Иными словами, государство, согласно этой концепции, возникает как результат общественного договора.

Преимущества: государство и народ не имеют обязательств, теория носит демократический характер.

Недостатки: согласно теории, человек не подчиняется и никого себе не подчиняет.

Марксистская теория происхождения государства.

Представителями данной теории являются К. Маркс и Ф. Энгельс. Эта теория подробно описана в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В своих трудах В. И. Ленин углубил марксистскую концепцию происхождения государства. Согласно этой теории, государство является продуктом социально-экономической эволюции, вызванной: 1) разделением труда в обществе; 2) возникновением частной собственности и накоплением прибавочного продукта; 3) разделением общества на классы. Государство, таким образом, рассматривается как институт, призванный поддерживать господство одного класса над другим, а также обеспечивать функционирование общества как единой системы.

Преимущества: теория отличается логической стройностью и представляет собой достижение теоретической мысли.

Недостатки: чрезмерный экономический детерминизм, неспособность объяснить существование государства в обществах без ярко выраженного классового деления.

Теория насилия происхождения государства.

Сторонниками данной теории являются: Е. Дюринг, Л. Гумплович, а также К. Каутский и другие. К. Каутский и Л. Гумплович разработали концепцию внешнего насилия, объясняя его как следствие насильственного завоевания одного племени другим. Племя победителей, присваивает себе всю землю потерпевших и затем принуждает их систематически работать на победителей, платить им дань или подати, тем самым образовывая государство. Сторонники данной теории выделяют следующие этапы эволюции государства: 1) захват одного народа другим; 2) появление каст (классов); 3) смягчение классовых различий; 4) замена военного господства господством права; 5) появление государства, основанного на всеобщих правах и обязанностях; 6) объединение людей в один народ; 7) появление чувства любви к родине и формирование нации. То есть, государство возникло в результате завоевания (насилия) более слабых земель и народов.

Преимущества: происхождение государства рассматривается не как скачок, а как результат общего принципа, то есть рассмотрение происхождения государства как общего принципа перехода к государственному состоянию.

Недостатки: процесс возникновения государства основывается на тех изменениях, которые происходят внутри общества, а потому государство нельзя навязать какому-либо народу, если отсутствуют объективные внутренние предпосылки.

Психологическая теория.

В период с конца XIX по начало XX века получила распространение

психологическая концепция. К ее представителям относятся Л.И. Петражицкий, Э. Фромм и З. Фрейд. Согласно этой теории, государство и общество представляют собой совокупность психических процессов и взаимодействий между индивидами и их объединениями. Фундаментальное положение теории заключается в признании изначальной психологической потребности человека в жизни в рамках организованного сообщества, а также в его стремлении к коллективному взаимодействию и наличии в его психике склонности к подчинению и подражанию.

Преимущества: объяснение возникновения государственных институтов через призму человеческой психологии**.**

Недостатки: теория недооценивает роль социальных, экономических и политических факторов в формировании государства, то есть слишком большое внимание к индивидуальной психологии.

Расовая теория происхождения государства.

Теория, основанная французским социологом Ж. Гобино, а также Ф. Ницше и Х.С. Чемберленом, получила свое развитие в XIX веке. Гобино в работе «О неравенстве человеческих рас» выдвинул тезис о природном неравенстве человеческих рас, основываясь на их физиологических, умственных и психологических различиях. Он противопоставлял «белую, чистую арийскую расу» (к которой относил германскую ветвь) группам, которые он называл «недочеловеками», включая славян, евреев и цыган. В рамках этой концепции, государство рассматривалось как инструмент для поддержания доминирования «высших» рас над «низшими». Таким образом, центральная идея расовой теории заключается в иерархическом разделении человечества на «высшие» и «низшие» расы, определяемое их физическими и психологическими характеристиками.

Преимущества: теория отрицает материальные блага, как факторы принадлежности к высшей расе.

Недостатки: нельзя ставить вопрос какая раса выше, какая ниже.

Ирригационная теория происхождения государства.

Автором этой теории является немецкий ученый К. Виттфогель. К. Виттфогель связывает процесс возникновения государственности с необходимостью строительства ирригационных сооружений в восточных аграрных обществах. Этот процесс сопровождается большим ростом чиновничества, государевых людей, обеспечивающих эффективное использование данных сооружений и эксплуатирующих остальных граждан, негосподствующие слои.

Преимущества: теория обоснована историческими фактами.

Недостатки: государство существовало и до строительства ирригационных сооружений.

Органическая теория происхождения государства.

Органическая теория объясняет появление государства от общества, подобно клеткам человеческого тела. Представителями этой теории являются: Г. Спенсер, Р. Вормс и Г. Прейс. Государство представляется как единый организм, создающийся и развивающийся по естественным законам природы. Государство, подобно биологическому организму, имеет мозг (правитель) и средства выполнения его решений (подданные). Данная теория носит наиболее абстрактный характер.

Преимущества: биологическим и социальным системам присущи некоторые общие законы.

Недостатки: нельзя распространять все закономерности, присущие биологической эволюции, на социальные организмы, ведь, несмотря на их взаимосвязь, это разные уровни жизни со своими закономерностями и причинами возникновения.

Рассмотрение основных теорий происхождения государства показывает, насколько сложен этот феномен, и вряд ли существует единое общее толкование. Каждая из рассмотренных выше теорий – теологическая, патриархальная, договорная, марксистская, насильственная, психологическая, расовая, ирригационная и органическая – имеет свой особый взгляд на процесс формирования государства.

Все теории объединяет стремление объяснить, как общество перешло от первобытного состояния к организованному, центрально управляемому обществу. В то же время, они различаются в понимании причин этого перехода. Теологическая и патриархальная теории видят корни государства в божественном предназначении или естественной эволюции семьи. Напротив, теория общественного договора акцентирует внимание на рациональном выборе людей. Марксистская теория уделяет внимание социально-экономической эволюции. Органические и психологические концепции выделяют значение естественных законов развития общества и психических характеристик человека. Расовая теория делает акцент на неравенстве человеческих рас, а ирригационная на влиянии географических и климатических условий, тогда как теория насилия сосредоточена на классовой борьбе и внешних захватах. Следует подчеркнуть, что ни одна из этих теорий не является полностью исчерпывающей. Каждая из них содержит рациональные элементы, отражая определенные аспекты или этапы исторического процесса, но не может охватить его в полном объеме.

Современные научные изыскания придерживаются комплексного взгляда на формирование государств, учитывая множество взаимосвязанных причин. Возникновение государственности – это долгий процесс, на который влияли экономические, общественные, политические, военные, религиозные и психологические и множество других аспектов.

Изучение теорий происхождения государства по-прежнему актуально. Они не только помогают лучше понять историю, но и предоставляют инструменты для анализа современного государства, его изменений и обоснованности в условиях глобализации, цифровизации и новых социальных проблем. Анализ этих теорий способствует формированию более глубокого понимания власти, права и роли государства в поддержании порядка и справедливости в обществе.

Список цитируемой литературы:

1. Кочемасова, М. А. Влияние патриархального фактора и фактора насилия на процесс происхождения и развития государства / М.А. Кочемасова // Вопросы российской юстиции. - 2020. - № 9. - С. 40-44.

2. Погожева, О. В. Теории происхождения государства в прошлом и настоящем / О.В. Погожева // Вестник науки. - 2020. - № 10 (31). - С. 40-43.

3. Протасов, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Протасов ; под редакцией В.Н. Протасова. - Москва : Издательство Юрайт, 2025. - 368 с.

4. Самигуллин, В.К. О теориях происхождения государства / В.К. Самигуллин // Право и государственность. - 2025. - № 1 (6). - С. 9-10.

5. Сизова, А.Ю. Теории происхождения государства в разрезе современного состояния науки и общества / А.Ю. Сизова // Наука через призму времени. - 2025. - №5 (98). - С. 3-4.

УДК 340.151

Поповичева С.В.,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
popovicheva2007@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ОБЩЕЕ ПРАВО АНГЛИИ

Аннотация

В данной статье исследуются исторические предпосылки, процесс формирования и ключевые характеристики общей правовой системы Англии. Анализируется уникальный путь ее развития, основанный на судебном прецеденте, в противовес романо-германской традиции кодифицированного права.

Ключевые слова: общее право, Англия, прецедент, право справедливости, история права.

История общего права Англии начинается с нормандского завоевания под руководством Вильгельма Завоевателя. До этого в стране действовало разрозненное англосаксонское право, основанное на местных обычаях и племенных законах. Вильгельм, создавая однородную и жесткую систему вассалитета, и предоставлял своим дружинникам за службу части земель, разбросанные по всей Англии. В 1086 году был составлен «Книга Страшного суда», кадастр, который служил для налогообложения и учета королевских земель. Новая королевская власть поставила задачу унифицировать правовую систему по всей Англии [4, с. 38]. Судьи рассматривали дела на местах от имени короля, фиксировали правовые решения в протоколах и разрабатывали единые правила для разрешения споров [4, с. 38].

Для поддержания централизации власти королю было необходимо постоянно контролировать местные суды, сдерживая центробежные тенденции и поддерживая связь с населением. Эти суды с участием присяжных функционировали в Англии до создания Суда короны в XX в. и являются примером преемственности судебной системы. Страна была разделена на шесть судебных округов, для каждого из которых Генрих II назначал из состава Суда королевской скамьи по три разъездных судьи, которые рассматривали дела, опрашивая население [4, с. 39].

Судьи этих судов, путешествуя по округам, изучали местные обычаи и затем, возвращаясь в Вестминстер, систематизировали их, создавая единые правила. Они учитывали не только местные обычаи, но и нормы нормандского, римского и канонического права. Постепенно формировались общие принципы, распространявшиеся по всей стране. Важными правилами стали: расследование дел присяжными, которые изначально выступали и как свидетели, и как судьи, а к XV веку — только как судьи; и возможность обращения в королевскую канцелярию для получения приказа о рассмотрении дела по общему праву, что позволяло избегать местных феодальных судов [1, с. 9].

С XV века в Англии формируется «право справедливости», при котором, если человек не находил защиты в судах общего права, он обращался к королю за помощью, чтобы решить дело по совести. В результате был создан суд канцлера, где он лично разбирал жалобы, вызывая ответчиков под страхом штрафа и применяя решения без формальной процедуры, основываясь на принципах канонического, римского и общего права. С XVI века начали публиковать судебные отчеты. Постепенно сформировались основные принципы этого права: оно — помощь короля, а не исконное право [2, с. 236]. «Право справедливости» не может нарушать права, основанные на общем праве, если только нарушитель не совершил неправомерных действий, делая требование несправедливым. Это право признает приоритет закона, но не

допускает его использования для недобросовестных целей. Основные принципы «права справедливости», сформированные в XVII веке, сохраняют актуальность и по сей день [2, с. 237].

Сердцевиной общей правовой системы является доктрина судебного прецедента. Ее суть заключается в том, что суды обязаны следовать правовым позициям, сформулированным в решениях вышестоящих судов по аналогичным делам [3, с. 91]. В структуре судебного решения ключевое значение имеет юридическое обоснование, суть решения, которое и составляет обязательный прецедент. Становление этой доктрины было постепенным процессом и окончательно оформилось лишь в XIX веке с установлением иерархической системы судов и началом систематической публикации судебных отчетов [6, с. 215]. Высшие суды обладают правом отступать от своих предыдущих решений, если они признаны ошибочными или устаревшими, что придает системе необходимую гибкость.

Развитие казуистического и индуктивного мышления, а также социологический подход к праву способствовали тому, что судебный прецедент стал основным источником права в рамках системы общего права [5, с. 55]. Это заложило идеологические основы механизма судебного правотворчества. Система общего права, возникшая в результате развития английского права, применявшегося на подконтрольных территориях, за несколько веков превратилась в одну из наиболее широко распространенных, стабильных и влиятельных нормативных систем современного мира. Она широко распространена по географическим, политическим, историческим и экономическим параметрам, охватывая страны с разной правовой и политической культурой [5, с. 97].

Общее право Англии является продуктом длительного исторического развития, сформировавшимся в результате централизаторской политики короны и практической деятельности королевских судов. Его ключевыми характеристиками являются прецедентный характер, процессуальная ориентация и дуализм, выражающийся в сосуществовании с правом справедливости.

Список цитируемой литературы:

1. Апарова, Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. / Т.В. Апарова — М.: Институт международного права и экономики. Издательство "Триада, Лтд", 1996. — 157 с.

2. Вологдин, А. А. История государства и права зарубежных стран до XVI века: учебник и практикум для вузов / А. А. Вологдин. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 293 с.

3. Кросс, Р. Прецедент в английском праве / Р. Кросс – М.: Юридическая литература, 1985. – 238 с.

4. Михайлов, А. М. Сравнительное правоведение: судебная власть в правовой системе Англии: учебник для вузов / А. М. Михайлов. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 340с.
5. Ромашов, А. Государственно-правовые системы современности: учебник для вузов / под редакцией А. Ромашова — Москва: Издательство Юрайт, 2025. —279 с.
6. Baker J.H. An Introduction to English Legal History. / Baker J.H. – 5th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 576p.

УДК 930.85

Прядухина Арина Валерьевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
ririanari1764@gmail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ВЛИЯНИЕ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА СОЦИАЛЬНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ НАРОДОВ

Аннотация

В статье рассматривается, как наследие Месопотамии, Египта, Греции и Рима формировало социальные нормы и политические институты последующих эпох, с опорой на археологические и исторические интерпретации. Анализируются механизмы культурной диффузии и их роль в эволюции обществ от локальных общин к глобальным структурам.

Ключевые слова: древние цивилизации; социальная эволюция; политические институты; культурная диффузия; наследие Месопотамии; демократия Греции; римское право.

Древние цивилизации — это не просто хронологический фон истории, а живые источники, из которых черпают силы социальные и политические структуры сегодняшнего дня. Их влияние проявляется в повседневных практиках: от принципов справедливого суда до идей гражданского участия. В эпоху, когда глобальные миграции и технологические сдвиги размывают традиционные границы, возвращение к корням помогает понять, почему некоторые нормы устойчивы, а другие трансформируются под давлением обстоятельств. Ранние общества, возникшие в плодородных долинах рек или на плодородных равнинах, не

только изобретали письменность и законы, но и закладывали психологические шаблоны для коллективного выживания и доминирования. Специфика их исторического пути, как отмечает Кондорский, определяет траектории современных социально-политических процессов, где древние модели иерархии и солидарности продолжают влиять на формирование национальных идентичностей, особенно в контексте глобализации и региональных конфликтов [3, с. 73]. Эти шаблоны включают не только институциональные формы, но и ментальные конструкции: от страха перед хаосом до стремления к порядку, которые эхом отзываются в современных конституциях и социальных контрактах.

Рассмотрим Месопотамию — регион, где около IV тысячелетия до н.э. зародилась урбанистическая культура. Шумеры, аккадцы и вавилоняне создали первые города-государства, такие как Ур и Урук, где социальная иерархия определялась не только богатством, но и ролью в ирригационных проектах. Клинописные таблички из Ура, содержащие записи о распределении земли и семейных контрактах, иллюстрируют, как эти общества регулировали конфликты через кодексы вроде законов Хаммурапи [7]. Этот принцип "око за око" стал прототипом для последующих правовых систем, распространившись через торговые пути по Ближнему Востоку и повлияв на иудейские Тору и Талмуд. Социально, месопотамская модель ввела разделение на жрецов, воинов и зависимых земледельцев, что эхом отозвалось в кастовых структурах Индии и феодальных пирамидах средневековой Европы. Общины, объединённые вокруг зиккуратов — храмов-пирамид, — формировали прототипы гражданского общества, где ритуалы укрепляли лояльность, предвосхищая современные национальные праздники. Древневосточные знания, по Никитину, заложили истоки научного мышления: астрономические расчёты для календарей и геометрия для полей повлияли на эллинскую математику и, в итоге, на развитие рациональной науки, где наблюдение за звёздами превратилось в систематическое знание [4, с. 161]. Это не только стабилизировало экономику, но и ввело идею коллективной ответственности, которая позже отразилась в племенных советах кочевников Центральной Азии, где миграции усиливали обмен традициями.

Древние цивилизации заложили основы экономической организации, которые эволюционировали в современные рыночные механизмы. В Месопотамии храмовые хозяйства функционировали как прототипы корпораций: жрецы управляли распределением зерна и труда, вводя учёт и контракты, что повлияло на финикийскую торговлю и, через неё, на греческие агоры [2]. Эти практики предвосхитили капиталистические принципы накопления и обмена, где социальный статус определялся не только происхождением, но и экономической эффек-

тивностью. В Египте государственные монополии на ресурсы Нила создали модель централизованного планирования, эхом отзывающуюся в социалистических экспериментах XX века, подчёркивая вечный конфликт между свободой торговли и контролем.

Кроме того, месопотамские мифы о потопе и героях, таких как Гильгамеш, проникли в библейские нарративы, формируя моральные кодексы, которые регулируют социальное поведение в монотеистических культурах до сих пор. В контексте политической истории, эти ранние государства демонстрировали баланс между деспотией и советами старейшин, предвосхищая республиканские элементы в более поздних цивилизациях.

Древние цивилизации не только регулировали внутренние отношения, но и создавали прототипы международной экономики, где торговля становилась инструментом политического влияния. Финикийцы, наследники месопотамских традиций, развили морские пути от Тира до Карфагена, распространяя алфавит и товары, что стимулировало социальную мобильность через богатство [7]. В Месопотамии ярмарки у храмов объединяли кочевников и оседлых, вводя стандарты весов и мер, которые повлияли на персидскую "царскую дорогу" и римские via. Никитин подчёркивает, как древневосточная метрология заложила основы точных наук, где экономический учёт перерос в математические модели, используемые в современной глобальной торговле [4, с. 156]. Политически, такие сети ослабляли изоляцию: миграции кочевников, по Чочиеву, интегрировали степные товары в малоазийские рынки, обогащая элиты и провоцируя социальные сдвиги [8, с. 11]. Это предвосхитило ВТО и Шёлковый путь, где экономика служит мостом между культурами, минимизируя конфликты через взаимозависимость.

Египет Древнего царства, напротив, воплотил идею единства под божественным правителем. Фараон, как посредник между богами и людьми, обеспечивал "маат" — гармонию космоса и общества, что отражалось в централизованной бюрократии. Писцы фиксировали урожаи и налоги на папирусе, создавая административную сеть, которая стабилизировала экономику на тысячелетия. Женщины в египетском обществе обладали относительной автономией: они могли владеть имуществом и разводиться, что контрастировало с патриархальными нормами соседей и повлияло на гендерные роли в нубийских и ак сумских королевствах [6]. Политически, модель теократии фараона предвосхитила абсолютизм европейских монархий: от Людовика XIV, видевшего себя "солнцем Франции", до концепции "божественного права королей" в Англии. Социальные ритуалы, такие как праздники Осириса, укрепляли коллективную идентичность, помогая переживать наводнения Нила как циклы возрождения, — урок, который позже

адаптировали в африканских традициях устойчивости к засухам. Влияние таких систем на современность проявляется в идеях устойчивого развития, где баланс природы и общества эхом отзывается в глобальных экологических политиках, подчёркивая преемственность древних принципов гармонии. Египетские пирамиды не только символизировали власть, но и мобилизовывали труд тысяч, формируя социальную солидарность через грандиозные проекты, аналогично современным инфраструктурным инициативам. Медицинские папирусы, описывающие хирургию и фармакологию, повлияли на греческую медицину Гиппократа, а через неё — на европейскую науку, демонстрируя цепочку знаний от Востока к Западу [2]. В политическом плане, египетская дипломатия с хеттами — первые мирные договоры — заложила основу для международного права, где переговоры заменяют войны.

Религиозные нарративы древних обществ формировали идеологическую основу власти, где мифы оправдывали социальное неравенство и единство. В Египте культ Амона-Ра эволюционировал в государственную идеологию, где фараон как сын бога легитимизировал налоги и войны, влияя на персидских "царей царей" [6]. Греческие оракулы, такие как Дельфийский, консультировали полисы по политике, вводя элемент божественного консенсуса в демократию. Такая специфика теократического мышления сохраняется в современных идеологиях, где исторические мифы подпитывают национализм и авторитарные режимы. Социально, мистерии инициации укрепляли лояльность: от египетских погребений до римских коллегий, они создавали сети поддержки, аналогичные современным лобби. Миграции кочевников добавляли шаманские элементы в малоазийские культы, обогащая пантеоны и способствуя синкретизму, что усилило устойчивость империй к внутренним кризисам [8, с. 13].

Религиозные системы древних обществ служили мощным инструментом социальной интеграции, формируя политическую легитимность. Египетские культы загробной жизни мотивировали массовый труд на пирамидах, создавая ощущение единства под фараоном, что позже адаптировали в римском императорском культе [1]. Греческие мистерии, такие как элевсинские, укрепляли элитарную солидарность, влияя на христианские таинства и масонские общества. Эта специфика религиозно-политического синтеза объясняет устойчивость теократических элементов в современных государствах Ближнего Востока, где древние мифы продолжают оправдывать власть.

Переход к античной Греции ознаменовал прорыв в сторону рационального анализа власти. В Афинах V века до н.э. демократия возникла как ответ на тираннию: экклесия — народное собрание — позволяла гражданам (хотя и ограниченному кругу) голосовать за законы

и военные кампании. Эта модель, вдохновлённая лидийскими и персидскими примерами, эволюционировала через реформы Солона и Клисфена, вводя остракизм для изгнания угроз [5]. Социально, греческие полисы подчёркивали паидею — воспитание гражданина через гимнасии и театры, где трагедии Эсхила разбирали этические дилеммы, формируя эмпатию и общественный дискурс. Спартанская система, с её агогэ — суровой военной подготовкой, — повлияла на милитаристские культуры Пруссии и даже на дисциплинарные практики современных армий. Философы вроде Аристотеля в "Политике" классифицировали режимы от монархии до демократии, заложив основу для конституционализма: их идеи, через Возрождение, проникли в Декларацию независимости США и хартию ООН. Греческая рациональность, коренящаяся в месопотамских прототипах, способствовала научной революции: от геометрии Евклида до астрономии Птолемея, эти нити связывают древний Восток с западной мыслью, как подчёркивает Никитин [4, с. 158]. Олимпийские игры как социальный институт объединяли полисы, предвосхищая международные форумы, где спорт служит дипломатией. В политической сфере, греческие колонии в Италии и на Чёрном море распространили демократические практики, влияя на этрусков и скифов, где местные элиты адаптировали собрания для племенного управления.

Римская Республика и Империя стали синтезатором этих влияний, превратив локальные нормы в универсальные. Сенат, эволюционировавший из патрицианских советник, балансировал власть консулов и плебеев через трибунов, вводя veto как инструмент защиты меньшинства. Юстинианов кодекс, собранный в VI веке н.э., кодифицировал преторское право, повлияв на гражданские кодексы Наполеона и современные конституции [1]. Социально, римская армия обеспечивала мобильность: легионеры из провинций становились гражданами, инник галлов, иберов и сирийцев в империю, где лояльность Риму заменяла племенную идентичность. Это мультикультурализм предвосхитил федерализм ЕС и США, где принцип "pax romana" — римского мира — эхом отзывается в доктринах коллективной безопасности. Акведуки и форумы, как общественные пространства, формировали урбанистическую культуру, влияя на планировку средневековых городов и даже на современные мегаполисы. В контексте миграций, римская модель ассимиляции отразилась в политике империй, где кочевые потоки интегрировались в оседлые структуры, усиливая динамику социальных изменений. Римские дороги не только облегчали торговлю, но и распространяли идеи: от христианства до стоицизма, формируя этику долга, которая проникла в европейский гуманизм. Политически, переход от республики к империи под Августом иллюстрирует циклы,

описанные Кондорским: концентрация власти в кризисах как ответ на социальную нестабильность [3, с. 77].

Искусство в древних цивилизациях служило пропагандой, формируя общественное мнение и политическую лояльность. Ассирийские рельефы изображали царей как победителей, оправдывая экспансию и социальный порядок, что повлияло на персидские ападаны и римские триумфы [5]. В Греции вазопись иллюстрировала мифы, воспитывая граждан в духе героизма, а спартанские статуи подчёркивали дисциплину. Никитин отмечает, как древневосточное искусство как инструмент знания фиксировало астрономические события, перерастая в визуальную науку [4, с. 159]. Политически, римские монеты с портретами императоров распространяли образ единства, предвосхищая современный брендинг наций. Миграции кочевников внесли орнаменты в малоазийское искусство, создав "звериный стиль", который усилил символику власти в степных ханствах [1]. Это наследие видно в пропаганде: от фресок до СМИ, где визуалы манипулируют социальным согласием.

Гендерные роли в древних цивилизациях варьировались, но часто закладывали паттерны патриархата с исключениями. В Риме pater familias обладал абсолютной властью над домом, что повлияло на европейское семейное право до XIX века, в то время как египетские женщины участвовали в судах и бизнесе [4]. Эти контрасты распространились через колонизацию: римские нормы усилили гендерное неравенство в провинциях, но египетские влияния через эллинизм смягчили их в Византии. В итоге, древние модели семьи как микрогосударства формируют современные дебаты о правах, где баланс автономии и зависимости эхом отзывается в феминистских движениях.

Взаимодействие цивилизаций было динамичным процессом диффузии, где завоевания ускоряли обмен, но и стирали уникальные черты. Эллинистический период после Александра Македонского распространил греческую паидею по Азии: в Александрии библиотеки сливали египетские и персидские знания, влияя на маурьевскую Индию, где Ашока использовал буддизм для централизации империи [7]. Персидская система сатрапий — наместничеств с автономией, — повлияла на римские провинции, вводя эффективные налоги и дороги, которые стали "социальным клеем" для разноэтничных народов. В Африке нубийцы адаптировали египетские ритуалы для укрепления элит, что позже отразилось в меритократических структурах Куша и эфиопских царств. Миграции евразийских кочевников, по Чочиеву, наложили отпечаток на цивилизации Малой Азии: киммерийцы и скифы в VIII–VI вв. до н.э. разрушили Урартское царство, но обогатили военные тактики и искусство местных народов, способствуя эволюции социальных

институтов через интеграцию конных отрядов в оседлые армии [8, с. 14]. Аналогично, финикийские торговые сети распространили алфавит, упростивший коммуникацию и способствовавший подъёму финикийских колоний в Карфагене, чьи республиканские институты повлияли на ранний Рим. Такие взаимодействия подчёркивают, как миграции не разрушают, а трансформируют политические ландшафты, закладывая основу для гибридных культур. В Центральной Азии хунну и сюнну, взаимодействуя с ханьским Китаем, ввели элементы номадизма в бюрократию, влияя на монгольские завоевания и, косвенно, на евразийские империи.

Цикличность влияний подтверждают модели исторического развития: подъём цивилизаций часто сопровождался инновациями в управлении, а упадок — миграциями и синтезом. Тексты майя, описывающие циклы календаря, иллюстрируют, как экологические кризисы провоцировали реформы, предвосхищая дебаты о климатической адаптации в современных обществах [2]. Скандинавские саги, сохранившие римские тактики осад, способствовали формированию феодализма в Европе, где викинги интегрировали византийские и арабские влияния через торговлю. В Азии ханьская бюрократия, вдохновлённая конфуцианством, повлияла на корейские и японские экзамены на чиновников, создав меритократию, устойчивую к монгольским нашествиям. Специфика этих циклов, определяет современные политические кризисы: древние модели империй помогают анализировать глобализацию как новую волну диффузии, где локальные традиции сталкиваются с универсальными нормами [1]. В контексте Евразии миграции кочевников не только дестабилизировали, но и стимулировали инновации, как в случае слияния степных традиций с оседлыми цивилизациями, что привело к расцвету шелкового пути как сети обмена идеями.

Археология углубляет понимание: неолитические комплексы вроде Гёбекли-Тепе в Анатолии предполагают, что ритуальные центры предшествовали месопотамским храмам, закладывая иерархии через общие культы [5]. Это подчёркивает, что влияние — диалог, где "побеждённые" обогащают "победителей": кельтские друиды повлияли на галло-римскую религию, а индейские традиции — на колониальную Латинскую Америку. В Индонезии индуистские эпосы, принесённые индийцами, слились с локальными анимизмами, формируя синкретические королевства вроде Маджапахита. Древневосточные истоки знания, по Никитину, пронизывают научную парадигму: вавилонская астрономия предвосхитила гелиоцентризм Коперника, а египетская медицина — эмпиризм Гиппократа, где практические наблюдения стали основой для теоретических обобщений [4, с. 162]. В Малой Азии скифские набеги, разрушив Урарт, ввели конную тактику, которая

позже усилила персидскую армию и, через Александра, эллинистические завоевания, демонстрируя, как военные инновации кочевников трансформировали политические карты [6]. Подобные процессы видны в Америке: чавинская культура в Андах распространила религиозные мотивы, влияя на социальную организацию инков, где иерархия отражала космический порядок.

Более того, влияние древних цивилизаций на политическую историю проявляется в эволюции суверенитета. Греческая идея полиса как автономной единицы эволюционировала в римский принцип гражданства, а затем в вестфальскую систему государств после Тридцатилетней войны. Социально, месопотамские гильдии ремесленников предвосхитили средневековые цехи, а египетские фестивали — карнавалы Ренессанса, где инверсия ролей подчёркивала социальную сплочённость. В Африке ак сумские пирамиды повлияли на зулусские тотемные столпы, символизирующие родовую власть. В контексте Азии персидская Ахеменида ввела толерантность к культам, что отразилось в османской миллете — системе общинного самоуправления, сохранившейся в турецкой политике. Греко-бактрийские царства в Афганистане синтезировали эллинизм с буддизмом, создав Гандхару — центр искусства, повлиявший на центральноазиатские ханства. В Америке ольмеки, "мать культур" Мезоамерики, заложили пирамидальную иерархию, эхом отозвавшуюся в ацтекских и инкских империях, где ритуальные жертвоприношения укрепляли социальный контроль. Эти нити подчёркивают глобальность влияния: от локальных миграций кочевников до трансконтинентальных обменов, где каждая цивилизация добавляла слой к общей мозаике.

Археологические открытия продолжают раскрывать нюансы: находки в Гёбекли-Тепе указывают на торговлю между Анатолией и Месопотамией уже в VI тысячелетии до н.э., что объясняет раннюю диффузию металлургии [7]. Это подтверждает нелинейность: влияние циркулировало по сетям, формируя гибридные культуры, устойчивые к коллапсам. В современном мире такие уроки помогают интерпретировать миграционные кризисы: как древние кочевники обогащали цивилизации Малой Азии, так и сегодняшние потоки стимулируют социальную эволюцию, предотвращая стагнацию через культурный обмен. Циклы, описанные Кондорским, напоминают о необходимости адаптации: древние упадки от внутренних конфликтов учат балансу в современных демократиях [3, с. 80].

В итоге, древние цивилизации запрограммировали социальную и политическую ДНК народов, от равенства перед законом до федерализма. Их уроки — о балансе автономии и единства — помогают навигировать в мире, где традиции встречаются с глобализацией, предот-

вращая новые циклы упадка. Наследие не статично: оно эволюционирует, обогащаясь новыми интерпретациями, и продолжает вдохновлять на поиск гармонии в разнообразии.

Список цитируемой литературы:

1. Великие цивилизации прошлого и их влияние на современный мир. 4brain.ru [Электронный ресурс], — URL: https://4brain.ru/blog/velikie-civilizacii/ (дата обращения: 11.11.2025)

2. Всемирно-исторический процесс как взаимодействие цивилизаций. Socionauki.ru [Электронный ресурс], — URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/255260/ (дата обращения: 11.11.2025)

3. Кондорский, Б. М. Влияние специфики исторического развития на современные социально-политические процессы / Б.М. Климов// Ноосферные исследования. – 2022. – №3. – С. 73-87.

4. Никитин В.И. У истоков научного знания. Древневосточные знания и их влияние на будущее науки. /В.И. Никитин//Вестник НИЦ «Строительство». – 2022. –№32(1). –С.154-162.

5. Становление древних цивилизаций. Book.uraic.ru [Электронный ресурс], — URL: https://book.uraic.ru/elib/authors/nefedov/Lec/HistScience/HisiSc/5-1.htm (дата обращения: 10.11.2025)

6. Ученые разработали историческую модель... Газета.Ru. [Электронный ресурс], — URL: https://www.gazeta.ru/science/2013/09/24_a_5665913.shtml (дата обращения: 12.11.2025)

7. Циклична ли история человечества? Naked Science [Электронный ресурс], — URL: https://naked-science.ru/article/history/tsiklichna-li-istoriya-ch (дата обращения: 11.11.2025)

8. Чочиев, Г. В. Влияние миграций евразийских кочевников на древние цивилизации Малой Азии / Г. В. Чочиев // Вестник Владикавказского научного центра. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 9-14.

УДК 340.12

Путилина Дарья Владимировна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
putilinadaria48@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НЕЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Аннотация

В статье рассматривается взаимодействие ТГП с рядом основных общественных неюридических наук, раскрывается важность их взаимовлияния и то каким образом это отражается на знании об изучаемом предмете данных наук. На основе изучения взаимодействия ТГП и иных общественных наук в статье формируется представление о месте теории государства и права в системе неюридических наук, подтверждается роль междисциплинарного подхода в науке.

Ключевые слова: взаимодействие, право, государство, неюридические науки, психология, социология, философия, политология, экономика, лингвистика, культурология, методология, предмет и объект.

Теория государства и права является юридической наукой, но относится так же к гуманитарным наукам, предметом изучения которых выступает общественные явления, социальные институты, общественное сознание и т. д. ТГП как фундаментальная юридическая наука в целом не находится в вакууме, а активно взаимодействует с другими общественными науками, ведь, как известно, в современном мире рамки между научным знаниями довольно условные, и для получения наиболее полного представления о том или ином предмете применяется междисциплинарный подход, происходит активная интеграция наук. Понимание и развитие ТГП напрямую зависят от активного взаимодействия с комплексом общественных наук, которые изучают общество и человека в различных его проявлениях. Определение места ТГП в этой системе позволяет глубже понять природу государственно-правовых явлений и избежать узкого, догматического подхода к их изучению. Рассмотрим взаимодействие и взаимовлияние различных общественных неюридических наук и ТГП.

Довольно близко ТГП взаимодействует с философией, так как методологическая база этих наук сильно близка. Можно сказать, что философия предоставляет ТГП общие принципы и методы познания.

Диалектический метод: изучение государства и права в развитии, через конфликт, борьбу противоположностей, что позволяет увидеть взаимосвязь формы и содержания права, причины и следствия в правонарушениях. Герменевтический метод: позволяет освоить теорию понимания и интерпретации текста, в форме которого и существует само право, выделяет условия и предпосылки к методам толкования текста, в зависимости от социальной, политической и исторической обстановки, в которой находятся автор и читатель. Феноменологический метод: обращает внимание на право, как феномен общественной жизни, отвлекаясь от его причин и последствий, что даёт понимание о том, как право воспринимается и переживается обществом или человеком. Системный подход: помогает рассматривать право, как целостную систему, в которой её элементы имеют значение только в связи и во взаимодействии с другими элементами. В общем философия как наука о наиболее общих закономерностях развития природы, общества и человеческого познания, физического, социального и духовного бытия предоставляет теоретическую основу для развития знания ТГП, она ставит и пытается решить фундаментальные вопросы, без которых невозможно понять право и государство, например, что есть справедливость? В чем сущность власти? Каково соотношение свободы и необходимости в правовых нормах? Философия помогает посмотреть на проблемы теории государства и права с мировоззренческой точки зрения, на основе ценностей, ориентиров людей, каких-то фундаментальных для человечества категорий и понятий. Так в теории государства и права активно используются такие философские категории, как сущность, форма, содержание, целое и единичное, система и структура, причина и следствие, необходимость и случайность и др. [2] ТГП в свою очередь предоставляет философии базу, материал для размышлений и анализа. Появляется возможность подтвердить и дополнить абстрактные философские суждения конкретными примерами из сферы государства и права.

Довольно очевидна и связь ТГП с политологией, так как фактически государство как объект изучения этих наук совпадает. Однако если политология делает акцент на содержании власти, то ТГП обращается больше к формам и механизмам её осуществления. Рассмотрим подробнее их взаимодействие. Во-первых, политология выступает источником понятийного и концептуального аппарата для ТГП, так как она активно заимствует фундаментальные понятия и категории из политологии, которые и формируют представление о государстве. Таким образом, ТГП берёт за основу имеющееся понятие, системную картину, дополняет своими представлениями и знаниями, на основе чего формирует представление, например, о месте и роли государства и

права среди других политических сил, делаются выводы, например, что закон не рождается в вакууме, а является результатом сложного взаимодействия различных политических институтов и т.п. Во-вторых, ТГП придаёт реальным политическим процессам юридическую форму, так теория о «разделении властей» в политологии становится основополагающим принципом конституционного права в ТГП. Наконец, благодаря взаимодействию политологии и ТГП происходит более глубокое и качественное изучение политических процессов и явлений, так как, используя данные политологии, теория государства и права рассматривает государственно-правовые явления в контексте политической среды [3, с. 13]. ТГП предоставляет материальную основу, позволяющую характеризовать государство и право, как важную составляющую политической системы. Симбиоз теории государства и права с политологией, позволяет изучать влияние права на политику и делает возможным предвидеть последствия принятия того или иного закона, понимать реальные механизмы власти.

Теория государства и права во многом связана и с экономической наукой, которая позволяет выделить закономерности во влиянии экономических факторов, материальных благ, средств производства и иных ресурсов, форм собственности на формирование государства и права. В частности, теория государства и права определяет пределы зависимости государства и права от экономики, способы правового управления экономической жизнью общества, активное обратное воздействие государственно-правовых явлений на экономические отношения [2]. Конечно государство и право во многом зависят от экономического базиса. Так, например, гражданское и предпринимательское право напрямую регулируют экономические отношения, налоговое право является инструментом перераспределения национального дохода. Кроме того, какие-либо изменения в экономике (например, переход к цифровой экономике) немедленно порождают потребность в новых правовых нормах. Таким образом, ТГП учитывает экономические основы правовых явлений, несмотря на то, что общество постепенно избавилось от наследия «экономического детерминизма», рассматривавшего все государственные и правовые явления как результат борьбы классов и развития производительных сил, то есть иные факторы выступали при этом лишь в качестве надстройки к экономическим в процессе становления государства и права.

Важно взаимодействие ТГП и социологии. Данная наука предоставляет эмпирический материал для теории государства и права и помогает понять, как право и государств функционируют непосредственно в реальной жизни, а не в теории. Социология предоставляет новые методы познания, которые эффективно используются в ТГП:

социологические методы в ТГП (социологические опросы, анализ данных, социологические эксперименты, наблюдение за отдельными группами или обществом в целом) помогают более подробно и глубоко изучать правовые явления, опираясь на реальный опыт и примеры из жизни общества, социология обогащает содержание ТГП и более того помогает отследить недочёты в существующей системе и усовершенствовать правовые и государственные институты. Сейчас выделяют даже отдельную отрасль, а возможно и самостоятельную науку в будущем – социологию права. Социология права – отрасль, исследующая социальные предпосылки права, эффективность правовых норм, причины правонарушений, общественное мнение о законе. Таким, образом социология превращает порой идеальные модели ТГП в реально действующие законы и не даёт им превратиться в оторванные от реальности догмы, развивающие правовой нигилизм, а ТГП в свою очередь предоставляет понятийный аппарат и теории для описания государственно-правовых институтов и на даёт социологии расплываться в общих рассуждениях об обществе, наделяя социологическое знание о праве конкретикой.

Очевидно взаимное влияние ТГП и исторической науки. История сама по себе предоставляет знание о процессах становления государства и права, их развитии, об отличиях в этих процессах у разных народов и цивилизаций, то есть историческая наука предоставляет базис для размышлений и развития знаний ТГП в историческом многообразии и своеобразии государства и права. Без исторического контекста невозможно понять, как возникли государство и право, как они эволюционировали. Сравнительно-исторический метод позволяет ТГП выявлять общие и особенные черты в развитии разных государственно-правовых систем. Без исторической науки теория государства и права превратилась бы в абстрактную, чисто умозрительную науку [2].

Теория государства и права и культурология. Культурология изучает человеческую культуру, традиции, тенденций её развития, это наука о способах постижения культуры и её значении для общества. Важно понимать, что право и государство также являются часть, или вернее сказать продуктом человеческой культуры, таким образом взаимодействие данных наук необходимо для получения объемного понимания сложных феноменов. Культурология даёт объяснение многообразию форм государства и правовых систем, которые данная наука раскрывает через отличие культур народов мира, расхождение во взглядах, мировоззренческих установках, менталитете и правовой культуре в целом. Культурология объясняет почему существуют существую различия и откуда берутся разные классификации государств и правых систем в ТГП. Кроме того, данная наука даёт представление об

государственно-правовых институтах в культурно-историческом контексте, ведь государство и право стоит рассматривать в связи со своей эпохой, когда они были отражением картины мира, системы ценностей, определённого достигнутого уровня социальной организации и производственных сил и т.д. ТГП в свою очередь трактует для культурологии право, как инструмент легитимации, трансляции и закрепления культуры, например, государство через право может закреплять «официальную» культуру: государственные символы, национальные праздники и т.п., как инструмент культурной политики, как индикатор, позволяющий определить о состояние общества: превалирующие ценности, общее миропонимание человека в тот или иной исторический период и т.д. Благодаря взаимодействию ТГП и культурологии получается рассмотреть государство и право как развивающийся и изменяющийся элемент человеческой культуры.

Взаимодействие ТГП и психологии также крайне важно, оно лежит в основе понимания того как работает право, и почему оно может работать или может не действовать. Как известно, право существует для человека, это способ воздействовать на общество, контролировать поведение людей, что является результатом их психики. Так, без понимания законов человеческой психики невозможно наиболее полно понять механизм действия права. И психология, и теория государства и права довольно близки друг другу и их сотрудничество помогает эффективно решать проблемы и той, и другой науки [7]. Психология учитывает мотивы, сложный характер действий человека, объясняющие его правовое поведение более близкими к реальности основаниями, а не сухой теорией как традиционный подход ТГП. Психология раскрывает такие понятия, как правовая психология, правовая идеология, вина, как психологическое отношение лица к совершенному деянию, формирую более углубленное представление о правосознании человека. ТГП в свою очередь ставит конкретные задачи перед психологией, предоставляет широкое поле для исследований, например, психология изучает как основные государственно-правовые институты влияют на психику людей. Результатом взаимодействия этих наук можно назвать возникновению юридической психологии – прикладной дисциплины, которая занимается изучением каких-либо психических закономерностей в сфере правоотношений. Задача юридической психологии – в первую очередь исследовать и выявить психологические закономерности деятельности и личности человека в области правового регулирования и разработать практические рекомендации по повышению эффективности правоохранительной деятельности [7, с. 19].

Право создаётся, существует и интерпретируется через средства языка. Право – это совокупность текстов, выраженных с помощью

языка, без которого право не может быть ни сформулировано, ни понято и не приведено в исполнение. Отсюда возникает взаимодействие лингвистики (языкознания) и ТГП. Для теории государства и права необходимо обеспечить точность выражения правовых норм, что бы они были логично написаны и правильно поняты обществом, лингвистика же в свою очередь изучает как достичь этой точности. В связи с этим возникает юридическая техника, которая опирается на: использование клише и стандартных оборотов, помогающих снизить риск неточностей и разночтений; применение специальной терминологии, где каждое понятие имеет строго определённое значение; использование синтаксически сложных конструкций, то есть обобщенных, распространённых переложений, осложнённых придаточными, что позволяет охватить наибольшее количество условий, исключений, формирующих точность правового условия текста. Лингвистика даёт конкретные методы и выявляет проблемы толкования, заключающиеся в многозначности слов и понятий, в особенностях буквального (филологического) толкования, контекстного значения того или иного понятия или термина. ТГП же является источником для возникновения целого пласта языка, выступающего в качестве объекта изучения для лингвистики – юридического подъязыка. Кроме того, под воздействие запросов правовой практики сформировалась новая прикладная дисциплина – юридическая лингвистика. Юридическая лингвистика изучает язык государства (как статусную единицу, как объект языковой политики государства и т.д.) и язык права (как специализированную терминосистему, как элемент обслуживания юридической сферы, как объект следственного и судебного разбирательства и т.д.) [6, с. 3]. Помимо этого, ТГП в какой-то степени изучает лингвистику, так как в систему права ходят законы, регулирующие языковую сферу, так что появляется возможность отслеживать, как правовые нормы влияют на языковую политику, динамику развития языка и реальное поведения общества в данной сфере.

Анализ взаимодействия ТГП с рядом общественных (гуманитарных) неюридических наук, представленный выше, позволяет сделать вывод, что ТГП не абстрагирована от других наук, она не взаимодействует только в рамках юридических дисциплин, но активно внедряется в систему неюридических общественных наук. Юридическая действительность проникает в различные сферы общественной жизни, так что их изучение будет неполным без обращения к юридическим наукам, прежде всего к ТГП, как фундаментальной. ТГП, как правило, предоставляет, материальную основу для изучения этими науками, а они в свою очередь обогащают ТГП дополнительными знаниями с точки зрения своего предмета изучения, привносят в теорию государ-

ства и права свои достижения, подкрепляют живыми примерами, ведь в изучении государственно-правовых явлений невозможно не учитывать социальную действительность. Таким образом формируется взаимовлияние ТГП и общественных наук.

Список цитируемой литературы:

1. Место теории государства и права в системе гуманитарного знания [Электронный ресурс], — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-teorii-gosudarstva-i-prava-v-sisteme-gumanitarnogo-znaniya/viewer (дата обращения: 10.11.2025)

2. Место теории государства и права в системе общественных и юридических наук [Электронный ресурс], — URL: https://studfile.net/preview/16392537/page:2/ (дата обращения: 10.11.2025)

3. Теория государства и права: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция»/ под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — Саратов: Изд-во Юристъ, 2004. — 245с.

4. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. — Москва: Норма: ИНФРА'М, 2020. — 656 с.

5. Теория государства и права [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Р. Б. Головкин [и др.] ; под ред. проф. Р. Б. Головкина; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. – 680 с.

6. Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права [Электронный ресурс], — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-lingvistika-k-voprosu-o-sootnoshenii-yazyka-i-prava/viewer (дата обращения: 10.11.2025)

7. Юридическая психология: учебное пособие / А.В. Ипатов. – Санкт-Петербург: РГГМУ, 2022. – 172 с.

УДК 340.115

Селиванова Ангелина Дмитриевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
aangelinaselivanovaa@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Аннотация

В статье исследуется концепция социального государства как ключевого элемента современной политической системы. На основе анализа научной литературы рассматривается его сущность, основные признаки и функции. Особое внимание уделено специфике его становления и текущим вызовам в Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное государство; социальная политика; конституция; гражданское общество.

Идея социального государства является одной из фундаментальных в политической практике и теории XX-XXI веков. Несмотря на то, что в настоящее время многие страны, включая Россию, провозгласили себя социальными государствами, содержание этой концепции, механизмы ее реализации и вопросы о будущем развитии остаются предметом активных научных дискуссий. В условиях таких новых вызовов, таких как цифровизация, демографическая нестабильность и глобальные кризисы, необходимо найти баланс между эффективностью социальных гарантий и финансово устойчивым развитием государства.

Само понятие «социальное государство» появилось в середине XIX века и было впервые использовано в 1850 году немецким философом, экономистом и правоведом Лоренцем фон Штейном (1850-1890), считавшим, что такое государство обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех общественных классов и способствовать экономическому и общественному прогрессу каждого гражданина, поскольку развитие индивида и общества взаимно обусловлены. В качестве основных принципов социального государства можно назвать:

- «высокую ступень экономического роста страны, что дает возможность перераспределять денежные ресурсы граждан;
- развитие гражданского общества; прогрессивные социальные законы;
- социально направленную экономическую систему;

- формирование государством различных программ социальной направленности;

- социальную ответственность государства перед гражданами и т.д.» [2, с. 71].

В наше время уже О.Е. Кутафин, советский и российский ученый-правовед, отмечал, что «главная задача социального государства – достижение такого общественного развития, которое основывается на закрепленных правом принципах социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности» [1, с. 5]. Социальное государство в современном понимании – это модель государства, политика которого направлена на перераспределение материальных благ в соответствии с принципами социальной справедливости и социального равенства для обеспечения каждому гражданину достойного уровня жизни и сглаживания социальных различий.

Как основные признаки социального государства авторы «выделяют:

- высокий уровень экономического развития страны, позволяющий перераспределять доходы граждан в пользу малоимущих, не нанося ущерба интересам состоятельным гражданам;

- социально ориентированная структура экономики; сформированное гражданское общество;

- законодательное утверждение целей государства, направленных на обеспечение всем гражданам достойного уровня и качества жизни, социальной защищенности, равных начальных условий для личной самореализации;

- социальная ответственность государства перед своими гражданами» [2, с. 73].

К основным функциям социального государства традиционно относят:

- поддержку социально незащищенных слоев населения (пенсионеров, инвалидов);

- обеспечение занятости (поддержка безработных, молодых специалистов);

- борьбу с бедностью;

- обеспечение доступности здравоохранения, образования и культуры;

- социальное страхование;

- сокращение социального и экономического неравенства и т.д.

Среди проблем и вызовов для современной российской модели социального государства можно выделить:

1. Сохранение значительного социального и экономического неравенства между регионами и отдельными группами населения;

2. Проблему эффективного распределения социальных благ и адресности социальной помощи

3. Старение населения, что создает нагрузку на пенсионную систему и здравоохранение

4. Необходимость неравномерной адаптации социальной сферы к цифровой реальности, что несет как новые возможности, так и риски цифрового неравенства.

Можно сделать вывод о том, что будущее российской модели социального государства будет связано с дальнейшей цифровизацией, совершенствованием механизмов адресной поддержки и поиском оптимального баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Новой особенностью развития социальной функции государства должно стать не прямое регулирование (выплата пенсий, пособий или социального страхования), а «использование методов косвенного регулирования, например, налоговые льготы или налоговые каникулы, иные меры государственного стимулирования социальных программ частного бизнеса» [1, с. 5].

Таким образом, социальное государство является динамичной, постоянно развивающейся моделью, которая прошла сложный путь от элементарного страхования рисков до всеобъемлющей системы обеспечения благосостояния. На современном этапе перед социальными государствами в мире стоят глобальные внешние вызовы. Успех дальнейшего развития социального государства в будет зависеть от способности государства обеспечить конструктивный диалог с гражданским обществом и бизнесом, адаптировать социальные функции к новым экономическим реалиям, сохранив при этом свою главную цель – обеспечение достойной жизни и свободного развития каждого человека.

Список цитируемой литературы:

1. Кабанцов, В.С. Социальное государство: основные тенденции развития / В.С. Кабанцов, В.В. Соловьева // Новый юридический вестник. – 2025. – № 7 (49). – С. 4-6.

2. Назарова, И.С. Понятие, принципы, функции социального государства / И.С. Назарова, Н.В. Заваткина, И.А. Талянина // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 5. – С. 70-73.

3. Чернявский, А.Г. and Норенко Игорь Васильевич. Основы социального государства с позиций И. Канта и Г. Когена / А.Г. Черняковский, И.В. Норенко // Образование и право. – 2025. – № 1. – С. 140-146.

УДК 94(37)

Соседова Надежда Алексеевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
sosedova2006@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ДВА ПЕРИОДА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ — ПРИНЦИПАТ И ДОМИНАТ

Аннотация

В данной статье представлен анализ двух периодов в истории Римской империи — принципата и домината. Особое внимание уделяется идеологическим, административным и социальным реформам, а также последствиям этих изменений для дальнейшей судьбы империи.

Ключевые слова: Римская империя, принципат, доминат.

Римская империя, просуществовавшая несколько столетий, не была монолитным государственным образованием. Её политическая эволюция прошла через ряд трансформаций, наиболее значимым рубежом между которыми стал III век н.э. Именно этот период, ознаменованный системным кризисом, привёл к смене политической модели принципата на режим домината. Принципат (с 27 г. до н. э. по III век н. э.), представлял собой феномен органичного сочетания монархического и республиканского начал [2, с. 18]. Напротив, доминат (с III века н.э. по V век н.э.) уже открыто объявлял императора господином, обладающим божественной властью и строился как автократическая монархия.

Принципат, установившийся при Октавиане Августе в 27 г. до н. э., сочетал в себе монархическую суть с республиканским обликом. Термин «принцепс», изначально обозначавший наиболее авторитетного сенатора, был трансформирован в монархический по сути титул. Формально сохраняя республиканские институты, Август концентрировал в своих руках всю полноту власти, создавая дуалистическую систему, где традиционные магистратуры сосуществовали с единоличным правлением принцепса. Сам титул «Август», присвоенный первому императору Октавиану, означал «возвеличенный божеством» [1, с. 43]. Как считала Е. М. Штаерман, этот титул был «компромиссом между положением человека и бога, как титул «принцепс» был компромиссом между положением царя и гражданина» [5, с. 173].

Принцепс аккумулировал ряд высоких должностей и полномочий. Ключевую роль играли пожизненные полномочия народного трибуна,

обеспечивавшие ему неприкосновенность и право вето, статус Великого понтифика (верховного жреца) и высшее военно-административное начальство. Принцепс фактически концентрировал в своих руках весь управленческий ресурс государства.

Легитимация власти строилась на нескольких принципах. Во-первых, на личном авторитете и заслугах перед республикой, который Август и последующие императоры культивировали через благотворительность, военные победы и патронаж сената. Во-вторых, на сочетании республиканских полномочий: принцепс не отменял сенат и магистраты, но при этом стремился держать их деятельность под контролем. В-третьих, опора на армию: военные присягали лично императору, что делало его авторитет неоспоримым.

Сенат оставался символом республики и источником легитимности, хотя его реальная власть резко сократилась. Сенаторы продолжали занимать высокие должности, управлять сенаторскими провинциями и вносить формальные законы, но теперь они действовали лишь по воле принцепса. Вместе с тем структура управления при Августе была сравнительно компактной: большая часть имперских провинций находилась под прямым контролем принцепса, а остальные – под управлением сената. Создание императорских провинций расширяло сферу единоличной власти Августа. Именно так осуществлялся монархический идеал, к которому тот стремился.

Армия в эпоху принципата оставалась важной опорой. Военная реформа была нацелена на формирование армии, обладающей достаточным потенциалом для защиты рубежей Империи и реализации внешнеполитических задач, при сохранении над ней абсолютного контроля со стороны принцепса. Ключевым принципом организации стал жесткий социальный барьер внутри офицерского корпуса. Рядовые солдаты всадники и высшие военачальники-сенаторы представляли собой обособленные группы, чье взаимодействие было построено на взаимном контроле.

Идеологические установки, насажденные «сверху», в конечном итоге потерпели неудачу. Не имевшая массовой поддержки «снизу», государственная идеология Рима периода принципата к III в. потеряла приверженцев и перестала быть эффективной.

В этот же период произошёл глубокий экономический и социальный спад. Монета обесценилась, из-за чего аристократы неохотно платили налоги, а торговые связи почти разрушились. Одновременно «старые» сенаторы и крупные землевладельцы теряли влияние, тогда как вспыхивали бунты крестьян и рабов. Даже сама армия изменилась: из-за упадка туда шли неохотно, происходили и мятежи военных. Таким образом, социально-политическая среда, в которой мог функцио-

нировать принципат, исчезла. Старая система, основанная на компромиссе между традициями республики и властью одного человека, оказалась неспособной мобилизовать ресурсы и навести порядок. Ситуация требовала нового подхода.

С началом правления Диоклетиана (284 г.) начался новый этап – доминат. Доминат представлял собой государственно-политическую систему, ставшую ответом на кризисные явления III века и ознаменовавшую новый этап исторического развития Римской империи. Его начало связано с реформами императора Диоклетиана в период, когда стали происходить существенные изменения в отношениях общества и власти. Новая система государственной организации несла в себе много противоречий [3, с. 338-339].

Для эффективного управления раздробленной и ослабленной империей Диоклетиан провёл масштабную реорганизацию. Во главе страны появились сразу четыре владыки в системе тетрархии: два старших августа и два младших цезаря. Каждый отвечал за свой регион и войска, что формально должно было предотвратить захват власти одним человеком. Империя была разделена на 12 диоцезов и около ста мелких провинций. Введены новые посты викариев и префектов, чтобы следить за сбором налогов и управлением. Гражданская администрация и военная власть были строго разделены: в провинциях во главе стояли “ректоры” (губернаторы без войск), а военные силы подвластны были отдельным командующим. Такая бюрократизация позволила лучше контролировать мирные земли и предотвратить сепаратистские тенденции (фактически нарушения старых исторических границ были отменены), однако привела к раздутому аппарату.

Новая налоговая реформа ещё более усилила роль государства. Диоклетиан впервые ввёл прямые налоги вместо прежних косвенных. Всё население периодически переписывалось (по принципу кадастра), и взимались налоги по душам в городах и по земле в селах. Эта мера была вдвойне жёсткой: крестьяне (колоны) прикреплялись к земле. В результате подвижность населения резко ограничилась, а основа налогов – производственная и земельная – крепко была закреплена.

Военная реформа при Диоклетиане создала постоянную мобильную армию. Диоклетиан сформировал новые полевые лагерные армии, расквартированные по всему имперскому пространству, и сохранил пограничные части. В военное время эти армии могли быстро передислоцироваться в проблемные районы. Вместе с тем изменились условия службы: из-за нехватки добровольцев Диоклетиан обязал землевладельцев поставлять рекрутов, зачастую варварского происхождения — так называемая варваризация армии. Пограничные войска теперь в значительной степени состояли из «летов» и «федератов» —

варваров-переселенцев. В итоге императоры получили более боеспособный, но и менее «римский» солдатский корпус, а также инструмент подавления внутренних мятежей – например, в IV в. уже практически не возникало попыток легионеров провозгласить своих генералов императорами из-за быстрого реагирования тетрархии.

Государство под конец III века стало практически «владельцем» всего: оно контролировало и сбор урожая, и производство. Известный «Эдикт о максимальных ценах» Диоклетиана 301 года - свидетельство того, как власть пыталась управлять экономикой – вскоре оказался обречённым и был отменен.

Социальные последствия этих реформ тяжело сказались на гражданах. Налоговая реформа Диоклетиана привела к закреплению большей части населения на месте и профессии. Крестьян обязали оставаться на земле предков, утратив право уйти в город.

При этом империя искала новые источники легитимации. Константин Великий (306–337 гг.) завершил начатое Диоклетианом и интегрировал церковь в госаппарат. На смену тетрархии Диоклетиана пришла организация четырёх префектур. После Миланского эдикта (313 г.) и Вселенских соборов церковь перестала быть преследуемой, напротив, стала поддерживать власть: епископы нередко были советниками императоров, а христианская церковь получила привилегии и почёт. Император уподоблялся на земле представителю Бога, хотя уже вскоре прямые обожествления были смягчены в пользу идеи христианского миропорядка.

Доминат действительно позволил «выиграть время» империи. Разделение власти в тетрархии хоть и не упорядочило престолонаследие строго, но позволило избежать тотального разложения за счёт коллективного контроля. Централизованный аппарат смог собрать в распоряжение огромный военный потенциал. Однако он обошёлся большой ценой. Расходы на содержание бюрократии и войска выросли, что поддерживалось тяжёлыми налогами. Население стало фактически рабами государственного аппарата: по словам Ч. Адамса, «Гражданские свободы подгоняются под налоговую систему; сама же налоговая система не подстраивается под гражданские свободы».

Принципат и доминат представляют собой две принципиально разные модели имперской государственности. Первая — это римская аристократическая республика, адаптированная к имперским масштабам под руководством единоличного правителя. Вторая — это уже прообраз позднейшей византийской автократии, восточной деспотии, где государство полностью подчинило себе общество в целях самосохранения. Этот исторический опыт демонстрирует классическую дилемму между свободой и стабильностью, показывая, как в условиях

экстремальных вызовов государство часто выбирает путь жёсткой централизации и тотального контроля.

Переход от принципата к доминату не был случайностью или следствием лишь личной воли императоров. Это был закономерный и вынужденный ответ на вызовы времени. Система принципата, идеально подходившая для стабильного I века, оказалась неспособна справиться с кризисом III века.

Что касается домината, и у этой системы были фундаментальные недостатки. Жёсткое закрепощение населения тормозило экономическое развитие и лишало общество динамизма. Рост налогового бремени ложился тяжким грузом на население. В конечном счёте, доминат ценой свободы и гибкости купил империи ещё два века жизни, но не смог предотвратить её окончательный распад на Западе, поскольку внутренние противоречия системы лишь усугублялись. События, имевшие место в период кризиса III в., вновь стали повторяться в еще больших масштабах. Восставал городской и сельский плебс восточных провинций. Земельная знать, особенно на западе империи, укрепив свои позиции и создавая собственные крепости и вооруженные отряды, снова стала видеть в императорах лишь бесполезных претендентов на часть прибавочного продукта их колонов, отчего предпочитала союз со вновь начавшими наступление на империю вождями "варваров". В руки последних переходила одна западная провинция за другой, пока, наконец, в 476 г. Западная Римская империя не прекратила своего существования [4, с. 156].

Список цитируемой литературы:

1. Васильева, В. С. Древний Рим в период принципата. / В. С. Васильева // Право и государство: история и современность, перспективы развития. – 2018. – С. 41-43.

2. Гвоздева, И. А. Принципат Августа как политическая система: теория и практика / В. О. Никишин, И. А. Гвоздева // Право и государство: теория и практика. – 2018. – №6 (162). – С. 18-25.

3. Циглер, М. В. Доминат как государственно-политическая система: сущность и проблемы. / М. В. Циглер // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее. – 2015. – С. 338-345.

4. Штаерман, Е. М. Кризис III в. в Римской империи. / Е. М. Штаерман // Вопросы истории. – 1977. – №5. – С. 142-156.

5. Штаерман, Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. / Е.М. Штаерман; под редакцией Е. С. Голубцовой; – Москва : Наука, 1987. – 320 с.

УДК 342.3

Соседова Надежда Алексеевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
sosedova2006@gmail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ТИПИЧНЫЕ И НЕТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ

Аннотация

В данной статье проводится комплексный анализ одной из ключевых категорий теории государства и права – формы правления. Рассматриваются сущность и содержание данного понятия, детально анализируются критерии выделения типичных форм правления. Уделяется внимание и нетипичным формам правления, возникновение которых является тенденцией современного государственного развития.

Ключевые слова: форма правления, монархия, республика, государство.

Форма правления является фундаментальной характеристикой любого государства, определяющей структуру и принципы организации высших органов государственной власти, порядок их формирования и взаимодействия между собой и с населением. Зная форму правления того или иного государства, мы можем говорить и о его содержании, назначении и функциях [1, с. 305]. Изучение формы правления позволяет не только классифицировать государства, но и понять распределение властных полномочий, степень участия народа в управлении, а также потенциальные риски и преимущества той или иной системы. В условиях глобализации и усложнения политических процессов традиционная бинарная оппозиция «монархия – республика» зачастую оказывается недостаточной для описания всего многообразия существующих моделей. Появление нетипичных, или смешанных, форм правления свидетельствует о поиске государствами более эффективных и сбалансированных систем управления.

В отечественной и зарубежной юридической науке под формой правления принято понимать способ организации верховной государственной власти, включающий порядок образования высших органов государства, их структуру, компетенцию и взаимоотношения, а также характер взаимодействия с населением.

Форма правления отвечает на ключевые вопросы: кто и как формирует высшие органы государственной власти, и каков их срок; как распределены полномочия между главой государства, парламентом и правительством; каков характер отношений между населением и государственной властью; кто несет ответственность за осуществление власти и перед кем?

Исторически понятие формы правления возникло ещё в Древней Греции. В ранних аграрных обществах форма правления определялась в основном способом замещения главы государства – по наследству или путём выборов. Развитие форм правления прослеживается от античности до наших дней. Уже в трудах Аристотеля выделялись «правильные» и «испорченные» формы правления — монархия и аристократия как благие, и их извращения (тирания, олигархия, демократия). В наше время большинство государств – республики или конституционные монархии, но сохраняются и абсолютные монархии в ряде стран. Эволюция форм правления отражает исторические изменения: от наследственных тираний и теократий древности через конституционные монархии и демократические республики до современных гибридных систем.

Основными критериями для классификации форм правления являются: порядок замещения поста главы государства: наследование или выборность; объем полномочий главы государства; принцип ответственности главы государства; разделение властных полномочий.

На основе этих критериев наука традиционно выделяет две типичные (основные) формы правления: монархию и республику – а также ряд нетипичных форм.

Монархия – это форма правления, при которой верховная государственная власть полностью или частично сосредоточена в руках единоличного главы государства – монарха, занимающего свой пост, как правило, по наследству и не несущего юридической ответственности за свои действия.

Монархия обладает рядом признаков, к которым относят: бессрочный и пожизненный характер власти монарха; наследственный порядок престолонаследия; представительство монарха от имени нации; юридическая безответственность монарха.

В работах ученых указываются такие формы монархии, как конституционная (ограниченная) и абсолютная (неограниченная).

Абсолютная (неограниченная) монархия характеризуется сосредоточением всей полноты государственной власти в руках монарха. Он может самостоятельно издавать законы, руководить правительством, вводить новые налоги, объявлять войну и контролировать правосудие. И законодательная и исполнительная власть полностью находятся под контролем главы государства. Ярким примером государства с неограни-

ченной монархией является Франция эпохи Людовика XIV. В настоящее время к таким государствам относят Саудовскую Аравию и Катар.

В отличие от абсолютной, власть в конституционной монархии ограничена тем или иным способом. Она подразделяется на дуалистическую и парламентскую.

Дуалистическая монархия, где существует своеобразное двоевластие. Законодательная власть разделена между монархом и парламентом, а исполнительная власть полностью принадлежит монарху. Парламент принимает законы, но монарх обладает правом вето и может распустить парламент. Эта форма была характерна для Германской империи конца XIX – начала XX века, сегодня в чистом виде встречается редко (например, Иордания, Марокко).

Парламентарная (парламентская) монархия, где роль монарха носит преимущественно представительский и церемониальный характер. Реальная исполнительная власть осуществляется правительством, формируемым парламентом и ответственным перед ним, а законодательная власть принадлежит парламенту. Монарх «царствует, но не управляет». Он может совершать официальные визиты и подписывать указы, которые действительны только в том случае, если они были предварительно одобрены соответствующим органом. К классическим примерам парламентской монархии относятся Великобритания, Япония и Нидерланды.

Республика – форма правления, в которой высшие органы власти формируются на основе выборов и действуют на ограниченный срок, отвечая перед избирателями.

Республиканская форма правления основывается на признании народа высшим источником власти и носителем суверенитета. Одним из её фундаментальных признаков является принцип юридического равенства граждан, согласно которому каждый член общества обладает одинаковым правовым статусом и возможностью участвовать в управлении государством. Гражданам предоставляется право избирать представителей, быть избранными на государственные должности, а также принимать участие в формировании и контроле деятельности органов власти. Тем самым исключается зависимость политического влияния от происхождения, имущественного положения или сословной принадлежности.

Неотъемлемым элементом республиканской формы правления выступает институт народного представительства. Выборные органы отражают коллективную волю граждан и обеспечивают её реализацию в процессе принятия государственных решений. Представительная демократия обеспечивает многообразие точек зрения и интересов, действуя на основе принципа равенства голосов, что способствует включению в политический процесс всех социальных групп, в том числе наименее защищённых.

Не менее важным структурным компонентом республики является принцип ответственности власти перед народом. Избранные должностные лица получают свои полномочия от граждан и обязаны действовать в их интересах. Нарушение данного доверия влечёт за собой возможность применения механизмов конституционного контроля и смены власти посредством выборов или иных законных процедур. Ответственность органов управления перед обществом служит гарантией прозрачности и эффективности государственного механизма, укрепляя доверие граждан к институтам власти.

Современная наука выделяет такие основные разновидности республиканской формы правления как президентская и парламентская.

Президентская республика характеризуется жестким разделением властей. Ее ключевыми чертами являются то, что президент, избираемый населением прямо или косвенно, выступает одновременно главой государства и главой исполнительной власти. Он самостоятельно формирует правительство, которое несет ответственность лично перед ним. Важной особенностью этой модели является взаимная независимость ветвей власти: президент не имеет права роспуска парламента, а парламент, в свою очередь, не может отправить правительство в отставку (за исключением процедуры импичмента президенту). Классическим примером такой республики являются Соединенные Штаты Америки; также к этой модели близки Бразилия, Мексика и Аргентина.

Парламентская республика характеризуется ведущей ролью парламента в системе государственной власти. Особенностью этой формы правления является то, что правительство формируется парламентом из представителей победившей на выборах партии или коалиции и несёт перед ним политическую ответственность. В такой системе глава государства обладает в основном представительскими полномочиями, в то время как реальной ключевой фигурой в исполнительной власти является премьер-министр (или канцлер). Ещё одной важной чертой является право президента распустить парламент, однако обычно это происходит по рекомендации правительства. Примерами парламентских республик являются Германия, Италия, Индия и Израиль.

Каждая форма правления имеет свои сильные и слабые стороны. Монархия обеспечивает преемственность власти, традиции и стабильность (монарх воспринимается как символ единства страны), а централизованная структура позволяет оперативно принимать решения. Однако монархический принцип унаследования часто приводит к случайному качеству правителя: нет гарантии, что наследник окажется компетентным, может проявляться фаворитизм и отсутствие демократического контроля. При абсолютной монархии фактически отсутствует разделение властей и подотчётность власти народу. В республике власть ши-

ре легитимизируется через выборы и возможность сменяемости руководства, есть институты контроля и плюрализм мнений; однако частые выборы могут создавать политическую нестабильность, а сильный президент в смешанном режиме способен сосредоточить власть и ослабить парламент (рискуя превратить республику в диктатуру).

Среди монархий, сохранившихся выделяются несколько атипичных моделей. Выборная монархия в Малайзии предполагает, что верховный правитель избирается на пятилетний срок советом наследственных правителей штатов, что вносит в монархию республиканский принцип выборности. В Объединенных Арабских Эмиратах существует коллективная монархия, где верховная власть принадлежит Совету, избирающему своего председателя. Уникальной формой является теократическая монархия (Ватикан), где абсолютная духовная и светская власть сосредоточена в руках Папы Римского.

Более разнообразны нетипичные модели в республиканской форме правления. Стремление преодолеть недостатки президентской (риск авторитаризма) и парламентской (нестабильность правительства) республик привело к появлению смешанной (полупрезидентской) республики. В ней двойная ответственность правительства – и перед президентом, и перед парламентом – создает систему сдержек и противовесов (примеры: Франция, Португалия, Россия).

Дальнейшим развитием этой тенденции стала суперпрезидентская республика, которую иногда называют «монархической республикой» в силу несменяемости и чрезвычайно широких полномочий главы государства, что сближает его статус с монархом. Такая модель характерна для ряда стран Латинской Америки, Африки и постсоветского пространства. По аналогии с теократической монархией можно выделить теократическую республику (Иран), где ключевые властные полномочия принадлежат религиозным лидерам. Отдельную группу составляют так называемые народные республики (Китай, Алжир), где провозглашается ориентация государства на интересы трудящихся масс, а реальная власть часто принадлежит правящей коммунистической партии.

Возникновение гибридных форм правления — это закономерный ответ на вызовы современности. Их ключевым преимуществом является способность повышать стабильность государственного управления через более гибкое и сбалансированное взаимодействие институтов власти, что в конечном счете способствует политическому развитию и социально-экономическому процветанию.

Исследователь В.Е. Чиркин в статье «Нетипичные формы правления в современном государстве», справедливо отмечает, что «практика последних десятилетий показывает, что для управляемости государством важно не столько <…> разделение властей и система взаимных

сдержек и противовесов <…>, сколько установление необходимых взаимосвязей, взаимодействия, взаимосогласованности в работе высших органов власти». Как отмечает исследователь, формирование комбинированных и «гибридных» политических систем ведет к повышению эффективности функционирования и слаженности работы органов государственной власти [2, с. 280].

Основной тенденцией развития форм правления в XXI веке является их гибридизация. Государства стремятся заимствовать наиболее эффективные элементы разных моделей, создавая уникальные системы, направленные на обеспечение стабильности, эффективности управления и легитимности власти.

Список цитируемой литературы:

1. Галайдина О. С. Нетипичные формы правления современности / О. С. Галайдина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – №4. – С. 305-308.

2. Останин А. Д. Монархия как форма правления (ограниченная и неограниченная формы монархии) / А. Д. Останин // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра. – №4. – 2021. – С. 278-282.

УДК 340

Старкова Д.Г.,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
dstarkova361@gmail.com,
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПЕРЕВОРОТ МЭЙДЗИ

Аннотация

В данной научной статье анализируется такой исторический феномен, как переворот Мэйдзи, который является ключевым событием в развитии Японии. В работе описывается ход, датирование и последствия революционного процесса, которые привели к реактивной модернизации ранее изолированного государства. Происходит раскрытие значения революционных реформ для государства и их влияние на современную Японию.

Ключевые слова: феодальные отношения; модернизация; реформа; революция; конституция; конституционный строй; государственная власть; император; сословие.

Развитие Японского государства характеризуется поздним становлением на путь капиталистического развития. Середина XIX в. В Японии отличается еще существовавшим в нем прикреплением крестьян к своей земле, полной феодальной зависимостью, а также *"системой пятидворок"*, что означает круговую ответственность крестьян и существование фабричных производств. В XIX в. система феодальных отношений начинает приобретать дегенеративный процесс, возникают крупные состояния. Таким образом, XIX в. в Японском государстве ознаменовался началом конституционного развития [5, с. 33].

Актуальность темы научной статьи заключается в понимании глобальных процессов, таких, как модель быстрой модернизации. Именно переворот Мэйдзи стал контрастным примером того, как государство, находящееся в относительной изоляции, в кратчайший срок смогло провести радикальные реформы и стать ведущей державой в мире.

Революция Мэйдзи или, которую также в историографии принято называть *"Реставрация Мэйдзи"* – это восстановительный период императорской власти (микадо) в Японии, освобождение от длительного правления сёгунов из рода Токугава (1603-1868 гг.).

122-й император Муцухито (Мэйдзи) (1852-1912 гг.) начал осуществление прогрессивных реформ, их результатом явилась ликвидация феодального строя и образование централизованного государства.

В 1871 году была проведена административная реформа, которая разделила всю Японию на губернии и префектуры. Во главе каждого комплекса назначался чиновник из числа самураев и местных князей. Сословные различия отменены. Титулы и звания остались неизменными, но социальная структура уравновешивается, т.е. самураи и князья приравниваются к другим сословиям государства. Пенсии должностным лицам выплачиваются из казны государства (*"О введении трех сословий и их равенстве"* 1872 г.) [1, с. 36].

В 1873 году Японское государство переходит на Григорианский календарь.

В 1876 году получает новый этап развития банковское дело, ежегодные выплаты заменены единовременной компенсацией. А в 1878 году вводится воинская повинность.

1883 год - введен уголовный кодекса государства, который основывался на идеях кодекса Наполеона.

В 1890 г. выходит имераторский указ "Об образовании", который устанавливает принцип японского школьного образования.

Зажиточные крестьяне освобождались от земельной ренты, а земля сохранялась в собственности тех, кто ей владел. Например, в собственности крестьян [3, с. 67].

Конец XIX в. характеризуется реконструкцией и обновлением металлургических заводов, арсеналов и других наиболее важных промышленных образований. Государство налаживает сотрудничество с крупными торгово - промышленными компаниями (*дзайбацу*). В то время лидерами рынка являлись компании Мицубиси и Фурукава.

Следствием всех революционных преобразований Мэйдзи стало принятие Конституции в 1889 году. Конституция носила буржуазный характер и определяла новую структуру государственной власти в Японии. Новый конституционный строй устанавливал компромисс между сословиями дворянства и буржуазии. Буржуазия теперь имела право принимать участие в вопросах законодательства [2, с. 153]. Конституция официально утвердила статус императора, как главу государства. Император наделялся государственными полномочиями, был неприкосновенен, полностью контролировал исполнительную власть и разделял контроль над законодательной властью с парламентом. Император созывал и роспускал палату парламента, устанавливал сроки ее заседаний [4, с. 112].

Таким образом, Революция Мэйдзи дала толчок к быстрой и успешной модернизации Японского государства. Преобразование всех сфер жизни государства ускорило развитие национальной экономики. Благодаря прогрессивным революционным реформам роль Японии значительно выросла в мировой политике. Конституция 1889 года заложила государственно-правовые основы капиталистического развития страны и определила Японию, как централизованное государство.

Список цитируемой литературы:

1. Сосковец, Л.И. Политическая система Японии до 2020-х годов: учебное пособие для вузов / Л. И. Сосковец; под редакцией Е.В. Соскович. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 150 с.

2. Попова, А.В. История государства и права зарубежных стран нового и новейшего времени: учебное пособие для вузов / А.В. Попова; под редакцией Н.А. Фроловой, Н.И. Полищук. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 226 с.

3. Саликов, Д.Х. Влияние буржуазной революции на национальную модель государственности Тайланда / Д.Х. Саликов // Общество, экономика, управление. - 2021. - №1. - 65-70 с.

4. Геворкян, А.Р. Колониальная политика Японии XIX-XX веков / А.Р. Геворкян // Форум молодых ученых. - 2021. - №12. - 68-74 с.

5. Васильев, Л.С. История Востока: учебник для вузов / Л.С. Васильев; под редакцией М.С. Мейер. - Москва: Издательство Юрайт, 2024. - 387 с.

УДК 392.5

Суровцева Виктория Евгеньевна,
бакалавр,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
shownavika@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

БРАК, СЕМЬЯ, ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Аннотация

В данной статье рассматривается институт брака и социальный статус женщины в древнем Китае, в особенности в контексте эпох Чжоу, Цинь и Хань. Анализируются ключевые аспекты, определявшие жизнь женщины: патрилокальный брак, полигиния (многоженство), система «сань цун сы дэ» («три подчинения и четыре добродетели»). Цель работы – показать, как конфуцианская идеология и патриархальная структура общества системно ограничивали роль и права женщины, подчиняя ее интересам рода и мужа. Исследование основано на анализе переводов классических трактатов и данных исторических справочников.

Ключевые слова: древний Китай, положение женщины, институт брака, конфуцианство, патриархат, «три подчинения», «Ли цзи».

Институт брака является одним из фундаментальных элементов любого общества. В древнем Китае брак имел не столько личное, сколько общественное и ритуальное значение, будучи инструментом для продолжения рода и укрепления социальных связей. Положение женщины в этом институте было строго регламентировано. Целью данной статьи является анализ положения женщины в системе брачных отношений древнего Китая через призму нормативных документов и идеологических трактатов того времени.

Правовые и идеологические основы положения женщины в древнем Китае были закреплены в классических конфуцианских текстах, которые служили руководством для общества на протяжении веков.

Важнейшим источником является трактат «Ли цзи» («Записки о ритуалах»), один из канонов конфуцианства. Именно в нем содержится доктрина «сань цун» («три подчинения»), предписывающая женщине подчиняться отцу, мужу, а после его смерти – старшему сыну [1, с. 89]. Этот принцип юридически и морально лишал женщину какой-либо автономии. Дополняла эту доктрину концепция «сы дэ» («четыре добродетели»): благонравие, речи, внешнего облика и рукоделия, которые определяли идеал женского поведения в повседневной жизни.

Брачные ритуалы, подробно описанные в «Ли цзи», подчеркивали, что брак – это договор между семьями, а не союз двух individuals. Процесс согласования брака, передача невесты в дом жениха и ее дальнейшая жизнь были регламентированы до мелочей. Женщина после замужества становилась частью клана мужа, и ее связь с собственной семьей ослабевала. Эта патрилокальность брака была ключевым механизмом интеграции женщины в новую семью, где ее долгом было служение свекру и свекрови, которые часто относились к невестке как к чужачке и бесплатной рабочей силе.

Еще одним ключевым источником выступает «Цзо чжуань» («Комментарий Цзо») – хроника, которая, наряду с описанием исторических событий, содержит много сведений о брачной дипломатии. Браки между аристократическими кланами часто заключались для укрепления политических союзов, а дочери правителей выступали разменной монетой в этих договорах [2, с. 156]. Это наглядно демонстрирует, что воля и чувства самой женщины не имели значения.

Помимо идеологии, повседневную реальность женщин формировали конкретные социокультурные практики. Одной из них была система полигинии, официально закрепленная в форме института наложниц. В аристократических семьях главной женой считалась женщина, брак с которой был заключен с соблюдением всех ритуалов. Однако мужчина мог иметь также второстепенных жен и наложниц (циэ и цзе). Их статус и благополучие напрямую зависели от благосклонности мужа и главной жены, создавая сложную иерархию внутри женской половины дома (гуйфань), где царила постоянная конкуренция за ресурсы и будущее своих детей [1, с. 112]. Эта конкуренция нередко выливалась в серьезные политические интриги, особенно в императорском гареме.

В сфере экономики и права собственности женщина также находилась в крайне невыгодном положении.

Хотя в эпоху Хань существовали некоторые правовые нормы, позволявшие женщинам наследовать имущество при отсутствии мужских наследников, в целом право собственности было прерогативой мужчин. Приданное, которое женщина приносила в семью мужа, формально переходило под контроль ее супруга и его клана. После смерти мужа вдова не становилась полноценной владелицей имущества; она лишь управляла им до совершеннолетия старшего сына. Труд женщины, будь то работа на семейном поле, шелководство или домашнее ремесло, считался неотъемлемой частью общего хозяйства патриархальной семьи, но не приносил ей личной экономической независимости. Ее статус напрямую зависел от ее репродуктивной функции – рождения наследников мужского пола.

Хотя свод законов эпохи Тан «Тан люй шу и» был создан позже, он во многом базировался на более ранних нормах и четко фиксирует подчиненное положение женщины в браке, ее ограниченные права на собственность и суровые наказания за нарушение супружеской верности, которые для женщин были строже, чем для мужчин [3, с. 201].

Несмотря на то, что конфуцианская доктрина стремилась к унификации социальных норм, реальная практика могла иметь свои особенности. Например, в крестьянских семьях, где выживание зависело от труда всех членов, положение женщины могло быть несколько более прагматичным. Ее труд в поле был жизненно необходим, что придавало ей определенный, хоть и не формализованный, вес. История знает и исключения – яркие примеры женщин, которые сумели преодолеть ограничения системы и достигнуть вершин власти, такие как императрица Люй-хоу (эпоха Хань), которая стала регентом и фактически единолично правила Поднебесной [2, с. 203]. Однако эти примеры лишь подчеркивают общую суровость правил, являясь исключениями, которые эту норму подтверждают.

Список цитируемой литературы:

1. Карапетьянц, А.М., Крушинский, А.А. Древнекитайская философия. Опыт библиографического словаря / А.М. Карапетьянц, А.А. Крушинский. – М.: ИВЛ, 1960. – 244 с.

2. Кобзев, А.И. Древнекитайская философия. Эпоха Хань / А.И. Кобзев. – М.: Наука, 1990. – 523 с.

3. Кычанов, Е.И. Основы средневекового китайского права (VII-XIII вв.) / Е.И. Кычанов. – М.: Наука, 1986. – 264 с.

4. Стулова, Э.С. Тан люй шу и. Цзюани 1-8 / Э.С. Стулова. – М.: Наука, 1984. – 340 с.

УДК 321.01

Суровцева Виктория Евгеньевна,
бакалавр,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
shownavika@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема определения и классификации функций современного российского государства. Особое внимание уделено комплексному анализу внутренних и внешних функций, их содержанию, нормативному закреплению и практической реализации. Подробно исследуются особенности реализации основных функций в современных условиях, а также их эволюция в контексте социально-экономических преобразований.

Ключевые слова: функции государства; Российская Федерация; внутренние функции; внешние функции; правовое регулирование; социальное государство; экономическая функция; правоохранительная функция.

Проблема типологии функций государства занимает центральное место в теории государства и права, поскольку позволяет выявить основные направления деятельности государства, определяющие его социальное назначение на современном этапе развития. Функции государства представляют собой главные, стратегические направления его деятельности, выражающие сущность и социальное назначение государственного управления в обществе. В современной российской правовой доктрине сохраняется традиционное деление функций на внутренние и внешние, однако их содержание и механизмы реализации существенно трансформировались в соответствии с современными вызовами и потребностями общества.

Функции современного российского государства - это основные направления его деятельности, определяемые стратегическими целями и задачами государства на конкретно-историческом этапе развития. Они обладают следующими характерными признаками: имеют устойчивый и постоянный характер, отражают сущность и социальное назначение государства, реализуются в определенных правовых формах и специальными методами, охватывают всю деятельность государства в целом, динамичны и изменяются в соответствии с новыми вызовами времени [3, с. 128].

К внутренним функциям современного российского государства относятся следующие основные направления:

1. Экономическая функция - проявляется в выработке экономической политики, установлении правовых основ рынка, управлении государственной собственностью, регулировании предпринимательской деятельности, стратегическом планировании экономического развития. Особое значение имеет реализация национальных проектов, направленных на стимулирование экономического роста и модернизацию экономики.

2. Социальная функция - включает развитие системы здравоохранения, социального обеспечения, пенсионной системы, жилищной политики, трудовых отношений. В соответствии со статьей 7 Конституции РФ, Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

3. Правоохранительная функция - охватывает деятельность по обеспечению законности, правопорядка, защите прав и свобод граждан, охране всех форм собственности, предупреждению и пресечению правонарушений. Реализуется через систему правоохранительных органов и судебную систему [2, с. 18].

4. Экологическая функция - предполагает разработку и реализацию экологической политики, установление правового режима природопользования, охрану окружающей среды, обеспечение экологической безопасности.

5. Функция развития культуры, науки и образования - включает государственную поддержку учреждений культуры, науки и образования, сохранение исторического и культурного наследия, развитие национальной культуры, поддержку научных исследований.

Внешние функции российского государства включают:

1. Функция обороны страны - направлена на защиту государственного суверенитета и территориальной целостности, обеспечение обороноспособности страны, развитие вооруженных сил.

2. Функция международного сотрудничества - включает развитие дипломатических отношений, участие в международных организациях, решение глобальных проблем, интеграцию в мировую экономику [4, с. 32].

3. Функция поддержания мирового порядка - проявляется в участии в миротворческих операциях, борьбе с международным терроризмом, соблюдении международных договоров.

Правовые основы реализации функций заключаются в следующем: Конституция Российской Федерации закрепляет основные принципы реализации государственных функций. В статье 7 Конституции Россия провозглашается социальным государством, что определяет приоритет

социальной функции. Статьи 71 и 72 разграничивают предметы ведения между Российской Федерацией и ее субъектами в реализации государственных функций. Федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы Президента и постановления Правительства конкретизируют содержание функций государства и механизмы их реализации.

Рассматривая эволюцию функций российского государства, следует отметить значительное усиление экономической и социальной функций в последние годы. Это проявляется в реализации национальных проектов, развитии государственно-частного партнерства, совершенствовании системы социальной защиты. Особое внимание уделяется цифровизации государственного управления, что является новым направлением в реализации традиционных функций [1, с. 52].

Одновременно происходит трансформация внешнеполитических функций, связанная с изменением международной обстановки. Усиливается функция обеспечения национальной безопасности, развиваются интеграционные процессы с партнерами по ЕАЭС, БРИКС и ШОС.

Реализация функций государства обеспечивается через систему государственных органов. Исполнительные органы государственной власти осуществляют непосредственную реализацию функций через министерства и ведомства. Законодательные органы создают правовую основу для выполнения государственных функций. Судебные органы обеспечивают защиту прав и законных интересов. Особую роль играет институт Президента РФ, который определяет основные направления внутренней и внешней политики государства [3, с. 145].

Среди современных проблем реализации функций российского государства можно выделить: необходимость совершенствования межведомственного взаимодействия, оптимизацию распределения полномочий между федеральными и региональными органами власти, повышение эффективности государственного контроля и надзора, развитие цифровых технологий в государственном управлении [2, с. 22].

Перспективы развития функций государства связаны с дальнейшей цифровизацией государственного управления, совершенствованием механизмов обратной связи с гражданским обществом, усилением социальной ориентации государственной политики, развитием международного сотрудничества в новых форматах.

Таким образом, функции современного российского государства представляют собой сложную, динамично развивающуюся систему основных направлений деятельности, отражающих социальное назначение государства на современном этапе. Их содержание и приоритеты определяются как объективными потребностями общества, так и стратегическими целями государственного развития [4, с. 35]. Дальнейшее совершенствование системы функций государства, оптимиза-

ция механизмов их реализации будут способствовать укреплению государственности, обеспечению национальной безопасности и устойчивому развитию страны в условиях современных глобальных вызовов.

Список цитируемой литературы:

1. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления / Г.В. Атаманчук. — М.: Омега-Л, 2019. — 528 с.

2. Бахрах, Д.Н. Функции государства и государственное управление / Д.Н. Бахрах // Государство и право. — 2022. — № 3. — С. 15–24.

3. Марченко, М.Н. Теория государства и права / М.Н. Марченко. — М.: Проспект, 2022. — 656 с.

4. Чиркин, В.Е. Современное государство: функции и классификация / В.Е. Чиркин // Правоведение. — 2021. — № 4. — С. 28–37.

УДК 340

Сушкова Анастасия Андреевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
1sushkovva@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

СОБСТВЕННОСТЬ, СЕРВИТУТЫ, НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО В ВИЗАНТИИ

Аннотация

Данная статья посвящена изучению институтов собственности, сервитутов и наследственного права в Византийской империи, представляющих собой основу частноправовых отношений в данном обществе. Автором работы рассматриваются особенности эволюции римских правовых норм, заложенных в Кодификации Юстиниана, и их адаптации к византийским социально-экономическим реалиям. Исследуются формы собственности, специфика установления и прекращения сервитутов, а также фундаментальные аспекты наследственного права, включая наследование по завещанию и по закону, с акцентом на воздействии византийского права на последующее развитие европейской правовой традиции.

Ключевые слова: византийское право, собственность, сервитуты, наследственное право, Кодификация Юстиниана, римское право, земельная собственность, движимое имущество, завещание, наследование по закону, континуитет, трансформация.

Византийская империя, будучи непосредственной наследницей Римской империи, не только унаследовала богатую культуры и политическую систему, но и продолжила развитие римского права, адаптировав его к новым историческим условиям и социально-экономическим реалиям. Особенно важны в данном процессе были институты частного права, регламентировавшие отношения собственности, пользования чужой вещью и порядок перехода имущества от умершего к его наследникам.

Исследование византийского права в данных областях представляет значительный интерес для понимания генезиса современного гражданского права и воздействия римской правовой традиции на формирование европейской юридической мысли [1, с.113].

Институт собственности в византийском праве, как и в римском, выступал в роли фундаментального элемента частноправовой системы. Стоит сказать, что право собственности подразумевало собой абстрактное и исключительное господство лиц над вещью, которое давало ему возможность владеть, пользоваться и распоряжаться ею по своему усмотрению, если это не противоречило положениям закона и не нарушало права других лиц.

В Византии, также как и в Римской империи, выделялись несколько видов собственности, а именно:

1) Квиритская собственность. Данная форма собственности признавалась исключительно римскими гражданами, в дальнейшем византийскими подданными, и распространялась на землю, которая располагалась на территории Византии.

2) Бонитарная собственность. Стоит сказать, что такая форма собственности формировалась только в тех случаях, когда лицо, не являвшееся римским гражданином, приобретало вещь, которая подлежала манципации, или в случаях, когда собственник вещи совершал сделку, не соблюдая установленной формы. Фактически, это была «предварительная» собственность, которая могла быть преобразована в квиритскую при соблюдении ряда условий.

3) Провинциальная собственность. Собственность на землю, расположенную в провинциях, принадлежала государству, а частные лица обладали только правом пользования ею [2, с.85].

Необходимо сказать, что в отличие от Римской империи, где квиритская собственность играла первостепенную роль, в Византийской империи наблюдалась тенденция к размыванию границ различными формами собственности и усилению государственного контроля над земельными ресурсами. Таким образом, свое распространение получил институт так называемой «военной пронии», когда государство передавало земли в условное держание военнослужащим за службу, что ограничивало права частных собственников [3, с.111].

Что касается сервитутов, то в византийском праве они представляли собой ограниченные вещные права, которые устанавливались непосредственно на чужое имущество в пользу конкретного лица (личные сервитуты) или иного земельного участка (земельные сервитуты. Стоит отметить, что сервитуты выступали в роли основного и значимого инструмента регламентации отношений между собственниками смежных участков, а также устанавливались для обеспечения доступа к необходимым ресурсам, таким как вода, дорога [4, с.94].

Византийское право унаследовало от Римской империи нижеперечисленные ключевые виды сервитутов:

1) земельные сервитуты,

2) право прохода через чужой участок,

3) право прогона скота через чужой участок,

4) право проезда через чужой участок,

5) право проведения воды через чужой участок,

6) право запрета строить на соседнем участке выше установленного уровня,

7) личные сервитуты,

8) право пользования чужой вещью и получение от нее доходов или плодов,

9) право пользования чужой вещью без права получения доходов,

10) право проживания в чужом доме,

11) право пользования чужим трудов рабов или животных [5].

Хотелось бы сказать, что установление сервитут могло происходить на основании договора между собственниками, завещания, судебного решения, а также в силу давности владения. Прекращение сервитута, как показывает практика, происходило в случае гибели вещи, слияния прав собственника и сервитуария, отказа от сервитута, истечения срока, в отношении только личного сервитута, или прекращения необходимости в сервитуте [6, с.126].

Наиболее значимым аспектом византийского права было регламентация отношений между собственником обремененного сервитутом имущества и обладателем сервитута. Что касается собственника, то он не должен был каким-либо образом препятствовать реализации сервитута, а обладатель данного сервитута в обязательном порядке должен был пользоваться им рационально, не злоупотребляя своими правами, а также, не причиняя излишнего вреда собственнику.

Наследственное право в Византии было направлено на регулирование порядка перехода имущества от умершего лица, который считался наследодателем, к его непосредственным наследникам. Данное наследственное право основывалось на римских правовых принципах, которые находили закрепление в Институциях и Дигестах Юстиниана,

но с течением определенного временного промежутка претерпело значительные изменения под воздействием местных обычаев и византийской правовой практики.

Стоит сказать, что в византийском праве существовало всего лишь два основных вида наследования, а именно:

1) Наследование по завещанию.

2) Наследование по закону [7, с.68].

Если рассматривать первый вид наследования, то можно отметить, что оно протекало на основании волеизъявлении наследодателя, выраженного непосредственно в завещании. Завещание в обязательном порядке должно было быть составлено в письменной форме и удостоверено определенным количеством свидетелей. Византийское право допускало различные формы завещаний, в частности, завещания, которые были составлены в присутствии императора или патриарха.

Наследование по закону происходило только в том случае, когда отсутствовало завещание или оно было признано недействительным. Наследственное право Византии устанавливало определенную очередность наследников по закону. Первоначальными наследниками являлись нисходящие родственники, то есть дети и внуки, затем восходящие, в лице родителей, бабушек, дедушек, далее следовали боковые родственники, то есть сестры, братья, племянники, а уже после, переживший супруг.

Наиболее значимым институтом византийского наследственного права выступала legitima portio, в переводе – обязательная доля, то есть, та часть наследства, которая в обязательном порядке должны была быть выделена некоторым категориям наследников, даже если в завещании было указано иное. Основной задачей данного института выступало обеспечение защиты наиболее уязвимых членов семьи от произвола наследодателя.

Также в византийском праве существовали различные способы защиты прав наследников, включая иски о признании завещания недействительным, иски о выделении обязательной доли и иски о разделе наследственного имущества [8].

Несмотря на то, что Византийская империя пала в 1453 году, ее правовая система оказала достаточно значительное воздействие на последующее развитие европейской правовой традиции. Кодификация Юстиниана, которая сохранилась и развивалась в Византии, была вновь открыта в Западной Европе в XI веке и стала базой для формирования общего права, которое в свою очередь легло в основу правовых систем большинства европейский стран.

В частности, институты собственности, сервитутов, а также наследственного права, которые были разработаны в Византии, оказа-

ли значительное воздействие на формирование идентичных правовых институтов в средневековом и современном европейском праве.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что данные правовые институты в Византии представляли собой наиболее сложную и многоаспектную систему правовых норм, направленных на регламентацию частноправовых отношений в обществе. Византийское право, унаследовавшее римские правовые традиции и адаптировавшее их к новых историческим условиям, сыграло значимую роль в сохранении и передаче римского правового наследия последующим поколениям. Исследование византийского права в данных областях позволяет более детально понять генезис современного гражданского права и оценить вклад Византии в формирование европейской юридической культуры.

Список цитируемой литературы:

1. Барон Ю. Система римского гражданского права: в 6 кн. – Кн. II. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 1102 с.

2. Вальков, Д. В. Рецепция римского частного права в Византии: эволюция вещных прав / Д. В. Вальков // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 8 (105). — С. 30–38.

3. Саликов, М. С. Наследственное право Восточной Римской империи в VI–XI вв.: дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Саликов. — М., 2018. — 214 с.

4. Чекалова, А. А. Частная собственность в Византийской империи в свете данных «Книги Эпарха» / А. А. Чекалова // Византийский временник. — 2022. — Т. 101. — С. 178–195.

5. Дигесты Юстиниана (пер. с лат. Л. Л. Кофанова, И. С. Перетерского). — 2-е изд., испр. — Т. 1. Кн. I-IV / Под ред. Л. Л. Кофанова и В. А. Томсинова. – М.: Статут, 2008. – 584 с.

6. Дождев, Д. В. Основание защиты владения в римском праве / Д.В. Дождев. – М.: Институт государства и права РАН, 1996. – 234 с.

7. Апсэ, С. Р. Византийское право в контексте европейской правовой традиции: преемственность и трансформация / С. Р. Апсэ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2020. — Т. 11, № 2. — С. 234–250.

8. Макаров, А. Н. Земельная собственность: сравнительно-исторический и эволюционный методы экономических исследований / А.Н. Макаров // Вестник ЧГУ. – 2006. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zemelnaya-sobstvennost-sravnitelno-istoricheskiy-i-evolyutsionnyy-metody-ekonomicheskih-issledovaniy (дата обращения: 17.11.2025).

УДК 340.12

Сушкова Анастасия Андреевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
1sushkovva@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ, ГОСУДАРСТВО

Аннотация

Данная научная работа анализирует взаимосвязь общества, личности и государства в рамках российской правовой системы, уделяя значительное внимание конституционным принципа, правовому статусу личности, функциям государства, а также механизмам взаимодействия данных элементов. Автором работы рассматриваются исторические аспекты, современные вызовы и перспективы развития данной триады в контексте построения демократического правового государства. Настоящая статья посвящена основополагающему изучению триады «общество-личность-государство» в контексте современной российской теории и права. Целью работы является не только теоретическое осмысление, но и установление и определение практических путей оптимизации взаимодействия данных элементом для устойчивого развития и обеспечения благополучия граждан.

Ключевые слова: общество, личность, государство, Конституция, правовой статус, гражданское общество, функции государства, взаимодействие, Российская Федерация, права человека, обязанности, суверенитет.

Три взаимосвязанных элемента – общество, личность и государство – формируют основу любого социума, устанавливая его структуру, функционирование и динамику развития. В теории государства и права Российской Федерации анализ и изучение данных взаимоотношений имеет особое значение, так как от их гармоничного взаимодействия зависит эффективность государственного управления, защита прав и свобод человека, а также устойчивость социального порядка. Стоит сказать, что Конституция Российской Федерации, выступая в роли высшего юридического документа, закрепляет фундаментальные принципы, направленные на регулирование взаимодействия между данными элементами, определяя приоритет прав и свобод человека и гражданина, признание народа носителем суверенитета и обязанность государства обеспечивать благосостояние общества [1].

Общество подразумевает собой наиболее сложную и многоаспектную систему социальных отношений, которые формируются в результате взаимодействия индивидов и групп.

Государство, в свою очередь, является политической организацией, деятельность которого направлена на управление общества, обеспечения поддержания порядка, защиту прав и свобод граждан, а также на реализацию общественных интересов [2, с.18].

Стоит сказать, что взаимодействие между обществом и государством носит сугубо диалектический характер. С одной стороны, государство формируется и развивается под прямым воздействием социальных потребностей и общественных интересов. С другой стороны, государство оказывает значительное влияние на общество, устанавливая правовые рамки, регламентирующие социальные отношения, осуществляя экономическую и социальную политику, обеспечивая безопасность общества и оборону.

В Российской Федерации в настоящее время основой взаимодействия общества и государства является принцип разделения властей, который находит отражение в ст. 10 Конституции РФ [1]. Данный принцип подразумевает собой, что государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветки, которые функционируют самостоятельно и взаимодействуют друг с другом [3, с.47].

Необходимо сказать, что ключевым фактором является развитие институтов гражданского общества, в частности, таких как, общественные организации, профессиональные союзы, политические партии, средства массовой информации, которые выступают в роли основного посредника между обществом и государством, выражая интересы различных социальных групп и обеспечивая общественный контроль за деятельность органов государственной власти.

Личность, как отдельный индивид, является центральной фигурой в системе взаимоотношений с государством. Ст.2 Конституции РФ гласит о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью российского государства [1]. Стоит сказать, что правовой статус личности в российском государстве определяется совокупностью прав, свобод, а также обязанностей, которые находят отражение в положениях Конституции РФ и иных нормативных правовых актах.

В своих работах С.Н. Братановский не раз отмечал, что: «Правовой статус личности в российском государстве — это совокупность конституционных норм, закрепляющих положение человека и гражданина в обществе и государстве, объём его прав и свобод, а также обязанностей. Этот статус предполагает систему прав, их гарантий и защиты, а также обязанностей и ответственности человека перед обществом, государ-

ством и окружающим миром. Такой статус позволяет человеку принимать участие в управлении делами общества и государства, а общество и государство, в свою очередь, ответственны перед личностью за создание условий и гарантий по реализации и защите её прав» [4, с.25].

Современное законодательство российского государства гарантирует широкий спектр прав и свобод человека и гражданина, включая гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права.

В тоже время с предоставлением прав, конституционные положения РФ устанавливают определенный круг обязанностей граждан, к примеру, такие как соблюдение Конституции РФ, федерального законодательства, уплата налогов, защита Отечества.

Необходимо также помнить, что российское государство несет ответственность за обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина [5, с.33]. Данная ответственность осуществляется исключительно через систему правосудия, правоохранительные органы, а также правовые институты уполномоченных по правам человека и иными государственными механизмами.

В настоящее время государство выполняет довольно широкий спектр функций, которые оказывают значительное воздействие, как на общество, так и на личность.

Ключевые функции государства в Российской Федерации включают:

1) Внутренние функции, которые выражаются, прежде всего в обеспечении правопорядка, защите прав и свобод граждан, экономическом регулировании, социальном обеспечении и культурном развитии общества.

2) Внешние функции, а именно защита суверенитета, обора, политика на международной арене, а также сотрудничество с другими государствами [6, с.15].

Выполнение вышеуказанных функций требует от государства активного вмешательства в жизнедеятельность общества, что, с одной стороны, может приводить к некоторым ограничением прав и свобод граждан, с другой стороны, обеспечивает стабильность и развитие общества.

На сегодняшний день российское государство сталкивается с рядом вызовов в области взаимоотношений общества, личности и государства. К таким вызовам, можно отнести:

1. Обеспечение баланса между интересами общества и правами личности.

2. Противодействие коррупционной и бюрократической деятельности.

3. Развитие институтов гражданского общества.

4. Укрепление верховенства права и судебной системы.

5. Защита прав человека в условиях современных угроз, к которым стоит отнести терроризм и киберпреступность.

Фундаментальные перспективы развития заключаются в:

- углублении процессов демократического государства и общества,
- повышении уровня правовой культуры и правосознания,
- развитии эффективных механизмов защиты прав и свобод человека,
- формировании устойчивого гражданского общества,
- обеспечении транспарентности и подотчетности государственных органов.

А.М. Зарецкий отмечал, что: «Углубление процессов демократического государства и общества создаёт условия для политического равенства и низкого уровня злоупотреблений властью. Демократия, в свою очередь, находит отражение во Всеобщей декларации прав человека и в Международном пакте о гражданских и политических правах, где закреплён свод политических прав и гражданских свобод. Повышение уровня правовой культуры и правосознания формирует уважительное и ответственное отношение к установленному правопорядку и законам, укрепляет национальный интерес и гражданскую позицию, повышает активность общества» [7, с.24].

Таким образом, взаимоотношения общества, личности и государства являются многоаспектной и многофункциональной системой, которая устанавливает вектор развития российского государства. Стоит сказать, что гармоничное взаимоотношение данных элементов, которое базируется на принципах верховенства права, уважения прав и свобод человека, развитии гражданского общества и рациональном и динамичном государственном управлении, является залогом построения демократического правового государства, способного обеспечить благосостояние своих граждан и устойчивое развитие общества. Дальнейшее развитие правовой базы и модернизация механизмов взаимодействия данных элементов требует систематического и строго внимания со стороны государства, общества и отдельных граждан.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2020 г. № 11-ФКЗ,01.07.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2025. - № 31. - Ст. 4398.

2. Баранов, А. В. Теория государства и права: учебное пособие Ч.1 / А.В. Баранов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. – 188 с.

3. Бастрыкин, А.И. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие / А.И. Бастрыкин, М.М. Рассолов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2018. – 471 с.
4. Братановский, С. Н. Теория государства и права: курс лекций / С.Н. Братановский. – М.: Директ-Медиа, 2023. – 259 с.
5. Горовой, В. И., Власова, Г. Б. Особенности гражданского общества в РФ / В.И. Горовой, Г.Б. Власова. – Ростов-н/Д: Феникс. 2016. – 332 с.
6. Воронцов, Г.А. Теория государства и права: за три дня до экзамена: учебно-методическое пособие / Г.А. Воронцов. – Ростов-н/Д: Феникс., 2017. – 159 с.
7. Зарецкий, А.М., Долгих, Ф.И Теория государства и права: учебник / А.М. Зарецкий, Ф.И. Долгих. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2018. – 240 с.

УДК 340

Толчеев В.Д., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВ. ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВ У РАЗНЫХ НАРОДОВ

Аннотация

В статье анализируются основные концепции происхождения и сущности государства, раскрываются особенности процесса его формирования в различных исторических и культурных условиях. Подчеркивается центральная роль государства в структуре политических систем как координационного ядра, определяющего характер общественных отношений. Рассматриваются теологические, патриархальные, договорные, насильственные, органические, марксистские и психологические подходы к объяснению появления государственности, а также специфические черты формирования государства на примере Афин, Древнего Рима и германских племён. Особое внимание уделено различиям в степени влияния факторов разделения труда, частной собственности и социальных классов на процесс образования государственности у народов Запада и Востока. Делается вывод о многообразии исторических форм

становления государства и значимости комплексного анализа для понимания его природы, функций и роли в жизни общества.

Ключевые слова: теории происхождения государств, государства, государственная власть, граждане, теории.

Вопрос о происхождении и сущности государства до сих пор является дискуссионным, ибо этнографическая, историческая и политическая науки выдвигают всё новые и новые гипотезы и знания об этом. Результатом этого процесса стало многообразие концепций о природе возникновения и определения такого сложного политического организма как государство. Большинство этих концепций составили целые направления в истории социально-политической мысли.

В структуре политических систем государство занимает центральное положение, являясь координационным ядром, вокруг которого организуются остальные институты и отношения внутри страны. Его возникновение объясняется разными подходами, отражающими богатство исторического и культурного опыта. На примере теологической концепции видно, как религиозное осмысление места государства связано с глубинными традициями целых цивилизаций — Древний Египет, Вавилон, Древняя Индия и Китай рассматривают государственную власть как проявление божественной воли. Благодаря такому взгляду, легитимность правящих и их особый статус приобретают сакральный характер, что поддерживается жреческими слоями и одобряется общественными институтами. Это объясняет, почему подчинение власти рассматривается не только как гражданский долг, но и как исполнение заповедей Высшей силы.

Патриархальные концепции возникновения государства, изложенные Аристотелем и Конфуцием, строятся на представлении о государстве как о расширенной семье. Аристотель считал государство вечной и необходимой формой общежития, без которой человек не может существовать, а его основу видит в прочных семейных связях. Конфуций рассматривал власть государя как естественное продолжение власти отца: император — отец, подданные — дети. Эта модель предписывает безоговорочное послушание, всеобщую заботу и исключает возможность сопротивления, исходя из убеждения, что только так можно обеспечить счастье и безопасность граждан. В обоих подходах подчеркивается сакральность власти, ее недоступность для критики или изменения, что лишь усиливает идею о незыблемом статусе монарха. Вместе с этим, патриархальные взгляды умалчивают о социальных и правовых противоречиях, сводя сущность государства к идеализированной семейной модели, призванной скрыть реальные проблемы неравенства и эксплуатации, которые могут существовать в обществе [1, с. 90].

Договорные концепции происхождения государства, оформленные Гуго Гроцием, Томасом Гоббсом, Жан-Жаком Руссо, Шарлем Луи Монтескье, отражают принципиально новый взгляд на отношения между властью и обществом. Исходной их позицией является представление о догосударственном естественном состоянии индивидов, в котором каждый самостоятельно распоряжается своими правами и сталкивается с угрозой постоянного конфликта и нестабильности. Возникновение государства рассматривается как сознательный и рациональный акт объединения, направленный на обеспечение безопасности, порядка и установление четких правил взаимодействия, где граждане добровольно передают часть своих прав государству в обмен на защиту основных свобод и имущества.

В этих взглядах прослеживается ослабление религиозного влияния: происхождение власти связывается не с божественным началом, а с общественным соглашением свободных людей. Такой подход практически впервые придаёт институциональной власти условный характер, омрачая её абсолютность или сакральность и делая акцент на взаимной ответственности государства и граждан. Договоренность становится юридическим основанием существования государства, где и государство, и граждане имеют взаимные права и обязанности, а при нарушении государством своих обязательств допустимо расторжение договора со всеми вытекающими последствиями вплоть до замены власти.

Концепции насилия, находящие отражение в работах Е. Дюринга, К. Каутского и Л. Гумпловича, раскрывают процесс возникновения государства через призму подчинения одних групп населения другими. Государственная власть воспринимается ими как аппарат насилия, охватывающий не только политическую, но и экономическую, а также духовную жизнь покорённых. Несмотря на внимание к военно-политическим аспектам, данные концепции односторонне трактуют причины и характер возникновения государства, преувеличивая роль внешнего принуждения и завоевания, хотя сами же авторы признают, что подобные факторы были не всегда решающими [5, с. 60].

Органические концепции происхождения государства, развиваемые Э. Дюркгеймом и Г. Спенсером, переносят биологические законы на общественную жизнь. Государство предстает как орган или «мозг» единого общественного организма, выполняющий системообразующие функции. Социальная эволюция рассматривается ими в логике природного отбора, а механизмы адаптации и смены форм политического устройства сравниваются с биологической борьбой за выживание. Вместе с тем такой подход значительно снижает значение сознательной деятельности человека, его целеполагания и морального выбора, что, как отмечается, отличает человеческое общество от мира животных [3, с. 76].

Марксистская теория объясняет возникновение государства как закономерный этап развития общества, основанный на неустранимых противоречиях между экономическими интересами различных классов. В процессе эволюции производительных сил человечество проходит через череду общественно-экономических формаций, и с возникновением частной собственности появляется разделение общества на классы. Государство, с этой точки зрения, становится инструментом обеспечения господства экономически сильного класса, оформляя с помощью закона и права его интересы в качестве общеобязательных норм. Важным аспектом здесь выступает не только социально-экономическая, но и военно-политическая функция государства: с переходом к рабовладельческому строю и более сложным формам социального устройства власть нуждается в поддержке и легитимации силовых структур.

Психологические концепции рассматривают другое измерение: неразрывную связь возникновения власти и государства с особенностями человеческой психики. Способность к организации, лидерству и подчинению формирует основу властных отношений ещё на ранних этапах развития общества, когда часть людей обладает стремлением к управлению, а другие склонны подчиняться. Государство, в данном случае, формируется как механизм поддержания равновесия между активными и пассивными членами общества, обеспечивая удовлетворение как властных устремлений лидеров, так и потребности общества в стабильности и порядке [4, с. 28].

Необходимо отметить, что процесс формирования государства в различных странах шел по-разному. Так, выделяется три основные формы возникновения государства:

1) афинская. Возникновение государства в Афинах шло классическим путем, т. е. из внутренних противоречий. Этапное значение в этом процессе имели реформы Тезея, Солона и Клисфена. Тезей учредил центральную власть и вне зависимости от родовой принадлежности поделил население на три класса: эвпатридов (благородных), геоморов (земледельцев) и демиургов (ремесленников). Благородные при этом наделялись исключительным правом замещения должностей. Солон в основу деления граждан на четыре класса положил имущественный ценз (размер и доходность землевладения). Управленческие должности могли занимать лишь представители трех высших классов, а наиболее ответственные – только представители первого. Четвертый класс имел лишь право выступать и голосовать на народном собрании. Клисфен разделил всю территорию Аттики на 100 самоуправляющихся общин-округов (демов), во главе которых стояли старейшины (демархи);

2) древнеримская. Формированию государства древних римлян способствовала борьба между патрициями, составлявшими коренную

римскую аристократию, и плебеями, бесправным пришлым населением, не допускавшимся к управлению обществом;

3) древнегерманская. Возникновение государства древних германцев ускорилось завоеванием огромной территории Римской империи, для управления которой органы власти родового строя не были приспособлены. В тех исторических условиях нельзя было ни принять многочисленное население римлян в родовые объединения, ни господствовать над ними. Объективно необходима становится иная организация публичной власти, стоящая над обществом и располагающая разветвленным аппаратом управления.

Степень влияния различных факторов (разделения труда, частной собственности, классов) на формирование государства различных народов проявляется по-разному. Если в Афинах их совокупное воздействие было максимальным, то в странах Азии и Древнего Востока ни частная собственность, ни классы не оказали существенного влияния на строительство государства. Напротив, оно само стало мощным катализатором формирования привилегированных групп и слоев [2, с. 182].

Таким образом, анализ происхождения и сущности государства свидетельствует о многообразии подходов к толкованию этого фундаментального для общества института. В структуре политических систем государство занимает центральное положение и выступает координационным ядром, формирующим и направляющим деятельность остальных институтов и определяющим характер общественных отношений внутри страны. Его возникновение объясняется сложной совокупностью факторов: от религиозно-мифологических и патриархальных до договорных, насильственных, органических, марксистских и психологических концепций, каждая из которых отражает определённые черты исторического и культурного развития конкретных обществ. Исторический опыт разных народов — от Афин, Рима и германских племён до государств Древнего Востока — подтверждает, что формирование государства обусловлено уникальным сочетанием внутренних и внешних обстоятельств, разнообразием влияющих факторов, а также своеобразием путей построения механизмов публичной власти. Все эти концепции в совокупности позволяют глубже понять природу государства, его функции и роль в организации общественной жизни, демонстрируя, что ни одна из теорий не может в полной мере охватить все аспекты столь сложного явления, каким является государство.

Список цитируемой литературы:

1. Абгарян, Р.Э. Причины возникновения и сущность государства в истории социально-политической мысли / Р.Э. Абгарян // Вестник

Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – № 4. – С. 90–98.

2. Капицын, В.М. Государство образование: поиск основания типологий древних и современных форм / В.М. Капицын // Социологические исследования. – 2017. – № 8. – С. 181–197.

3. Мухаев, Р.Т. История политических и правовых учений / Р.Т. Мухаев. – М.: Юрайт, 2020. – 142 с.

4. Пантин, В.И. Исследование перспектив мирового политического развития: Проблемы методологического синтеза / В.И. Пантин // Полис: Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 27–40.

5. Харичкин, И.К. Политическое управление: учеб. пособие / И.К. Харичкин, Е.В. Макаренков. – М.: Государственный университет управления, 2024. – 123 с.

УДК 340

Труханова Ульяна Юрьевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Truhanova0503@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Аннотация

В статье анализируется феномен государственной власти как центрального института политической системы общества. Рассматриваются её сущность, структура, функции и основные формы реализации. Раскрывается взаимосвязь власти с государственным управлением, законом и обществом. Особое внимание уделено принципу разделения властей как механизму ограничения государственной силы и обеспечению прав человека.

Ключевые слова: государственная власть, функции, структура, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, формы осуществления, политическая система.

Государственная власть является ядром всей политической системы общества, её организующей и направляющей основой. Через власть реализуются интересы государства, обеспечивается управление

обществом, поддерживается правопорядок и стабильность. Изучение сущности и структуры государственной власти имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от её организации зависит эффективность функционирования государственных институтов [1, с. 245].

В истории человечества власть выступала в различных формах — от деспотии древних цивилизаций до современных демократических систем. Несмотря на различия в политических режимах и формах правления, сущность власти остаётся неизменной: это способность и право государства управлять обществом, принимая обязательные для исполнения решения. Государственная власть — это способность государства посредством своих органов, норм права и принудительных средств управлять общественными процессами, обеспечивать выполнение законов и защищать интересы граждан и общества. Она представляет собой официальную, легитимную форму общественной власти, закреплённую в правовых нормах и поддерживаемую государственным аппаратом [2, с. 656].

Главными признаками государственной власти являются:

– легитимность, то есть признание населением права государства управлять;

– суверенитет, выражающийся в независимости внутри страны и в международных отношениях;

– публичный характер, что означает действие от имени всего общества;

– наличие аппарата принуждения, позволяющего обеспечивать выполнение государственных решений;

– территориальность, то есть распространение власти на определённую территорию и население.

Таким образом, государственная власть отличается от иных форм власти (религиозной, экономической, семейной) именно своей всеобщностью и правовым характером. Современная государственная власть строится на основе принципа разделения властей, который был теоретически обоснован Ш.-Л. Монтескьё и закреплён в конституциях большинства стран мира. Классическая структура включает три ветви власти: Законодательная власть — принимает нормативно-правовые акты, определяет направления внутренней и внешней политики, утверждает бюджет. В Российской Федерации её функции осуществляются Федеральным Собранием (Государственная Дума и Совет Федерации). Исполнительная власть — организует исполнение законов, обеспечивает управление государственными делами. Её возглавляет Правительство во главе с Председателем, а на местах — органы исполнительной власти субъектов и муниципалитетов. Судебная власть

— обеспечивает верховенство права, рассматривает споры, защищает права граждан и организаций. Судебная власть независима и действует на основании Конституции и федеральных законов. Кроме того, некоторые исследователи выделяют контрольную и информационно-коммуникативную функции власти, отражающие современные тенденции развития государства в условиях цифровизации и открытости общества. Формы осуществления государственной власти представляют собой способы, посредством которых она реализует свои функции. Их можно классифицировать по различным критериям:

По правовому характеру:

– правовые формы (издание нормативных актов, применение права, судебные решения);

– неправовые формы (организационные, информационные, идеологические воздействия).

По уровням управления:

– центральные формы (деятельность федеральных органов);

– региональные и местные формы (деятельность субъектов Федерации и муниципалитетов).

По способу участия населения:

– прямая демократия (референдумы, выборы);

– представительная демократия (деятельность выборных органов власти) [3,с. 680].

В демократическом государстве формы осуществления власти основываются на участии граждан, прозрачности решений и подотчётности органов управления обществу. Эффективность государственной власти определяется не только её разделением, но и взаимодействием между ветвями. В демократическом государстве действует система сдержек и противовесов, предотвращающая концентрацию власти в одних руках. Законодательная власть контролирует исполнительную через процедуры утверждения бюджета и отчётности правительства. Исполнительная власть имеет право законодательной инициативы и обеспечивает реализацию принятых законов. Судебная власть, в свою очередь, может проверять конституционность актов и защищать права граждан от злоупотреблений других ветвей власти. Такой механизм обеспечивает баланс политических сил, защищает интересы личности и способствует устойчивости государственного устройства.

Современное государство строит свою деятельность на основе следующих принципов:

– законность и верховенство права, когда ни один орган не может действовать вне рамок закона;

– народный суверенитет, выражающийся в признании народа источником власти;

– разделение властей и их взаимодействие;

– ответственность государства перед человеком и гражданином;

– гласность и прозрачность деятельности органов власти.

Соблюдение этих принципов является необходимым условием демократического режима и правового государства.

Государственная власть представляет собой сложный и многогранный феномен, отражающий уровень развития общества и его политической культуры. Её сущность заключается в способности государства регулировать общественные отношения на основе права и в интересах граждан. Эффективность государственной власти определяется гармоничным взаимодействием её ветвей, прозрачностью механизмов принятия решений и участием граждан в управлении. В современном мире устойчивое развитие возможно лишь при соблюдении принципов законности, разделения властей и ответственности государства перед обществом. Таким образом, государственная власть — это не только инструмент управления, но и показатель зрелости государства, его способности обеспечивать порядок, справедливость и прогресс.

Список цитируемой литературы:

1. Теория государства и права: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция»/ под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — Саратов: Изд-во Юристъ, 2004. — 245с.

2. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. — Москва: Норма: ИНФРА'М, 2020. — 656 с.

3. Теория государства и права [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Р. Б. Головкин [и др.] ; под ред. проф. Р. Б. Головкина; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. – 680 с.

УДК 340

Филатова Дарья Дмитриевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
fila7dasha@yandex.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ: ДХАРМА, ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Аннотация

Статья посвящена брачно-семейным отношениям в Древней Индии как фундаментальной основе всей социальной системы. Рассматриваются религиозно-философские основания института брака, связанные с концепцией дхармы и целями жизни (триварга). Исследуется социально стратифицированная классификация форм брака, представленная в Законах Ману, и ее идеологическая функция. Анализируется амбивалентное положение женщины, сочетающее сакральный статус с правовой зависимостью, а также ее имущественные права в рамках института стридханы. Освещается динамика семейных отношений, включая вопросы развода, повторного брака и полигамии, с учетом противоречий между ортодоксальной доктриной дхармашастр и более прагматичными нормами «Артхашастры».

Ключевые слова: Брачно-семейные отношения, дхарма, Законы Ману, виваха (брак), формы брака, ардхангани, пативрата, стридхана, митакшара, наследственное право, Артхашастра, развод, полигамия.

Изучение брачно-семейных отношений в Древней Индии открывает путь к пониманию фундаментальных основ всей индийской цивилизации. Семья (кула, гриха) была не просто частной сферой жизни, но основной социальной, экономической и ритуальной ячейкой, микрокосмом, в котором отражался и воспроизводился макрокосм общественного порядка – дхармы. Эта структура регулировалась сложным переплетением религиозных предписаний, правовых норм (дхармашастр и артхашастр) и обычного права [1, с.145]. Данная статья стремится к осуществить комплексный анализ особенностей древнеиндийской семьи, выявив ее ключевые институты, внутреннюю иерархию и динамику, опираясь на современные научные интерпретации классических текстов.

В основе отношения к браку и семье лежала концепция дхармы – универсального закона, долга и обязанности, специфичного для каждой варны и ашрамы (стадии жизни). Брак как санскара. Брак (виваха) рас-

сматривался как одна из важнейших санскар – очистительных обрядов, знаменующих переход человека на новую стадию жизни [7, с.89]. Он был обязательным для представителя триждырожденных (двиджа) – брахмана, кшатрия и вайшьи, поскольку только домохозяин (грихастха) мог исполнять ряд религиозных обязанностей. Цели брака. Согласно дхармической традиции, брак преследовал три главные цели (триварга): Дхарма: совместное исполнение религиозных долгов. Праджа: рождение законных детей, прежде всего сыновей, для продолжения рода и совершения шраддх (погребальных обрядов). Кама: удовлетворение чувственной любви и привязанности законным путем. Четвертая цель жизни – артха (польза, выгода) – также присутствовала в браке, проявляясь в экономическом объединении сил и получении приданого.

Законы Ману (Ману-смрити, III. 20-34) содержат детальную классификацию восьми форм брака, которая является не просто этнографическим описанием, а мощным идеологическим инструментом. Одобряемые формы (для брахманов): Брахма: Ритуальное дарение дочери ученому брахману. Эта форма считалась наивысшей, так как была лишена какой-либо материальной выгоды для семьи невесты и подчеркивала чистоту дарения.

Дайва: Дарение дочери жрецу, совершающий судейство на жертвоприношении. Немного уступала Брахме, так как могла рассматриваться как плата за услугу. Арша: Символический выкуп в виде быка и коровы, что, по мнению А.А. Вигасина, могло быть реликтом более древней брачной практики [2, с.122]. Праджапатья: Дарение дочери с наставлением «вместе исполнять дхарму». Акцент делался на совместном долге.

Нейтральные и порицаемые формы (для кшатриев и других варн): Гандхарва: Брак по взаимной склонности, заключенный без участия родителей. Хотя он романтизирован в эпосе и камашастрах (например, история Шакунталы и царя Душьянты), с точки зрения дхармашастр он был нежелателен из-за отсутствия ритуала и родительского благословения. Асура: Брак, при котором жених платил выкуп семье невесты. Эта форма осуждалась как «продажа» дочери. Ракшаса: Умыкание невесты силой. Считался характерным для кшатриев. Паишача: Наихудшая форма, когда мужчина овладевал девушкой, находящейся в беспомощном состоянии (спящей, опьяненной). Как подчеркивает С.Д. Эльманович, эта иерархия была призвана закрепить социальное лидерство брахманов, чьи «одобряемые» формы брака были максимально ритуализированы и дематериализованы [3, с.78].

Положение женщины в древнеиндийской семье является классическим примером социальной амбивалентности. Ритуальная незаменимость и концепция «ардхангани». Жена была необходима для совершения большинства домашних обрядов. Без нее мужчина не мог стать пол-

ноправным домохозяином. Концепция «ардхангани» («половина тела мужа») поднимала женщину до уровня незаменимой спутницы в дхармическом пути. В «Ригведе» (III. 53.4) жена провозглашается домом, в котором муж обретает силу. Правовой статус и зависимость. Несмотря на сакральный статус, женщина на протяжении всей жизни находилась под опекой мужчины: в детстве – отца, в молодости – мужа, в старости – сыновей (Законы Ману, V. 148). Она была ограничена в праве на наследование семейной собственности. Ее главным материальным обеспечением была стридхана – «женское имущество», включавшее украшения, одежду и подарки, полученные от родни. По мнению С.Л. Бурмистрова, стрдхана была не просто подарками, а прототипом отдельного имущественного права, которое женщина могла передавать по наследству, чаще всего дочерям [1, с.158]. Идеал пативраты. Социально одобряемым образом женщины была пативрата – «верная своему мужу». Ее добродетель считалась настолько могущественной, что могла защитить мужа от опасности и даже смерти. Этот идеал, однако, предполагал полное самоотречение и подчинение воле супруга. Проблема вдовства. Положение вдовы (видхавы) было одним из самых тяжелых. Ей предписывалось вести аскетический образ жизни: лишать себя украшений, вкусной пищи и развлечений. Обычай самосожжения вдовы (сати), хотя и не получил широкого распространения в ведийский и ранний классический периоды, начинает упоминаться в более поздних редакциях эпоса. А.А. Вигасин отмечает, что «Артхашастра» Каутильи, прагматичный трактат, вообще не упоминает сати, предписывая вдове ждать определенное время в случае исчезновения мужа, но не призывая к самопожертвованию [2, с. 145].

Семья в Древней Индии была автономной экономической ячейкой, основанной на совместной собственности и ведении хозяйства. Институт наследования: митакшара и право первородства. Основной системой наследования была митакшара – принцип совместной собственности мужчин-членов неразделенной семьи. После смерти отца имущество не обязательно делилось сразу; братья могли продолжать вести общее хозяйство. При разделе (вибхага) действовало правило: старший сын получал лучшую или дополнительную долю, иногда его доля была вдвое больше, чем у младших братьев. Это подчеркивало иерархию по старшинству. Исключение дочерей. Дочери, как правило, исключались из раздела основной собственности отца, поскольку их обеспечением считалась выданная за них стрдхана. Однако в случае отсутствия сыновей (путрика) дочь могла быть назначена для рождения наследника, который становился продолжателем рода ее отца, а не мужа.

Официальная брахманическая доктрина провозглашала брак нерасторжимым. Однако реальная практика, отраженная в разных источниках, была сложнее. Вопрос о разводе. Законы Ману формально не при-

знают развод для высших варн. Однако «Артхашастра» (III.3.15-19) допускает его по ряду причин: взаимная ненависть, бесплодие (после 8-10 лет брака), дурное поведение супруга (например, пьянство, жестокость), длительное отсутствие[5,с.195]. Это указывает на существование светской правовой традиции, более гибкой, чем ортодоксальная дхарма.Повторный брак женщин (паундарбхава). Хотя в идеале женщина должна была иметь одного мужа, повторный брак вдовы или оставленной женщины в определенных обстоятельствах допускался. «Артхашастра» разрешает его, если муж пропал без вести, умер, принял аскетизм, оказался импотентом или был изгнан. Эпос также содержит примеры повторных браков (как, например, мать Пандавов, Кунти). Полигамия. Многоженство было социально приемлемым, особенно для царей и знати, с целью рождения наследников и укрепления политических союзов. Положение младших жен и их детей, однако, часто было уязвимым и регулировалось сложными правилами старшинства.

Брачно-семейные отношения в Древней Индии представляли собой строго регламентированную систему, пронизанную идеями дхармы и социальной иерархии. Ключевыми их особенностями были:

1. Сакральный характер: Брак был религиозным долгом, а семья – пространством для исполнения дхармы.

2. Социальная детерминированность: Форма брака, права и обязанности супругов, правила наследования жестко зависели от варновой принадлежности.

3. Структурная патриархальность: Абсолютная власть мужчины-домохозяина сочеталась с подчиненным, но ритуально значимым статусом женщины.

4. Экономическая автономия: Семья была основной производственной и собственнической ячейкой общества.

5. Правовой плюрализм: Наряду с жесткими нормами дхармашастр существовали более прагматичные светские установления, отраженные в «Артхашастре», что создавало пространство для социальной маневренности.

Таким образом, древнеиндийская семья была не статичным институтом, а динамичной структурой, в которой религиозный идеал постоянно взаимодействовал с социально-экономическими практиками и правовыми нормами, обеспечивая удивительную устойчивость всей индийской социальной системы на протяжении тысячелетий.

Список цитируемой литературы:

1. Бонгард-Левин, Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. / Г. М. Бонгард-Левин; под редакцией Л. Ш. Фридмана; – Москва : Наука, 1993. – 320 с.

2. Вигасин, А. А., Самозванцев, А. М. «Артхашастра»: проблема социальной структуры и права. – Москва : Наука, 1984. – 254 с.
3. Эльманович С. Д. Классификация форм брака в Древней Индии (по материалам «Законов Ману») / С. Д. Эльманович // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4-2. – С. 76-79.
4. Алаев, Л. Б. Средневековая Индия. / Л. Б. Алаев; – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 304 с.
5. Кальянов, В. И. Каутилья. Артхашастра, или Наука политики: Перевод с санскрита. / В. И. Кальянов; – Москва : Наука, 1993. – 623 с.
6. Елизаренкова, Т. Я. Ригведа : Мандалы I-IV. / Т. Я. Елизаренкова; под редакцией П. А. Гринцер; – Москва : Наука, 1999. –768 с.
7. Самозванцев, А. М. Книга мудреца Яджнавалкьи. / А. М. Самозванцев; под редакцией Л. Ш. Фридмана; – Москва : Восточная литература, 1994. – 375 с.

УДК 340.12

Филиппова Дарья Алексеевна,
магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
filippovadara919@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ЖАН БОДЕН – СОЗДАТЕЛЬ ДОКТРИНЫ СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ учения французского мыслителя Жана Бодена, центральное место в котором занимает разработанная им доктрина государственного суверенитета. Отдельное внимание уделяется социально-историческим условиям, обусловившим поиск теоретического обоснования сильной централизованной власти. На основе изучения трудов Жана Бодена выявляются сущностные характеристики суверенитета как абсолютной, постоянной, единой и неделимой верховной власти. В заключение рассматривается вопрос, связанный с практическим влиянием теории государственного суверенитета на последующие государственно-политические процессы в Европе.

Ключевые слова: Жан Боден, суверенитет, государство, «Шесть книг о государстве», доктрина суверенитета.

XVI столетие во Франции стало временем глубокого системного кризиса, достигшего своей апогеи в период Религиозных (Гугенотских) войн, происходивших в 1562-1598 г.г.

Раскол общества на антагонистские лагеря католиков и гугенотов, дезинтеграция феодального порядка, ослабление королевской власти и радикализация тираноборческих теорий, оправдывающих право на сопротивление, – все это создало необходимость в поиске решений для выхода из тяжелого состояния, в котором находилось государства, что и стало центральной задачей для политической мысли того времени. Ответом на этот вызов стала теория Жана Бодена (далее – Ж. Боден), юриста, философа, члена Парижского парламента, систематизированная в его фундаментальном труде «Шесть книг о государстве».

Политическая теория Ж. Бодена представляет собой наиболее законченную концепцию монархического государства» [1, с. 56]. Ж. Боден не просто описал феномен власти, он создал концептуальный аппарат для понимания государства как суверенного политического тела. Разрабатывая теорию суверенитета, а также анализируя природу государства в целом, Ж. Боден во многом основывался на античной и средневековой мысли, при этом внося неповторимый новаторский вклад.

Руководствуясь трудами Аристотеля, и Цицерона и соглашаясь с ними, при этом разрабатывая собственную теорию Ж.Боден указывал, что «всякое государство либо происходит от семьи, которая постепенно размножается, либо сразу учреждается посредством собирания народа воедино, либо образуется из колонии, происшедшей от другого государства…Но и те и другие государства учреждаются по принуждению сильнейших или же в результате согласия одних людей добровольно передать в подчинение других людей всю свою свободу целиком, с тем чтобы эти последние ею распоряжались, опираясь на суверенную власть, либо без всяких законов, либо на основе определенных законов и на определенных условиях» [2, с. 24].

Итак, Ж. Боден выделял три пути возникновения государства: естественный (из разросшейся семьи), договорной, насильственный.

«Семья, по мнению ученого, это основа государства и в то же время государство в миниатюре, поэтому ее определение совпало с определением государства» [3, с. 130]. В трактате «Шесть книг о государстве» мыслитель определяет семью как нескольких лиц, которые связаны общностью, но при этом подчиняются сильной, справедливой власти главы семейства. Эта конструкция содержит в себе основные элементы будущей государственности, к которым относятся естественная иерархия, то есть подчинение детей отцу; экономическая автономия, то есть представление семейного хозяйства как прообраза государственной фискальной системы; а также судебной функции, то

есть осуществления правосудия главой семьи в пределах «домашней юрисдикции».

Помимо эволюционного пути, как было указано выше, Ж. Боден выделяет еще два способа возникновения государственности, демонстрируя тем самым многовариантность исторического процесса.

Договорной путь, согласно которому люди добровольно отказываются от своей свободы полностью и безоговорочно на определенных условиях или без них, в пользу властвования над ними других людей. В связи с чем, переход суверенитета от народу к государю происходит полностью, без остатка.

Таким образом, указанная теория содержит три ключевых аспекта: добровольность передачи, безусловность отчуждения и полнота суверенитета. Когда народ, утомленный междоусобицами и неспособный управлять государством начинает добровольно искать себе верховную власть, он объединяется и самостоятельно решает передать ее одному лицу или собранию. Придя к единому решению, последнее облекается в форму тождественного соглашения, которое имеет силу фундаментального закона.

Третьим вариантом образования государства является его учреждение по принуждению сильнейших или же путем завоевания. При этом, завоевание понимается не как простое порабощение, а как учредительный акт, создающий новую политическую реальность. Право на завоевание, устанавливает не только власть, но и обязанности. Таким образом, именно через акт насилия возникает обязанность заботы о побежденных. Завоеватель, устанавливая свою власть, принимает на себя ответственность за тех, кого он подчинил силой.

При этом, анализируя все три теории происхождения государства, Ж. Боден настаивал на единой фундаментальной идее – идее суверенитета. В связи с чем, центральным вкладом Ж. Бодена в политическую мысль стала разработанная им доктрина суверенитета.

Ж. Боден писал: «суверенитет является абсолютным и постоянным могуществом Республики». Французский мыслитель понимал суверенитет как качество верховенства государственной власти, которое проявляется в ее независимости от каких-либо внешних или внутренних сил. В его трактовке суверенитет – это не просто юридический статус, а фундаментальный атрибут государства, определяющий его природу и способность к самостоятельному существованию.

Обладатель верховной власти в теории Ж. Бодена являлся только полномочным представителем государства, своими действиями был призван выражать волю народа и управлять им во имя общего блага. В этой связи философ отмечал, что суверенитет, данный государю на каких-то условиях и налагающий на него определенные обязанности, не

является ни суверенитетом, ни абсолютной властью, если только, то и другое при установлении власти государя не происходит от закона Бога или природы.

Важнейшей характеристикой суверенитета у Ж. Бодена выступает его публично-правовая природа. В отличие от частной власти главы семьи, суверенная власть распространяется на все общество и носит публичный характер. Это принципиальное положение позволяло отличить государственную власть от других форм управления.

Теория Ж. Бодена раскрывается через систему взаимосвязанных атрибутов, которые в своей совокупности образуют целостную концепцию верховной власти. К ним относятся:

1. Абсолютность. Власть суверена не ограничена человеческими (позитивными) законами. Она является их источником и может их изменять или отменять. Однако суверен связан божественными и естественными законами, а также фундаментальными законами королевства. Нарушая их, монарх превращается в тирана.

2. Постоянство. Суверенитет не может быть временным или делегированным на срок. Он существует до тех пор, пока существует само государство. Этот атрибут направлен против выборных магистратов и сословно-представительных институтов, претендовавших на долю верховной власти.

3. Единство и неделимость. Ж. Боден настаивал, что суверенитет не может быть разделен между королем, парламентом, аристократией и народом. Для Ж. Бодена разделение суверенитета ведет к анархии, что и демонстрировал опыт религиозных войн во Франции.

Разрабатывая изучаемую теорию, Ж. Боден детализировал конкретные прерогативы суверенной власти, которые вытекают из ее верховенства и составляют функциональное содержание суверенитета.

«Право издавать и отменять законы» является главным признаком суверенитета. Именно через законодательную функцию наиболее полно проявляется верховенство государственной власти.

К внешнеполитическим полномочиям Ж. Боден относит: объявление войны и заключение мира, установление дипломатических отношений. Институциональные прерогативы включают в себя: назначение высших должностных лиц государства, формирование государственных институтов и учреждений. Судебные функции подразумевают верховный суд с правом окончательного решения, а также право помилования и амнистии. Финансово-экономические права и административные полномочия включают: взимание налогов и сборов, чеканку монеты, регулирование экономической деятельности, а также контроль за исполнением законов и обеспечение общественного порядка.

Несмотря на провозглашение абсолютности суверенитета, Ж. Бо-

ден установил систему его ограничений, показывая тем самым, что абсолютная власть не означает произвол:

Естественно-правовые ограничения. Суверен связан законами природы, которые являются универсальными и неизменными. Нарушение их (например, незаконное лишение собственности) делает правителя тираном.

Божественные ограничения. Монарх отвечает перед Богом, и это является высшим моральным ограничителем его власти.

Фундаментальные законы. Эти неписаные конституционные принципы (например, салический закон о престолонаследии во Франции) лежат в основе государства и не могут быть изменены даже сувереном.

Изучая природу государственной власти, Ж. Боден приходит к одному из главных выводов: оно должно быть светским. Тем самым мыслитель выражал протест против сложившейся зависимости государства от церкви, которая ставила государственную власть в подчинение господствующей церкви, заставляя поддерживать одну религию и притеснять другую, вторгаться в ту внутреннюю область, где человек сам себе должен быть господином.

Таким образом, доктрина суверенитета Ж. Бодена представляла собой не просто описание существующих реалий, а проект новой организации политической власти, основанной на принципах верховенства, единства и абсолютности государственной воли. Эта концепция стала отправной точной для всех последующих дискуссий о суверенитете в XVII-XVIII веках.

Так, например, Томас Гоббс, как и Ж. Боден, видел в абсолютном суверене гаранта мира и безопасности. Однако он радикализировал концепцию Ж. Бодена. Если Ж. Боден выводил суверенитет из традиции или завоевания, то Т. Гоббс – из гипотетического общественного договора, по которому индивиды полностью отказываются от своих естественных прав в пользу суверена (монарха или ассамблеи). При этом Т. Гоббс снял с суверена моральные ограничения божественным и естественным правом, которые сохранял Ж. Боден.

Джон Локк, развивая идею общественного договора, утверждал, что народ, передавая власть, не отказывается от своих естественных прав (на жизнь, свободу, собственность). Следовательно, суверенитет правительства не абсолютен. Он ограничен целью защиты этих прав. Джон Локк напрямую оспаривал тезис Ж. Бодена о неделимости суверенитета, заложив основы теории разделения властей на законодательную и исполнительную. «Учение Джона Локка о власти народа исходит из того, что каждый человек наделен при рождении определенным комплексом естественных прав, дарованных ему Всевышним, отнять эти права у человека никто не вправе» [4, с. 307].

Жан-Жак Руссо совершил радикальный переворот, вернувшись к идее народного суверенитета, которую так критиковал Ж. Боден. Однако он сделал это на новой основе. Ж.-Ж. Руссо использовал логическую структуру суверенитета, разработанного Ж. Боденом, но наполнил ее совершенно иным, демократическим и республиканским содержанием, что в очередной раз подчеркивает значение наследия Ж. Бодена как первоисточника теории суверенитета государства.

Подводя итог всему вышеизложенному, с уверенностью можно утверждать, что Ж. Боден по праву считается одним и ключевых политических мыслителей переходной эпохи от Средневековья к Новому времени. В период, вошедший в историю, как переломный, повлекший коренные изменения в мире, теория Ж. Бодена, созданная во времена кровопролитных войн, буквально стала систематизированным проектом нового политического порядка.

Объединив в одно античное наследие, римское право и сложившийся в 16 веке политический строй, Ж. Боден создал учение, которое определило государство как публичную, верховную, территориальную организацию власти; обосновало необходимость единого, абсолютного и неделимого «центра» позволяющего управлять государством и принимать в нем наиболее значимые решения; стало основой формирования абсолютных монархий в Европе в 17 веке; а самое главное заложило основу для развития политической мысли и формирования дискуссий о природе государственной власти, оказав значительное влияние на труды Т. Гоббса, Д. Локка и Ж.-Ж. Руссо.

Таким образом, труд Жана Бодена является не просто памятником политической мысли, а «живым» источником, позволяющим понять правовую природу государства и его верховной власти.

Список цитируемой литературы:

1. Баязитова, Г.И. К вопросу о политико-правовых истоках теории Жана Бодена / Г.И. Баязитова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2002. – № 2. – С. 56–62.

2. Полуда, О.Н. Теоретические основы концепции государственного суверенитета Ж. Бодена / О.Н. Полуда // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 2(115). – С. 22-27.

3. Никитина, В.С., Чудаева Е.А. Теория суверенитета Жана Бодена / В.С. Никитина, Е.А. Чудаева // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2019. – № 1(22). – С. 129-133.

4. Соловьева, В.В., Трунов, И.А. Учение Джона Локка о власти народа, его законном праве на восстание против тирании, о неотчуждаемых правах человека / В.В. Соловьева, И.А. Трунов // Молодежь и наука: шаг к успеху. – 2025. – Т. 2. – С. 306-309.

УДК 340

Цыбина М. М.,
студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
milanacybina691@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

СИСТЕМА ЭКЗАМЕНОВ ДЛЯ ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ЧИНОВНЫЕ ДОЛЖНОСТИ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Аннотация

В данной статье проводится комплексный анализ системы государственных конкурсных экзаменов (кэцзюй) в Древнем Китае, которая на протяжении более тринадцати столетий служила основным механизмом рекрутирования административных кадров для имперской бюрократии. Подробно рассматриваются исторические предпосылки её формирования, институциональная структура, содержание и процедура экзаменационных испытаний, а также её социально-политическая роль в создании уникального сословия учёных-чиновников (шэньши) и поддержании стабильности и централизации имперской власти. Особое внимание уделяется эволюции системы в ключевые периоды китайской истории.

Ключевые слова: кэцзюй, конфуцианство, шэньши, империя Тан, империя Сун, империя Мин, чиновничество, государственная служба, меритократия.

Формирование и развитие системы конкурсных экзаменов для отбора чиновников (кэцзюй) стало одним из наиболее значительных и долговечных достижений политической системы Древнего Китая. Этот институт не только определял кадровую политику государства на протяжении более тысячелетия, но и оказывал глубокое влияние на социальную структуру, культурные ориентиры и интеллектуальную жизнь китайского общества. Зародившись в раннеимперский период, система прошла сложный путь трансформации, достигнув своего апогея в эпоху Поздней империи (XIV-XIX вв.), и была окончательно упразднена лишь в 1905 году, став символом конца традиционной китайской государственности.

Истоки системы кэцзюй прослеживаются в период империи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), когда были предприняты первые попытки замены аристократической системы наследования должностей и рекомендаций (сяньлян) на элементы меритократического принципа. Им-

ператор У-ди формализовал практику тестирования кандидатов на знание конфуцианских канонов. Однако в полноценном виде система была институционализирована после распада империи и периода раздробленности, в эпоху империи Суй (581–618 гг.), и получила своё классическое развитие при империи Тан (618–907 гг.) [2, с. 25].

Основной целью введения кэцюй было создание централизованного и контролируемого троном механизма подбора лояльных, компетентных и единообразно мыслящих администраторов, подконтрольных непосредственно императору, в противовес власти старой региональной аристократии и военных кланов. Экзамены были призваны обеспечить вертикальную социальную мобильность, открывая талантливым представителям разных слоёв путь к управлению, и тем самым легитимировать власть через господствующую идеологию – конфуцианство, знание и толкование которого являлось стержнем всех испытаний.

Экзаменационная система кэцзюй представляла собой многоуровневую иерархическую структуру, прохождение которой могло занимать у кандидата многие годы, а зачастую и всю жизнь.

Низшей ступенью были уездные (сянькай) и провинциальные (шоуши) экзамены. Их успешная сдача давала звание «шэнъюань» (кандидат, иногда называемый «сяцай» – цветущий талант) и некоторые социальные привилегии (освобождение от трудовой повинности и телесных наказаний). «Шэнъюань» получали право на участие в следующем этапе – провинциальных экзаменах (сянши), которые проводились раз в три года в провинциальных центрах.

Успешные выпускники сянши удостаивались звания «цзюйжэнь» и получали право занять должности на местном уровне. Наивысшей ступенью были столичные экзамены (хуэйши), проводимые в Палате церемоний (Либу), и итоговые дворцовые экзамены (дяньши или гунши), проходившие под личным патронажем императора. Выпускники этой высшей ступени получали почётное звание «цзиньши», которое открывало дорогу к самым высоким постам в центральном аппарате империи [1, с. 134-135].

Содержание экзаменов было почти исключительно сосредоточено на классических конфуцианских текстах, так называемых «Четверокнижии» («Сышу») и «Пятикнижии» («Уцзин»).

От кандидатов требовалось не только дословное знание канонов, но и умение составлять сложные стихотворные произведения (ши), ритмическую прозу (фу), а также эссе и комментарии, демонстрируя ортодоксальность мышления в рамках неоконфуцианской доктрины, риторическое мастерство и безусловную лояльность существующему порядку.

Экзамены были чрезвычайно сложными и проводились в условиях строгой изоляции кандидатов. Провинциальные и столичные испытания длились несколько дней и проходили в специальных экзаменационных комплексах, состоявших из тысяч индивидуальных каменных келий. Кандидаты находились в них запертыми на всё время экзамена, обеспечиваясь лишь минимальным питанием. Процедура была направлена на максимальную объективность и предотвращение малейшей возможности списывания или подлога. Работы кодировались и переписывались писцами, чтобы исключить узнавание почерка, экзаменуемого [4, с. 362-365].

Расцвет системы кэцзюй пришёлся на эпоху империи Сун (960–1279 гг.). В этот период были значительно расширены квоты на присвоение высших учёных степеней, а сама процедура стала более формализованной, объективной и регулярной. Именно при Сунах окончательно утвердилась трёхступенчатая модель экзаменов и неоконфуцианство Чжу Си стало официальной доктриной, определяющей содержание испытаний. Это способствовало созданию мощного и влиятельного сословия учёных-чиновников – шэньши, которое стало главной социальной опорой империи, вытеснив старую аристократию [3, с. 158-159].

Дальнейшее развитие и ужесточение система получила в эпоху империи Мин (1368–1644 гг.). Была введена знаменитая «восьмичленная проза» (багувэнь) – строго регламентированная литературная форма для написания экзаменационных сочинений, требовавшая от кандидата не только глубоких знаний, но и виртуозного владения формой. Багувэнь, с одной стороны, стандартизировала оценку работ, а с другой – стала символом интеллектуального консерватизма и формализма системы, так как жёсткие рамки часто подавляли оригинальность мысли.

Система кэцзюй оказала глубокое влияние на все сферы жизни традиционного Китая. В социальном плане она, теоретически, открывала путь наверх для талантливых выходцев из низших слоёв, хотя на практике подготовка к экзаменам требовала значительных финансовых затрат и времени, что чаще всего было доступно зажиточным семьям. Тем не менее, система создавала уникальную для доиндустриальных обществ социальную мобильность и формировала общенациональную элиту, объединённую общей культурой, ценностями и языком.

В политическом плане кэцзюй была инструментом укрепления императорской власти и централизации управления. Чиновник, получивший должность благодаря личным заслугам, подтверждённым на экзаменах, а не по праву рождения, был более зависим от центра и лично предан императору. Это позволило создать одну из самых эффективных и стабильных бюрократических систем в мировой истории.

В культурном плане кэцзюй сформировала уникальную культуру, ориентированную на образование, книжную учёность и конфуцианские добродетели. Стремление к успеху на экзаменах становилось главной жизненной целью для миллионов семей, определяя систему образования, литературу и даже семейные отношения.

Таким образом, система государственных экзаменов кэцзюй в Древнем Китае стала не просто механизмом отбора чиновников, а краеугольным камнем всей социально-политической структуры империи. Этот эффективный инструмент создания меритократической бюрократии, интегрированной вокруг конфуцианской идеологии, позволил центральной власти консолидировать управление огромной империей, минимизировать влияние аристократических кланов и поддерживать удивительную социальную стабильность на протяжении веков. Несмотря на присущие ей недостатки – консерватизм, формализм, ограниченность кругозора чиновников и высокий уровень коррупции на поздних этапах, – система кэцзюй продемонстрировала замечательную жизнеспособность. Её отмена в 1905 году ознаменовала конец традиционной политической модели Китая и стала одним из ключевых предвестников революционных потрясений Синьхайской революции 1911-1912 годов, окончательно покончившей с имперским строем.

Список цитируемой литературы:

1. Бокщанин, А.А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. / А.А. Бокщанин. – М.: Наука, 1988. – 295 с.

2. Крюков, М.В. Система кэцзюй: этапы становления / М.В. Крюков // Общество и государство в Китае. – 2008. – Т. XXXVIII, ч. 2. – С. 20-35.

3. Ли, Ч. Трансформация института чиновничества в Китае: от Хань к Тан / Ч. Ли // Вестник востоковедения. – 2010. – № 4. – С. 154-163.

4. Непомнин, О.Е. Социально-экономическая история Китая. 1894–1914 / О.Е. Непомнин. – М.: Наука, 1980. – 383 с.

5. Симоновская, Л.В. История Китая с древнейших времён до наших дней / Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. – М.: Высшая школа, 1974. – 399 с.

УДК 340

Чернышов Д.Ю.,
студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
danil.zaycev228@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ И СИСТЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация

В данной статье представлен анализ объекта, предмета и системы юридической науки теории государства и права, а также её значимости в современном мире. В статье раскрываются ключевые понятия юридической науки: объект, предмет и система. Объектом науки выступают общественные отношения, связанные с правом и государством. Предметом же является сама система юр. науки представляет собой совокупность взаимосвязанных отраслей и дисциплин, изучающих право. Анализ этих категорий позволяет систематизировать знания о праве и его изучении.

Ключевые слова: юридическая наука, теория государства и права, предмет теории государства и права, система юридической науки, объект юридической науки

Вопрос об объекте и предмете юридической науки, несмотря на внимание отечественных и зарубежных исследователей, остаётся дискуссионным. Юридическая наука, как ключевая область гуманитарного знания, изучает правовые явления и процессы, закладывая теоретический фундамент развития правовой системы. Будучи самостоятельной и прикладной дисциплиной, она требует внимательного определения предмета и объекта, которые служат основой для понимания её структуры и содержания. Следовательно, необходимо определить основные понятия теории государства и права (ТГП), учитывая, как специфику юридической науки, так и общие характеристики научного знания.

Наука определяется как познавательная деятельность, сфера человеческой деятельности, направленная на получение и систематизацию объективных знаний о действительности и мире вокруг, а также как совокупность знаний о закономерностях возникновения и развития явлений и процессов реального мира во всём богатстве его взаимосвязей [2, с. 40]. Структура любой науки определяется систематизированными знаниями, обусловленными её объектом, предметом и методологическим аппаратом. Специфика предмета теории государства и права

(ТГП) заключается в выявлении универсальных закономерностей возникновения, функционирования и эволюции государства и права. Таким аппаратом является наука теории государства и права. Предмет науки призван раскрывать важнейшие закономерности, лежащие в основе возникновения и последующего развития всего множества явлений и процессов, существующих в объективной реальности. Объект науки, в свою очередь, охватывает весь тот набор явлений и процессов реального мира, которые становятся объектом внимания и изучения науки в процессе её освоения. Сама дисциплина представляет собой обширную систему разных областей знаний, которая традиционно классифицируется на естественные и общественные науки. Эти положения в полной мере относятся и к юриспруденции, которая входит в состав общественных наук и является собранием сведений о праве и его специфике. В рамках юриспруденции также важно проводить различие между её предметом и объектом.

Известно, что основным объектом теории государства и права являются государство и право, как целостные, взаимосвязанные и сложнейшие социальные аспекты. ТГП изучает их в их наиболее общих, сущностных и универсальных проявлениях, выявляя присущие им закономерности начала, развития и функционирования. Эта двойственность объекта отражает неразрывную связь между государством и правом. Государство выступает как основной субъект правотворчества и правоприменения, гарант исполнения правовых норм. Право выступает ключевым стабилизирующим фактором государственной деятельности, определяя её рамки, формы и методы. Поэтому изучение одного из этих феноменов в отрыве от другого приводит к неполному и искажённому пониманию. Теория государства и права применительно к государству изучает сущность государства – что есть государство, каковы его основания и предназначение.

ТГП исследует различные концепции образования государства, например, к ним относят такие теории как классовая, теократическая, договорная, психологическая, органическая, ирригационная и т.д. Эта фундаментальная наука ТГП исследует типологию государств, классифицирует государств по различным критериям, например, выделяют такие как форма правления, политический режим, отношение к вере и т.д. ТГП не изучает конкретное государственное устройство того или иного государства, а анализирует частые модели и принципы этих форм. Важнейшей особенностью объекта ТГП является единство и взаимосвязь государства и права, которые не могут быть полноценно изучены независимо друг от друга. Понимание объекта ТГП позволяет не только определить её место в системе наук, но и построить эффективную методологию для дальнейших исследований, способствующих развитию правовой мысли и практики.

Предметом теории государства и права являются общие закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права и система основных понятий юриспруденции, которые использует как ТГП, так и другие юридические дисциплины [1,с 5.]Другими словами, предметом выступают: сущность, формы, функции, механизм и динамика развития государства; происхождение, принципы, формы, система, структура, функции, механизм правового регулирования, реализация и правовая культура права. Сюда же относятся такие правовые явления, как правоотношения, правосознание, юридическая ответственность, законность, правопорядок, концепция правового государства, а также субъективные права и юридические обязанности. Важной частью предмета является изучение закономерностей, эффективности и путей модернизации правоприменительной и правотворческой деятельности. Помимо объективных государственно-правовых отношений и процессов, теория государства и права исследует и субъективные представления людей, ту часть общественного сознания, которая формирует правовую реальность. При этом предмет интереса охватывает не только общественное правосознание в целом, но и групповое, индивидуальное, а особенно профессиональное правосознание должностных лиц, представителей власти и юристов-практиков.

В системе юр. наук теория государства и права занимает особое место. Общность теории государства и права и историко-правовых наук состоит в том, что они рассматривают государство и право в целом, как бы не имея границ во времени в познавательной деятельности. Различие выражается в том, что историко-правовые науки изучают процесс развития государственно-правовых форм в хронологическом порядке, т.е. применяют преимущественно исторический метод. Теория же даёт обобщение этих процессов, исследует сущность государства и права, закономерности их функционирования [3, с 16.]. Теория государства и права занимает центральное, основополагающее место в системе юридических наук. Являясь фундаментальной дисциплиной, она формирует ту теоретическую базу, на которой зиждутся все остальные юридические отрасли, разрабатывая для них универсальный понятийно-категориальный аппарат, принципы и методологические подходы.

Подводя результаты можно заявить, что теория государства и права изучает государство и право, как свой объект, выявляя их фундаментальные закономерности зарождения, эволюции и функционирования. Её предмет охватывает динамику государственно-правовой жизни, органичную взаимосвязь этих феноменов, роль правосознания, а также принципы законности и конституционности. ТГП изучает сущностные характеристики, типологические особенности, формы, функции, механизмы и институты государства и права.Важным явля-

ется взаимосвязь объекта исследования: государство и право неразрывно связаны и не могут быть полноценно осмыслены в отрыве друг от друга. Понимание специфики объекта теории государства и права (ТГП) позволяет не только определить её место в системе юридических наук, но и разработать эффективную методологию для дальнейших исследований, стимулируя развитие правовой теории и совершенствование юридической практики.

Список цитируемой литературы:

1. Макеева, Н. В. Теория государства и права: учеб.-метод. пособие / Н. В. Макеева, Д. Е. Петров, А. Ю. Саломатин, А. Е. Сиушкин. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. — 134 с.

2. Селютина, Е. Н. История и методология юридической науки учебник / Е. Н. Селютина. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 208 с.

3. Цечоев, В. К. Теория государства и права: Учебник / В. К. Цечоев, А. Р. Швандерова. — Москва : Прометей, 2017. — 330 с.

УДК 340

Чернышов Д.Ю.,
студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
danil.zaycev228@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Аннотация

В данной статье представлен анализ государственного строя Древнего Египта. Он представляет собой исследование политической и административной организации древнеегипетского государства. В ней подробно рассматривается центральная роль фараона как верховного правителя, живого божества и гаранта космического порядка (Маат), что определяло сакральный характер всей государственной системы.

Ключевые слова: номарх, иерархия власти, бюрократия, восточная деспотия, фараон, теократия, абсолютная монархия, Древний Египет, Маат, жречество, административное деление, визирь.

Древний Египет, одна из старейших и наиболее долговечных цивилизаций в истории человечества, на протяжении тысячелетий демон-

стрировал поразительную стабильность и единство. Это было обусловлено уникальным и высоко эффективным государственным строем, который сочетал в себе теократию, абсолютную монархию и сложную бюрократическую систему. В основе этой системы лежала концепция божественности фараона и неразрывная связь между религией, политикой и общественной жизнью. Центральной фигурой всего древнеегипетского государственного строя был фараон. Он не просто считался правителем, а живым богом, воплощением Гора на земле, а после смерти – Осириса. Эта божественность придавала его власти абсолютный, сакральный характер. Понимание государственных механизмов позволяет не только осознать секреты долговечности древнеегипетской цивилизации, но и оценить её вклад в развитие концепций государственности, управления и идеологического обоснования власти.

Управленческий аппарат древнеегипетского государства, несмотря на свою многочисленность, был слабо дифференцирован. Почти все чиновники Египта были одновременно связаны с хозяйственной, военной, судебной и религиозной службой. Причём если со временем прямая связь царских чиновников с деятельностью тех или иных хозяйственных подразделений возрастала, то их роль в религиозной сфере падала. В Новом царстве религиозные функции сосредоточиваются в руках замкнутой касты жрецов, противостоящей в ряде случаев царским чиновникам. Все больше усиливается роль армии, воинских начальников в сфере хозяйственного управления [3, с. 48].

Центральной фигурой древнеегипетского государственного строя был фараон. Его власть была абсолютной и, что крайне важно, сакральной. Фараон считался не просто правителем, а живым богом, воплощением бога Гора на земле, сыном бога Ра, а после смерти отождествлялся с Осирисом. Эта божественность придавала его власти неоспоримый авторитет и легитимность. Самой фундаментальной и уникальной обязанностью фараона было поддержание Маат – универсального космического порядка, истины, справедливости, гармонии и равновесия. Считалось, что от его правильных действий и ритуалов зависел не только порядок в стране, но и само существование мира: правильный разлив Нила, урожай, благосостояние народа, движение солнца и звёзд. Любое нарушение Маат (война, голод, беспорядки) воспринималось как угроза космическому порядку, за которую нёс ответственность фараон. Боги и земные правители выступают при этом одновременно властелинами и учредителями законов. Египетские визири — главные помощники царей — начиная с Древнего царства выступают в роли жрецов Истины, что соответствовало возложенным на них судейским обязанностям наряду с административными и жреческими [4, с. 92]. Глава государства имел для визуального выражения своей божественной и абсолютной власти фараон использо-

вал специфические символы и регалии, такие как белая корона (Хеджет), Красная корона (Дешрет), Двойная корона (Пшент), Немес, который выглядит как полосатый головной платок, часто украшенный уреем, и жезл Хека. Правитель Египта имел огромный спектр полномочий он был Верховный законодатель и судья, главнокомандующим армией, главным жрецом всех культов и верховным собственником.

Следующим по значимости был визирь, или как его ещё звали чати. Визирь был главой всей гражданской администрации, ведал юстицией, казной, строительством, сельским хозяйством и архивами. Зачастую визирей было двое: один для Верхнего Египта, другой для Нижнего. Под руководством визиря работали многочисленные ведомства, каждое из которых отвечало за определённую сферу например-казначейство, зернохранилища, общественные работы (ирригационные системы, строительство храмов, гробниц) и различные архивы и канцелярии.

Далее по значимости были номархи. Они занимались региональным управлением. Египет был разделен на административные единицы, называемые номами (около 40-42). Во главе каждого нома стоял номарх (правитель нома), назначаемый фараоном. Номархи выполняли функции местного управления, сбора налогов, поддержания порядка и организации местных общественных работ. В периоды ослабления центральной власти номархи могли становиться полунезависимыми правителями, передавая свою должность по наследству.

Четвёртыми по значению были жрецы. Они были не только служителями культа, но и крупными землевладельцами, управлявшими обширными храмовыми хозяйствами. Храмы аккумулировали значительные богатства и имели своё собственное административное и хозяйственное управление, во многом параллельное государственному. Влияние верховных жрецов, особенно жрецов Амона в Фивах, иногда могло соперничать с властью самого фараона.

Писцы — самая интересная группа в древнеегипетском обществе первых эпох. Она формировалась на основе не наследственного, а профессионального принципа. Заняться же этой профессией и тем самым войти в эту группу мог человек любого происхождения. Писцами могли называть себя и сановники, занимавшие высокие должности в государственном управлении, но для них это было исключительно почётное звание, свидетельствовавшее об их грамотности, образованности и уме. Профессиональные же писцы имели хотя и значимый, но не слишком высокий статус. Многие из них служили сборщиками налогов, казначеями, помощниками фараонов и высших должностных лиц в администрации или жрецов в храмах. В дошедших до нас древнеегипетских поучениях писцы восхваляются как самые полезные чиновники в государстве, а иногда утверждается, что именно они управляют всем государ-

ственным имуществом. К таким сентенциям надо относиться критически, ведь их записывали писцы — что им стоило сочинить какую-нибудь небылицу, возвышавшую их в глазах общества [1, с. 169].

Государство Древнего Египта, как и все державы того времени было неразрывно связаны с религией, поэтому фараон был не только политическим, но и религиозным лидером, что придавало его власти абсолютную легитимность. Основной чертой государственного строя в период Нового царства становится укрепление системы централизованного бюрократического управления. Страна была разделена на два административных округа: Верхний и Нижний Египет, каждым из которых руководил особый наместник фараона. Административные округа делились на области — номы. Города и крепости возглавляли начальники, которых назначал фараон.

Служилая знать отодвигает на второй план знать аристократическую — фараон оказывает покровительство сановникам, вышедшим из низов, в противовес тем, кто унаследовал ранг и богатство от предков [2, с. 9].

В заключение следует отметить, что государственный строй Древнего Египта, по своей сути теократической монархией, обязан своей долговечностью и эффективностью, тщательно выстроенной иерархической бюрократической системе. От центральных ведомств, возглавляемых визирем и главными казначеями, до местных администраций, управляемых номархами, каждый уровень был пронизан деятельностью писцов, которые служили стержнем всей управленческой машины. Именно эта армия чиновников обеспечивала сбор налогов, учёт ресурсов, управление ирригационными системами, а также исполнение фараонских указов, позволяя центральной власти эффективно контролировать обширные территории и сложные экономические процессы. Несмотря на эпизодические кризисы централизации, бюрократический аппарат сохранял свои базовые функции, являясь ключевым механизмом стабильности и воспроизводства египетского общества.

Список цитируемой литературы:

1. Томсинов, В.А. Государство и право Древнего Египта: Монография / В.А. Томсинов. – М.: «Зерцало-М», 2011. - 512 с.

2. Буланова, А.Г. История государства и права зарубежных стран (конспект лекций) / А.Г.Буланова, А.В. Желудков. - М.: «Приориздат», 2003 – 176 с.

3. Прудников, М. Н. История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров / М. Н. Прудников. - М. : Издательство Юрайт, 2025 - 811 с.

4. Графский, В. Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов / В. Г. Графский. - М.: Норма, 2007 - 752 с.

УДК 340

Чугай П. А.,
студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
0kakyoinnoriaki2007@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

СЕГУНЫ И СТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА СЕГУНАТА

Аннотация

В данной статье проводится комплексный анализ генезиса, развития и институционализации режима сёгуната как доминирующей формы политической власти в феодальной Японии. Исследуются исторические предпосылки, обусловившие переход от централизованного императорского правления к военно-феодальной системе бакуфу. Подробно рассматриваются ключевые этапы эволюции сёгуната: от первого Камакурского до окончательного установления и падения системы Токугава. Особое внимание уделяется социально-экономическим основам власти сёгунов, механизмам контроля над обществом и причинам, приведшим к ликвидации данного режима в ходе Реставрации Мэйдзи.

Ключевые слова: сёгун, сёгунат, бакуфу, Камакура, Токугава, самурай, буси, император, даймё, дзито, феодализм, Япония.

Становление режима сёгуната стало закономерным результатом глубоких социально-политических и экономических трансформаций в японском обществе XII века. Ослабление центральной власти императорского двора в Киото, рост экономической и военной мощи провинциальных военных кланов, самураев или буси, а также постоянные междоусобные конфликты за землю и влияние создали устойчивые предпосылки для появления принципиально новой формы государственного управления – военного правительства (бакуфу), возглавляемого верховным главнокомандующим – сёгуном. Данный институт, просуществовав в различных модификациях более шести столетий, сформировал уникальную модель японского феодализма, оказавшую глубокое влияние на всю последующую историю страны.

К X-XII векам в Японии сложился комплекс причин, сделавших установление военной диктатуры неизбежным. Во-первых, это кризис централизованной государственной модели рицурё, основанной на надельной системе. Рост частного землевладения (сёэнов), неподконтрольного императорской казне, привел к ослаблению экономической базы императорского двора и аристократии (кугэ). Во-вторых, для за-

щиты своих владений и подавления крестьянских волнений провинциальные землевладельцы стали создавать собственные вооруженные отряды, что положило начало формированию сословия профессиональных воинов – самураев [7, с. 78].

К середине XII века два наиболее могущественных военных клана – Тайра и Минамото – вступили в открытую борьбу за влияние при дворе и контроль над страной. Победа клана Минамото в кровопролитной войне Гэмпей с 1180 по 1185 годы уничтожила главного конкурента и расчистила путь к установлению военного правления. Лидер победителей, Минамото-но Ёритомо, системно устранял как прямых противников, так и потенциальных соперников внутри собственного клана, закладывая основы единоличной власти [3, с. 45].

В 1192 году Минамото-но Ёритомо получил от императора титул «сэйи тайсёгун» – «великий полководец, покоряющий варваров», что легитимизировало его военную власть и ознаменовало основание первого постоянного сёгуната. Стремясь дистанцироваться от старой аристократии Киото, Ёритомо перенес свою ставку в город Камакура, где было создано параллельное императорскому двору военное правительство – бакуфу.

Хотя император сохранял сакральный статус и формальное верховенство, реальная политическая, военная и судебная власть перешла к сёгуну. Структура Камакурского бакуфу включала три ключевых органа: 1. Правительство Самурай-докоро – ведало делами вассалов сёгуна (гокэнин). 2. Администрация Мандокоро – занималась общими административными и финансовыми вопросами. 3. Судебная палата Монтюдзё – осуществляла судопроизводство [4, с. 112-115].

Система власти базировалась на вассально-ленных отношениях. Сёгун жаловал самураям земельные владения (сёэны) и должности смотрителей (дзито) в обмен на военную службу и личную верность (гири).

Эта система позволила создать прочную военно-феодальную иерархию, альтернативную аристократическому правлению киотоского двора. Важнейшей проверкой на прочность для молодого режима стало успешное отражение монгольских вторжений в 1274 и 1281 годах, что, однако, обострило финансовые проблемы и привело к ослаблению связей между сёгунатом и его вассалами [7, с. 154].

Падение Камакурского сёгуната и краткий период реставрации власти императора показали необратимость военного правления. В 1336 году Асикага Такаудзи захватил Киото и основал новый сёгунат, известный как Муромати (по названию района в Киото, где располагалась резиденция сёгунов).

Перенеся бакуфу назад в Киото, Асикага попытались совместить военное правление с традициями аристократической культуры. Однако

центральная власть сёгунов Асикага была существенно слабее, чем у их предшественников из Камакуры. Они в значительной степени зависели от поддержки могущественных региональных военачальников – сюго-даймё, которые, контролируя целые провинции, часто игнорировали указания центра [2, с. 89].

Период Муромати характеризуется расцветом японской культуры, но политически он был крайне нестабилен. Апогеем кризиса стала война Онин с 1467 по 1477 года, которая практически разрушила столицу и окончательно подорвала власть сёгуната. Наступил столетний период «воюющих провинций» Сэнгоку Дзидай, когда реальная власть перешла к новым, независимым даймё (сэнгоку-даймё), а сёгуны Асикага превратились в марионеток [3, с. 203].

Наивысшего расцвета и завершенности система сёгуната достигла в период Эдо при правлении сёгунов из рода Токугава. Токугава Иэясу, победив коалицию западных даймё в решающей битве при Сэкигахара, централизовал власть и в 1603 году принял титул сёгуна. Его резиденцией стал город Эдо (современный Токио).

Сёгунат Токугава создал одну из самых эффективных и жёстких феодальных систем в истории. Её основу составляли: 1. Жёсткий контроль над даймё. Был введён принцип «санкин котай», обязывавший всех даймё периодически проживать в Эдо, а при возвращении в свои владения оставлять семьи в столице в качестве заложников. Это разоряло даймё и предотвращало заговоры. 2. Сословная система си-но-ко-сё. Общество было законодательно разделено на четыре сословия: самураи (си), крестьяне (но), ремесленники (ко) и торговцы (сё). Место в этой иерархии было наследственным и определяло права и обязанности человека. 3. Политика изоляции (сакоку). С целью стабилизации внутреннего положения и борьбы с иностранным влиянием (в первую очередь, христианским) сёгунат в 1630-х годах практически полностью закрыл страну для внешних контактов, запретив японцам покидать страну, а иностранцам – въезжать в нее (исключение – голландская фактория в Нагасаки) [5, с. 67-71].

Данная система обеспечила Японии более 250 лет внутреннего мира (эпоха Эдо) и стабильности, но одновременно законсервировала социальные отношения и техническое развитие. Власть сёгуна стала абсолютной, а императорский двор в Киото выполнял исключительно церемониальные функции, находясь под строгим надзором представителей бакуфу.

К середине XIX века режим Токугава столкнулся с системным кризисом. Внутренние проблемы – обнищание самурайства, финансовые трудности, недовольство торговцев и крестьян – усугубились внешним давлением. Прибытие «чёрных кораблей» коммодора Мэт-

тью Перри в 1853 по 1854 года и навязанные неравноправные договоры с западными державами окончательно подорвали авторитет бакуфу.

Оппозиционные силы, объединившиеся под лозунгом «тобуку» – «почитание императора, изгнание варваров», увидели в слабеющем сёгунате препятствие для модернизации страны и противостояния Западу. В результате короткой гражданской войны Война Босин с 1868 по 1869 годы, сёгунат был свергнут.

В 1868 году власть была формально возвращена императору Муцухито (Мэйдзи), что ознаменовало начало Реставрации Мэйдзи и конец эпохи сёгуната [5, с. 95].

Таким образом, становление и эволюция режима сёгуната представляют собой уникальный пример постепенной институционализации военной власти в условиях сохранения номинального правления императора. Пройдя путь от военной ставки в Камакуре до сложной бюрократической системы в Эдо, сёгунат не только сформировал специфическую модель японского феодализма, но и заложил многие основы социальной организации и менталитета, оказавшие огромное влияние на дальнейшее развитие Японии.

Список цитируемой литературы:

1. Гришелева, Л.Д. Формирование японской национальной культуры / Л.Д. Гришелева. – М.: Наука, 1986. – 286 с.

2. Лещенко, Н.Ф. Япония в эпоху Токугава / Н.Ф. Лещенко. – М.: Крафт, 2010. – 344 с.

3. Мещеряков, А.Н. История древней Японии / А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2010. – 544 с.

4. Прасол, А.Ф. Становление средневековой Японии / А.Ф. Прасол. – М.: РГГУ, 2012. – 402 с.

5. Светлов, Г.Е. Реставрация Мэйдзи и её последствия / Г.Е. Светлов // Вопросы истории. – 2015. – № 4. – С. 92–105.

6. Спеваковский, А.Б. Самураи – военное сословие Японии / А.Б. Спеваковский. – М.: Наука, 1981. – 170 с.

7. Тёрнбулл, С. Р. Самураи: Военная история / С. Р. Тёрнбулл. – СПб.: Евразия, 2013. – 318 с.

СЕКЦИЯ 2.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ (ГОСУДАРСТВЕННЫХ) НАУК

УДК 342.7

Бессонова Валерия Денисовна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
lera.bessonova.03.03@mail.ru
Научный руководитель – Кузнецова Н.Н., канд. юрид. наук, доц.

НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ КАК НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В научной статье рассмотрено закрепленное Конституцией Российской Федерации право на судебную защиту, а также проблематика его реализации. Проведенный анализ исполнимости судебных актов позволил сделать вывод о недостаточной эффективности исполнительного производства в Российской Федерации. Автором проведен правовой анализ системы принудительного исполнения, а также предложены соответствующие изменения в законодательство, направленные на повышение эффективности исполнения судебных актов и повсеместной реализации права на судебную защиту.

Ключевые слова: правосудие; исполнение судебных актов; право на судебную защиту; исполнительное производство.

При нарушении требований закона о надлежащем исполнении судебных актов нельзя говорить о правовом характере государства и реальной охране прав, свобод и законных интересов граждан. Процедура исполнения актов судов является ключевой в рамках отправления правосудия. Вследствие этого исполнительное производство обретает роль ключевой, заключительной стадии судопроизводства.

Статьей 46 Конституции Российской Федерации провозглашено: «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» [1]. Законодатель закрепил абсолютный характер права на судебную защиту, поскольку «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом» [1].

Одной из фундаментальных функций государства является охрана прав и свобод граждан. Государство является гарантом в том числе, и права на судебную защиту. В объем права на судебную защиту входит не только лишь право на обращение в суд, а также право на участие в судебном разбирательстве, право на получение квалифицированной юридической помощи, право на судопроизводство в разумный срок, право на обжалование судебных решений, и самое главное, заключительное право – это право на исполнение судебного акта. Право на исполнение судебного акта является завершающим этапом реализации права на судебную защиту.

Как отмечают И.С. Лапаев и Е.Н. Козлова, «современное состояние исполнительного производства в Российской Федерации характеризуется неэффективностью в части деятельности по исполнению судебных актов» [5, с. 119]. Проблема исполнимости судебного акта является весьма актуальной в современной правовой науке. Анализ исполнимости судебных актов в Российской Федерации позволяет сделать вывод о кризисе в рассматриваемом элементе механизма государства. Например, по данным ведомственной статистической отчетности Федеральной службы судебных приставов за весь 2024 год всего находилось на исполнении исполнительных производств о взыскании задолженности по заработной плате – 121 564 на сумму 10 038 333 руб., в том числе возбужденных в отчетном периоде – 92 763 на сумму 7 675 991 руб., всего окончено и прекращено исполнительных производств в отчетном периоде – 98 048 на сумму 6 493 069 руб., остаток исполнительных производств, возбужденных в текущем году, на конец отчетного периода – 15 166, на сумму 2 083 705 руб. [4].

Среди причин неисполнимости судебных актов В.Ю. Бархо выделяет: «проблемы, связанные с действиями судебного пристава-исполнителя; проблемы, связанные с действием (бездействием) лица, на которое постановлением суда возложена обязанность по исполнению судебного акта; проблемы, связанные с действием (бездействием) взыскателя; проблемы, связанные с действием (бездействием) иного лица» [3, с. 405]. Считаем основополагающими причинами неисполнимости судебных актов, во-первых, недостаточность денежных средств либо иного имущества у должников, необходимых для исполнения обязательства, во-вторых, нехватка временных ресурсов у судебных приставов-исполнителей, в-третьих, большое число возбужденных исполнительных производств, в-четвертых, отсутствие результативных мер воздействия на должников.

К числу возможных способов преодоления кризиса исполнимости судебных актов считаем целесообразным рассмотрение возможности создания в России института альтернативных способов исполнения су-

дебных актов. Во многих иностранных государствах реализуется подобная система, например, в Казахстане, где наряду с государственными судебными исполнителями, действуют и частные судебные исполнители (ЧСИ). Законом выдвигаются требования к кандидатуре частного судебного исполнителя, что свидетельствует, в том числе, о наличии государственного регулирования их деятельности. А.К. Ахпашев пишет: «деятельность ЧСИ является самофинансируемой. Это предполагает оплату его действий за счет средств должника» [2, с. 71]. Организационно-управленческие функции в отношении частных судебных исполнителей осуществляет Министерство юстиции Республики Казахстан.

Подобные законодательные инициативы уже выдвигались, однако так и не получили должного развития и претворения в правовую действительность Российской Федерации. На наш взгляд, создание аналогичного института частных судебных исполнителей в России приведет к повышению эффективного исполнения судебных актов.

Одним из способов снижения нагрузки на судебных приставов-исполнителей и сокращения количества исполнительных производств является процедура медиации на стадии исполнительного производства. На наш взгляд, наиболее эффективной является медиация по делам о взыскании алиментов, об определении порядка общения с детьми, об определении места жительства детей и в иных аналогичных спорах. Зачастую родители даже после вступления решения суда в законную силу не готовы его исполнять. Де-юре дело разрешено, а де-факто судебный акт не исполнен. Весьма интересен в этом контексте опыт зарубежных государств, например, Республики Беларусь, где законом предусмотрена возможность примирения сторон исполнительного производства.

Применение процедуры медиации в ходе исполнения судебных актов позволит соблюсти интересы всех субъектов исполнительного производства. В нынешних условиях развития исполнительного производства в Российской Федерации, применение процедуры медиации, к сожалению, не является распространенным и повсеместным.

Таким образом, проблема эффективного исполнения судебных актов является весьма актуальной в правовых реалиях Российской Федерации, ограничивающей право субъектов права на судебную защиту. Преодоление выявленных проблем потребует комплексного, всестороннего подхода как со стороны законодателя, так и со стороны общества. Предложенные в ходе научного исследования пути решения проблемы, по мнению автора, приведут к возрастанию эффективности исполнения судебных актов и, как следствие, приведут к повышению доверия к правосудию.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [ред. от 5 октября 2022 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Ахпашев, А.К. Структура деятельности частных судебных исполнителей в Республике Казахстан / А.К. Ахпашев // Вестник магистратуры. – 2020. – №1-1 (100). – С. 71-72.

3. Бархо, В.Ю. О проблемах исполнения судебных актов / В.Ю. Бархо // E-Scio. – 2023. – №1 (76) – С. 403-408.

4. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов. – URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_dejatelnosti_federalnojj_sluzhby_sudebnykh_pristavov/statistics (дата обращения: 08.11.2025).

5. Лапаев И.С. Некоторые проблемные аспекты исполнения судебных актов в современной России / И.С. Лапаев, Е.Н. Козлова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» – 2019. – Т. 7. – № 4 (28). – С. 118-123.

УДК 342

Буракова Анна Сергеевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Кузнецова Н. Н., канд. юрид. наук, доц.

НЕДОСТАТОЧНАЯ АДАПТАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ К УСЛОВИЯМ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема недостаточной адаптации конституционных норм к условиям цифровой трансформации и предлагаются пути решения.

Ключевые слова: Конституция; конституционные нормы; цифровая трансформация; цифровизация; адаптация; технологии.

Цифровая трансформация стремительно распространяется в современном мире и объективно оказывает колоссальное воздействие практически на все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства, в той или иной степени трансформируя всю совокупность

социальных отношений, по сути, «погружая» последние в виртуальную реальность. Цифровизация трансформировалась в серьезный фактор, определяющий, каким образом люди работают, развлекаются, проводят свой досуг и участвуют в политической жизни. Как отмечает В.А. Карташкин, «Цифровые платформы стали так же важны, как и традиционные институты, в том, как люди организуют свою профессиональную и социальную жизнь.» [4, с. 950]. В этих условиях цифровая среда приобретает признаки самостоятельного пространства реализации конституционных гарантий, а также потенциального источника их ограничения. Конституция Российской Федерации 1993 года была принята в исторический период, когда цифровые технологии не рассматривались в качестве значимого фактора правового регулирования. В результате возникает нормативно-правовой разрыв: с одной стороны – динамично развивающаяся цифровая реальность, в которой решения принимаются с участием автоматизированных систем и частных цифровых платформ; с другой – конституционный текст, разработанный в условиях чёткого разграничения публичной и частной сфер и предполагающий взаимодействие гражданина преимущественно с государством. Этот разрыв порождает юридическую неопределённость и системные риски, включая возможность дискриминации на основе алгоритмических решений, разрушение права на частную жизнь и подрыв доверия к демократическим институтам. Проблема недостаточной адаптации конституционных норм к условиям цифровой трансформации перестала быть узкоспециальной и превратилась в один из центральных вызовов современного конституционализма.

Конституционное право традиционно выполняет три функции: закрепляет основы строя и статус личности, ограничивает государственную власть и обеспечивает верховенство Основного закона. Все они сегодня находятся под давлением цифровой трансформации.

Первая проблема заключается в неопределённости правового статуса цифровой личности и цифровых прав граждан. Конституция РФ гарантирует неприкосновенность частной жизни (статья 23), тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (статья 24), однако не содержит прямых норм, регулирующих цифровую идентичность. Права и свободы, суверенитет личности, включая их цифровые аспекты, сейчас находятся в зоне прямых рисков, связанных с неконтролируемым и сверхбыстрым развитием цифровой среды. В условиях, когда государственные и коммерческие структуры собирают, обрабатывают и используют огромные массивы персональных данных, возникает угроза массового нарушения конституционных прав. Как справедливо указывает Е.Ю. Баракина, «остро стоит проблема защиты личных, в том числе персональных, биометрических, данных граждан» [3, с. 26].

Вторая проблема – отсутствие конституционных гарантий цифровой доступности и равенства в цифровом пространстве. Статья 19 Конституции РФ провозглашает равенство всех перед законом и судом, но не учитывает цифровое неравенство, возникающее из-за различий в уровне цифровой грамотности, доступа к интернету и цифровым услугам. В отдалённых регионах России, например, в республиках Северного Кавказа, в Республике Тыва или на Дальнем Востоке, многие граждане не могут полноценно пользоваться государственными услугами в электронном виде, что фактически ограничивает их конституционные права на социальное обеспечение, образование и здравоохранение. Переход государственных услуг в онлайн-формат без обеспечения инфраструктурной и социальной поддержки для уязвимых групп населения (пожилые люди, инвалиды, малоимущие) ведёт к дискриминации и нарушению принципа социального государства.

Третья проблема – несовершенство правового регулирования цифрового суверенитета и государственного контроля в интернете. Введение в действие закона о «суверенном интернете» (Федеральный закон № 90–ФЗ от 01.05.2019) и расширение полномочий Роскомнадзора по контролю и блокировке ресурсов вызывают обширные дискуссии по вопросы о соответствии этих мер конституционным гарантиям свободы массовой информации (статья 29) и свободы массовой информации (статья 29, часть 5). На практике реализации данного законна это приводит к произвольной блокировке сайтов, в том числе без судебного решения, что подрывает доверие к правовой системе. Следует отметить, что понятие «цифрового суверенитета» само по себе не является антиконституционным. Государство вправе защищать свои информационные системы от внешних угроз, однако любые ограничения должны быть обоснованными.

Четвёртая проблема – отсутствие конституционных норм, регулирующих использование искусственного интеллекта в государственном управлении и правоприменении. В последние годы наблюдается стремительное внедрение искусственного интеллекта в различные сферы государственной деятельности. Однако правовые механизмы контроля за их работой практически отсутствуют. ИИ–системы требуют больших объемов качественных данных для обучения и функционирования. В государственном и муниципальном управлении может отсутствовать доступ к необходимым данным, что еще хуже, эти данные могут быть неполными и ненадежными. Это создаёт риск, что решения, принимаемые на основе алгоритмов, могут быть предвзятыми, ошибочными, особенно если исходные данные неполны или искажены. Конституция не гарантирует гражданам право на объяснение автоматизированных решений, не содержит норм о прозрачности алгоритмов и ответственности за их ошибки.

Как отмечает А.В. Пуртова «использование системы искусственного интеллекта может вызывать опасения по поводу нарушения прав граждан, конфиденциальности данных и дискриминации». [5, с. 37].

Для решения указанных проблем необходим комплексный подход, сочетающий конституционные поправки, законодательное регулирование и судебную практику.

Во-первых, следует рассмотреть возможность внесения в Конституцию РФ новых норм, закрепляющих цифровые права граждан: право на цифровую идентичность, право на защиту от автоматизированного принятия решений, и право на безопасную цифровую среду. Такой шаг не будет означать радикальный пересмотр основ конституционного строя, а станет логическим развитием уже существующих гарантий – таких как неприкосновенность частной жизни (ст. 23), свобода информации (ст. 29) и право на судебную защиту (ст. 46). Включение цифровых прав в Основной закон придаст высшую юридическую силу и создаст прочную основу для последующего законодательного и правоприменительного развития.

Во-вторых, требуется принятие специального федерального закона «О цифровых правах граждан», который бы детализировал конституционные гарантии в цифровой сфере, установил принципы прозрачности, подотчётности при использовании цифровых технологий государством и бизнесом. Такой закон должен регулировать не только сбор и обработку персональных данных, но и вопросы алгоритмической справедливости, права на объяснение решений ИИ, условий использования биометрии, а также механизмов возмещения вреда в случае утечек или сбоев цифровых систем. Важно, чтобы закон предусматривал не только обязанности граждан и организаций, но и чёткие гарантии со стороны государства – в том числе обязательства по обеспечению цифровой инфраструктуры, защите критических информационных систем.

В-третьих, необходимо развивать судебную практику по защите цифровых прав: требуется систематизация подходов и выработка единых стандартов. До сих пор отсутствует систематизированный подход к рассмотрению дел, связанных с дискриминацией со стороны алгоритмов, неправомерным использованием биометрических данных. В этой связи целесообразно формирование специализированных экспертных советов, а также разработка методических рекомендаций для судов общей юрисдикции.

В-четвёртых, следует обеспечить цифровую особенность через государственные программы повышения цифровой грамотности, расширения доступа к интернету в отдалённых регионах и адаптации цифровых сервисов для уязвимых групп населения. Обеспечению мобильного доступа к госуслугам в сельской местности должны стать

обязательной частью национальной цифровой политики. Только при условии равного доступа всех граждан к цифровым возможностям можно говорить о подлинном равенстве.

В заключение следует подчеркнуть, что цифровая трансформация не должна происходить в ущерб конституционным ценностям. Напротив, она должна быть подчинена целям обеспечения прав и свобод человека, верховенства закона и демократического устройства общества. Конституционное право призвано не только реагировать на вызовы времени, но и формировать правовые рамки для устойчивого и справедливого развития цифрового общества. В условиях, когда технологии всё глубже проникают в сферу государственного управления и личной жизни, особенно важно сохранить баланс между инновациями и правами человека. Только с комплексным подходом, включающим в себя как регулирующие, так и технологические меры, можно обеспечить эффективную защиту прав граждан, укрепить доверие к государству и создать условия для устойчивого развития цифровой экономики и общества в Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6–ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7–ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2–ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11–ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1–ФКЗ, от 5 окт. 2022 г. № 5–ФКЗ, от 5 окт. 2022 г. № 6–ФКЗ, от 5 окт. 2022 г. № 7–ФКЗ, от 5 окт. 2022 г. № 8–ФКЗ. // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – Ст. 4398.

2. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : федер. закон от 1 мая 2019 г. № 90–ФЗ : принят Гос. думой 26 июля 2023 г. : одобрен Советом Федерации 28 июля 2023 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 18. – Ст. 2214.

3. Баракина, Е.Ю. Цифровые платформы: конституционно–правовые основы функционирования / Е.Ю. Баракина // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 5. – С. 25–28.

4. Карташкин, В.А. Цифровые права человека: международно–правовое и социальное измерения / В.А. Карташкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2022. – Т. 22. – № 4. – С. 949–962.

5. Пуртова, А.В. Проблемы применения искусственного интеллекта в системе государственного и муниципального управления / А.В. Пуртова // Human Progress. – 2024. – Т. 10, вып. 12. – С. 33–43.

УДК 342.5

Доценко Татьяна Александровна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Поволжский филиал, г. Саратов
tana64rus@gmail.com
Научный руководитель – Семенова И.С., канд. юр. наук., доц.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СКВОЗНЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация

В статье рассматриваются нормативные и правовые акты, регламентирующие использование сквозных цифровых технологий в публичном управлении. Уделяется особое внимание недостаточному законодательному регулированию в области описания и применения, следующих сквозных цифровых технологий. По итогам анализа нормативно-правовой базы, регламентирующей сквозные цифровые технологии, формируются предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательного регулирования в области цифровой трансформации публичного сектора.

Ключевые слова: сквозные цифровые технологии; большие данные; блокчейн; квантовые технологии; технологии виртуальной и дополненной реальности; искусственный интеллект; робототехника.

Сквозные цифровые технологии – технологии сбора, обработки, хранения и передачи информации в электронном виде, которые непосредственно влияют на все отрасли экономики, создают новые производственные рынки и изменяют бизнес-процессы. Понятие, отражающее новизну и характерные черты данных технологий, не закрепляется в существующих нормативных актах.

Сквозные цифровые технологии являются перспективными направлениями деятельности в публичном управлении. Но в связи с отсутствием их полноценного законодательного регулирования замедляется процесс повсеместного применения и использования данных технологий органами публичной власти. Именно поэтому важно своевременно принимать нормативно-правовые акты, которые будут способствовать упорядочиванию правоотношений в данной сфере.

Проанализируем правовое обеспечение наиболее распространенных сквозных цифровых технологий. Рассмотрим нормативно-правовую базу больших данных, терминологию которой регламентирует ГОСТ Р

ИСО/МЭК 20546-2021 «Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь» [1]. Он определяет данные как информацию в формальном виде, пригодной для дальнейшей ее обработки, передачи, хранении. Также стандарт регламентирует понятие больших данных как большие массивы данных, имеющих характерные особенности такие, как объем, скорость, разнообразие, вариативность. Данные характеристики позволяют более эффективно работать с информацией.

Большие данные включают структурированную (сведения из различных баз данных) и неструктурированную информацию. В статье 1260 Гражданского кодекса РФ [2] регламентируется понятие баз данных, которые представлены совокупностью систематизированных материалов. Благодаря закреплению данного термина обеспечивается более широкое понимание понятия «больших данных».

В Федеральном законе от 27.07.2006 №152 «О персональных данных» [3] закрепляется определение, содержащее понятие «данные». Так, персональные данные – любая информация, относящаяся к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

В 2018 году комитетом Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связям был предложен законопроект о внесение изменений в Федеральный закон от 27.07.2006 №149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [4], который предлагал определять большие данные как персональные. Он закрепил термин больших пользовательских данных как совокупность информации, не содержащей персональных данных, которая собирается из различных источников и не позволяет идентифицировать конкретное лицо.

В данном случае работа с большими данными требовала персонального согласия всех пользователей, что достаточно затруднительно реализовать на практике, поэтому законопроект был отклонен.

Законодательное регулирование сквозной цифровой технологии больших данных сосредотачивается исключительно на регламентации ее понятийного аппарата. Отсутствие унифицированной терминологии, правового закрепления элементов внутреннего строения и процесса использования технологии может привести к распространению такого коррупциогенного фактора, как заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов. Для предотвращения подобной ситуации необходимо принимать нормативные акты, регламентирующие большинство аспектов работы с большими данными.

Сквозная технология блокчейн, в свою очередь, также не получила должного правового регулирования в российском законодательстве. В методических рекомендациях технического комитета по стандарти-

зации 26.4.002-2024 «Криптографическая защита информации» зафиксировано определение технологии блокчейн. Так, цепная запись данных (блокчейн) – это реестр, в который данные записываются блоками, где каждый новый блок включает информацию о предыдущем.

Важной составляющей определения данной цифровой технологии является «блок» и «реестр», где блок – данные, содержащие информацию о транзакциях (обмене информации между пользователями), а реестр – совокупность данных, структурированных в целях работы с ними.

В Федеральном Законе от 31.07.2020 №259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] закрепляется понятие распределенного реестра, который является составной частью определения блокчейна. Распределенный реестр представляет собой совокупность баз данных, тождественность информации в которых обеспечивается алгоритмами.

Таким образом, правовое регулирование блокчейна состоит в регламентации его терминологии, что является недостаточным для понимания технологии работы с ним. В связи с этим необходимо дополнить законодательную базу нормами, которые будут отражать основные аспекты разработки и применения данной цифровой технологии в публичном секторе.

Законодательное регулирование следующей сквозной цифровой технологии – квантовые технологии сосредотачивается на правовом обеспечении ее субтехнологий. Так, квантовые коммуникации имеют нормативное закрепление за счет принятия Распоряжения Правительства 11.07.2023 №1856-р «Об утверждении концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в РФ до 2030 г.» [6]. Одной из задач концепции является совершенствование нормативного регулирования в области квантовых коммуникаций, осуществление поддержки технологий на уровне российского законодательства посредством устранения правовых пробелов их применения. Данный правовой акт является базовым механизмом, стимулирующим распространение квантовых коммуникаций как вида квантовых технологий на территории Российской Федерации.

ГОСТ Р 57257-2016 «Нанотехнологии. Часть 12. Квантовые явления. Термины и определения» [7] закрепляет понятие квантовых вычислений как подвид квантовых технологий и определяет как обработку данных с использованием квантовых явлений.

Так, на законодательном уровне отсутствует определение квантовых технологий, однако закрепляются термины ее субтехнологий. Для полноценного развития сквозной технологии необходимо разрабаты-

вать нормативно-правовые акты, которые будут более подробно регламентировать ее структуру и использование в органах государственной и муниципальной власти.

Сквозная технология виртуальной и дополненной реальности на данный момент получила широкое распространение на практике за счет усовершенствования компьютерных возможностей, позволяющих создавать цифровой мир с элементами реального погружения. Данная технология имеет большой потенциал в публичном управлении, но чаще всего используется в сфере развлечения, образования и культуры.

Несмотря на высокую популярность данной технологии, в российском законодательстве практически отсутствуют нормативные акты, которые содержат положения, позволяющие в полной мере раскрыть ее потенциал.

Так, в письме Минпросвещения РФ от 01.02.2021 №08-166 «О направлении методических рекомендаций по разработке и внедрению инновационных технологий в реализацию дополнительных профессиональных программ, в том числе по созданию сети симуляционных центров (виртуальных лабораторий)» [8] закреплены термины виртуальной и дополненной реальности.

Виртуальная реальность (VR) – это трехмерная среда, которая воспроизводит присутствие реальных объектов в виртуальном мире посредством компьютерного моделирования. Дополненная реальность (AR) – это интегрирование в поле человеческого восприятия виртуальных объектов, которые становятся частью окружающего мира. В основном документ содержит положения об эффектах внедрения данной технологии посредством создания виртуальных программ и миров, использования эффекта присутствия и 3D моделирования.

ГОСТ Р 59278-2020 «Интерактивные электронные технические руководства с применением технологий искусственного интеллекта и дополненной реальности» [9] также вводит понятие дополненной реальности как совокупность технологических решений, которые взаимодополняют объекты реального мира виртуальными элементами посредством изображения, текста, ауди с помощью средств обработки и отображения информации.

Существующие нормативно-правовые акты не имеют унифицированной терминологии, недостаточны для полноценного понимания принципов работы и сущности рассматриваемой сквозной цифровой технологии не только в публичном управлении, но и в иных сферах деятельности.

Искусственный интеллект – одна из сквозных цифровых технологий, которая получила наиболее полное законодательное регулирова-

ние в Российской Федерации. Указ Президента от 10.10.2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [10] закрепляет национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года. В ней под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать результаты схожие с результатом интеллектуальной деятельностью человека. Также стратегия содержит положения о современных вызовах и перспективах развития сквозной технологии в стране, принципы ее использования, цели, задачи и показатели ее внедрения.

Важно отметить положения по совершенствованию нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта, которое заключается в устранении административных барьеров его развития, создании этических норм и благоприятной нормативной базы для разработки, распространения и применения данной технологии на практике.

Искусственный интеллект, в отличие от других сквозных цифровых технологий, имеет нормативное регулирование его стратегического развития и механизма применения в публичном управлении.

Таким образом, сквозные цифровые технологии стремительно проникают во все сферы публичного управления, однако отсутствие их своевременного нормативного регулирования является причиной возникновения правовых пробелов в законодательстве и затрудняет правоприменение в сфере использования данных технологий в органах власти. Для качественной разработки, полноценного внедрения, повсеместного использования и оценки результатов применения сквозных цифровых технологий недостаточно ограничиться нормами, которые уже существуют в российском законодательстве. Органам власти необходимо совершенствовать нормативную базу посредством принятия законов, внесения изменений в существующие нормативы для более содержательного правового регулирования сквозных технологий.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 нояб. 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 дек. 2006 г.: ввод. Федер. законом Рос. Федерации от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 52, ч. 1.- Ст. 5496.

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Феде-

рации: Федер. закон от 31.07.2020 №259 (ред. от 27.10.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 31, ч.1. - Ст. 5018.

3. О персональных данных: Федер. закон от 27.07.2006 №152 (ред. от 24.06.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31, ч.1. - Ст. 3451.

4. Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федер. закон от 27.07.2006 №149 (ред. от 24.06.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31, ч.1. - Ст. 3448.

5. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента от 10.10.2019 г. №490 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2019. – № 41, ч.1. - Ст. 5700.

6. Об утверждении концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в РФ до 2030 г.: Распоряжение Правительства 11.07.2023 №1856-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 30, ч.2. - Ст. 5712.

7. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года : Распоряжение Правительства от 19.08.2020 г. №2129-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 35, ч.2. -Ст. 5593.

8. О направлении методических рекомендаций по разработке и внедрению инновационных технологий в реализацию дополнительных профессиональных программ: Письмо Минпросвещения России от 01.02.2021 №08-166 «О направлении методических рекомендаций по разработке и внедрению инновационных технологий // СПС «Консультант Плюс».

9. ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021. Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь. 2021. 5 с. (Система стандартов по информ., библ. и изд. делу);

10. ГОСТ Р 59278-2020. Интерактивные электронные технические руководства с применением технологий искусственного интеллекта и дополненной реальности. 2020. 20 с. (Система стандартов по информ., библ. и изд. делу).

УДК: 342.8

Зарипов Фарит Гайнуллович,
Зарипов Ильдар Фаритович,
магистранты,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Уральский институт управления, г. Екатеринбург
z.ildarfaritovich@gmail.com
Научный руководитель – Васильева Е.И., канд.соц.наук, доц.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ: ИТОГИ 2025 ГОДА

Аннотация

В статье анализируются итоги цифровой трансформации избирательных комиссий России к 2025 году. Рассмотрены ключевые направления: ДЭГ, ГАС «Выборы», КОИБ. Выявлены проблемы нормативного регулирования, кибербезопасности и цифрового неравенства. Определены перспективы развития гибридной модели голосования.

Ключевые слова: цифровизация, избирательные комиссии, дистанционное электронное голосование, ГАС «Выборы», КОИБ, гибридная модель голосования.

Цифровая трансформация избирательного процесса - один из ключевых трендов развития современной электоральной системы как в России, так и за рубежом [2, с. 94]. Его перспективность еще раз засвидетельствовала эпидемия COVID-19 [4, с. 17].

Интеграция цифровых технологий в деятельность избирательных комиссий направлена на повышение доступности института выборов и его популяризацию среди молодежи, обеспечение прозрачности выборных процедур, а также снижение кадровых и финансовых издержек. К 2025 году в России сформировалась устойчивая модель цифровизации избирательных комиссий, сочетающая нормативное регулирование, технологические инновации и институциональные изменения. Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, «электронные сервисы на порталах государственных услуг и ЦИК воспринимаются не как новация, а как привычные избирательные стандарты» [7].

Организационно-правовое обеспечение цифровой трансформации избирательных комиссий базируется на системе нормативных актов, ключевыми из которых являются Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав» и Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». Центральная избирательная комиссия РФ играет коорди-

нирующую роль, утверждая методические рекомендации и регламенты, которые детализируют применение цифровых инструментов. ЦИК России совместно с Минцифры России участвуют в реализации национальной программы «Цифровая экономика» (до 2024 года), с 2025 года – «Экономика данных и цифровая трансформация государства».

Теоретической основой цифровизации является переход от традиционных процедур к автоматизированным системам, что требует переосмысления таких принципов, как тайна голосования, прозрачность и доступность. Как отмечает Н.Е. Шакурова, цифровизация предполагает не только внедрение технических средств, но и трансформацию институциональных механизмов и создает необходимость баланса между технологическими возможностями и сохранением демократических стандартов [5, с. 90]. Правовая природа цифровых избирательных инструментов характеризуется двойственностью: с одной стороны, они остаются инструментом реализации нормативных предписаний, с другой - приобретают свойства самостоятельного регулятора электоральных процедур.

К 2025 году в России сформировалось несколько ключевых направлений цифровизации избирательных комиссий:

- во-первых, дистанционное электронное голосование (далее – ДЭГ). ДЭГ применяется в 23 регионах России, в 2024 году в нем приняли участие более 1,5 млн граждан, а итоговая явка на выборах составила 90,54 % [6];

- во-вторых, государственная автоматизированная система «Выборы», интегрирующая технологии искусственного интеллекта для обработки бюллетеней;

- в-третьих, комплексы обработки избирательных бюллетеней и электронного голосования используются для автоматизации подсчета голосов и сокращения времени обработки результатов. В 2025 году КОИБ были задействованы на 90% избирательных участков в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, Екатеринбург и др.

Но цифровая трансформация сегодня - это не только голосование. Многие информационные процессы в ходе выборов уже стали обыденностью для избирателя. Речь идет о цифровых сервисах, позволяющих совершать избирательные действия и получать необходимую информацию (включение в список избирателей для голосования по месту нахождения, получение информации о своем избирательном участке, о проходящих выборах, кандидатах, проверка наличия избирателя в списке избирателей и др.) [1, с. 125].

Несмотря на достигнутые успехи, правовая неопределенность в вопросах верификации цифровых результатов создает риски для легитимности избирательного процесса. Цифровая трансформация избирательных комиссий требует дальнейшего совершенствования

- необходимо обеспечить возможность независимого аудита алгоритмов и систем голосования, чтобы усилить доверие граждан к цифровым инструментам;

- избирательные комиссии должны активно заниматься просвещением населения, разъясняя принципы работы цифровых систем и их безопасность;

- важно обеспечить доступ к цифровым технологиям в отдаленных и малых населенных пунктах, где уровень интернета остается низким;

- требуется закрепить на законодательном уровне стандарты использования биометрических данных, алгоритмов обработки голосов и мер кибербезопасности.

Перспективы развития требуют системных решений по следующим направлениям: создание адаптивных нормативных стандартов для гибридного голосования, внедрение модульной архитектуры цифровых платформ, разработка федеральной программы подготовки кадров для цифровых избирательных комиссий. Критически важным остается обеспечение технологического суверенитета избирательной системы при сохранении возможности международного аудита. Дальнейшая цифровизация должна сочетать инновации с гарантиями проверяемости результатов, включая обязательное сохранение материальных носителей для физического пересчета [3, с. 44].

Заключительный анализ позволяет утверждать, что российская модель цифровой трансформации избирательных комиссий прошла этап становления и демонстрирует признаки системной зрелости. Особую ценность представляет разработанная методология поэтапного внедрения цифровых сервисов без разрушения традиционных институтов, что подтверждается сохранением бумажного голосования как обязательного элемента системы при параллельном развитии ДЭГ.

Накопленный опыт преодоления технологических вызовов и нормативных противоречий формирует уникальную экспертизу, способную стать основой для создания международных стандартов цифрового голосования.

Список цитируемой литературы:

1. Акчурин, А.Р. Цифровизация избирательного процесса - ключевой вектор развития института выборов в России / А.Р. Акчурин // Гражданин. Выборы. Власть. - 2022. - № 3 (25). - С. 120-128.

2. Кирюшин, И. А. Внедрение цифровых технологий в избирательный процесс в Российской Федерации / И. А. Кирюшин // Миссия конфессий. – 2023. – Т. 12, № 7(72). – С. 94-99.

3. Махова, А. В. Цифровизация избирательного процесса в России: правовые аспекты / А. В. Махова, А. А. Рокотянская // Правовой порядок и правовые ценности. – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 39-45.

4. Орлова, М.Ю. К вопросу о цифровизации избирательного процесса / М.Ю. Орлова // Научные записки НГУЭУ. - 2022. - Вып. 4. - С. 17-19.

5. Шакурова, Н.Е. Организационно-правовое обеспечение избирательного процесса в России в условиях цифровизации / Н.Е. Шакурова // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2025. - №2. С. 88-94.

6. Итоговая явка на голосование через ДЭГ составила 90,54% [Электронный ресурс] URL: https://www.kommersant.ru/doc/8039796?ysclid=mhxxbpmh26687704691 (дата обращения: 07.11.2025).

7. Путин заявил, что люди воспринимают использование IT-сервисов на выборах в РФ как норму [Электронный ресурс] URL: https://tass.ru/politika/19290921 (дата обращения: 07.11.2025).

УДК 339.5

Косый Анастасия Константиновна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Выборгский филиал, г. Выборг
akosyy-22@ranepa.ru
Научный руководитель – Черных В.В., канд. экон. наук, доцент

РОЛЬ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация

Статья раскрывает роль таможни в обеспечении безопасности экономики государства. Цель исследования – выявление взаимосвязи между системой управления рисками в таможенных органах и экономической безопасностью государства. Результатом работы является пример применения алгоритма выявления товара с повышенным уровнем риска.

Ключевые слова: таможенный контроль, система управления рисками (СУР), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), эффективность СУР, таможенные органы.

Одной из важнейших функций таможенных органов является минимизация рисков, которые связаны с перемещением товаров через государственную границу. В настоящее время в мире наблюдается тенденция к глобальным изменениям, затрагивающая и деятельность таможенных органов. Всё чаще возникают прецеденты при перемещении запрещённых или ограниченных к ввозу/вывозу товаров, а также при заключении

внешнеторговых контрактов, связанные с внедрением новых технологий, информационных систем и роста их влияния на нашу повседневную и профессиональную жизнь. В связи с этим в таможенных органах на постоянной основе работает система управления рисками, призванная минимизировать преступные и мошеннические действия участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД). Данное направление деятельности в таможенном деле не теряет своей актуальности, а становится всё более востребованным для изучения и совершенствования.

Цель настоящего исследования – выявление взаимосвязи между системой управления рисками в таможенных органах и экономической безопасностью государства.

Эффективное управление рисками не может осуществляться изолированно, оно должно быть встроено в существующие структуры и процессы принятия решений. Поскольку управление рисками является важным компонентом таможенного контроля, его интеграция в существующие процессы стратегического управления и операционные процессы гарантирует, что управление рисками захватывает максимальное количество объектов, что позволяет модернизировать методы выявления нарушений.

Система управления рисками (далее – СУР) в таможенном деле включает в себя следующие этапы:

1) сбор данных о различных объектах контроля, таможенных операциях, результатах проверочных мероприятий и их непосредственный анализ;
2) работа по оцениванию риска;
3) обозначение индикатора риска;
4) подготовка профилей риска;
5) определение объектов для проведения контрольных мероприятий;
6) применение мер по минимизации;
7) проведение аналитической работы по результатам применения СУР [1].

Для построения и функционирования эффективной СУР предлагается субъектно-ориентированная модель, основанная на распределении участников ВЭД по трем категориям уровня риска (низкий, средний и высокий) в зависимости от оценки вероятности нарушения ими таможенного законодательства с дифференцированным применением к ним мер таможенного контроля. Трехуровневое дифференцирование риска при категорировании участников ВЭД выполняется в соответствии с приказом Министерства финансов Российской Федерации от 21 февраля 2020 г. № 29н «Об утверждении порядка проведения категорирования лиц, совершающих таможенные операции, периодичности и формы его проведения, перечня критериев, характеризующих деятельность лиц, совершающих таможенные операции, условий отнесения лиц, совершa-

ющих таможенные операции, к категории низкого, среднего или высокого уровня риска, условий дифференцированного применения к ним мер по минимизации рисков, а также порядка проведения контроля за соблюдением критериев лицами, совершающими таможенные операции, отнесенными к категории низкого уровня риска» (зарегистрирован Минюстом России 19.05.2020 г., рег. № 58381) [2]. Согласно данному нормативному акту проводится анализ деятельности участников ВЭД за два календарных года, предшествующих месяцу его проведения. В ходе анализа определяется 31 критерий, характеризующий деятельность участников ВЭД. Список критериев представлен в приложении к приказу № 29н от 21 февраля 2020 г. Министерства финансов Российской Федерации. К основным критериям относятся:

- осуществление товарооборота с оффшорными зонами;
- динамика показателей таможенного декларирования;
- результаты проведенного таможенного контроля;
- привлечение к административной ответственности;
- соблюдение валютного законодательства;
- экспортная ориентированность;
- результаты категорирования Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС России) [2].

Категорирование производится по участникам ВЭД в рамках последовательного расчета критериев, на основе расчетов обосновывается категория уровня риска, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Категорирование рисков в системе управления рисками в таможенных органах

Уровень риска	Способ контроля
Высокий уровень риска	Документальный и фактический контроль до выпуска товаров
Средний уровень риска	Преимущественное применение документального контроля
Низкий уровень риска	Контроль после выпуска товаров

Источник: [3].

В качестве примера необходимости применения системы управления рисками приведем следующую ситуацию.

На территорию Российской Федерации осуществляется ввоз шампуней, которым присвоен код Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ТН ВЭД) 3305 10 000 0 [4]. Фирма, производящая представленный шампунь, имеет в своём распоряжении только один завод, на котором также производятся средства бытовой

химии с кодом ТН ВЭД 3402 90 900 0. В таможенный орган не был предоставлен сертификат и декларация соответствия, которые необходимы для ввоза продукции на территорию Российской Федерации, согласно техническому регламенту Таможенного союза ТР ТС 009/2011 «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» [5]. В таможенный орган был представлен только паспорт безопасности, который необходим при обороте химической продукции, регламентируемый техническим регламентом Евразийского экономического союза «О безопасности химической продукции» (ТР ЕАЭС 041/2017) [6].

Согласно действующей системе управления рисками, предусмотренной Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и российским законодательством, существует следующий алгоритм решения подобной ситуации.

Шаг 1. Идентификация риска. Перед прохождением пограничного контроля вся информация о грузе проходит предварительную проверку. Используя систему управления рисками, таможенные органы формируют профили риска, ориентируясь на следующие критерии:

- тип товара и происхождение груза;
- профиль отправителя/получателя (например, история сотрудничества, отсутствие официальных контрактов);
- транспортировка нестандартным маршрутом;
- несоответствие продукции заявленным документам;
- использование посредников или офшорных компаний.

В данном случае система управления рисками при обработке предоставленных документов выявит наличие потенциального риска из-за наличия документов на химическую продукцию.

Шаг 2. Оценка рисков. На данном этапе подразумевается использование аналитических методов для определения уровня риска, связанного с конкретным товаром. А также учет наличия необходимых документов и сертификатов, подтверждающих безопасность продукции.

Система обнаружит несоответствие указанного кода ТН ВЭД с предоставленными документами, что спровоцирует таможенные органы к проведению досмотровых мероприятий.

Шаг 3. Управление рисками. Включает в себя принятие решений о проведении дополнительных проверок, отбора проб и образцов, лабораторных исследований, применение специальных режимов контроля, таких как внешний осмотр, досмотр груза, проверка документации и учет количества произведенной продукции.

В представленном случае необходимо будет провести взятие проб и образцов и направить их на лабораторное исследование для проверки безопасности продукции.

При выявлении лабораторией наличия опасных веществ для жизни и здоровья человека выпуск продукции для внутреннего обращения будет невозможен.

Шаг 4. Возбуждение дела о нарушении таможенных правил и внесение достоверной информации в общую базу данных. При обнаружении несоответствия ввозимой продукции заявленным документам и несоблюдение технических регламентов, возможно возбуждение дела об административном правонарушении по статье 14.43 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) «Нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов» и по статье 16.3 КоАП РФ «Несоблюдение запретов и (или) ограничений на ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории Евразийского экономического союза или из Российской Федерации» [7].

Статьи предусматривают наложение штрафа, конфискацию предметов административного правонарушения или приостановление деятельности юридического лица.

Таким образом, проведенное исследование показало, что правильно организованная работа СУР способствует повышению прозрачности таможенной деятельности, сокращению временных затрат на оформление грузов, снижению коррупционных проявлений и увеличению налоговых поступлений в бюджет страны.

Эффективная работа системы управления рисками позволила предотвратить ввоз продукции, которая не соответствует требованиям, установленным законодательством Евразийского экономического союза и Российской Федерации, и обеспечить безопасность экономики государства.

Важность совершенствования СУР подчеркивается необходимостью постоянного мониторинга международных стандартов и адаптации национальных законодательств к новым условиям глобализации экономики. Это требует регулярного обновления нормативных актов, повышения квалификации сотрудников таможенных служб и внедрения передовых методик оценки и управления рисками.

Дальнейшее развитие и оптимизация СУР являются приоритетными направлениями государственной политики в сфере таможенного регулирования.

Список цитируемой литературы:

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе

Евразийского экономического союза). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/e8d63073fc541d8d3ab9b12eb6e7dfdfdad52752/ (дата обращения 25.10.2025).

2. Об утверждении порядка проведения категорирования лиц, совершающих таможенные операции, периодичности и формы его проведения, перечня критериев, характеризующих деятельность лиц, совершающих таможенные операции, условий отнесения лиц, совершающих таможенные операции, к категории низкого, среднего или высокого уровня риска, условий дифференцированного применения к ним мер по минимизации рисков, а также порядка проведения контроля за соблюдением критериев лицами, совершающими таможенные операции, отнесенными к категории низкого уровня риска: Приказ Минфина России от 21.02.2020 № 29н. – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/20a00029/ (дата обращения: 26.10.2025).

3. Об утверждении стратегии и тактики применения системы управления рисками, порядка сбора и обработки информации, проведения анализа и оценки рисков, разработки и реализации мер по управлению рисками (за исключением рисков в области ветеринарии, санитарно-эпидемиологического надзора и обеспечения карантина растений): Приказ Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 18.08.2015 №ь1677 – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/15pr1677/ (дата обращения: 26.10.2025).

4. Решение Совета ЕЭК от 14.09.2021 № 80 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии». – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01530209/err_06102021_80 (дата обращения: 27.10.2025).

5. О безопасности парфюмерно-косметической продукции: Технический регламент таможенного союза ТР ТС 009/2011. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902303206?marker=7E40KD (дата обращения: 25.10.2025).

6. О безопасности химической продукции: Технический регламент Евразийского экономического союза ТР ЕАЭС 041/2017. – URL: https://docs.cntd.ru/document/456065181?marker=8PK0LU (дата обращения: 21.10.2025).

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 (ред. от 07.04.2025) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – URL: для авторизованных пользователей (дата обращения: 20.10.2025).

УДК 349.3

Лопатинская Сабрина Сергеевна,
магистрант,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток,
sabrina.133vika@mail.ru
Научный руководитель – Филиппова Э.М., доцент

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЕЙ: ВИДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация

В работе рассматриваются правовые последствия при злоупотреблении правом семьями с детьми на получение социальных выплат. На конкретных примерах судебной практики рассматриваются виды юридической ответственности за подобные действия: гражданско-правовая (взыскание неосновательного обогащения, принуждение к исполнению обязательств) и уголовно-правовая (мошенничество при получении выплат).

Ключевые слова: защита семьи, меры социальной поддержки, злоупотребление правом, уголовная ответственность, гражданско-правовая ответственность, право социального обеспечения.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ). Данные принципы выступают базисом для принятия государством мер по охране интересов матери и ребенка, созданию правовых механизмов такой охраны и поощрению института материнства и направлены на формирование здоровой семьи, общества и государства в целом.

В целях практической реализации данной конституционной гарантии был принят ряд нормативно-правовых актов, устанавливающих меры социальной поддержки для семей с детьми и беременных женщин: Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ (программа «материнский капитал») (далее – Закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ), Федеральный закон «О ежемесячных выплатах семьям, имеющих детей» от 28.12.2017 № 418-ФЗ, а также Указ Президента РФ от 07.04.2020 № 249 и др.

Гражданин, у которого возникло право на получение таких дополнительных гарантий, вправе в полной мере ими воспользоваться, однако, как и в любой другой сфере правоотношений, в области социального обеспечения встречаются случаи злоупотребления правом.

Особенностью санкций в праве социального обеспечения является их преимущественно правовосстановительный (компенсаторный) характер [1], который проявляется в механизме защиты прав при злоупотреблении гражданами своим правом на социальное обеспечение, например, в результате предоставления ложных сведений или сокрытия обстоятельств, влияющих на размер выплат [2, с.151].

На практике за злоупотребление правом на получение социальных выплат, предназначенных для семей с детьми, устанавливается гражданско-правовая и уголовно-правовая ответственность.

Рассматривая гражданско-правовую ответственность, речь, как правило идет о взыскании неосновательного обогащения или о принуждении к исполнению обязательств, связанных с целевым характером социальной выплаты.

Яркой иллюстрацией служит решение Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан от 24 ноября 2022 г. по делу № 2-731/2022, в котором суд обязал гражданина Д., получившего средства материнского капитала на улучшение жилищных условий, не выполнил обязанность по оформлению жилого дома в собственность своих несовершеннолетних детей. Суд признал его действия односторонним отказом от исполнения обязательств, что противоречит целям закона о материнском капитале и нормам Гражданского кодекса РФ требованиям ст. 310 ГК РФ и не отвечает целям, предусмотренным Законом от 29.12.2006 № 256-ФЗ. Ответчик был обязан в установленный срок оформить доли детей в праве собственности на жилье.

Таким образом, нецелевое использование средств материнского капитала было признано судом злоупотреблением правом, что прямо запрещено статьей 10 ГК РФ.

Другим иллюстративным случаем является судебное решение Бологовского городского суда Тверской области № 2-623/2018 от 23 октября 2018 г. о взыскании неосновательного обогащения с гражданки К, которая получала ежемесячное пособие на двоих детей и выплату на ребенка в возрасте до трех лет, она не исполнила обязанность по информированию органа социальной защиты населения Балашовского района об утрате регистрации на территории Саратовской области с 03 марта 2016 года. Однако, несмотря на то, что получатель была предупреждена об этой обязанности и связанной с ее неисполнением ответственностью, сокрытие указанного факта привело к образованию переплаты бюджетных средств за период с 01 апреля 2016 года по 31 июля 2018 года на общую сумму 231 145 рублей 80 копеек. В результате комиссия по рассмотрению спорных вопросов указанного учреждения установила вину получателя в возникновении переплаты, что впоследствии послужило основанием для судебного решения о взыс-

кании данной суммы в качестве неосновательного обогащения в доход бюджета.

В более серьезных случаях, когда действия носят характер прямого мошенничества, наступает уголовная ответственность. Законодатель выделил отдельный состав преступления – мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ).

Наглядным примером является приговор Фрунзенского районного суда г. Иваново от 19 мая 2023 г. по делу № 1-50/2023, которым гражданка К. была признана виновной в совершении мошенничества при получении выплат (ч. 3 ст. 159.2 УК РФ).

Как установило следствие, Кондрашова Е.Б., будучи владельцем сертификата на материнский (семейный) капитал (далее – МСК), действуя умышленно, в составе группы лиц по предварительному сговору, реализовала спланированную схему хищения бюджетных средств. Не имея реального намерения улучшить жилищные условия своей семьи, она, нарушая установленный Законом от 29.12.2006 № 256-ФЗ исчерпывающий перечень целей использования средств МСК, предоставила в Управление Пенсионного фонда РФ заведомо ложные сведения.

Данные противоправные действия, совершенные путем обмана и злоупотребления доверием представителей государственного органа, позволили ей незаконно получить средства МСК и распорядиться ими по своему усмотрению. В результате Российской Федерации, в лице Пенсионного фонда РФ, был причинен материальный ущерб в крупном размере – 408 026 рублей. Суд квалифицировал эти действия как хищение средств, выделяемых в качестве дополнительной меры государственной поддержки семей с детьми.

Помимо классических случаев нецелевого использования средств, современная практика выявляет иные формы злоупотреблений.

В период пандемии коронавирусной инфекции, когда Указом Президента РФ от 7 апреля 2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей», был введен упрощенный порядок назначения выплат, участились случаи получения пособий родителем, не проживающим с детьми, что приводило к нарушению прав второго родителя и самих несовершеннолетних, и влекло за собой взыскание сумм как неосновательного обогащения. Яркой иллюстрацией подобных действий служит случай, рассмотренный в Москве [3]. Так, после введения указанных мер отец несовершеннолетних детей, проживавших с матерью после расторжения брака в 2017 году, воспользовался возможностью подачи заявления через портал государственных услуг. В результате ему были незаконно перечислены средства в размере 20 000 рублей, а также единовременная выплата в размере 5 000 рублей на ребенка в соответствии с Указом

Президента РФ от 17 декабря 2020 г. № 797. Мать детей, обратившаяся за назначением положенных ей пособий, получила отказ по причине их предыдущего получения другим родителем, в связи с чем, она обратилась суд, который с отца взыскал средства в пользу матери как неосновательное обогащение, полученное вследствие злоупотребления родительскими правами. Данная ситуация демонстрирует модель поведения, при которой родитель, не проживающий с детьми, действует в ущерб их интересам, извлекая незаконную имущественную выгоду.

Отдельную проблему представляет злоупотребление статусом матери-одиночки. Отсутствие его легального определения создает почву для его некорректного использования, когда женщина, фактически проживающая в браке или сожительстве с отцом ребенка, целенаправленно не вносит сведения о нем в документы для получения льгот и пособий, но и особые трудовые гарантии (например, защиту от увольнения), хотя ребенок воспитывается в полной семье. Вместе с тем при предшествовавшем регулировании в области социальной защиты материнства и детства общепризнанным считалось понятие одинокой матери как не состоящей в браке, если в свидетельствах о рождении детей запись об отце ребенка отсутствует или эта запись произведена в установленном порядке по указанию матери [4]. Таким образом, распространенность подобных злоупотреблений связана с формальным отсутствием записи об отце, что позволяет недобросовестным родителям искусственно создавать условия для получения льгот.

Наиболее вопиющей формой злоупотребления являются случаи сокрытия факта смерти ребенка для незаконного получения социальных выплат. В январе 2014 года стало известно о жительнице Алтайского края, которая в течение восьми лет скрывала смерть своей приемной дочери, продолжая получать вознаграждение за ее воспитание. По данным прокуратуры, общая сумма необоснованно полученных средств превысила 600 тысяч рублей [5]. Более свежий инцидент был зафиксирован в ноябре 2023 года в г. Великие Луки Псковской области, где мать скрывала смерть троих детей, продолжая получать положенные пособия, как сообщалось в СМИ, ее мотивацией было желание сохранить источник дохода [6]. Подобные действия представляют собой крайнюю форму жестокости и прямого злоупотребления родительскими правами, выражающегося в противоправном обогащении на средства, предназначенные для обеспечения детей.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать следующие выводы. Во-первых, на практике встречаются случаи привлечения к обоим видам юридической ответственности: как гражданско-правовой, так и уголовной. Во-вторых, уголовная ответственность связана с наличием специального состава преступления – мошенничества при

получении выплат. В-третьих, лицо, злоупотребившее правом на социальные выплаты, может быть привлечено к гражданской ответственности путем взыскания неосновательного обогащения или обязано выполнить определенные действия для достижения цели, ради которой было выдано социальное пособие.

Анализ практики позволяет выделить разнообразные формы злоупотреблений, включая неправомерное получение выплат не проживающим с ребенком родителем, искусственное создание статуса матери-одиночки и наиболее тяжкие случаи сокрытия смерти детей.

Список цитируемой литературы:

1. Шайхатдинов, В. Ш. Теоретические проблемы советского права социального обеспечения / В.Ш. Шайхатдинов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та 1986. – С. 108-109.

2. Пузырева, А. А. Неосновательное обогащение в праве социального обеспечения / А.А. Пузырева // Вестник ОмГУ. Серия. Право. - 2017. - №1 (50). – С. 150-155.

3. Иванова Ю. Неосновательное обогащение путем злоупотребления родительскими правами. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/neosnovatelnoe-obogashchenie-putem-zloupotrebleniya-roditelskimi-pravami/ (дата обращения: 10.11.2025).

4. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского областного суда от 03 июля 2023 г. по делу N 33-17322/2023.

5. Жительница Алтая 8 лет скрывала смерть ребенка ради соцвыплат URL: https://rg.ru/20 14/01/22/reg-sibfo/opekunsha-anons.html (дата обращения: 10.11.2025)

6. Новые детали в деле матери, жившей с мертвыми детьми URL: https://ria.ru/20231125/ubiystvo-1911707073.html (дата обращения: 10.11.2025)

УДК 342

Мардовкин Роман Сергеевич,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
rmardovkin00@mail.ru
Научный руководитель – Кузнецова Н.Н., канд. юрид. наук, доц.

ПРОТИВОРЕЧИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАВНОПРАВИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В настоящей работе осуществляется анализ конституционного принципа равноправия субъектов Российской Федерации. На основе исследования конституционно-правового регулирования субъектов РФ выявлены определенные правовые противоречия и пути их решения.

Ключевые слова: федерализм; субъект Российской Федерации; закон; принцип равноправия; конституционное право.

В соответствии с частью 4 статьи 5 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны [1].

Вторая часть рассматриваемой статьи устанавливает: «Республики как субъекты Российской Федерации наделены законодателем возможность принимать собственные конституции, законодательство, и это отражает их автономию». В это же время другие субъекты России обладают нормативной базой в виде уставов, собственного законодательства.

В контексте конституционного права Российской Федерации, статус республик как субъектов федерации регулируется основополагающими учредительными актами, которые находят свое закрепление в конституционных документах этих субъектов. Конституция каждой республики обладает высшей юридической силой на её территории, уступая лишь Конституции РФ и федеральным законам, что отражает иерархическую структуру правовой системы государства.

На сегодняшний день в Российской Федерации отсутствует установленный порядок принятия конституций субъектов федерации – республик; основополагающим критерием легитимности республиканской конституции является её соответствие Конституции РФ и федеральному законодательству.

Принятие конституции республик в составе РФ является сложным юридическим механизмом. Несмотря на детальное, четкое законода-

тельное регулирование, республики обязаны учитывать основополагающие конституционные принципы при создании собственных актов.

Равенство участников федеративного государства является важнейшим принципом, фундаментальной основой конституционного строя. Относительно реализации самостоятельности и автономии субъектов РФ этот принцип приобретает значимость, определяя сбалансированное распределение полномочий между РФ и субъектами РФ.

В.Н. Вербина говорит следующее: «Данный принцип говорит о равенстве прав и свобод граждан, проживающих на территории разных субъектов, одинаковом объеме политических и экономических прав, однотипности субъектов. Однако, во многих аспектах ч. 1 ст. 5 Конституции РФ противоречит правовой действительности [4, с. 110].

Одним из ключевых аспектов нарушения принципа равноправия субъектов Российской Федерации является неоднозначность самого понятия равноправия.

«Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов - равноправных субъектов Российской Федерации» (ч. 1 ст. 5 Конституции РФ) [1].

В четвертой части анализируемой статьи наблюдается тенденция к юридическому и фактическому сужению принципа равноправия субъектов, ограничивая его исключительно рамками взаимодействия с федеральным центром. Данная формулировка может быть интерпретирована как попытка нивелировать потенциальные конфликты между региональными и федеральными органами власти, однако она также может восприниматься как ущемление автономных прав субъектов федерации в контексте их взаимоотношений с центральной властью.

Конституция РФ устанавливает два ключевых положения. Первое гласит, что статус каждой республики в стране определяется как Конституцией России, так и собственной конституцией данной республики. Второе положение указывает, что статус краев, областей, городов федерального значения, автономных областей и автономных округов также регулируется Конституцией России, но с дополнением в виде устава, принимаемого местными органами власти.

Республики вправе принимать свои конституции без строгого соблюдения правовых норм. Уставы других субъектов Российской Федерации, таких как края, области, города с особым статусом, автономная область и автономные округа, разрабатываются и принимаются исключительно их законодательными органами.

В юридической литературе выявленное правовое противоречие встречается в работе Д.А. Степанян: «одна из таких проблем симметрия и одновременная асимметрия правового статуса субъектов Россий-

ской Федерации» [6, с. 151], в работе Е.В. Барашевой «на данный момент наблюдаются некоторые проблемы, связанные с асимметричностью конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации, которые являются достаточно сложными» [3, с. 14].

Ранее действовавший Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ, утративший силу в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ с 1 января 2023 года, регламентировал следующий порядок: принятие республиканской конституции осуществляется при условии одобрения большинством депутатов, составляющим не менее двух третей от установленного числа парламентариев, что является ключевым элементом процедуры конституционного нормотворчества на уровне субъектов федерации.

В условиях современного правового пространства республики обладают значительной автономией в выборе методов разработки конституционных актов. Это предоставляет им возможность применять разнообразные процедурные подходы, соответствующие принципам конституционного права и учитывающие уникальные особенности каждой республики, её политическую культуру и исторические традиции. Такой методологический плюрализм способствует повышению легитимности и эффективности конституционного процесса, обеспечивая его соответствие как национальным, так и международным стандартам конституционного правотворчества. «Среди этих методов выделяются такие ключевые формы, как принятие конституции парламентом, специальным конституционным собранием или через механизм референдума» [5, с. 139].

В качестве примера законодательного процесса принятия конституций субъектов Российской Федерации можно привести следующий прецедент: Конституция Республики Адыгея была утверждена Законодательным Собранием в 1995 году.

В контексте конституционного нормотворчества следует также упомянуть пример, когда конституционный акт были принят посредством референдума. Так, Конституция Чеченской Республики была принята на референдуме в 2003 году.

Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [2] устанавливает, что проект закона субъекта Российской Федерации подлежит рассмотрению законодательным органом субъекта Российской Федерации в рамках процедуры, включающей не менее двух чтений. Решение о принятии или отклонении проекта закона, а также о его окончательном принятии, оформляется в виде постановления законодательного органа

субъекта Российской Федерации, что обеспечивает прозрачность и легитимность законодательного процесса на региональном уровне.

Таким образом, в соответствии с правовой системой Российской Федерации все регионы страны обладают формально равным статусом. Тем не менее, Конституция Российской Федерации предусматривает наличие специфических привилегий для республик, которые отличают их юридический статус от других субъектов федерации. Республики наделены правом принимать собственные конституции, в то время как остальные субъекты федерации разрабатывают и утверждают свои уставы исключительно через свои законодательные органы.

В целях устранения нарушения принципа правового равенства субъектов Российской Федерации требуется внести изменения в Конституцию РФ, направленные на обеспечение равенства всех субъектов. Данный подход предполагает внесение поправок в статьи 5 и 66 Конституции РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г.№ 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ, от 5 окт. 2022 г. № 5-ФКЗ, от 5 окт. 2022 г. № 6-ФКЗ, от 5 окт. 2022 г. № 7-ФКЗ, от 5 окт. 2022 г.№ 8-ФКЗ. // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – Ст. 4398.

2. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ : принят Гос. думой 14 дек. 2021 г. : одобрен Советом Федерации 15 дек. 2021 г. : [в ред. от 31 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации.– 2021. – № 52 (часть 1). – Ст. 8973.

3. Барашева, Е.В. Субъекты Российской Федерации, их виды и конституционно-правовой статус / Е.В. Барашева // ГлаголЪ правосудия. – 2023. – № 4 (34). – С. 11-15.

4. Вербина, В.Н. Равенство субъектов Федерации в современной правовой действительности / В.Н. Вербина // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 1. – С. 109-114.

5. Сафина, С.Б. Принятие конституций республик в составе Российской Федерации: политико-правовой аспект / С.Б. Сафина // Власть. – 2011. – № 5. – С. 137-140.

6. Степанян, Д.А. Проблемы федеративного устройства РФ и возможные варианты их решений / Д.А. Степанян // Молодой ученый. – 2018. – № 51 (237). – С. 150-153.

УДК 342

Мячин Артем Михайлович,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
artem.560925@gmail.com
Научный руководитель – Кузнецова Н.Н., канд. юрид. наук, доц.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ЛЕГИТИМНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

Современные государства функционируют в условиях глубокого взаимодействия двух фундаментальных категорий публичного права: легитимности государственной власти и эффективности публичного управления. Они являются основой эффективных взаимоотношений между обществом и государством, направленных на обеспечение реализации общественных интересов. Однако существует ряд проблем, требующих рассмотрения и разрешения.

Ключевые слова: государственная власть; публичное право; легитимность; закон.

Публичное право, регулирующее отношения между государством и обществом, в современном мире сталкивается с определенными вызовами. В условиях «общемировой нестабильности решающее значение приобретает устойчивость национальных систем» [4, с. 5]. Признание населением права государства на управление им, то есть легитимность, актуальна в любое время, поскольку требует постоянного подтверждения.

В настоящее время существуют две значимые проблемы, которые требуют научного освещения и практического разрешения – это кризис легитимности государственной власти и неэффективность системы публичного управления. Они оказывают влияние на устойчивость государственных институтов и качество жизни граждан. В контексте современных реалий, включающих цифровую трансформацию, глобальные экономические вызовы и переменчивые социальные ожидания, взаимосвязь указанных проблем приобретает особую актуальность.

Легитимность – это «убежденность членов политической системы в том, что ее лидеры, институты и нормы являются правильными и уместными» [3, с. 81]. Во все времена имелись способы обеспечения легитимности государственной власти: она обеспечивалась «силой, со-

словной иерархией, династической традицией, наконец, выборами» [4, с. 5]. Однако можно безусловно выделить, что в любое время это является опорным, структурным элементом для поддержания государственности и стабильности общественного развития, «поскольку он со всей очевидностью самым непосредственным образом касается самих перспектив существования страны, общества и государства» [1, с. 26]. Также стоит сказать, что значимость легитимности определило постоянное повышенное внимание к ее обеспечению, ввиду чего она является объектом пристального внимания со стороны не только общества, но и самого государства.

Легитимность включает в себя не только юридический аспект, но и оценочную характеристику. Вахрушева Е.Ю., Голоснов О.А., Мезинова Г.Н. и Смирнова С.Б. выделают легитимность:

- «легальную – законность власти зафиксирована конституцией и определенными нормами права, а также деятельностью, соответствующих институтов, включая совершаемые принудительном порядке санкции;

- традиционную – принятие власти как легитимной, поскольку она возникает и функционирует в соответствии с общепринятыми ценностями общества;

- персональную – когда принятие и существование власти основано на вере масс в способности политического лидера или вождя» [1, с. 26].

Также авторы выделяют три компонента легитимности: идеологический, правовой и нравственный, и отмечают, что власть является устойчиво легитимной при легитимности всех ее составляющих. Законная власть, которая не соответствует определенным «ожиданиям» народа, может быть лишена этой характеристики.

Легитимность как ключевая характеристика публичной власти всегда подвергается серьезным испытаниям. Любое подозрение на чисто формальное соблюдение каких-либо процедур, расхождение между законодательными нормами и практикой их применения, а также неэффективное взаимодействие между властью и народом может повлечь волнения внутри общества и привести к проблемам. Обеспечение легитимности «позволяет сформировать добровольную поддержку проводимой политики со стороны общества» [3, с. 77], что объясняет ее высокий статус в политико-правовой сфере.

Если говорить о публичном управлении, то оно представляет собой сложный, многогранный процесс, включающий в себя деятельность органов публичной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития РФ и обеспечения ее национальной безопасности. Безусловно, следует отметить, что публичное

управление имеет комплексный характер, подтверждающий сложность данного процесса и важность его точной реализации.

Экономическую эффективность публичного управления, на наш взгляд, следует оценивать через рост ВВП и увеличение инвестиций, понижение уровня безработицы и инфляции; социальную эффективность – через повышение уровня жизни населения, доступности и качества образования и медицинской помощи; экологическую эффективность – через оперативное устранение экологических катастроф и уменьшение количества вредных отходов; институциональную эффективность – через прозрачность и подотчетность государственных органов, что уменьшает коррупционные риски.

Следует также рассмотреть местное самоуправление, которое подразумевает «реализацию принципов общественного контроля и политического равноправия» [2, с. 205]. В условиях цифровизации меняется порядок информирования населения о процессе «принятия политических решении путем участия в местных референдумах, голосованиях, обсуждениях текущих вопросов жизнедеятельности местного сообщества» [2, с. 206]. С одной стороны, цифровые технологии облегчают данный процесс, позволяя большему числу людей узнать о планируемых мероприятиях и поприсутствовать на них, но, с другой стороны, среди людей все еще распространены консервативные убеждения о неполном транслировании программ в информационной среде.

Для повышения эффективности публичного управления и укрепления легитимности власти требуется системный подход к реализации комплексных мер. Например, можно выделить дальнейшее развитие и внедрение электронных услуг в повседневную жизнь, дальнейшее совершенствование системы оценки эффективности модели развития публичного управления (развитие публичной отчетности должностных лиц, внедрение цифровых платформ для публичных обсуждений и т.д.).

Таким образом, легитимность государственной власти и эффективность публичного управления являются взаимосвязанными и взаимозависимыми категориями, лежащими в основе устойчивости политической системы. Укрепление легитимности в условиях глобализации и цифровой трансформации видится через повышение эффективности публичного управления.

Список цитируемой литературы:

1. Вахрушева, Е.Ю. Легитимация и легализация публичной политической власти: теоретические аспекты / Е.Ю. Вахрушева, О.А. Голоснов, Г.Н. Мезинова, С.Б. Смирнова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 7. – С. 25-29.

2. Великая, Н.М. Легитимность местной власти: значение цифровой коммуникации / Н.М. Великая, О.В. Гребняк, А.Ю. Станевич // Власть. – 2025. – Т. 33. – № 1. – С. 205-216.

3. Игнатьева, О.А. Системные основания легитимности политической власти / О.А. Игнатьева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2025. – № 2 (83). – С. 76-84.

4. Лукьянов, Ф.А. Легитимность эпохи неопределённости / Ф.А. Лукьянов // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. – № 1. – С. 5-6.

УДК 342

Мячина Александра Денисовна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
polyakova_2503@mail.ru
Научный руководитель – Кузнецова Н.Н., канд. юрид. наук, доц.

БЮРОКРАТИЗАЦИЯ И НЕСОВЕРШЕНСТВО АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РФ

Аннотация

В настоящее время значимой является проблема излишней бюрократизации процедур органов публичной власти, что приводит к смешению понятий «бюрократия» и «государственный аппарат». Для более эффективной реализации публичной власти необходимо разграничить данные понятия, а также выявить и устранить специфические особенности бюрократической системы, которые приводят к несовершенству ряда правовых процедур.

Ключевые слова: бюрократия; цифровой бюрократизм; публичная власть; государственный аппарат.

Бюрократизация публичной власти является одной из наиболее острых проблем современного государства. Несмотря на продолжительные реформы, направленные на повышение эффективности правового управления, бюрократизм еще не исчерпан, он продолжает проявляться при внутреннем функционировании власти и остается значимым барьером на пути к беспрепятственному социально-экономическому развитию страны. В бытовом сознании граждан понятия «бюрократизм» и

«государственный аппарат» часто воспринимаются как синонимы, хотя на деле таковыми являться не должны.

Бюрократия подразумевает под собой непосредственно процесс исполнения государственными служащими своих полномочий, однако бюрократизм имеет отрицательное, уничижительное значение – «канцелярщина», когда чиновники оторваны от народа и не могут отступиться от существующих формальностей. Положительные черты бюрократии могут приобретать отрицательное значение – например, четкое распределение функций между органами публичной власти может приводить как к высокой эффективности управленческого труда, так и к ограниченному взгляду на оценку проблемы и ее решение. «Неопределенность терминологии при использовании бюрократии как социального института в современном восприятии приводит к ярко выраженной негативной оценке» [3, с.134]: столкнувшись с негативным опытом один раз, человек в дальнейшем вспоминает об этом и укрепляет у себя в подсознании отрицательное мнение об аппарате публичной власти.

В результате неукоснительного соблюдения формальных правил работники теряют способность самостоятельно принимать решения, зацикливаясь на своей узкой роли, и «задача чиновника – обеспечить соблюдение единых, общих для всех формальных правил – превращается в самоцель» [3, с.135]. Неукоснительное следование правилам становится первостепенной задачей, ставя на второе место истинную цель органов публичной власти – защита прав и свобод граждан, то есть упор идет больше на процесс, чем на результат. В данной ситуации госслужащий начинает заботиться прежде всего о своем положении, что может приводить к замкнутости системы и постепенному отрыву от людей.

Все многообразие действий бюрократического аппарата приводит к «структурной кристаллизации и утверждению функциональной рутины, заключающейся в монотонном выполнении по сути схожих задач» [1, с.151]. В политико-правовой сфере это означает «освобождение» административного аппарата государства от взаимодействия с обществом, а это повлечет недовольство людей. Кроме того, необоснованно возрастает аппарат чиновников без реального увеличения производительности.

Одним из ключевых проявлений бюрократизации является избыточное регулирование правовых процедур и чрезмерное соблюдение формальностей. Это можно проследить, например, в сфере бесплатной юридической помощи: 30 октября 2025 года в Совете Федерации на круглом столе, посвященном обсуждению инновационных форм оказания бесплатной юридической помощи в регионах, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ Сергей Борисович Зубков отметил высокий уровень бюрократизации как для граждан, вынужденных готовить большой пакет документов с целью получения помощи, так и

для адвокатов, оказывающих ее. В настоящее время перечень необходимых документов различается в зависимости от субъекта РФ, что создает дополнительные трудности, однако он должен быть единым и максимально простым.

Кроме того, следует отметить, что с развитием цифровизации и внедрением системы оказания электронных услуг бюрократизация отнюдь не уменьшилась. Отличие так называемого «цифрового бюрократизма» от «традиционного» в том, что «традиционный бюрократизм проявляется в управлении, основанном на аналоговой информации, цифровой же бюрократизм – на «оцифрованной» информации, и связан с использованием в управлении различных информационно-коммуникационных технологий на сетевых структурах и платформах» [4, с. 25]. С переходом на «цифру» и появлением госуслуг бумажный оборот не сильно уменьшился. Большинство документов дублируются и в бумажном, и в электронном форматах. Многофункциональные центры (МФЦ) часто стоят между гражданами и ведомствами, то есть для получения необходимого документа граждане обращаются не сразу в нужное ведомство, а в МФЦ, а оно, в свою очередь, уже общается с ведомством.

Также стоит обратить внимание на постоянное создание реестров и регистров, точного количества которых нет. Они содержат узкоспециализированную информацию, которой в своей работе пользуется ограниченное количество ведомств. С 1 марта 2026 года будет создан единый федеральный регистр беременных женщин, который будет содержать информацию о будущих матерях, исходах беременности и здоровье новорожденных для более объективной оценки демографической ситуации в регионах, хотя в настоящее время Министерством здравоохранения Российской Федерации посредством функционирования единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения уже реализуется мониторинг за состоянием здоровья населения. Это означает, что появится еще более узкая система документооборота, связанная с отслеживанием начала и окончания беременности, в том числе внепланового (по зависящим и независящим от лица причинам), состояния матери и ребенка. Медицинские организации, помимо уже существующих документов, будут также подавать сведения и в этот регистр, что видится проблематичным в связи с сокращением штата медицинских работников.

Если говорить о методах борьбы с бюрократизмом, то одним из наиболее распространенных методов является «подотчетность власти, она заключается в том, что государственный контроль и публичный контроль со стороны общества играет роль стимулятора» [2, с. 10]. Следует отметить зарубежный опыт: в апреле 2025 года президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко подписал

директиву, согласно которой государственным органам запрещено проводить совещания без оснований. Это введение направлено на повышение эффективности функционирования системы органов государственной власти, а также добросовестного отношения к работе.

Перспективным направлением дебюрократизации является оптимизация и корректная цифровизация административных процедур, например, интеграция государственной платформы Министерства юстиции РФ («Вправе.РФ») с порталом государственных услуг, и наиболее распространенных административных процедур, что позволит упростить взаимодействие граждан с представителями государственной власти, исключив громоздкие и запутанные системы обращений.

Таким образом, перспективными направлениями для устранения избыточной бюрократизации являются внедрение результатно-ориентированного подхода, направленного на конечную цель обращения гражданина в орган публичной власти; усиление общественного участия и контроля для устранения убежденности в закрытости и предвзятости бюрократической системы; оптимизация популярных процедур посредством «реализации мероприятий по снижению избыточного государственного регулирования; внедрение современных технологий и принципов управления, направленных на повышение качества государственных услуг; разработка механизмов оценки и повышения эффективности и результативности органов власти; реализация мероприятий по повышению информационной открытости» [5, с. 102].

Список цитируемой литературы:

1. Иванченко, И.Н. Социокультурные аспекты бюрократического феномена в России (на примере местного самоуправления) / И.Н. Иванченко // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2023. – № 1 (69). – С. 147-154.

2. Колесникова, П.Д. Бюрократизм и коррупция в профессиональной юридической деятельности. Способы борьбы с ними / П.Д. Колесникова // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 38. – С. 7-15.

3. Малышева, О.А. Право, бюрократия и современное юридическое образование: проблемы, возможности, опасения / Е.Ю. Малышева // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2024. – Т. 5. – № 4 (28). – С. 133-139.

4. Пугачев, В.П. Бюрократизм в цифровом обществе / В.П. Пугачев // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2025. – № 1. – С. 20-41.

5. Трошкина, И.Н. Проблемы реализации принципов организации государственной власти в России / И.Н. Трошкина, Ачитаев И.В. // Научный компонент. – 2023. – № 4 (20). – С. 93-103.

УДК 339.543

Пеньковская Елена Валерьевна,
Нестеренко Анна Андреевна
студенты,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно
elenapenkovskaa1@gmail.com, annanesterenko914@gmail.com
Научный руководитель – Габец Н.С., магистр юрид. наук,
старший преподаватель кафедры международного права

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОНТРАБАНДЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И БЛОКЧЕЙН

Аннотация

В статье анализируются современные вызовы деятельности таможенных органов, связанные с использованием цифровых валют, сложных логистических схем и теневых каналов связи для контрабанды. Анализируется потенциал применения передовых цифровых технологий, в частности технологий блокчейн и искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Ключевые слова: таможенный контроль, контрабанда, блокчейн, искусственный интеллект, цифровизация, цепочка поставок.

В эпоху глобального взаимодействия контрабандная деятельность проявляет значительную гибкость и изобретательность, что значительно осложняет работу белорусских таможенных органов. Международные криминальные объединения оперативно применяют новейшие технологии, в том числе цифровые валюты и засекреченные каналы коммуникации в теневом интернете, для организации незаконных поставок. Схемы транспортировки грузов постоянно усложняются, используя фиктивные компании, территории транзита и маскировку в легальных товарах, включая сокрытие в конструкциях с тайниками, товары, не указанные в декларациях, и крупные оптовые партии. Особенную угрозу несут инновационные формы контрабанды, такие как радиоактивные вещества, детали для производства вооружений, а также киберконтрабанда – нелегальное распространение информации и технологий.

Эти обстоятельства обязывают таможенную службу Беларуси к своевременной и прогрессивной технологической реакции. Внедрение интеллектуальных систем анализа рисков, базирующихся на обработке больших объемов данных и использовании искусственного интеллекта, позволяет идентифицировать потенциально опасные логистические

маршруты. Применение инспекционно-досмотрового комплекса (далее – ИДК) упрощает обнаружение запрещенных веществ и материалов без нарушения целостности упаковки.

Переход на цифровой формат таможенных операций, создание унифицированной информационной системы для координации с другими ведомствами и зарубежными партнерами является важнейшим элементом в противодействии международной преступности. Следовательно, непрерывное обновление технической базы и профессиональное развитие сотрудников становятся для Беларуси не просто желательными, а обязательным условием поддержания эффективного контроля над перемещением товаров и защиты национальной безопасности в быстро меняющемся мире.

Цель работы – разработка предложений по интеграции искусственного интеллекта и блокчейна в деятельность таможенных органов для повышения эффективности выявления и пресечения контрабанды.

Технология блокчейн, будучи децентрализованной и не поддающейся изменениям системой учета, формирует основу для абсолютно нового уровня доверия и прозрачности в таможенных операциях [5]. Среди ее преимуществ выделяют децентрализованность и публичность, фиксирование всех трансакций, сложность взлома и т. д. [6, с. 91]. При этом в научных исследованиях отмечено, что ее внедрение упростит и ускорит процесс таможенного оформления, окажет положительное влияние на трансграничную торговлю [1, с. 174]. Внедрение блокчейна позволяет построить защищенную и подлинную базу данных всей цепи поставок, где каждая операция, связанная с информацией о товаре, кодируется криптографическим методом и не имеет возможности для последующего редактирования. Таким образом, эффективно предотвращается мошенничество, сводя к минимуму вероятность фальсификации важных документов (сертификаты происхождения, счета-фактуры или фитосанитарные акты), часто применяемые для сокрытия незаконных перевозок. Безопасность информации повышается за счет шифрования и распределенного хранения данных в сети, что исключает несанкционированное изменение или удаление информации из единого центра.

Практическая реализация подразумевает последовательное внесение данных о грузе всеми участниками внешнеэкономической деятельности – от отправителя и перевозчика до таможенного представителя и непосредственно таможенной службы – в распределенную систему учета на каждом этапе движения товара. В результате таможенный инспектор получает доступ не к отдельным и потенциально подделанным документам, а к единой, согласованной и полной истории товара, что значительно уменьшает риски манипуляций и ускоряет процесс контроля.

Интеграция блокчейна создает не просто технологический инструмент, а основу для новой экосистемы таможенного контроля, опирающейся на автоматизированное доверие. В такой системе все этапы жизненного цикла груза – от производства до таможенного оформления – регистрируются в виде цепочки взаимосвязанных и криптографически защищенных записей. Это кардинально меняет стратегию борьбы с контрабандой, поскольку исключается возможность изолированной подделки одного документа, так как его данные будут несовместимы с общей историей товара, хранящейся у всех участников цепи. Защита обеспечивается не только шифрованием, но и децентрализованным консенсусом – любая попытка несанкционированного внесения изменений будет отклонена сетью, поскольку каждый участник, будь то экспортер, перевозчик или таможенная служба другого государства, обладает собственной копией реестра. В конечном счете, формируется единое открытое пространство, где таможенный инспектор видит не набор документов, предоставленных декларантом, а проверенную и объективную хронологию перемещения товара. Это позволяет автоматически подтверждать подлинность данных и высвобождает ресурсы для целевого контроля действительно подозрительных поставок, основываясь на анализе неизменяемой и достоверной информации.

Следует отметить, что появляются также новые технологические решения, способные повысить эффективность и результативность работы таможенных служб. Одной из таких инноваций является технология компьютерного зрения, которая представляет собой междисциплинарную область, занимающуюся методами получения, обработки, анализа и интерпретации цифровых изображений для извлечения числовой или символьной информации [4, с. 55]. Такие системы способны выделять на сканах органические вещества, наркотические средства, вооружение или предметы, не соответствующие заявленному описанию товара. Это повышает скорость неинвазивного контроля и увеличивает его надежность, сдерживая попытки контрабанды. Интеграция ИИ создает комплексную интеллектуальную среду, которая расширяет аналитический и операционный потенциал таможенных служб на всех этапах проверки.

Внедрение искусственного интеллекта также открывает принципиально новые возможности для повышения эффективности и точности таможенного контроля, преобразуя его из пассивного в предупредительный. Одним из ключевых аспектов применения ИИ является автоматизированная классификация товаров. Используя алгоритмы семантического разбора и обработки естественного языка (NLP), модели машинного обучения способны автоматически определять код Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) на основе текстового описания продукции, предоставленного деклаан-

том [2, с. 57]. Данный подход значительно ускоряет процесс таможенного оформления, а также сокращает влияние субъективных факторов, что уменьшает количество ошибок и преднамеренных злоупотреблений, таких как занижение таможенной стоимости или неверная классификация для уклонения от налогов.

Существенный вклад ИИ вносит в развитие системы управления рисками (СУР). Современные алгоритмы машинного обучения, такие как регрессионный анализ, методы кластеризации и нейронные сети, способны в режиме реального времени анализировать большие объемы структурированных и неструктурированных данных. К ним относятся история декларирования, данные об участниках ВЭД, информация о логистических цепочках, финансовые операции и даже данные из открытых источников. Выявляя сложные взаимосвязи и скрытые закономерности, ИИ позволяет определить аномалии и оценить риски с большей точностью. Это позволяет перейти от выборочного контроля к целевому, направляя ресурсы таможенных инспекторов на наиболее подозрительные грузы и субъекты ВЭД, что напрямую способствует предотвращению таких нарушений, как контрабанда и сокрытие товаров.

В настоящий момент актуальным направлением является цифровизация производственных процессов на всех этапах. Особое внимание уделяется идентификации товаров, которая позволяет отслеживать продукцию и защищать бренд от подделок. Для этого применяются различные технологии, такие как линейные штрихкоды, двумерные коды и RFID.

Линейные (одномерные) штрихкоды — это графическое представление информации в виде комбинации черных полос разной ширины и пробелов между ними. Они позволяют зашифровать небольшие объемы информации (до 20-30 символов) и считываются в одном направлении.

Двумерные (2D) штрихкоды изображаются в виде квадрата и могут быть считаны в двух плоскостях, что позволяет хранить больший объем данных [2, с.57].

Важным направлением для борьбы с контрабандой является использование инспекционно-досмотровых комплексов (далее – ИДК), которые представляет собой комплексы специальной электронной аппаратуры, предназначенные для бесконтактного таможенного досмотра крупногабаритных объектов, работающие по принципу рентгеновского сканирования. ИДК позволяют эффективно и быстро исследовать транспортные средства на признак контрабанды или иных нарушений в сфере таможенного дела [3]. Размещение инспекционно-досмотровых комплексов в первоочередном порядке производится в пунктах пропуска через таможенную границу Евразийского экономического союза учетом прохождения основных международных транспортных коридоров, основных транспортных магистралей государств-

членов Союза и максимальных показателей товаропотоков, а также результатов анализа путей возможного незаконного перемещения через таможенную границу Союза наркотических, взрывчатых веществ и других опасных товаров (включая оружие и боеприпасы).

Таким образом, технологии искусственного интеллекта и блокчейн обладают значительным потенциалом для перехода от фрагментарного таможенного контроля к комплексной системе управления рисками на основе, сочетающей элементы цифровизации. Внедрение технологий ИИ и блокчейн следует рассматривать как стратегическое направление цифровой трансформации таможенных органов, напрямую влияющее на обеспечение экономической безопасности государства. Это не просто техническая модернизация, в стратегическая перестройка всей системы таможенного администрирования, которая, с одной стороны, способна минимизировать издержки для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности, а, с другой стороны, создает барьеры для правонарушителей.

Список цитируемой литературы:

1. Курлянчик, В. С. Технология блокчейн как элемент цифровизации таможенных органов в ЕАЭС / В. С. Курлянчик, А. С. Ковальчук // Актуальные проблемы таможенного администрирования : сб. материалов Молодежной науч. конф., Санкт-Петербург, 15 мая 2025 г. – Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2025. – С. 173−177.

2. Новикова, А.А. Сравнительный анализ технологий идентификации товаров при цифровизации производственных процессов / А.А. Новикова // Радиотехника и электроника : сборник материалов 59-й научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов, Минск, апрель 2023 / Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. – Минск, 2023. – С. 57–58.

3. Об общих положениях об оснащении пунктов пропуска через таможенную границу Евразийского экономического союза инспекционно-досмотровыми комплексами и их использовании : рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 мая 2016 г. № 7 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.10.2025).

4. Фомин, К. С. Применение технологий компьютерного зрения в таможенном деле зарубежных государств / К. С. Фомин // Путь в науку. Юридические науки. – 2025. – № 57. – С. 55−56.

5. Что такое блокчейн и как он работает? // OKX Learn. – URL: https://www.okx.com/ru-eu/learn/what-is-blockchain-and-how-does-it-work (дата обращения: 15.11.2025).

6. Якутенко, И. Новое золото / И. Якутенко, С. Апресов // Вокруг света. – 2018. – № 4. – С. 85–91.

УДК 351.853.1

Принь Лидия Николаевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
lydia48@yandex.ru
Научный руководитель – Кружилин В.С.., канд. юрид. наук, доц.

СПЕЦИФАКА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) ЗА СОСТОЯНИЕМ, СОДЕРЖАНИЕМ, СОХРАНЕНИЕМ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ, ПОПУЛЯРИЗАЦИЕЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНОЙ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация

В статье рассматривается специфика государственного контроля (надзора) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия. Дается характеристика объектов и субъектов государственного контроля (надзора). Делается вывод о необходимости постоянной актуализации правовых норм, регулирующих как саму процедуру осуществления контрольной (надзорной) деятельности, так и риск-ориентированный подход к действиям граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Ключевые слова: культура, государственный суверенитет, государственный контроль (надзор), объекты и субъекты контрольной (надзорной) деятельности,

Культура, как составляющая часть общества, является главной основой российской идентичности. Культура каждого человека, различных социальных групп и общества в целом является основой не только самобытности государства, но и необходимым условием для государственного суверенитета.

Отношения в сфере культуры — это прежде всего общественные отношения, возникающие в процессе создания, распространения, сохранения и использования культурных ценностей, а также в связи с участием граждан в культурной жизни общества. Эти отношения регулируются нормами права и имеют свои специфические правовые признаки.

Развитие и грамотное функционирование сферы культуры как важнейшей сферы общественной жизни невозможно без четкой организационно единой системы органов управления в области культуры,

наделения этих органов правами экономического и административного воздействия.

В этой связи, осуществление государственного контроля (надзора) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия является одним из важнейших элементов государственной политики в области культуры.

В настоящей статье рассмотрим, что представляет собой государственный контроль (надзор) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия и его специфику.

В соответствии с частью 1 статьи 2 Федерального закона от 31 июля 2020 года №248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №248-ФЗ) данный Федеральный закон регулирует отношения по организации и осуществлению государственного контроля (надзора), муниципального контроля, устанавливает гарантии защиты прав граждан и организаций как контролируемых лиц.

В соответствии с Федеральным законом №248-ФЗ контрольные мероприятия проводятся в отношении граждан и организаций, являющихся собственниками или иными законными владельцами и/или фактическими пользователями объектов культурного наследия либо осуществляющих проведение хозяйственных и иных работ на объектах культурного наследия, в границах территорий объектов культурного наследия, в границах территорий зон охраны объектов культурного наследия, защитных зонах [1].

При этом деятельность по организации и проведению контрольных мероприятий и проведению мероприятий по профилактике нарушений обязательных требований в сфере сохранения объектов культурного наследия, направлена на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований.

Здесь представляется важным определить, что является объектом и кто является субъектом контрольно-надзорной деятельности.

Согласно статьи 16 Федерального закона №248-ФЗ объектами государственного контроля надзора являются:

1) деятельность, действия (бездействие) граждан и организаций, в рамках которых должны соблюдаться обязательные требования, в том числе предъявляемые к гражданам и организациям, осуществляющим деятельность, действия (бездействие);

2) результаты деятельности граждан и организаций, в том числе продукция (товары), работы и услуги, к которым предъявляются обязательные требования;

3) здания, помещения, сооружения, линейные объекты, территории, включая водные, земельные и лесные участки, оборудование, устройства, предметы, материалы, транспортные средства, компоненты природной среды, природные и природно-антропогенные объекты, другие объекты, которыми граждане и организации владеют и (или) пользуются, компоненты природной среды, природные и природно-антропогенные объекты, не находящиеся во владении и (или) пользовании граждан или организаций, к которым предъявляются обязательные требования.

Система органов, осуществляющих контрольную надзорную деятельность за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия является двухуровневой.

На федеральном уровне таким органом является Министерство культуры Российской Федерации.

Правовая основа деятельности Министерства культуры Российской Федерации регулируется Положением о Министерстве культуры Российской Федерации, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 20 июля 2011 года №590.

К компетенции Министерства культуры РФ отнесено 7 видов государственного контроля (надзора), в том числе по рассматриваемой сфере такие как:

-федеральный государственный контроль (надзор) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия (в отношении объектов культурного наследия федерального значения, которых утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.06.2009 № 759-р).

-контроль за эффективностью и качеством осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации переданным для осуществления полномочий Российской Федерации по государственной охране объектов культурного наследия федерального значения и федеральному государственному надзору в области охраны объектов культурного наследия.

-контроль за нормативно-правовым регулированием, осуществляемым органами государственной власти субъекта Российской Федерации по вопросам государственной охраны объектов культурного наследия федерального значения.

Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2021 года № 1093 утверждено Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного

наследия (далее- Положение о федеральном государственном контроле (надзоре), которым наряду с общими разделами, касающимися осуществления государственного контроля (надзора), порядка проведения контрольных (надзорных) мероприятий, результатов контрольного (надзорного) мероприятия, содержит раздел: управление рисками причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при осуществлении государственного контроля (надзора), и раздел: ключевые показатели федерального государственного контроля (надзора) и их целевые значения.

На региональном уровне органом, осуществляющим контрольную надзорную деятельность за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия, является управление по охране объектов культурного наследия Липецкой области (далее- управление).

Управление в соответствии с возложенными на него полномочиями осуществляет обширную и разностороннюю деятельность по сохранению всех видов объектов культурного наследия, находящихся на территории Липецкой области.

В отношении объектов культурного наследия федерального значения в части переданных полномочий Российской Федерации управление осуществляет функции уполномоченного органа по государственной охране объектов культурного наследия соответственно федерального значения, а также функции по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия федерального значения.

В отношении объектов культурного наследия регионального значения управление осуществляет аналогичные функции по государственной охране объектов культурного наследия регионального значения, выявленных объектов культурного наследия, а также функции по осуществлению регионального государственного контроля (надзора) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия регионального значения, выявленных объектов культурного наследия.

В соответствии со ст. 16 Федерального закона №248-ФЗ, Положением о федеральном государственном контроле (надзоре), Положением о региональном государственном контроле (надзоре) объектами федерального и регионального государственного контроля (надзора) являются:

-объекты культурного наследия федерального и регионального значения;

-деятельность, действия (бездействие) контролируемых лиц по содержанию, сохранение, использованию, популяризации и государственной охраны охране объектов культурного наследия соответственно федерального и регионального значения.

Субъектами государственной контрольной (надзорной) деятельности, как уже отмечалось, с одной стороны являются орган государственной власти области – управление по охране объектов культурного наследия Липецкой области, а также иные государственные органы и их должностные лица, уполномоченные осуществлять контрольную (надзорную) деятельность, а с другой стороны непосредственно контролируемые лица.

Согласно Положениям о федеральном и региональном государственном контроле (надзоре) в пределах своих полномочий должностные лица выполняют обязанности, установленные ст. 29 Федерального закона №248-ФЗ и ст. 11 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», а также несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них полномочий в соответствии с действующим законодательством [2].

Также Федеральным законом №248-ФЗ и Положениями о федеральном и региональном государственном контроле (надзоре) определен перечень контролируемых лиц с их правами и обязанностями. Такими лицами являются: юридические лица, индивидуальные предприниматели и граждане.

К третьей условной группе можно отнести лиц, не заинтересованных в результате контрольно-надзорного мероприятия, но принимающего в нем непосредственное участие, например, эксперты, экспертные организации.

Вместе с тем, с момента вступления в силу Федерального закона №248-ФЗ с 01 июля 2021 года (за исключением отдельных положений, для которых установлены иные сроки вступления их в силу), вопросы совершенствования законодательного регулирования контрольно-надзорной деятельности, в том числе и действий контрольно-надзорных органов по привлечению лиц к административной ответственности постоянно находятся в обсуждении и дискуссиях правоведов, так как они в основном затрагивают права и законные интересы контролируемых лиц. Многочисленные диссертации, статьи ученых по этой проблематике свидетельствуют о существующей необходимости постоянной актуализации правовых норм, регулирующих как саму процедуру осуществления контрольной (надзорной), так и риск-ориентированный подход к действиям граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Анализ наиболее распространенных судебных решений судов первой инстанции, а также судебных актов и разъяснений судов высших инстанций указывает именно на те направления, где необходимо корректировать и совершенствовать законодательство или путем внесения изменений в действующее законодательство или путем принятия правовых норм, устраняющих пробелы в законодательстве.

Существует проблематике осуществления государственной контрольной (надзорной) деятельности за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия и последующего доведения ее результатов к привлечению к административной ответственности и взыскания штрафов. Кроме того, дискуссионным является вопрос размера штрафных санкций и их значимость для правонарушителей. Предполагается, что санкции по административным правонарушениям в сфере сохранения и использования объектов культурного наследия должны быть действенными и с целью профилактики, и с целью пресечения совершения таких правонарушений.

В настоящее время кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации (далее- КоАП РФ) в статьях 7.13, 7.14.2, 7.15, 7.15.1 предусмотрены основания для привлечения к административной ответственности за правонарушения в области охраны объектов культурного наследия:

Так, например, согласно ч. 1 ст. 7.13 КоАП РФ за нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, нарушение режима использования земель в границах территорий объектов культурного наследия либо несоблюдение ограничений, установленных в границах зон охраны объектов культурного наследия, для граждан установлено административное наказание в виде штрафа в размере от пятнадцати тысяч до двухсот тысяч рублей [3].

Из анализа составов административных правонарушений и санкций за их совершение можно сделать вывод о несоразмерности размера штрафов за совершенное правонарушение к значимости и важности для государства и общества необходимости сохранения объектов культурного наследия. Здесь важно отметить, что обязательные требования нарушаются не в отношении обычных (стандартно созданных) объектов капитального строительства, а в отношении объектов культурного наследия, являющихся уникальными и по архитектурным характеристикам, и по историческим фактам и личностям связанными с такими объектами культурного наследия.

Здесь можно сделать вывод о том, что предусмотренные КоАП РФ размеры штрафов малозначительны и не оказывают необходимого

пресекательного воздействия на ненадлежащее использованием собственниками, а также владельцами объектов культурного наследия.

Анализ изученной судебной практики также показывает, что в большинстве случаев предметом рассмотрения дел в суде в отношении объектов культурного наследия является незаконная реконструкция, ремонт фасадов объектов культурного наследиям, что свидетельствует о нежелании собственников, пользователей объектов культурного наследия нести финансовые и временные затраты для производства работ на объектах культурного наследия в соответствии с установленными требованиями к разработке проектной документации, ее согласованию в установленном порядке, и соблюдению иных обязательных требований.

Список цитируемой литературы:

1.Российская Федерация. Законы. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ : принят Гос. думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. (в ред. от 24 июня 2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // КонсультантПлюс -URL: http://www.consultant.ru.

2. Российская Федерация. Законы. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ : принят Гос. думой 24 мая 2002 г. : одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 г. (в ред. от 26 декабря 2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // КонсультантПлюс -URL: http://www.consultant.ru.

3. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. думой 20 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. (в ред. от 04 ноября 2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // КонсультантПлюс -URL: http://www.consultant.ru.

УДК 376.1:347.6

Тепловодских Светлана Игоревна,
студент,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
город Липецк,
steplovodskih@gmail.com
Научный руководитель – Казарова Д.С., канд. психол. наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ С СЕМЬЯМИ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация

В данной статье рассматриваются комплексные проблемы организации родительского воспитания в семьях, воспитывающих детей с особыми потребностями, и их взаимодействия с государственными учреждениями. Особое внимание уделяется правовому аспекту данного взаимодействия, регламентированному российским законодательством. На примере Липецкой области анализируются региональные практики и модели поддержки.

Ключевые слова: дети с особыми образовательными потребностями, родительское воспитание, государственная поддержка, взаимодействие семьи и учреждений, правовой аспект, Липецкая область, реабилитация.

В контексте современной государственной политики, ориентированной на гуманизацию социальной сферы, проблема организации родительского воспитания в семьях с детьми, имеющими особые потребности, требует повышенного научного внимания. В этой связи важно учитывать, что семья, будучи фундаментальным социально-правовым институтом, требует особого подхода при построении диалога с государственными структурами [1]. Данная актуализация обусловлена устойчивой тенденцией к увеличению числа детей, имеющих те или иные особенности развития, и одновременным курсом государственной политики на деинституционализацию, предполагающую воспитание ребенка в семье. В сложившейся парадигме конструктивный диалог и слаженное сотрудничество между семьей и институтами государства трансформируются из факультативного элемента в ключевое условие, определяющее успешность последующей социальной интеграции и адаптации такого ребенка. Несмотря на осознание этой необходимости, практика показывает, что на пути построения этого партнерства сохра-

няется множество барьеров правового, организационного и психологического характера, требующих детального изучения и поиска решений.

В Российской Федерации сформирована комплексная законодательная база, обеспечивающая защиту прав детей с особыми потребностями и их семей. Ключевым документом в этой области остается Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который гарантирует право на доступное и качественное образование для всех детей без исключения [3]. Однако правовое регулирование не ограничивается образовательной сферой. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» устанавливает полную систему мер социальной поддержки, включая обеспечение медицинской помощью, техническими средствами реабилитации и создание необходимых условий для полноценной жизнедеятельности [4]. Как справедливо отмечается в литературе, эффективность правового регулирования в социальной сфере напрямую зависит от уровня правовой компетентности как специалистов, так и граждан [2]. Стратегические ориентиры государственной политики в отношении детей с особыми потребностями заложены в таких документах, как «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации», утверждённая распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 года №996-р и государственная программа «Доступная среда», направленных на формирование инклюзивного общества [5]. Несмотря на столь обширную нормативно-правовую основу, провозглашающую принцип партнерства между государственными институтами и семьями, практическая реализация этого партнерства сталкивается с системными трудностями. Как отмечают исследователи, нормативные предписания часто носят декларативный характер, а механизмы их реализации недостаточно конкретизированы, что приводит к формализму в работе с семьями и ограничивает эффективность предоставляемой помощи.

Крайне острой проблемой во взаимодействии семьи и государства выступает глубокая информационная асимметрия. Родители, находясь в стрессовой ситуации после постановки ребенку диагноза, часто лишены четкого понимания собственных прав, полного перечня положенных им услуг и, что особенно важно, практических алгоритмов их получения. Подобная правовая неосведомленность закономерно порождает две противоположные, но одинаково деструктивные модели поведения: выученную беспомощность и пассивность, либо напротив, агрессивно-конфронтационную позицию в коммуникации с представителями различных ведомств. Существенным усугубляющим фактором является то, что и сами сотрудники государственных, в особенности муниципальных, учреждений далеко не всегда обладают исчерпывающими и актуальными знаниями о динамично обновляющемся законодательстве и специфике региональных

программ поддержки. В итоге вся тяжесть координации и преодоления административных барьеров ложится на самих родителей, которые вынуждены методом кропотливых проб и ошибок самостоятельно выстраивать индивидуальный маршрут для своего ребенка, сталкиваясь на этом пути с бюрократической непрозрачностью и зачастую с непониманием.

Еще одной значимой трудностью выступает недостаточная координация между различными ведомствами, которые сопровождают семью. Образовательные учреждения, органы социальной защиты, медицинские организации и бюро МСЭ часто работают разрозненно. Отсутствие единого межведомственного подхода приводит к тому, что родителям приходится многократно предоставлять одни и те же документы, а услуги по реабилитации, образованию и медицинскому сопровождению не образуют целостной, непрерывной системы. Это нарушает принцип комплексности мощи, заложенный в законодательстве, и ложится тяжелым бременем на семью, вынужденную брать на себя функции координатора.

В качестве примера рассмотрения региональной практики можно привести Липецкую область, где за последние годы был предпринят ряд системных мер для улучшения ситуации. В регионе активно развивается сеть учреждений, оказывающих помощь детям с особенностями развития и их семьям. Ключевым элементом инфраструктуры стал «Мой реабилитационный центр», представляющий собой мультидисциплинарное учреждение для комплексной реабилитации детей с инвалидностью. Помимо стандартного оснащения, включающего кабинеты логопеда, психолога и зал адаптивной физкультуры, здесь созданы специализированные зоны – тренировочное пространство для отработки навыков сопровождаемого проживания и дополнительный массажный кабинет. Особое внимание уделено организации безбарьерной среды: оборудован специализированный санузел, установлены тактильные таблички и система вызова помощи. Важным структурным подразделением центра является социальная служба «Домашний микрореабилитационный центр», оказывающая услуги детям с тяжелыми формами заболеваний и ограничениями мобильности непосредственно по месту их проживания. Как отметил губернатор Липецкой области Игорь Георгиевич Артамонов, «Самое ценное здесь, конечно, атмосфера. Видно, что и дети довольны, и родителям нравится. Уже сейчас понятно, что востребованность таких центров очень высока. Будем искать возможности, чтобы подобные центры появлялись в разных районах города и области».

Правовой аспект в регионе реализуется через принятие местных нормативных актов, конкретизирующих федеральное законодательство. Так, в Липецкой области действует ряд целевых программ, направленных на поддержку семей с детьми-инвалидами, которые предусматривают предоставление дополнительных мер социальной помощи, субсидий на

технические средства реабилитации и организацию досуговых мероприятий. Кроме того, на базе образовательных учреждений региона созданы ресурсные центры по инклюзивному образованию, которые служат методической опорой для педагогов и площадкой для взаимодействия с родителями. Эти центры организуют семинары, тренинги и родительские клубы, способствуя повышению педагогической компетентности семьи.

Таким образом, организация родительского воспитания в семьях с детьми с особыми потребностями и их взаимодействие с государственными учреждениями представляет собой сложный, многогранный процесс, эффективность которого зависит от слаженности действий всех участников. Правовая база, существующая в России, в целом адекватна вызовам, но требует дальнейшего совершенствования в части механизмов реализации и контроля. Необходимо активнее внедрять технологии межведомственного взаимодействия, создавая единое информационное пространство для всех служб. Крайне важным представляется развитие системы повышения правовой грамотности родителей через создание бесплатных консультационных центров и школ родительского мастерства. Опыт Липецкой области подтверждает, что планомерное выстраивание взаимодействия между органами власти и родительским сообществом через создание консультативных площадок и специализированных учреждений способствует достижению полноценной социальной инклюзии.

Список цитируемой литературы:

1. Казарова, Д. С. Нормативно-правовые основы педагогической деятельности : Практикум / Д. С. Казарова, Р. С. Марков. – Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – 56 с. – ISBN 978-5-907792-67-8.

2. Зюзина, Е. С. Семья как социально-правовой институт / Е. С. Зюзина, Д. С. Казарова // Научный альманах "В зеркале права" : Сборник научных трудов. – Липецк : Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – С. 266-269.

3. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598. – [Актуальная редакция от 15.10.2025].

4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 48. – Ст. 4563. – [Актуальная редакция от 31.07.2025].

5. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 г. № 996-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 23. – Ст. 3368.

СЕКЦИЯ 3.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ НАУК

343.121.5:347.627

Бортникова Лиана Владимировна,
студент,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
город Липецк,
liana20074848@gmail.com
Научный руководитель – Казарова Д.С., канд. психол. наук, доцент

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация

В статье анализируются правовые механизмы защиты прав несовершеннолетних при расторжении брака родителей. Рассматриваются судебные процедуры (определение места жительства, порядка общения, алименты) и внесудебные методы (медиация). Особое внимание уделяется роли органов опеки и попечительства. Делается вывод о необходимости комплексного подхода для минимизации психологической травмы ребенка и обеспечения его стабильного развития в изменившихся семейных условиях.

Ключевые слова: защита прав несовершеннолетних; расторжение брака; место жительства ребенка; алименты; органы опеки и попечительства; медиация; семейные споры; интересы ребенка.

Расторжение брака между родителями является значительным стрессом для всей семьи, но в наибольшей степени его последствия затрагивают несовершеннолетних детей. В этот сложный период первостепенное значение приобретает задача обеспечения непрерывности защиты их прав и законных интересов, закрепленных как международными актами, так и национальным законодательством, в частности, Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ). Концепция прав ребенка, включающая личные неимущественные права, является фундаментальной основой для построения системы его защиты [3, с. 15]. Законодательством предусмотрен комплекс правовых механизмов, призванных нивелировать негативные последствия распада семьи для ребенка. Целью настоящей статьи является систематизация и ана-

лиз этих механизмов, включая судебные и внесудебные процедуры, а также оценка эффективности участия в них специализированных государственных органов.

Основным правовым механизмом разрешения споров, связанных с детьми при разводе, является судебный порядок. К числу ключевых вопросов, подлежащих судебному определению, относятся:

Определение места жительства ребенка (ст. 65 СК РФ). Суд, учитывая привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, его возраст, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, а также возможности создания благоприятных условий для воспитания и развития, выносит решение о том, с кем из родителей будет проживать ребенок. При этом мнение ребенка, достигшего возраста 10 лет, обязательно учитывается, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам.

Определение порядка общения с отдельно проживающим родителем (ст. 66 СК РФ). Закон гарантирует родителю, проживающему отдельно от ребенка, право на общение, участие в его воспитании и решении вопросов получения образования. Суд устанавливает конкретный порядок такого общения (время, место, продолжительность), предотвращая возможные злоупотребления со стороны родителя, с которым остался ребенок.

Взыскание алиментов на содержание несовершеннолетних детей (ст. 80-83 СК РФ). Исполнение алиментных обязательств является материальной основой обеспечения прав ребенка на достойный уровень жизни. Алименты могут взыскиваться в долевом отношении к заработку или в твердой денежной сумме.

Во всех перечисленных категориях дел обязательным участником процесса является орган опеки и попечительства, который проводит обследование условий жизни ребенка и лиц, претендующих на его воспитание, и представляет суду акт и заключение по существу спора. Правовой статус данного органа наделяет его полномочиями по активному вмешательству в ситуацию для защиты интересов несовершеннолетнего [4, с. 16].

Судебные процедуры, будучи эффективным инструментом защиты, носят состязательный характер и могут усугублять конфликт между родителями, что дополнительно травмирует ребенка. В этой связи все большую актуальность приобретают примирительные технологии, в частности, медиация.

Медиация – это процедура внесудебного разрешения споров с участием нейтрального третьего лица (медиатора). В контексте семейных споров она позволяет родителям не просто найти юридическое

решение, а достичь договоренности, основанной на реальных интересах и потребностях ребенка. Как отмечает Д.С. Казарова, эволюция медиации привела к ее признанию в качестве эффективного механизма, позволяющего сохранить конструктивные родительские отношения после развода [1, с. 267].

Преимущество медиации заключается в ее гибкости и конфиденциальности. Родители могут самостоятельно, без давления судебного решения, урегулировать все вопросы, касающиеся детей, заключив медиативное соглашение, которое в последующем может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения. Порядок применения медиации по спорам, связанным с воспитанием детей, требует от медиатора не только знания права, но и понимания детской психологии, поскольку главным фокусом процесса являются наилучшие интересы ребенка [2, с. 74].

Органы опеки и попечительства выполняют ключевую координирующую и контролирующую функцию в системе защиты прав несовершеннолетних. Их деятельность при расторжении брака родителей не ограничивается участием в судебных заседаниях. К их полномочиям относятся:

Проверка условий жизни ребенка по месту жительства каждого из родителей.

Дача заключений по спорам, связанным с воспитанием детей.

Осуществление последующего контроля за условиями содержания, воспитания и образования ребенка.

В случае нарушения прав ребенка – предъявление исков в суд о лишении или ограничении родительских прав.

Таким образом, органы опеки и попечительства выступают в качестве постоянно действующего государственного института, обеспечивающего соблюдение принципа приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних [4, с. 17].

Правовые механизмы защиты прав несовершеннолетних при расторжении брака их родителей представляют собой многоуровневую систему, сочетающую императивные судебные процедуры и гибкие примирительные технологии. Эффективность этой системы напрямую зависит от слаженного взаимодействия суда, органов опеки и попечительства, а также от готовности самих родителей к конструктивному диалогу.

Судебный порядок остается фундаментальным гарантом прав ребенка, особенно в ситуациях затяжного и острого конфликта. В то же время, медиация предлагает цивилизованную альтернативу, позволяющую минимизировать психологический ущерб для ребенка и сохранить за родителями ответственность за принятие решений, касающихся его будущего [1; 2].

Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть направлено на популяризацию медиативных процедур, повышение профессиональной компетенции специалистов органов опеки и попечительства, а также на укрепление межведомственного взаимодействия. Только комплексный подход, центрированный на истинных интересах и правах ребенка, закрепленных в т.ч. и в концепции личных прав [3], может обеспечить его гармоничное развитие даже в условиях распада родительской семьи.

Список цитируемой литературы:

1. Бирюков, С. С. Правовой статус органов опеки и попечительства в семейных правоотношениях / С. С. Бирюков, Д. С. Казарова // Актуальные проблемы современности. – 2023. – № 2(40). – С. 14-18. – EDN UWRWOF

2. Жуковская, Н. Ю. Личные права ребенка: сущность и слагаемые концепта / Н. Ю. Жуковская, Д. С. Казарова, В. А. Типунова // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 2. – С. 13-24. – DOI 10.34076/2410-2709-2024-140-2-13-24. – EDN CWZBTJ

3. Казарова, Д. С. Эволюция медиации как механизма разрешения семейных споров / Д. С. Казарова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 24 апреля 2024 года. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2024. – С. 266-270. – EDN JWBEXD

4. Казарова, Д. С. Порядок применения медиации по спорам, связанным с воспитанием детей / Д. С. Казарова // Медиация в современном обществе: проблемы и перспективы реализации: Материалы Национальной научно-практической конференции, Липецк, 25 октября 2023 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – С. 73-75. – EDN JHWDBQ

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 1. – Ст.16.

УДК 346.62

Воробьева Анастасия Николаевна,
студентка,
МИРЭА – Российский технологический университет,
город Москва
0111785@mail.ru
Научный руководитель – Забайкалов А.П., канд. юр. наук, доц.

КРЕДИТНЫЕ КАНИКУЛЫ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЗАЁМЩИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию правовых основ института кредитных каникул в системе потребительского кредитования России. Автор рассматривает правовую природу кредитных каникул, их отличие от реструктуризации долга и значение данного механизма для защиты прав заёмщиков. В работе проанализированы нормы Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ и Федерального закона от 03.04.2020 г. № 106-ФЗ, а также роль Банка России в обеспечении прозрачности и единообразия практики предоставления отсрочек. В заключении автор делает вывод о социальной и экономической значимости кредитных каникул.

Ключевые слова: кредитные каникулы, потребительское кредитование, заёмщик, правовое регулирование.

В современной системе потребительского кредитования в Российской Федерации увеличивается число граждан, сталкивающихся с трудностями при исполнении обязательств перед банками. Причем во многом происходит это не по вине самих заемщиков, а из-за того, что «современная экономическая ситуация объективно уменьшает возможности» [7, с.428] граждан. В таких условиях возрастает значение правовых механизмов защиты заёмщиков, позволяющих сбалансировать интересы граждан и кредитных организаций. Одним из таких инструментов является институт кредитных каникул, закреплённый на законодательном уровне в 2020 году и предназначенный для смягчения последствий временного ухудшения финансового положения заёмщика.

Под кредитными каникулами понимается временная отсрочка исполнения обязательств по кредитному договору, предоставляемая в ситуациях, существенно влияющих на финансовое положение заёмщика. К таким ситуациям относятся снижение заработка, потеря работы, временная нетрудоспособность, болезнь или другие обстоятельства, ограничивающие возможность своевременно выполнять кредитные обязательства. Механизм кредитных каникул направлен на временное

облегчение долговой нагрузки, позволяя заёмщику стабилизировать своё финансовое состояние без необходимости изменения условий самого договора. В соответствии с Федеральным законом от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [6] отсрочка может предоставляться на срок до шести месяцев. В течение этого периода приостанавливается начисление штрафов и пеней, а заемщик сохраняет право на выполнение своих обязательств по договору после окончания периода каникул на тех же условиях, что и ранее. Такой механизм позволяет обеспечить баланс интересов заёмщика и кредитора, снижая риск просрочек и судебных разбирательств, а также поддерживает доверие к системе потребительского кредитования в целом.

С точки зрения правовой природы, кредитные каникулы представляют собой временное изменение порядка исполнения обязательства без изменения его содержания. Как отмечает А. Я. Курбатов [3], они являются формой договорной гибкости, позволяющей сохранить баланс интересов сторон при соблюдении принципов добросовестности и соразмерности. В отличие от реструктуризации долга, кредитные каникулы реализуются в силу закона и не требуют заключения дополнительного соглашения.

Особенность института кредитных каникул заключается в его двойственной правовой природе, сочетающей частноправовые и публично-правовые начала. С одной стороны, кредитные каникулы реализуются в рамках гражданско-правового договора займа и затрагивают отношения между заёмщиком и кредитором, основанные на принципах свободы договора и добросовестности сторон. С другой стороны, порядок предоставления отсрочки, её продолжительность и основания установлены на уровне законодательства, что свидетельствует о непосредственном участии государства в регулировании данной сферы. Такая конструкция отражает социальную функцию государства [2], направленную на защиту граждан в условиях временного ухудшения их материального положения и обеспечение справедливого баланса интересов между участниками финансовых отношений, что важно в контексте достижения цели обеспечения благополучия населения [9, с. 9].

Правовое регулирование института кредитных каникул в России формируется на основе Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», который в 2020 году был дополнен антикризисными мерами Федерального закона 03.04.2020 г. № 106-ФЗ [5]. Эти изменения существенно расширили круг лиц, имеющих право на отсрочку, включив в него не только физических лиц, но и индивидуальных предпринимателей, а также представителей малого бизнеса. Кроме того, были уточнены правила расчёта сумм и сроков предоставляемой отсрочки, что позволило сделать механизм более

точным и прозрачным для участников кредитных отношений. В 2022 году в законодательство были внесены дополнительные поправки [4], позволившие заёмщикам повторно использовать кредитные каникулы при соблюдении установленных условий, что увеличивает гибкость и практическую доступность инструмента.

Особую роль в реализации института играет Банк России, который определяет максимальные суммы кредитов, подлежащие отсрочке, а также разрабатывает рекомендации [1] для кредитных организаций по проверке оснований за предоставление каникул и ведению учёта уже предоставленных отсрочек. Эти меры повышают прозрачность процедуры и обеспечивают единый подход к её применению, что позволяет надёжнее защищать права граждан и одновременно учитывать интересы как заёмщиков, так и кредиторов. В результате сочетание законодательных норм и разъяснений Банка России формирует устойчивую и понятную правовую основу, в рамках которой кредитные каникулы могут использоваться как механизм временной поддержки граждан и предпринимателей в условиях финансовых затруднений.

Практическая ценность кредитных каникул заключается в том, что они дают заёмщику возможность на ограниченный период уменьшить долговую нагрузку, восстановить финансовую стабильность и избежать ухудшения кредитной истории. В период их действия приостанавливается начисление неустоек, корректируется график платежей, при этом условия договора остаются прежними. Такой порядок помогает сохранить баланс интересов сторон, снижает риск возникновения просрочек и последующих судебных споров, а также мотивирует граждан своевременно обращаться за предоставленной законом поддержкой.

Кредитные каникулы представляют собой комплексный правовой механизм, интегрирующий юридическое регулирование, социальную направленность и экономическую эффективность. Они обеспечивают временное снижение долговой нагрузки заёмщиков и способствуют восстановлению их финансовой устойчивости при ухудшении материального положения. Законодательное закрепление порядка предоставления отсрочек, нормы Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ и антикризисные меры Федерального закона от 03.04.2020 г. № 106-ФЗ, а также рекомендации Банка России формируют прозрачную и единообразную практику применения института, что способствует защите прав граждан и поддержанию баланса интересов между заёмщиками и кредиторами.

Эффективная реализация кредитных каникул требует своевременного информирования граждан о праве на отсрочку и порядке её получения, а также обеспечения банками стандартизированного рассмотрения заявлений и корректировки графиков платежей после окончания периода каникул. Такие меры способствуют снижению числа просрочек, укрепле-

нию доверия к финансовой системе и реализации конституционного принципа социальной защиты [8]. В совокупности институт кредитных каникул выступает значимым элементом современного потребительского кредитования в России, объединяя правовую определённость с социальной ответственностью и экономической рациональностью.

Список цитируемой литературы:

1. Информационное письмо Банка России от 20 марта 2020 г. № ИН-06-59/24 «О реструктуризации кредитов (займов) субъектам МСП». – URL: https://cbr.ru/ (дата обращения: 10.11.2025).

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 04 октября 2022 г.) // Российская газета. 2020. - 4 июля.

3. Курбатов, А. Я. Банковское право России: учебник для вузов / А. Я. Курбатов. - 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. - 415 с.

4. О внесении изменений в Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)»: Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 212-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. - № 27. - Ст. 4923.

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора: Федеральный закон от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 14 (ч. I). - Ст. 2027.

6. О потребительском кредите (займе): Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2013. - № 51. - Ст. 6673.

7. Светлов, И. А. Некоторые аспекты содержания понятия «предпринимательская деятельность» в практике по налоговым спорам / И. А. Светлов, А. П. Забайкалов // Финансовое право и управление. – 2015. – № 4. – С. 427-431.

8. Теория государства и права: Учебник для студентов вузов / А. Я. Авдалян, А. В. Бочаров, Л. В. Бутько [и др.]; Отв. ред. Н.И. Грачев, Волгоградский гуманитарный институт. – Волгоград, Москва: Волгоградский гуманитарный институт, 2018. – 876 с.

9. Шауро, И. Г. Цели государства и его геополитическое назначение / И. Г. Шауро // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2017. – № 5. – С. 8-10.

УДК 346

Гусейнова Нармин Хаганиевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
narmin.guseynova2005@gmail.com
Научный руководитель – Дегоева О.А., ст. преп. каф. граждан. права и процесса

ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ ПРИ ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА

Аннотация

В статье рассмотрен порядок реализации имущества супругов при процедуре банкротства. Приведены особенности раздела имущества супругов в до брака, в браке, по требованию кредиторов.

Ключевые слова: конкурсная масса, банкротство, супруг-должник, имущество.

Ежегодно более миллиона дел о банкротстве рассматриваются в российских судах [12]. Все больше институт банкротства выходит за рамки своего регулирования и тем самым тесно взаимодействует с иными институтами права, что побуждает массу вопросов по ее разрешению. Одним из таких институтов выступает институт семейного права, который регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи [2].

Как показывает практика применения при рассмотрении и разрешении дела о банкротстве необходимость обращения к семейному законодательству, основным нормативно правовым актом на территории России которой является Семейный кодекс Российской Федерации, возникает на этапе формирования конкурсной массы. Что из себя представляет конкурсная масса? Г. Ф. Шершеневич в своих трудах определяет конкурсную массу как «имущество должника, предназначенное, с момента объявления несостоятельности, к удовлетворению всех его кредиторов, заявивших свои претензии» [6, с. 340]. Стоит отметить, что автор определял конкурсную массу в качестве объекта удовлетворения требований конкурсных кредиторов. Конкурсную массу, видит Матвеева Е.Н., «как особый правовой режим, применяемый к активам должника, заключающийся в установлении специальных правил использования и распоряжения активами должника в течение конкурсного производства» [7, с. 16]. Каждое из толкований формируют теоретическую базу понятия конкурсная масса в процедуре банкротства.

Согласно п.7 ст. 213.26 ФЗ «О банкротстве» в конкурсную массу включается имущество гражданина, которое принадлежит ему на праве общей собственности с супругом или же бывшим супругом, по общим основаниям [3]. В данном случае следует разграничить имущество лица, в отношения которого возбуждено дело о банкротстве, с супругом.

Согласно ст. 38 СК РФ раздел общего имущества супругов возможен в трех случаях:

- в период брака по взаимному соглашению. Таким соглашением принято считать брачный договор, который заключается между супругами.

- после расторжения брака;

- с заявления кредитором требования о разделе общего имущества супругов для обращения взыскания на долю одного из супругов [2].

Обратим внимание на третье основание. Согласно ст. 213.8 ФЗ о банкротстве в течение двух месяцев кредиторы (в частности, конкурсные кредиторы) вправе предъявить свои требования должнику. Требования делятся на требования по личным обязательствам должника и по общим обязательствам супругов [3]. В первую очередь, следует сказать, что взыскание осуществляется на имущество того супруга, который имеет ряд обязательств. ПП ВС разъясняет данное положение тем, что прежде всего требования кредиторов удовлетворяются самим должником, а именно из его личного имущества, которые, к примеру, могут быть в его собственности на основаниях, закрепленных в ст. 36 СК РФ - имущество, принадлежащее до брака, имущество по договору дарения, имущество, полученное в порядке наследования и иные, также из стоимости общего имущества супругов, приходящейся на долю должника [8]. Далее, в случае недостаточности вышеуказанного имущества должника, кредиторы вправе требовать выдела средств супруга должника для удовлетворения требований кредиторов в непогашенной части. Примером может послужить дело от 15 июля 2020 года. Гражданин А обратился в суд с иском о выделе доли должника С из общей собственности супругов для обращения взыскания. Ссылаясь на нормы СК РФ, ГК РФ, судом исковые требования были удовлетворены: в счет доли должника С выделили 1/2 доли домовладения, 1/2 земельного участка, автомобиль Грейт Волл и обратили взыскание на это имущество [9]. Примером также может выступить дело от 23 августа 2023 года. Финансовый управляющий (истец) обратился в суд с иском к гражданину В о разделе совместно нажитого имущества. Согласно нормам СК РФ, ГК РФ, судом исковые требования были частично удовлетворены. Общим имуществом были признаны грузовой фургон, транспортное средство ВАЗ 21053, квартира общей площадью 53,4 кв.м., далее был произведен раздел общего имущества: признано право

собственности каждого из супругов на 1/2 долю в праве общей долевой собственности на квартиру, признано право собственности должника на транспортное средство ВАЗ 21053, также признано право собственности супруги должника на грузовой фургон взамен на денежную компенсацию в размере половины стоимости грузового фургона [10].

Стоит отметить, что если при реализации имущества на праве общей собственности супругов законные интересы супруга, также и возможно несовершеннолетних не были учтены, то в судебном порядке возможен раздел общего имущества супругов до его продажи в процедуре банкротства [4]. При отсутствии брачного договора, внесудебного соглашения о разделе общего имущества супругов или судом не производился раздел общего имущества супругов, согласно п.1 ст. 39 СК РФ, для определения долей каждого из супругов применяется презумпция равенства в общем имуществе. Законодателем предпринимаются попытки защиты имущественных прав супруга должника при процедуре банкротства, однако, реализация общего имущества супругов может не в полной мере соответствовать интересам супруга должника и тем самым ставить интересы последнего ниже интересов кредиторов. Несмотря на данную проблему, анализ правоприменительной практики свидетельствует о развитии защиты прав и интересов членов семей, к примеру, для реализации имущества в процедуре банкротства необходимо получить ясное и однозначное волеизъявление супруга должника, его надлежащее информирование о процессуальных действиях и иные. Смело можно считать такой исход положительным, однако для единообразия судебной практики требуется унифицированное нормативное регулирование [4, с. 109].

Еще одной проблемой, усложняющей достижению целей банкротства, является продажа имущества должника по ценам, которые значительно ниже рыночных. Безусловно, такой подход обусловлен, с одной стороны, стремлением в кратчайшие сроки реализовать имущество должника, но при этом нарушает права последнего в продаже имущества по справедливым ценам. К причинам низких цен можно отнести недостаточное распространением информации о торгах, которое приводит к неосведомленности большинства людей, лишает возможности лиц участвовать в торгах. Несмотря на то, что сведения о предстоящих торгах размещаются на сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве, в газетах, в большей мере данная информация известна лишь профессиональному сообществу людей, связанных с торгами и банкротством. Следовательно, возникает необходимость достаточного информирование о предстоящих торгах, что способствует продаже имущества должника, соответствующей отчету об оценке, что будет удовлетворять интерес кредиторов на получение

большего возмещения своих требований [5, с. 24]. Подтверждением тому является дело о банкротстве гражданина А (должник), который 7 мая 2018 году обратился о признании его несостоятельным (банкротом). В ходе реализация имущества должника 10 июля 2019 года арбитражный управляющий на сайте ЕФРСБ опубликовал сообщение о проведении торгов путем открытого аукциона. Далее выявляется, что на участие в торгах не было подано ни одного заявления, в связи с чем были проведены повторные торги, которые впоследствии признаются несостоявшимися по причине недостаточности количества участников. В результате торгов по продаже имущества должника посредством проведения публичного предложения, при этом была также определена начальная цена - 1 165 500 рублей, победителем признан единственный участник торгов гражданин С, который представил в срок заявку на участие в торгах, содержащую предложение о цене имущества должника в размере 655 000 рублей, сильно уступающей установленной начальной цене [11].

Таким образом, можно сказать, что при реализации имущества супругов при процедуре банкротства возникают ряд вопросов, требующих регулирования. В свою очередь, проблемой является неспособность удовлетворить в полной мере интересы супруга должника при реализации общей собственности, что требует унифицированного нормативного регулирования. Еще одной проблемой выступает недостаточное информационное оповещение граждан о торгах, наряду с низкими ценами на имущество должника при его реализации.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 г. : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. : [ред. от 1 апр. 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 30. – Ст. 3012. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223 – ФЗ : принят Гос. Думой 8 декабря 1995 г. : [ред. от 23 нояб. 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 1. - Ст. 16.

3. О несостоятельности (банкротстве) : Федер. закон от 26 октября 1995 г. № 127 ФЗ : принят Гос. Думой 27 сентября 2002 г. : одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 г. : [в ред. последняя // Официальный интернет-портал правовой информации : гос. система правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527&ysclid=mh0lnne3x9639898914 (дата обращения: 15.10.2025).

4. Бирклей, В. Е. Судьба общего имущества при банкротстве одного из супругов: проблемные вопросы / В. Е. Бирклей // Вопросы российской юстиции. – 2021. – №12. – С. 106-112.

5. Вронская, М. В. Актуальные проблемы института банкротства граждан в российском законодательстве / М. В. Вронская // Юридические исследования. – 2017. – №11. – С. 20-27.

6. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г. Ф. Шершеневич. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 453 с.

7. Матвеева, Е.Н. Проблемы формирования конкурсной массы в процессе банкротства организаций: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Матвеева Екатерина Николаевна; Высшая школа экономики. – Москва, 2006. - 27 с. – Место защиты : Академия народного хозяйства при Правительстве РФ.

8. О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.10.2025). – Режим доступа: КонсультантПлюс : [справ.-правовая система].

9. Решение Кавказского городского суда Краснодарского от 15 июля 2020 г. по делу № 2-170/2020 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : интернет-портал. – URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 26.10.2025).

10. Решение Ессентукского городского суда Ставропольского края от 23 авг. 2023 г. по делу № 2-1845/2023 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : интернет-портал. – URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 26.10.2025).

11. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 янв. 2023 г. по делу № А14-9363/2018 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : интернет-портал. – URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 28.10.2025).

12. В 2024 году в суды подали на 15% больше заявлений о несостоятельности // Право.ру - URL: https://pravo.ru/news/258311/?ysclid=mh0pqymu5s961328497 – Режим доступа : доступ без ограничений (дата обращения : 11.10.2025).

УДК 347.64

Лажкова Кристина Евгеньевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
город Липецк,
Lazhkova.kristina@yandex.ru
Научный руководитель – Казарова Д.С., канд. психол. наук, доцент

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕМЬЕ

Аннотация

В статье рассмотрены основы теории и законодательного регулирования деятельности органов опеки и попечительства, а также проанализированы практики применения органами опеки и попечительства их полномочий по обеспечению прав несовершеннолетних в семье.

Ключевые слова: семья, ребёнок, несовершеннолетний, защита, органы опеки и попечительства.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью защиты детей в ситуациях семейного неблагополучия, обеспечением баланса между правом ребёнка на семейное воспитание и вмешательством государства в это право. Особую значимость данная проблема приобретает в контексте реализации приоритетного права ребёнка жить и воспитываться в кровной семье, что требует от органов опеки и попечительства эффективных механизмов профилактики семейного неблагополучия и развития технологий работы с кризисными семьями.

Защита материнства и детства, реализуемая посредством разнообразных государственных механизмов, представляет собой одну из ключевых функций современного государства. Законодательная база, формирующая уровень и качество жизни, напрямую влияет на состоятельность семьи как социального института и ее способность к выполнению фундаментальных функций. Период детства признается особым этапом формирования личности, когда закладывается основа физического и психического здоровья индивида. Успешность этого процесса напрямую обусловлена наличием в семье благоприятного микроклимата, стимулирующего гармоничное развитие ребёнка [2, с. 263].

Всем известен тот факт, что оптимальной средой для воспитания и развития несовершеннолетнего ребёнка является его родная семья, при условии её социального благополучия и отсутствия прямой угрозы для ребёнка. В связи с этим, одной из центральных задач в сфере правовой

защиты семьи выступает создание условий для проживания детей в семейном окружении. Реализация данной задачи на государственном уровне обеспечивается совместными усилиями различных ведомств. Особую роль в этом процессе играют органы опеки и попечительства, в чьи прямые обязанности входит специализированная защита прав и законных интересов несовершеннолетних граждан [1, с. 212].

Однако существуют ситуации, когда благоприятная семейная среда подвергается деформации. В таком случае, развитие ребёнка протекает в условиях, отклоняющихся от установленных социальных норм и оказывающих прямое деструктивное влияние на его развитие. В данном контексте подразумевается семейная среда, характеризующаяся наличием факторов социального риска. Они включают в себя хронически сложившийся конфликтный климат во взаимодействии родителей или законных представителей как друг с другом, так и в отношении ребёнка, а также психологическое насилие, непосредственно оказываемое на ребёнка. Помимо этого, сюда входит асоциальное поведение родителей или законных представителей, приводящее в конечном итоге к пренебрежению базовыми потребностями несовершеннолетнего, отсутствию условий для получения несовершеннолетним образования, медицинской помощи и других положенных ему био-социальных прав.

Таким образом, сложившееся неблагоприятная обстановка создаёт препятствия для здорового полноценного развития ребёнка и его нормальной жизнедеятельности. Такая среда не способна в полной мере обезопасить несовершеннолетнего, а также обеспечить ему всестороннюю поддержку. Отсюда вытекает необходимость вмешательства государственных институтов с целью минимизации возможных негативных последствий для несовершеннолетнего.

Регулирование деятельности органов опеки и попечительства по отношению к несовершеннолетним закреплено в пункте 1 статьи 121 Семейного кодекса РФ и возлагает на них защиту личных и имущественных прав и законных интересов детей, которые остались без попечения родителей. Основные полномочия органов опеки закреплены в разделе 6 Семейного кодекса РФ, в главе 3 статьях 31-41 Гражданского кодекса РФ и других нормативно-правовых актах РФ [3].

В соответствии с пунктом 1 статьи 122 Семейного кодекса Российской Федерации, органы опеки и попечительства несут обязанность по организации и проведению проверки в трёхдневный срок с момента получения сведений о фактах нарушения прав и законных интересов несовершеннолетнего либо об угрозе его жизни и здоровью. В случае подтверждения указанной информации уполномоченными сотрудниками составляется специальный акт. Этот документ служит юридическим основанием для последующего издания постановления, которым

констатируется утрата несовершеннолетним родительского попечения вследствие допущенных нарушений его прав. С даты подписания акта на органы опеки возлагается правовая обязанность по незамедлительному принятию мер, направленных на защиту ребенка. В частности, подразумеваются такие действия, как [3]:

– Немедленное отобрание ребенка у родителей (усыновителей, опекунов или попечителей) при наличии непосредственной угрозы его жизни или здоровью в соответствии со ст. 77 Семейного кодекса РФ;

– Подготовка материалов о лишении родительских прав, руководствуясь статьями 69, 70 Семейного кодекса РФ, и предъявления данного иска в том случае, если дети уже отобраны;

– Привести исковое заявление о лишении родительских прав в соответствие с процессуальными требованиями, установленными статьей 73 Семейного кодекса РФ;

– Обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего на период до определения его дальнейшего устройства в соответствии с п. 1 ст. 122 Семейного кодекса РФ.

– Согласно пункту 1 статьи 123 СК РФ, при отсутствии возможности немедленного определения ребёнка в семью, обеспечить его временное устройство в организацию для детей-сирот;

– Согласно положениям пункта 2 статьи 123 СК РФ, на органы опеки и попечительства возлагается исполнение обязанностей опекуна в период до постоянного устройства ребёнка.

В завершение стоит отметить, что практика применения органов опеки и попечительства в обеспечении прав несовершеннолетних в семье играет важную всеобъемлющую роль. Такая практика может включать как профилактическую работу с неблагоприятными семьями, так и применение защиты по отношению к несовершеннолетним в случае непосредственной угрозы. Но, не стоит забывать, что должное вмешательство имеет место быть только лишь в ситуациях, действительно препятствующим реализации прав ребёнка и представляющих угрозу его физическому благополучию, психическому здоровью и эмоциональному состоянию.

Список цитируемой литературы:

1. Елисеева Е.А. Защита гражданских прав несовершеннолетних органами опеки и попечительства и подразделениями по делам несовершеннолетних // Актуальные проблемы частного и публичного права (к юбилею кандидата юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации М.Г. Марковой). Материалы межвузовской научно-практической конференции / Сост. В.А. Максимов. 2019 С. 212-215.

2. Золотарева, А. В. Социально-психологическая проблема насилия над детьми в семье / А. В. Золотарева, Д. С. Казарова // Научный альманах "В зеркале права" : Сборник научных трудов. – Липецк : Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – С. 261-265.

3. Официальный сайт правительства РФ «Правительство России» [Электронный ресурс] URL: http://government.ru/ (Дата обращения: 11.11.2025).

УДК 347.61/.64

Тихонова Виктория Андреевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
город Липецк,
tvika734@gmail.com
Научный руководитель – Казарова Д.С., канд. психол. наук, доцент

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ РОСТА РАСХОДОВ НА ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация

В статье исследуется проблема финансового обеспечения образовательных потребностей детей в условиях устойчивого роста расходов на образование. Анализируются модели эффективности бюджетных расходов и современные механизмы финансирования, включая государственные, региональные и частные источники. Определяются ключевые направления оптимизации финансовых потоков для обеспечения доступности и качества образования на всех уровнях.

Ключевые слова: финансирование образования; образовательные потребности; бюджетные расходы; эффективность расходов; государственное финансирование; высшее образование; модели финансирования.

Современная система образования столкнулась с парадоксальной ситуацией: с одной стороны, ценность качественного образования постоянно растет, с другой - стремительно увеличиваются расходы на его получение. По данным исследований, затраты семей на образование детей за последнее десятилетие возросли в среднем на 40-60%, что существенно превышает рост потребительских цен. Эта тенденция со-

здает серьезные вызовы для обеспечения равного доступа к качественному образованию и актуализирует необходимость поиска эффективных механизмов финансового обеспечения образовательных потребностей подрастающего поколения.

Финансирование образования представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую государственные, региональные, муниципальные и частные источники. Особенностью образовательной сферы является то, что она одновременно выполняет социальные и экономические функции, выступая важнейшим инструментом формирования человеческого капитала. При этом эффективность образовательных инвестиций проявляется не сразу, а имеет долгосрочный характер, что осложняет оценку результативности финансовых вложений.

В условиях ограниченности бюджетных ресурсов особую актуальность приобретают вопросы повышения эффективности расходования средств. С.Н. Марков в своей работе предлагает комплексную модель оценки эффективности бюджетных расходов на образование, которая включает несколько ключевых компонентов [2, с. 74-75].

Во-первых, автор предлагает переход от сметного финансирования образовательных учреждений к программно-целевому методу, когда средства выделяются под конкретные измеримые результаты. Это предполагает разработку четких критериев оценки качества образовательных услуг и их соответствия потребностям экономики.

Во-вторых, важным элементом модели является оптимизация административных расходов. Исследования показывают, что в некоторых образовательных учреждениях доля административно-управленческих затрат достигает 20-25% от общего объема финансирования, что существенно снижает эффективность использования средств.

В-третьих, Марков предлагает внедрение системы мониторинга жизненных траекторий выпускников, что позволяет оценивать отдачу от образовательных инвестиций на основе реальных карьерных достижений обучающихся [2, с. 76].

Сфера высшего образования демонстрирует наиболее ярко выраженную тенденцию к росту расходов. И.А. Аветисян выделяет несколько ключевых проблем в системе финансирования высшей школы [1, с. 15-18].

Основной проблемой является сохраняющийся разрыв между фактической стоимостью образовательных услуг и объемом их бюджетного финансирования. Например, по данным исследования, государственное финансирование покрывает лишь 60-70% реальной стои-

мости обучения в региональных вузах, что вынуждает образовательные учреждения искать дополнительные источники доходов.

Другой значимой проблемой является региональная диспропорция в распределении финансовых ресурсов. Вузы, расположенные в столичных регионах, получают значительно большее финансирование как из государственного бюджета, так и из внебюджетных источников. Так, разрыв в объеме финансирования на одного студента между ведущими столичными и региональными вузами может достигать 3-4 раз [1, с. 19].

Также наблюдается недостаточная эффективность в использовании существующих ресурсов. Многие университеты сохраняют нерациональную структуру расходов, при которой значительная часть финансирования уходит на содержание избыточной инфраструктуры и административного аппарата.

Увеличение финансовых затрат на образование обусловлено рядом объективных факторов. Во-первых, это технологическая революция в области образования, требующая серьезных инвестиций в современное оборудование и цифровые системы. Во-вторых, растут расходы на привлечение и удержание квалифицированных преподавателей. В-третьих, увеличиваются требования к качеству образовательной среды и удобству обучения [3].

В таких условиях могут быть полезными следующие направления для совершенствования системы финансового обеспечения:

- Разработка модели образовательного ваучера, позволяющей семьям самим выбирать учебное заведение и распределять бюджетные средства.

- Внедрение системы дифференцированного финансирования на основе качества предоставляемых образовательных услуг и востребованности выпускников на рынке труда.

- Стимулирование корпоративных образовательных программ, при которых компании участвуют в финансировании подготовки специалистов, необходимых для их роста.

- Создание системы целевых образовательных сбережений с государственной поддержкой, которая дает возможность семьям заранее накапливать средства для образования детей.

Решение проблемы финансового обеспечения образовательных потребностей детей в условиях роста затрат требует комплексного подхода и модернизации всей системы финансирования. Ключевым направлением должно стать повышение эффективности использования имеющихся ресурсов через реализацию результативно-ориентированных моделей финансирования. Нужно также развивать механизмы софинансирования, которые позволят объединить госу-

дарственные, семейные и корпоративные ресурсы для обеспечения доступности качественного образования.

Особое внимание следует уделить созданию прозрачной системы распределения бюджетных средств и разработке объективных критериев для оценки эффективности учебных заведений. Только применяя такой комплексный подход, можно обеспечить финансовую стабильность системы образования и реализовать образовательные права каждого ребенка, независимо от материального состояния его семьи [4].

Список цитируемой литературы:

1. Аветисян, И. А. Финансирование расходов на высшее образование в Российской Федерации и направления его совершенствования / И. А. Аветисян // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2007. – № 4(39). – С. 12-27. – EDN OPUWSP.

2. Марков, С. Н. Модель эффективности бюджетных расходов на образование / С. Н. Марков // Экономика и финансы: теоретические и практические аспекты управления : сборник трудов Международной научно-практической конференции, Омск, 09–10 декабря 2012 года / редколлегия: Н.А. Бурмистрова, Б.И. Нефедов, М.Г. Родионов. – Омск: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Омский государственный технический университет", 2013. – С. 72-79. – EDN THLNQN.

3. Институциональные основы формирования смешанного финансирования развития образовательных систем в контексте опекаемого характера генерируемых благ / И. Н. Макаров, Д. С. Казарова, Ю. В. Чепрасова [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 12. – С. 7889-7906. – DOI 10.18334/epp.14.12.122251. – EDN SBLHHV.

4. Необходимость новых подходов к кадровому менеджменту и коррекции образовательной системы в условиях цифровизации экономики / Е. В. Дробот, И. Н. Макаров, Д. С. Казарова [и др.] // Лидерство и менеджмент. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 729-740. – DOI 10.18334/lim.11.2.120896. – EDN QDLHBO.

УДК 343.275.6

Шаталова Евгения Евгеньевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
город Липецк,
eugenia072706@mail.ru
Научный руководитель – Казарова Д.С., канд. психол. наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ЛИШЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Аннотация

В статье исследуются ключевые аспекты судебного производства по делам о лишении родительских прав, в том числе требования к доказательной базе, участие прокурора и органов опеки, учёт мнения ребёнка, а также проблемные вопросы правоприменительной практики. Анализируются нормы Семейного и Гражданского процессуального кодексов РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ и научные исследования в области семейного права

Ключевые слова: лишение родительских прав, семейное право, гражданский процесс, органы опеки, прокурор, судебная практика, конвенция о правах ребенка ООН.

В современной правовой системе лишение родительских прав выступает как крайняя мера семейно-правовой ответственности, применяемая исключительно в судебном порядке. Её назначение – не карательная функция, а защита жизненно важных интересов несовершеннолетнего при доказанной невозможности сохранения родительских прав без риска для его физического, психического и нравственного развития [7].

Актуальность темы обусловлена двумя взаимосвязанными тенденциями: ростом числа семей с признаками социального неблагополучия и повышением требований к качеству правосудия по делам, затрагивающим основные права ребёнка.

Цель исследования – проанализировать правовые основания, процессуальные механизмы и практические проблемы применения института лишения родительских прав через призму принципа соразмерности и исключительности данной меры.

Нормативные основания лишения родительских прав регламентируются статьями 69–71 Семейного кодекса РФ (СК РФ) [6], нормами Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) [2].

Ключевым признаком является виновный характер поведения родителя, тогда как отсутствие вины, например, вследствие тяжёлой бо-

лезни, инвалидности или объективных жизненных обстоятельств, исключает возможность применения данной меры. Закон устанавливает исчерпывающий перечень оснований для лишения родительских прав (ст. 69 СК РФ), включающий уклонение от родительских обязанностей, включая злостное уклонение от уплаты алиментов, отказ без уважительных причин забрать ребёнка из родильного дома, медицинской или образовательной организации, злоупотребление родительскими правами, использование власти в ущерб интересам ребёнка, жестокое обращение (физическое и психическое насилие, посягательство на половую неприкосновенность), хронические зависимости, подтверждённые медицинскими документами, а также умышленные преступления против жизни или здоровья ребёнка, второго родителя или иных членов семьи. При этом каждое основание требует доказывания не только факта поведения, но и его систематичности, осознанности и угрозы для ребёнка.

Процессуальные гарантии и участники производства включают в себя инициаторов иска – вторых родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, прокурора (на основании ст. 45 ГПК РФ), органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, учреждения для детей-сирот и иные организации, защищающие права детей. В силу ст. 45 ГПК РФ и п. 5 ст. 78 СК РФ, обязательное участие прокурора и органов опеки обусловлено необходимостью получения оценки условий жизни и состояния ребёнка. Прокурор даёт заключение, оценивающее соответствие требований закону и интересам ребёнка, а органы опеки проводят обследование условий, составляют акт и мотивированное заключение. В судебной практике заключение органов опеки не обладает предустановленной силой и суд оценивает его в совокупности с иными доказательствами. Важным аспектом является учёт мнения ребёнка (ст. 57 СК РФ), который при достижении возраста 10 лет должен быть обязательно учтён. В некоторых случаях допускается его опрос в судебном заседании с участием педагога или психолога (ст. 179 ГПК РФ), однако исключается возможность проведения опроса, если он может нанести психологическую травму. При этом мнение ребёнка не является безусловным основанием для решения, а суд проверяет, насколько оно сформировано осознанно и без внешнего давления.

Доказательственная база включает в себя медицинские документы (справки о зависимостях, психическом состоянии), приговоры судов по уголовным делам, постановления о привлечении к административной ответственности, справки о задолженности по алиментам (свыше шести месяцев), акты обследования жилищно-бытовых условий, характеристики из школ, детских садов, поликлиник, показания свидетелей (учителей, соседей, родственников), а также переписку, аудио- и видеозаписи, при условии соблюдения требований ст. 77 ГПК

РФ. Однако возникают проблемы доказывания, связанные с противоречивостью свидетельских показаний, отсутствием официальных документов (например, медзаключений о алкоголизме), а также сложностью фиксации психологического насилия.

Процессуальный порядок рассмотрения дела предусматривает срок до двух месяцев с момента поступления заявления (ст. 154 ГПК РФ), при этом заседания, как правило, проходят открыто, за исключением случаев, предусмотренных законом. В случае неявки ответчика дело может быть рассмотрено при надлежащем извещении (ст. 167 ГПК РФ), а решение вступает в силу через месяц после его изготовления в окончательной форме (ст. 209, 321 ГПК РФ). Перед лишением родительских прав суд вправе применить альтернативные меры воздействия, такие как ограничение родительских прав (ст. 73 СК РФ), что является временной мерой при опасности, не требующей полного разрыва связи. Также могут быть использованы предупреждения о недопустимости противоправного поведения, направления на лечение (от алкоголизма, наркомании), а также обязательство пройти психолого-педагогическую коррекцию. Выбор конкретной меры зависит от степени вины родителя, возможности исправления поведения, интересов ребёнка и наличия положительной динамики в его поведении, например, в ходе лечения.

Последствия лишения родительских прав заключаются в утрате всеми прав, основанных на родстве (воспитание, общение, защита интересов, получение алиментов от совершеннолетнего ребёнка), при этом сохраняется обязанность по уплате алиментов. Ребёнок сохраняет имущественные права, такие как наследование и право пользования жильём. Также допускается усыновление через шесть месяцев после вступления решения в силу. Однако практика применения данной меры сталкивается с рядом проблем: неоднозначностью оценки уклонения от обязанностей, различиями в трактовке периодичности контактов с ребёнком, спорностью критериев «достаточности» материальной поддержки, затягиванием процесса органами опеки из-за нехватки кадров, бюрократическими препятствиями и нежеланием инициировать иск без явных доказательств. Также возникают трудности с учётом мнения ребёнка, связанные с риском психологического давления, манипуляциями со стороны заинтересованных лиц и недостаточной квалификацией специалистов, проводящих опрос. Исполнение судебных решений нередко осложняется уклонением родителя от передачи ребёнка, сопротивлением родственников, что требует повышения эффективности системы правоприменения в данной сфере.

Истец должен представить доказательства, подтверждающие наличие оснований для лишения родительских прав и отсутствие альтернативных способов защиты интересов ребенка. К типичным доказа-

тельствам относятся медицинские справки о хроническом алкоголизме, наркомании или других серьезных заболеваниях родителей, судебные приговоры за преступления или правонарушения, документы о задолженности по алиментам, заключения органов опеки и попечительства с оценкой условий воспитания, свидетельские показания, а также документы из образовательных и медицинских учреждений [4]. Такая доказательственная база обеспечивает всесторонний и объективный разбор дела, позволяя суду принимать взвешенные решения, исходя из интересов и безопасности ребенка.

Заключение органов опеки и попечительства является важным элементом доказательной базы, однако суд не должен без критического анализа принимать его за чистую монету. Верховный Суд РФ подчеркивает необходимость проверки фактов, изложенных в таком документе, и их подтверждения другими доказательствами, чтобы обеспечить объективность и справедливость судебного решения.

В исключительных случаях, даже при подтвержденной вине родителя, суд может вынести постановление о предупреждении вместо лишения родительских прав. Такого рода мера предполагает, что ответчик получит указание изменить свое поведение и восстановить положительные отношения с ребенком, что позволяет сохранить семейные связи и дать возможность родителю исправиться – например, пройти лечение или психологическую реабилитацию. Такой подход способствует гуманизации процедуры и дает шанс на исправление ситуации [5].

Тем не менее, в практике нередко встречаются сложности и недостатки: предупреждения зачастую оказываются малоэффективными, поскольку не приводят к изменению поведения, что требует применения более жестких мер. Трудности возникают и при оценке доказательств, особенно в случаях, когда поведение родителя носит смешанный характер – есть и положительные, и отрицательные стороны. Иногда органы опеки затягивают судебное обращение, что негативно сказывается на благополучии ребенка. Кроме того, несмотря на законное требование учитывать мнение ребенка, практика показывает, что его мнение нередко игнорируется или недооценивается, что противоречит принципам защиты прав несовершеннолетних [3].

Важным аспектом современного правоприменения является соблюдение международных стандартов, закрепленных в различных документах и конвенциях, таких как Конвенция ООН о правах ребенка, ратифицированная Российской Федерацией и обладающая обязательной силой. Эта Конвенция подчеркивает необходимость учета мнения ребенка в делах, касающихся его судьбы, а также предоставляет ему право на защиту и уважение достоинства. В российской системе поло-

жения Конвенции интегрированы в нормы Семейного кодекса, Гражданского процессуального кодекса и иных нормативных актов.

Подводя итог, можно сказать, что процедура лишения родительских прав – это сложный и многогранный процесс, требующий всестороннего анализа обстоятельств и соблюдения баланса интересов всех участников. Для повышения эффективности необходимо активнее внедрять примирительные меры, усилить контроль за выполнением родительских обязанностей до обращения в суд и совершенствовать нормативную базу с учетом современных реалий и практических требований [1].

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Верховный Суд РФ.О практике рассмотрения судами дел о лишении родительских прав: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 7.

2. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23 октября 2002 г.: одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 г. [в ред. от 31 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

3. Жуковская, Н. Ю. Личные права ребенка: сущность и слагаемые концепта / Н.Ю. Жуковская, Д.С. Казарова, В.А. Типунова // Российское право: образование, практика, наука. - 2024. - № 2. С. 13–24.

4. Казарова, Д.С. Проблемы материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей /Д.С. Казарова // Защита социальных прав граждан как обязанность государства: Матлы XVI Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022. - С. 81-92.

5. Организация Объединённых Наций. Конвенция о правах ребёнка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 нояб. 1989 г.: вступила в силу для СССР 15 сент. 1990 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1993. – № 32. – Ст. 1225.

6. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.: одобрен Советом Федерации 15 дек. 1995 г. [в ред. от 05 февраля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

7. Российская Федерация. Законы. Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24 апр. 2008 г. № 48-ФЗ [в ред. от 29 сентября 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 17. – Ст. 1.

УДК 347.61/64

Ячменева Валерия Борисовна,
студент,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
город Липецк,
vyachmenva@list.ru
Научный руководитель – Казарова Д.С., канд. психол. наук, доцент

СИСТЕМА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ: МЕДИАЦИЯ И ПЕРЕГОВОРЫ В СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТАХ

Аннотация

В данной статье были проанализированы преимущества медиации как эффективного инструмента разрешения семейных споров, а также были рассмотрены ключевые аспекты медиации, включая ее способность сохранять конструктивные родительские отношения, ставить на первое место интересы детей, а также обеспечивать экономию времени и ресурсов по сравнению с судебным разбирательством. В заключении статьи был сделан вывод о высокой целесообразности применения медиации для создания поддерживающей среды и нахождения взаимоприемлемых решений в семейных конфликтах.

Ключевые слова: конфликты, семейные конфликты, переговоры, медиация, решение конфликтов.

В современных реалиях конфликты – это неизбежная вещь, и семейные отношения не являются исключением. Споры в семье затрагивают совершенно разные темы, начиная от раздела имущества и заканчивая определением места жительства детей. Разрешение конфликта в данной ситуации не всегда является успешным и часто сопровождается сильным эмоциональным напряжением и нанесением глубоких психологических травм всем участникам конфликта, особенно детям. В такой ситуации все большую актуальность приобретают альтернативные способы решения конфликта, среди которых ведущую роль играют переговоры и медиация.

Переговоры – это целенаправленный процесс взаимодействия двух и более людей. Его целью является достижение выгодного для каждой стороны соглашения по какому-то определенному вопросу, которое может предотвратить нарастающий конфликт. Одним из видов переговоров является медиация.

Как отмечает Н. Н. Гердина: «медиация – это процесс, в ходе которого третья нейтральная сторона, известная как медиатор, помогает

сторонам разрешить разногласия и достичь соглашения». [1, с.31] В контексте семейных правоотношениях медиация приобретает особую значимость. Зачастую семейные споры касаются всех членов семьи и характеризуются высоким уровнем эмоциональной напряженности. В различных семейных конфликтах медиация предоставляет возможность избежать разбирательств в суде, а также мирно решить проблемную ситуацию без применения государственных мер по защите прав ребенка. [2, с.73] Это и есть одна из положительных сторон данного процесса, ведь судебные разбирательства – это огромный стресс как для ребенка, так и для его родителей. Медиация помогает избежать негативную сторону решения семейных вопросов. Благодаря ей родители находят компромисс без агрессии друг к другу, что позволяет им остаться в хороших и дружественных отношения и не нанести психологический, эмоциональный или даже физический вред ребенку.

Как мы уже выяснили, ключевым элементом процесса медиации является участие третьей нейтральной стороны – медиатора. Важно подчеркнуть, что медиатор не может принимать решения за участников процесса. Его основной задачей является помощь обеим сторонам понять друг друга и мирно решить проблему.

У данного процесса есть множество преимуществ, одним из ключевых является «способность расширять возможности сторон в достижении взаимоприемлемых решений с учетом их уникальных обстоятельств. В отличие от судебных разбирательств, которые часто приводят к взаимовыгодным результатам, медиация способствует сотрудничеству и компромиссу, воспитывая чувство сопричастности к процессу разрешения». [3, с.268]

Медиация, как и любой процесс, обладает рядом характерных особенностей, которые делают ее эффективным инструментом урегулирования споров, особенно в вопросах, затрагивающих воспитание детей.

Диана Сергеевна Казарова в своей работе «Порядок применения медиации по спорам, связанным с воспитанием детей» выделяла четыре основных принципа данного процесса:

1) Добровольность: Для участия в процессе медиации нужно добровольное согласие всех сторон. Принудительное участие в этом процессе быть не может;

2) Нейтральность и беспристрастность посредника: Медиатор – человек, который выступает нейтральным третьим лицом в решении спора, должен выступать в роли независимого посредника. Его задачей является справедливое обсуждение возникающего вопроса, а также поиск его решения;

3) Конфиденциальность: Факт проведения медиации, а также вся информация, обсуждаемая в ходе данного процесса, является строго конфиденциальны.

4) Активное участие сторон: Центральную роль в процессе играют стороны. Они напрямую вовлечены в обсуждение, генерацию и оценку различных вариантов решения проблемы, учитывая при этом свои индивидуальные потребности и интересы. [2, с.74]

В Российской Федерации медиация получила распространение относительно недавно, начав активно применяться с 2011 года. Несмотря на короткий срок своего существования, этот процесс уже продемонстрировал свою высокую эффективность и стал незаменимым инструментом при урегулировании семейных вопросов: «С годами медиация все больше интегрируется в российскую практику семейного права. Суды в настоящее время регулярно передают дела на рассмотрение в порядке медиации, особенно те, которые касаются опеки над детьми, прав на свидания и раздела имущества. Кроме того, многие юристы прошли обучение, чтобы стать сертифицированными медиаторами, что еще больше узаконивает практику в юридическом сообществе. Кроме того, российское правительство предприняло шаги по продвижению использования медиации в семейных спорах посредством информационных кампаний, учебных программ и создания центров медиации по всей стране. Эти усилия помогли повысить осведомленность о преимуществах медиации и расширить доступ к услугам медиации для нуждающихся семей». [3, с.268]

Таким образом, можно отметить некоторые преимущества использования медиации в решении семейных конфликтов: она обеспечивает заботу об интересах ребенка, фокусируясь на поиске оптимального решения для его благополучия. Помимо этого, данный процесс является менее затратным по сравнению, например, с судебным разбирательством. Медиация экономит как время, так и средства. И ещё одним преимуществом процесса является сохранение родительских отношений, что положительно сказывается на детях.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что в семейных спорах использование медиации является высокоэффективным и целесообразным подходом. Внедрение и активное применение медиации в семейных спорах способствует созданию более здоровой и поддерживающей среды как для детей, так и для их родителей, позволяя находить взаимовыгодные решения без эмоциональных нагрузок и психологических травм.

Список цитируемой литературы:

1. Гердина, Н. Н. Медиация как форма разрешения семейных конфликтов / Н. Н. Гредина // Медиация в современном обществе: проблемы и перспективы реализации: Материалы Национальной научно-практической конференции, Липецк, 25 октября 2023 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – С. 31-33.

2. Казарова, Д. С. Порядок применения медиации по спорам, связанным с воспитанием детей / Д. С. Казарова // Медиация в современном обществе: проблемы и перспективы реализации: Материалы Национальной научно-практической конференции, Липецк, 25 октября 2023 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – С. 73-75.

3. Казарова, Д. С. Эволюция медиации как механизма разрешения семейных споров / Д. С. Казарова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 24 апреля 2024 года. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2024. – С. 266-270.

СЕКЦИЯ 4.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

УДК 340.5

Бессонова Валерия Денисовна,
магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
lera.bessonova.03.03@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ

Аннотация

По степени распространенности среди правовых семей, романо-германская, или, континентальная правовая семья занимает лидирующее положение. Наличие ряда специфических особенностей позволили выделить совокупность национальных правовых систем в обособленную правовую семью, к числу которых относятся источники права. В настоящей статье представлен формально-правовой анализ видов и особенностей источников права в континентальной правовой семье.

Ключевые слова: правовая семья; источник права; романо-германская правовая семья; континентальная правовая семья.

XVIII век в Европе сопровождался оформлением основных начал и принципов романо-германской правовой семьи (континентальной, семьи цивильного права). При чем, как отмечает Клюканова Т.М., «наиболее активные процессы ее формирования происходили в X-XII веках» [2, с. 27]. Романо-германское право базировалось на римском праве, являющемся образцом для правовых систем. Правовая культура Древнего Рима стала определяющей для континентальной правовой семьи. Одним из значимых этапов развития семьи цивильного права является первая обширная кодификация права, проведенная императором Юстинианом.

К странам, которым присущи признаки романо-германской правовой семьи, относятся Италия, Франция, Германия, Испания и иные государства. Российская Федерация, наряду с присущими ей особенностями правовой системы, в большей степени тяготеет именно к романо-германской правовой семье.

Одним из критериев разграничения правовых семей являются источники права. Именно источники права определяют специфические особенности правореализации в национальных правовых системах. Объединяясь в определенную систему, источники права зачастую представляют собой «иерархию, которая может быть присуща отдельно взятой правовой системе, и, соответственно, правовой семье» [1, с. 166].

Источники права представляют собой способ выражения государственной воли путем ее закрепления в нормах права. Особенностью романо-германской правовой семьи, отличающей ее от других правовых семей, является прежде всего приоритетное значение писаного права, а также высокий уровень систематизации права. Среди ученых-правоведов проводятся различные классификации источников права континентальной правовой семьи. Так, Е.Н. Ярмонова считает наиболее целесообразным деление источников права на «источники, которые исходят от государственных органов и источники, которые возникают и развиваются в силу развития тех или иных отношений в обществе» [5, с. 114].

В науке принято выделять первичные и вторичные источники права романо-германской-правовой семьи. К первичным предлагается относить те источники, применение которых является неукоснительным условием правоприменительной деятельности, к числу которых относятся нормативно-правовые акты. Вторичные же подразумевают под собой источники, применяемые в случае невозможности обращения к первичным источникам права. Здесь следует выделить судебную практику и правовую доктрину.

Рассмотрим источники права в континентальной правовой семье с точки зрения иерархичной последовательности. Так, возглавляет систему источников романо-германского права конституция, как правовой акт, регламентирующий и провозглашающий основные начала, и ключевые направления правового регулирования в государстве. В странах континентальной правовой семьи установлен примат конституционно-правовых норм над нормами иных правовых актов.

Рядом авторов выделяется в качестве источника континентального права международные правовые акты. П.П. Тарасов отмечает: «международные договоры, ратифицированные государством в установленном порядке, становятся частью национального права и приобретают юридическую силу» [4, с. 39]. Развитие международных отношений делает выделение международно-правовых актов в качестве самостоятельного источника семьи цивильного права весьма актуальным.

Нормативные правовые акты являются следующим элементом иерархии источников права континентальной правовой семьи. А.Э. Бурков и В.В. Соловьева пишут: «основные начала континентальной правовой семьи характеризуются, прежде всего, основополагающей ролью за-

конов в ней, изложенных в кодексах и иных нормативно-правовых актах, и которые являются основным источником права» [3, с. 78].

Нормативный акт представляет собой основной и наиболее распространенный источник права в семье цивильного права. В науке данный источник права рассматривается как правовой акт, изданный уполномоченным органом и содержащий нормы права, являющийся результатом профессиональной деятельности управомоченных субъектов, а также обеспечивающийся силой государства.

Система нормативно-правовых актов предполагает деление на законы и подзаконные акты. Законы представляют собой правовые акты, содержащие нормы права и конкретизирующие правовое регулирование определенной области общественных отношений. Подзаконные акты, призванные детализировать законы, издаются «на основании и во исполнение законов, занимают подчиненное положение по отношению к законам» [4, с. 39].

Особенное место закона в системе источников романо-германского права требует его формальной определенности, поскольку текст закона должен однозначно пониматься всеми субъектами правовых отношений.

Весьма противоречивым является вопрос отнесения правового обычая к источникам континентального права. Безусловно, обычай в рамках рассмотрения вопроса значимости источников романо-германского права играет менее существенную, второстепенную роль. Правовой обычай представляет собой возникшее в результате многократного применения правило поведения, ставшее обязательным для субъектов правоотношения. Так, «в некоторых испаноязычных странах обычай имеет большое значение как источник права и широко применяется на практике» [5, с. 115]. В то время как французская правовая система высокое значение рассматриваемому источнику не придает.

Вспомогательным, вторичным, однако немаловажным элементом системы источников права континентальной правовой семьи является судебный прецедент, под которым в юридической науке понимается решение по конкретному юридическому делу, специфической особенностью которого является придание ему силы правовой нормы, в результате чего данное решение может быть использовано при рассмотрении и разрешении аналогичных, схожих юридических дел. Судебный прецедент не является общепризнанным источником романо-германского права, однако широко используется в правоприменении. Поскольку правотворческая функция в странах цивильного права отводится исключительно законодательной ветви власти, возложение на органы судебной власти правотворческих функций не представляется возможным.

Правовая доктрина как источник континентального права представляет собой научные изыскания в области юриспруденции, а также теории и концепции, разработанные учеными-правоведами. Доктрина занимает важное место на различных стадиях юридической деятельности: начиная с правотворчества, заканчивая реализацией права. Правовая доктрина используется как правоприменительными органами, так и иными участниками правоотношений при возникновении правовой неопределенности.

Принципы права понимаются как охватывающие всю систему права фундаментальные положения, установки и ценности, а именно: принцип законности, принцип справедливости, принцип равенства, принцип добросовестности и так далее. Принципы права применяются субъектами в случаях отсутствия нормы права, прямого правового регулирования.

Таким образом, правовой анализ романо-германской правовой семьи с точки зрения ее источников является весьма актуальным вопросом среди ученых-правоведов. Исследование источников семьи континентального права позволяет сделать вывод о высокой степени системности и взаимосвязанности ее элементов. Объединяясь в единую правовую семью, страны семьи цивильного права сохраняют свою индивидуальность, что воплощается, в том числе, в источниках права.

Список цитируемой литературы:

1. Воронежцев, Д.К. Романо-германская правовая семья. Проблемы, связанные с пониманием источников права / Д.К. Воронежцев // Вестник науки. – 2025. – №3 (84). – С. 165-171.

2. Клюканова, Т.М. История формирования романо-германской правовой семьи / Т.М. Клюканова // Философия права. – 2021. – № 3(98). – С. 27-32.

3. Соловьева, В.В. Отличительные черты российской правовой системы от общих начал романо-германской правовой семьи / В.В. Соловьева, А.Э. Бурков // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков (шифр - МКРНП): Сборник материалов XXXV Международной научно-практической конференции, Москва, 28 февраля 2025 года. – Москва: АНО ДПО «Центр развития образования и науки», 2025. – С. 77-81.

4. Тарасов, П.П. Источники права в романо-германской правовой семье / П.П. Тарасов // Новый юридический вестник. – 2025. – № 3 (45). – С. 39-41.

5. Ярмонова, Е.Н. Особенности источников права в романо-германской правовой семье / Е.Н. Ярмонова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 3-3(66). – С. 114-116.

УДК 340.5

Буракова Анна Сергеевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
89803510255, anaburakova30910@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

СТРУКТУРА АНГЛИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация

В данной статье рассматривается историческое становление, структура английского права и выделяются ключевые особенности англосаксонской правовой семьи.

Ключевые слова: английское право; общее право; право справедливости; статутное право.

Английское право, в правовой культуре занимает особое место. В отличие от континентальных правовых традиций, основанных на кодифицированном законодательстве, она представляет собой прецедентную систему, сложившуюся в течение многих столетий. Её структура отражает глубокую историческую эволюцию, сочетание традиции и адаптации к современным вызовам. Именно это правовая система является базисом для большинства англоговорящих стран, таких как: Великобритания, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Как отмечает Рассказов Л.П. «Примерно одна треть населения живет в правовых рамках, определенных именно англосаксонской правовой системой». [4, с. 949].

Историческое становление английского права относят к периоду после нормандского завоевания в XI веке. Возникла необходимость объединить традиции и обычаи сформировавшиеся на данной территории в единую правовую систему, под властью Английской короны. В тоже время формируются королевские суды, решения данных судов в последствии начинают носить обязательный характер, формируя в дальнейшей общую правовую базу английского права. Так возникло общее право (Common Law), которое противопоставлялось местным обычаям и стало распространятся по всей Англии. Однако к XV веку жесткость общего права, основанного на прецедентах и строгих процессуальных формах, привела к возникновению права справедливости (Law of Equity). Оно предоставляло новые средства защиты: например, доверительную собственность, инжанкции (судебные запреты) и специфическое исполнение обязательств. Право справедливости помогло смягчить слишком формальные процедуры и принимать более взвешенные и справедливые

судебные решения. Впоследствии эти две системы объединились, заложив основу современного английского права.

Как отмечает Соловьева В.В. и Ермолов И. О. «Современная структура английского права базируется на трех основных компонентах: общее право, право справедливости и статутное право.» [2, с. 94].

Общее право, сохраняя прецедентный характер, продолжает играть роль первичного источника, формируемого решениями судов. Принцип «стоять на решенном» обязывает нижестоящие суды следовать прецедентам вышестоящих, обеспечивая стабильность и предсказуемость. Однако в отличие от континентальных систем, где судьи лишь применяют закон, английские судьи фактически создают право, интерпретируя нормы и заполняя правовые пробелы.

Право справедливости – набор правовых принципов, действующих в рамках традиции английского общего права. Дополняет строгие правила там, где требование их формального исполнения могло бы быть слишком жёстким. Нормы права справедливости выражаются в судебных прецедентах, а не в официальных законах государства. Не носит самостоятельного характера, а лишь дополняет нормы общего и статутного права.

Статутное право представляет собой свод законодательных актов, которые принимаются парламентским органом. Его значение особенно велико в тех сферах, где необходима максимально точная и унифицированная фиксация правовых положений. Обладая верховенством в правовой системе, парламентские законы наделены полномочием корректировать или упразднять положения, сформированные в рамках общего права и права справедливости. Статутное право находит своё развитие в системе общего права, где судебные органы, реализуя правоприменительные функции, формируют прецедентную практику. Эта деятельность позволяет не только интерпретировать действующие законодательные положения, но и восполнять возникающие в правовом поле лакуны. Верховенство британского парламента предполагает, что ни один государственный институт не вправе ограничивать его законодательную власть. Тем не менее, в реальной правовой действительности классическая доктрина верховенства парламента претерпела существенные изменения под воздействием международно-правовых документов и сложившейся судебной практики. Нельзя недооценивать и вклад судебной власти: её функция выходит за рамки простого применения правовых предписаний, активно участвуя в самом процессе их создания. Нижестоящие судебные инстанции обязаны руководствоваться правовыми позициями, сформулированными вышестоящими судами. Эта норма служит гарантией единообразной трактовки и применения права на всей территории государства. Подобный подход фактически наделяет судейскую власть не просто функцией правоприменения, но и правотворческой

прерогативой. По этой причине английская юридическая профессия предъявляет исключительно высокие требования к уровню подготовки специалистов, чья компетенция должна включать фундаментальное понимание наработанной судебной практики.

Хотя английская правовая система по-прежнему опирается на прочные исторические основы, она претерпевает значительные изменения под воздействием глобализации и стремительного технологического развития. В центре современных юридических дискуссий всё чаще оказываются вопросы, связанные с защитой персональных данных, правовым регулированием интернет-пространства, а также контролем за использованием искусственного интеллекта и деятельностью цифровых платформ. В отличие от стран с кодифицированным правом, где изменения требуют принятия новых законов, прецедентная система Англии проявляет высокую гибкость: суды оперативно формируют правовые нормы через решения по конкретным делам, фактически в реальном времени отвечая на новые вызовы. Эта способность к быстрой адаптации подчеркивает жизнеспособность и устойчивость всей правовой системы. Несмотря на растущее влияние международных и европейских правовых стандартов, английское право сохраняет свою структурную целостность, сочетая глубокую историческую преемственность с активной трансформацией, обусловленной требованиями цифровой эпохи.

Еще одной чертой английского права считается отсутствие кодификации, т. е. сведения в одном законодательном акте всех норм, имеющих сходный предмет правового регулирования. Вместо всеобъемлющих кодексов, множество статутов, судебных решений и подзаконных актов, которые образуют разветвленную, но логичную структуру. В этом проявляется дух практичности: вместо жестких рамок ориентир на реальные случаи и принципы справедливости. Правовая система Великобритании не нуждается в постоянных реформах, так как обновляется изнутри, через судебное толкование и прецедент.

Анализ английской правовой системы выявляет её сущностную целостность, где глубокая приверженность историческим устоям парадоксальным образом сочетается с высокой степенью адаптивности и гибкости. Фундаментальную структуру английского права образует сложный симбиоз трёх базовых элементов: общего права, права справедливости и статутного права. Эта система функционирует благодаря постоянному диалогу между судебными прецедентами и подзаконными актами. В отличие от правовых систем, где суды лишь применяют нормы, английская модель предоставляет судебным органам полномочия не просто толковать, но и фактически формировать право через свои решения. Данное свойство наделяет правовую систему требуемой адаптивностью и потенциалом для развития. Благодаря этому англий-

ское право обретает способность реагировать на динамику социальных отношений, экономических вызовов и политических трансформаций. Гибкость прецедентного права, авторитет судебной власти и уважение к правовым традициям способствуют стабильности английского права на протяжении многих веков. Вследствие этого оно остается примером правовой культуры, где закон и справедливость не противопоставляются, а существуют в постоянном и продуктивном взаимодействии.

Список цитируемой литературы:

1. Бережнов, А. Г. Теория государства и права : учебник для вузов / А. Г. Бережнов, Е. А. Воротилин, А. А. Кененов [и др.] ; под ред. М. Н. Марченко. – М. : Зерцало, 2004. – 800 с.

2. Ермолов, И.О. Структура английского права / И.О. Ермолов, В.В. Соловьева // Научный Лидер. – 2025. – № 8 (209). – С. 94-95.

3. Оруджова, Р.Р. Развитие и становление судебного прецедента как источника права: сравнительно-правовой анализ / Р. Р. Оруджова // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 3 (14). – С. 86-88.

4. Рассказов, Л. П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники / Л. П. Рассказов // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 105. – С. 949-963.

5. Сахаутдинов, Д. Ф. Статут в английской системе общего права: доктрина и практика / Д. Ф. Сахаутдинов // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2 (56). – С. 43-55.

УДК 340.5

Гладких Елена Александровна
студент магистратуры I курса,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Lenagoldman47@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВА В СТРАНАХ АФРИКИ. ЭВОЛЮЦИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ уникальных характеристик правовых систем стран Африки к югу от Сахары. Сфокусированный на динамике эволюции обычного права. Исследуется его взаимодействие с реципированным европейским правом в колониальный и

постколониальный периоды. Автор выделяет ключевые тенденции трансформации обычного права под влиянием процессов модернизации, унификации права и конституционализации, а также анализирует современные вызовы, связанные с плюрализмом правовых источников. Делается вывод о формировании гибридных правовых моделей, сочетающих традиционные ценности с требованиями современного правового государства.

Ключевые слова: африканское право; обычное право; правовой плюрализм; правовые семьи; колониальное наследие; модернизация права; унификация права; конституционализм.

Правовые системы стран Африки – уникальный объект для исследования в сравнительном правоведении. Их отличительная черта – глубокий правовой плюрализм, возникший в результате наложения норм европейского права на автохтонные правовые традиции [1, с. 45]. Данная статья посвящена анализу эволюции одной из ключевых составляющих этого плюрализма – обычного права, которое продолжает играть значительную роль в регулировании общественных отношений, особенно в сфере личного статуса, земельных и семейных правоотношений.

Для большего понимания темы исследования следует рассмотреть эволюцию обычного права от доминанты к гибридизации.

Так в доколониальный период обычное право было доминирующим источником права на большей части Африканского континента. Оно характеризовалось устным характером, коллективизмом, приматом примирительных процедур над репрессивными, а также неразрывной связью с религиозными верованиями и социальной структурой общины. Колониализм привел к насаждению романо-германской или общей правовых традиций. Однако полного вытеснения обычного права не произошло. Колониальные администрации. Руководствуясь принципом «косвенного управления», признали его действие в ограниченной сфере, главным образом, в вопросах, касающихся туземного населения [2, с. 112]. Это породило дуализм правовых систем, при котором формальное, писанное «европейское» право сосуществовало с традиционным, обычным.

В постколониальный период новые независимые государства столкнулись с дилеммой: сохранить правовой дуализм как часть культурной идентичности или провести унификацию права для укрепления государственного суверенитета и ускорения модернизации. Ответы на этот вызов были разными. В некоторых странах, например, в Эфиопии, были предприняты масштабные кодификации, которые пытались инкорпорировать обычные нормы в единые правовые кодексы. В других странах, как Нигерия или Гана, был закреплен официальный правовой

плюрализм, где обычное право применяется наряду с общим право и законодательством [3, с. 78]. Этот процесс нашел свое отражение и в современных сравнительно-правовых исследованиях, где подчеркивается, что «правовой плюрализм является не пережитком прошлого, а динамичным элементом современных правовых систем, требующим тонких механизмов гармонизации» [5, с. 182].

Ключевой тенденцией последних десятилетий стала конституционализация обычного права. Конституции многих африканских государств (ЮАР, Кения, Уганда) признают его источником права. одновременно подчиняя его действие фундаментальным правам и свободам человека. Это привело к существенной модернизации обычного права. Так верховные су3ды ряда стран признали не соответствующими конституции обычаи, дискриминирующие женщин в вопросах наследования или земельной собственности [4, с. 25]. Таким образом, конституция выступает в роли фильтра, через который традиционные нормы должны быть «просеяны» для легитимации в современной правовой системе.

Далее перейдем к рассмотрению современных вызовов и перспектив.

Несмотря на эволюции, правовой плюрализм в Африке продолжает порождать ряд сложных проблем. К ним следует отнести:

1. Юридическая неопределенность, которая заключается в противоречиях между нормами обычного и государственного права, создающих трудности для правоприменения и снижающих предсказуемость судебных решений.

2. Проблема доступа к правосудию: для значительной части сельского населения традиционные суды под председательством вождей или старейшин остаются более доступными и понятными, нежели формальные государственные суды, что может приводить к нарушению процессуальных стандартов.

3. Архаичные нормы. Отдельные обычаи, связанные, например, с колдовством или детскими браками, входят в прямое противоречие с международными стандартами прав человека.

Перспективы развития африканского права видятся в дальнейшем пути гибридизации – не механического сосуществования, а органичного синтеза. Речь идет о создании таких правовых моделей, которые, сохраняя культурную аутентичность и социального эффективность обычного права, одновременно гарантируют верховенство закона, защиту прав человека и правовую определенность. Этот процесс требует тонкой работы законодателей и судей по гармонизации разнородных правовых традиций.

Подводя итог, следует сказать, что проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что эволюция обычного права в странах Африки – сложный и нелинейный процесс адаптации традиционной правовой

культуры к вызовам современности. От статуса доминирующей правовой системы в доколониальную эпоху оно перешло к статусу одного из элементов сложной плюралистической модели в колониальный период. В настоящее время обычное право проходит этап глубокой трансформации под влиянием конституционных ценностей и международных стандартов. Современное африканское право – это не статичный дуализм, а динамичная гибридная система, находящаяся в постоянном в постоянном диалоге со своим прошлым и глобальным правовым контекстом. Его дальнейшее развитие будет определяться способностью находить баланс между уважением к традициям и требованиями современного правового развития.

Список цитируемой литературы:

1. Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффе-Спинози– Москва : Международные отношения, 2009. – 456 с.

2. Лукашук, И.И. Глобализация, государство, право, XXI век / И.И. Лукашик. – М.: Юрайт, 2013. – 278 с.

3. Марченко, М.Н. Правовые системы современного мира: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2016. – 320 с.

4. Супатаев, М.А. Право в современной Африке / М.А. Супатаев. – М.: Институт Африки РАН, 2018. – 54 с.

5. Соловьева, В.В. Методологический плюрализм как системообразующий принцип современного правоведения / В.В. Соловьева, Д.К. Воронежцев // Международный журнал «Вестник науки» – 2025. – № 10(91). – С. 180–184.

6. Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М.: Норма, 2018. – 432 с.

УДК 340.5

Головина Дарья Александровна
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
daria.golovinaa@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация

В статье автором рассматривается основная цель сравнительного подхода к изучению институтов уголовного процесса, выявляются различия уголовного судопроизводства в различных правовых системах, определяется ряд поставленных при сравнении задач, а также указаны основные направления. Сравнительный подход к изучению институтов уголовного процесса позволяет не только систематизировать знания о процессуальных институтах разных правовых систем, но и выработать ориентиры для совершенствования национального законодательства в изучаемой области.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовный процесс, сравнительный метод, сравнительное правоведение, суд, стороны, доказывание, прецедент, романо-германская правовая система, англо-саксонская правовая система.

Сравнительное правоведение (сравнительно-правовой метод) занимает значительное место в научных исследованиях, проводимых в области уголовного права. Компаративистский метод имеет своим объектом изучение уголовно-правовых явлений путем сопоставления их с аналогичными или сходными институтами двух или нескольких уголовно-правовых систем. Следует учитывать, что сравниваемые объекты должны отвечать одному общему требованию – сопоставимости. Соответственно, может происходить сопоставление уголовных законов, иных нормативных правовых актов, регулирующих определенные общественные отношения в законодательстве.

В результате сравнения выявляется качественное состояние уголовно-правовой системы в целом либо отельных уголовно-правовых институтов и норм. Метод сравнения позволяет учесть мировой опыт правового регулирования, выбрать из него все полезное, что можно использовать в условиях современной России, определить конкретные пути совершенствования уголовно-правовой системы и внедрить все лучшие достижения уголовно-правовой мысли.

Уголовный процесс как совокупность норм, регулирующих деятельность по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, в разных странах имеет свои уникальные черты. Однако в условиях глобализации и усиления международного сотрудничества в борьбе с преступностью простое знание национального законодательства становится недостаточным. На первый план выходит сравнительный подход, который позволяет не только глубже понять собственные процессуальные институты, но и выявить общие тенденции, заимствовать позитивный опыт и гармонизировать законодательство. Важно отметить значимость сравнения уголовного процесса в различных государствах, т. к. данный вид судопроизводства является крайне важным, поскольку основными его участниками выступает потерпевшее и обвиняемое лица.

Главная цель сравнительного анализа уголовного процесса – выявить наиболее эффективные механизмы защиты прав участников процесса, обеспечения справедливости и законности судебного разбирательства. В уголовном судопроизводстве крайне важно, чтобы все права лиц, участвующих в деле, должным образом соблюдались и не нарушались. Такой подход способствует совершенствованию национального уголовного судопроизводства за счет заимствования положительного опыта и предупреждения ошибок, допущенных в других государствах.

В рамках сравнительного подхода изучаются ключевые институты уголовного процесса, такие как:

- во-первых, принцип справедливого судебного разбирательства и презумпция невиновности;
- во-вторых, полномочия участников процесса (следователя, прокурора, защиты, обвинения);
- в-третьих, процессуальные стадии расследования, предъявления обвинения и судебного разбирательства;
- в-четвертых, меры процессуального принуждения и защита прав подозреваемых и обвиняемых.

Сравнительный анализ позволяет выявить, например, различия между континентальной (романо-германской) и англо-саксонской (прецедентной) правовыми системами. В романо-германской системе уголовный процесс, как правило, носит инквизиторский характер, с активной ролью судьи в разбирательстве дела, тогда как в англо-американской – доминирует состязательный процесс с ведущей ролью сторон. Иными словами – в романо-германской правовой системе характерно детальное законодательное регулирование процесса доказывания, основанное на кодифицированных нормативно-правовых актах. Эти акты определяют источники доказательств, порядок их собирания, фиксации, проверки и оценки, а также регламентируют полномочия субъектов доказывания [6, с. 481]. В то время как в англо-саксонской

правовой системе стороны лишь в суде начинают предъявлять доказательства, а также важно отметить и роль прецедента в уголовном судопроизводстве для данной правовой системы [5, с. 394].

Сравнительный подход также характеризуется рядом поставленных непосредственно перед ним задач.

Во-первых, важным выступает выявление общих черт и отличительных особенностей уголовного судопроизводства. Сравнивая институты уголовного процесса (например, институты дознания, предварительного расследования, судопроизводства), исследователи выявляют универсальные нормы, общие для большинства правовых систем, а также уникальные черты, свойственные конкретным государствам или группам стран. Такое исследование помогает понять, как разные правовые традиции решают одинаковые задачи.

Во-вторых, сравнительный подход позволяет осуществить оценку эффективности и правовой целесообразности. Это характеризуется возможностью определить, какие процессуальные механизмы работают лучше с точки зрения защиты прав участников процесса, обеспечения полноты и объективности расследования, а также достижения справедливо вынесенного судом решения либо о назначении наказания преступнику, либо же о прекращении уголовного дела ввиду невиновности обвиняемого лица.

В-третьих, одной из задач выступает содействие гармонизации и унификации права, поскольку в условиях международного взаимодействия важна согласованность правовых норм. Сравнительный подход помогает разработать рекомендации для гармонизации уголовно-процессуальных норм, что особенно актуально для международных договоров и трансграничного сотрудничества.

Также стоит отметить и основные направления сравнения институтов уголовного процесса.

В первую очередь, на наш взгляд, стоит обратить внимание на принципы уголовного процесса. Сравниваются такие фундаментальные принципы, как состязательность, гласность и тайна, равенство сторон, презумпция невиновности. Например, в странах континентального права наблюдается склонность к инквизиционному процессу, где судья активно участвует в расследовании, в то время как в странах англосаксонской системы преобладает состязательный процесс с разделением ролей сторон [2, с. 50].

Помимо прочего важно сравнивать и организацию предварительного расследования. Используя сравнительный подход рассматриваются институты дознания, предварительного следствия, прокурорского надзора. Методы и процессуальный статус следствия имеют значительные различия: например, в Российской Федерации и странах СНГ

следователь обладает широкими полномочиями, в то время как в США дознание более фрагментировано, а прокурор играет ключевую роль.

Одним из ключевых направлений при сравнивании различных институтов уголовного процесса выступают процессуальные права участников. Сравнивается уровень защиты прав подозреваемого и обвиняемого, участия адвоката, возможности обжалования действий или бездействий органов следствия и суда. Например, в некоторых странах гарантируется право на защитника с самого начала задержания, в других – только после предъявления обвинения.

А также важно сравнивать роль органов уголовного судопроизводства. Анализируются роль судей, прокуроров, адвокатов, следователей, а также рассматривается специфика их взаимодействия в условиях осуществления правосудия.

Стоит привести несколько примеров, которые смогут в полной мере отразить указанные выше сравнительные особенности в области уголовного процесса. В Германии и Франции уголовный процесс включает серьезную роль следственного судьи, который участвует в досудебном расследовании, тогда как в США судебное разбирательство базируется на состязательности сторон без активного участия судьи в расследовании [1, с. 240]. В Российской Федерации приоритет отдается письменным доказательствам и формальному процессу, в то время как в англосаксонской системе решающее значение часто имеют устные показания и перекрестный допрос. Также в Российской Федерации стадия возбуждения уголовного дела является формальной и на ней выносится постановление, в то время как в США уголовное дело возбуждается с момента предъявления обвинения или получения жалобы на лицо.

В завершении стоит отметить преимущественные черты сравнительного подхода к изучению уголовного процесса. Такое сравнение позволяет определить слабые места в национальной системе того или иного государства. Сравнительный подход позволяет осуществить рецепцию проверенных и эффективных механизмов, которые помогут усовершенствовать сравниваемый институт. А также преимущество сравнительного подхода выражается в способности развития правовой науки и юридического образования в целом.

Сравнительный подход к изучению институтов уголовного процесса позволяет не только систематизировать знания о процессуальных институтах разных правовых систем, но и выработать ориентиры для совершенствования национального законодательства в изучаемой области. Таким образом, сравнительный подход к изучению институтов уголовного процесса – это эффективный инструмент правового анализа, способствующий развитию уголовного правосудия и защите прав человека не только на национальном, но и на международном уровне. [3, с. 91].

Список цитируемой литературы:

1. Воробьева, Ю.В. Особенности судебного правотворчества в странах общего права / Ю.В. Воробьева // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 3(41). – С. 238-245.

2. Газимагомедов, М.А. Правотворчество как явление в судебной системе США: некоторые теоретические аспекты развития американского прецедентного права / М.А. Газимагомедов // Образование и право. – 2015. – № 11(75). – С. 44-53.

3. Ермолов, И.О., Соловьева, В.В. История права США. Рецепция английского права / И.О. Ермолов, В.В. Соловьева // Научный Лидер. – 2025. – № 8(209). – С. 68-69.

4. Лукань, С.В. Сравнительный анализ уголовного судопроизводства России и Франции / С.В. Лукань // Молодой ученый. – 2022. – № 18(413). – С. 312-135.

5. Попова, М.Д., Шехматова, Е.С. Судебный прецедент как источник права в правовой системе США / М.Д. Попова, Е.С. Шехматова // Образование и право. – 2021. – № 6. – С. 393-396.

6. Хаснутдинов, Р.Р., Малолеткина, Н.С., Галстян, Д.А. Сравнительный анализ расследования и доказывания уголовных дел в романо-германской и англо-саксонской правовых системах / Р.Р. Хаснутдинов, Н.С. Малолеткина, Д.А. Галстян // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 478-483.

УДК 340.5

Гревцев Егор Александрович
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
egor.grevtsev2017@yandex.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

РОЛЬ СУДОВ. ИСТОЧНИКИ ПРАВА В СТРАНАХ АФРИКИ

Аннотация

Большинство стран Африки прошли сложный путь развития правовой и судебной системы, который делится на доколониальный, колониальный и постколониальный. На страны Африки оказали влияния различные правовые системы общего и романо-германского права, что позволило сформировать самобытное африканское право. В настоящее

время реформирование судебной и правовой системы Африки проходит новый этап, который непосредственно связан с глобальными изменениями в мире, в связи с чем исследование по теме остается актуальным.

Ключевые слова: правовая система, обычай и традиция, колониальное право, Африка, государство.

В последние несколько лет страны Африки стали активно развиваться и представляют собой перспективное направление для сотрудничества, в связи с чем особенностям правовой системы этого региона уделяется особое внимание. В силу того, что процессы государственного строительства в Африке испытали на себе влияние нескольких правовых семей, сегодня страны Африки находятся в процессе поиска своей правовой идентичности, в связи с чем особое значение имеет роль судов стран Африки и используемые источники правового регулирования.

Источники права являются центральным элементом любой правовой системы, т.к. без источника права регулирование общественных отношений невозможно. Доколониальный период развития и формирования права стран Африки отличается тем, что на большей части континента был распространен правовой обычай, т.е. обычное право. М.В. Захарова дает следующую характеристику: «Все туземные обычаи доколониальной эпохи дифференцируются на два крупных блока: обычные нормы этносов, достигших стадии государственности (территория западно-африканских государств: Гана, Мали, Сонггаи; мальгашского – Имерина; сенегальского Текрур и так далее), обычаи родоплеменных социумов. В первом случае обычай приобретает статус правовой нормы, во втором – он носит характер только социального регулятора общественных отношений, но не правового» [2, с. 10]. В это время обычаи и традиции передавались устно, была распространена коллективная ответственность, а решения вождей племен зачастую рассматривались как правовые прецеденты.

Судебная система этого периода была несовершенна, а все важные решения принимались вождями, оракулами или жрецами с опорой на религиозные (зачастую языческие) правила правового регулирования общественных отношений. Исключение составляет Эфиопия, в которой уже в этот период имелось писаное право – Законы царей.

Большая часть территории Африки была колонизирована с XV в. Францией и Великобританией, незначительная часть территорий была разделена между Италией, Испанией, Германией, Португалией и Бельгией. Это сказалось на формировании системы источников различных стран Африки. Так, на западной части Африки было распространено право Франции, которая относится к числу стран романо-германской правовой семьи, а на восточной и центральной части Африки получило

распространение общее право Великобритании. Это нашло закрепление и в международных правовых актах. Так, А.Х. Абашидзе пишет следующее: «Устав Организации африканского единства (ОАЕ) разрабатывается в условиях разделенной Африки по группам государств (франкоязычные страны, страны Восточной и Центральной Африки и т.д.)» [1, с. 8].

Так, бывшие французские, бельгийские, португальские колонии: Сенегал, Кот-Дивуар, Конго и др. включили в свою правовую систему признаки романо-германской правовой семьи, в связи с чем к числу источников права относятся Конституция, кодексы, а также иные законы и подзаконные акты. Здесь стоит отметить, что в настоящее время большинство стран Африки приняли Конституцию, в которой отражены все особенности правового регулирования и судебного рассмотрения дел. Чаще всего в таких странах используется переработанные французские кодексы, а в некоторых странах, например, в Кот-Дивуар, используется идентичный французскому правовой акт.

Важный источник в странах с значительным мусульманским населением (Северная Нигерия, Судан, Сенегал, Танзания). Часто применяется в сфере семейных отношений и наследования для мусульман. А.В. Калуцких пишет следующее: «Формальная и неформальная системы правосудия – гражданское и общее право, мусульманское право и шариат, африканские режимы разрешения споров и отправления правосудия, а также индуистское право – сосуществовали без координации. Результатом стала запутанная мешанина, смесь правовых режимов, в которых правосудие часто оказывалось жертвой» [3, с. 189].

Таким же образом сформирована и судебная система таких стран. В странах общего права существует иерархия судов, применяется судебный прецедент, а в странах романо-германской правовой семьи, в связи с кодификацией права, имеется разделение на публичное и частное право. А в смешанной системе права, где часто преобладают религиозные нормы, судебная система нередко формируется с учетом религиозных правил (например, шариата).

Страны Африки, относящиеся к семье общего права, например, Нигерия, Гана, Кения, ЮАР и др. до настоящего времени используют в качестве основного источника права – прецедент. Но, во многих странах параллельно существуют суды, применяющие общее право, и традиционные суды, руководствующиеся обычным правом, т.е. еще один вид смешанной правовой системы. Здесь решение судов не обладает силой нормативного правового акта, а может рассматриваться как вспомогательный элемент правовой системы, также, как и предписания религиозных источников. Суды в таких правовых системах призваны обеспечивать реализацию предписаний, содержащихся в нормативных правовых актах, среди которых наибольшее значение имеет Конституция.

Суды множества стран Африки постепенно приобщаются к общемировой практике рассмотрения дел, где особое внимание уделяется защите прав и свобод человека. Так, конституционные и верховные суды, как, например, в ЮАР, известны своими прогрессивными решениями, направленными на укрепление прав женщин, детей и других уязвимых групп населения, что зачастую приводит к значительным изменениям в национальном законодательстве, а не за счет установления прецедента.

В настоящее время источники права стран Африки все чаще приобретают уникальные черты, которые сочетают в себе характеристики сразу нескольких правовых семей. Развитие экономики, права и социального обеспечения в Африке, с учетом особенностей религиозного состава и истории государств, формирует и самобытную судебную систему, которая только с недавнего времени стала адаптироваться к новым условиям. П.К. Мупендана и В.М. Сапогов отмечают: «В современной африканской правовой действительности мы являемся свидетелями сопряжения правовых систем, одна из которых имеет европейское происхождение и навязывается добровольно или с применением силы подавляющему большинству африканского населения; другая - традиционная африканская» [4, с. 17].

Таким образом, можно сделать вывод, что источниками права стран Африки будут выступать кодифицированные акты или судебные прецеденты, в зависимости от того признаки какой правовой семьи являются доминирующими в той или иной стране. К 2025 году большинство стран Африки можно отнести к числу стран смешанного права, т.к. большинство государств приняли Конституцию, которая и выступает основным источником права, на фоне расширения прецедентного права. Роль судов в странах Африки учитывает особенности исторического становления и развития континента, положения общего или романо-германского права, а также обычаев (религиозных норм).

Список цитируемой литературы:

1. Африканская система защиты прав человека и народов: учебник для вузов / под редакцией А. Х. Абашидзе. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 138 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18688-8.

2. Захарова, М.В. Правовой обычай и модернизация в праве: На материалах франкофонной Африки и Мадагаскара: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Захарова Мария Владимировна ; Московская государственная юридическая академия. – Москва, 2005. – 24 с.

3. Калуцких, А. В. Особенности права в странах Африки / А. В. Калуцких // Молодой ученый. – 2023. – № 16 (463). – С. 189-19.
4. Мупендана, П.К. Тенденции и проблемы развития постколониального права и государства в Африке / П.К. Мупендана, В.М. Сапогов // Московский юридический журнал. – 2022. – № 2. – С. 15-24.

УДК 340.5

Дементьева Анастасия Алексеевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
ana@daa25.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВА КИТАЯ. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КНР

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые особенности китайской правовой системы, её исторические и культурные основы, а также направления современной модернизации законодательства КНР. Особое внимание уделено реформам гражданского законодательства, цифровизации правоприменения и укреплению механизмов защиты прав граждан.

Ключевые слова: Китай; правовая система; модернизация; право; законодательство.

Правовая система Китайской Народной Республики занимает особое место среди мировых правовых моделей. Её специфика обусловлена сочетанием древних философских традиций, коллективистских ценностей и современного государственного подхода к управлению обществом. Китайское право формировалось под влиянием конфуцианства, легизма, а также практик императорской бюрократии, что отражается в принципах регулирования и сегодня [1].

В отличие от стран романо-германской системы, где центральное значение имеет кодифицированное право, и от стран англосаксонской традиции с её судебным прецедентом, китайская правовая модель долгое время базировалась не столько на юридических нормах, сколько на моральных и этических принципах. Закон применялся преимущественно как инструмент государственного воздействия, а обществен-

ное регулирование строилось на основе моральных предписаний и иерархических отношений в обществе [4, с. 56].

Ситуация начала изменяться с проведением реформ под руководством Дэн Сяопина, которые стартовали в 1978 году. Экономическая либерализация потребовала создания современной правовой базы для функционирования рынка, привлечения иностранных инвестиций, защиты контрактных обязательств. Именно на этом этапе государство стало активно формировать разветвлённую систему законодательства, постепенно переходя от идеологического подхода к нормативному [4; с. 57].

Вместе с тем мощные процессы модернизации существенным образом изменили способы и средства нормативного, точнее, правового регулирования. Китай открылся миру, что повлекло за собой принятие западного права. Традиционно приоритет признавался за романо-германским правом, но существенную роль играет и Общее право (Common Law). И, конечно же, в Китае присутствует коммунистическая идеология. Вследствие этого правовая система Китая являет собой переплетение традиций и обычаев, коммунистических идей и правовых норм, пришедших с Запада. Исследователь А. В. Егоров пишет, что «современное право Китая – это редкий симбиоз религиозно-коммунистических начал. Даже изменение общего политического климата не повлияло на правосознание китайцев. Это кроется в природе традиционного китайского права, которое вовсе не право, а идеология» [4; с. 56].

Значимым этапом этой модернизации стало принятие Гражданского кодекса Китайской Народной Республики в 2020 году. Впервые в истории страны был создан единый, системно структурированный нормативный акт, включающий основные разделы частного права. Кодекс содержит положения о вещных правах, договорах, семейных отношениях, наследовании, деликтной ответственности. Его появление свидетельствует о стремлении Китая закрепить единые правила экономической деятельности и обеспечить правовую стабильность для всех участников гражданского оборота.

Однако модернизация законодательства связана не только с формированием нормативной базы, но и с изменением целостного подхода к правоприменению. Китай активно развивает цифровую инфраструктуру управления, внедряя электронные суды, онлайн-разбирательства и системы автоматической фиксации доказательств. В этом аспекте цифровизация становится ключевым направлением инноваций в правовой сфере, что подчёркивается и в научной литературе [4; с. 58]. Доступ к судебным процессам в онлайн-формате делает рассмотрение дел более быстрым и прозрачным, позволяя уменьшать административные барьеры.

При этом, несмотря на активное реформирование, китайская правовая система сохраняет ряд традиционных особенностей. Во-первых, значительную роль играет государственная идеология, определяющая приоритет стабильности, общественного порядка и коллективных интересов. Во-вторых, правовая культура Китая по-прежнему характеризуется сильным влиянием норм морали, которые рассматриваются как неотъемлемый элемент правового регулирования.

Современные исследования подчёркивают важность культурных и мировоззренческих факторов в трансформации функций права в КНР. В частности, Соловьёва В. В. отмечает, что духовно-культурологический подход продолжает определять восприятие права обществом, задавая рамки легитимности правовых норм в сознании граждан. Таким образом, модернизация законодательства происходит в условиях сохранения традиционной ценностной базы, что создаёт уникальный синтез современного и исторического.

Наряду с этим важным направлением развития правовой системы остаётся защита прав человека. В Китае ведётся работа по формированию стандартов персональной безопасности, регулированию интернет-пространства, повышению уровня социальной защиты, что отражено в многочисленных исследованиях, включая работы Соловьёвой В. В. [2, с. 123]. Важным фактором при этом являются общечеловеческие культурные ценности (как интегральные образования), вокруг которых формируются правовая система, правовая идеология и правовая культура общества в целом [2, с. 125]. В контексте глобализации эти вопросы становятся особенно актуальными, поскольку государство стремится обеспечить баланс между общественными и индивидуальными интересами.

Несмотря на масштабные реформы, китайская правовая система сталкивается с рядом вызовов. Среди них – необходимость дальнейшего повышения транспарентности правоприменения, укрепления судебной независимости, согласования национальных норм с международными стандартами. Изменение экономической структуры и развитие высоких технологий требуют постоянного обновления законодательных механизмов и формирования новых отраслей права. Китай демонстрирует готовность адаптироваться к этим вызовам, что подтверждается как нормативными актами, так и активной научной дискуссией.

Помимо реформ материального права Китай уделяет большое внимание модернизации административно-правового регулирования. В последние годы значительно расширено законодательство в сфере государственного управления, экологического контроля, регулирования интернета и персональных данных. Эти изменения направлены на повышение ответственности государственных органов и создание механизмов общественного контроля. Особое место занимает Закон КНР

«О кибербезопасности», а также обновлённые положения об обеспечении экологической безопасности. Всё это формирует современную модель взаимодействия государства и граждан, в которой правовые инструменты становятся более прозрачными и ориентированными на защиту прав и законных интересов личности [1].

Отдельного внимания заслуживает международно-правовой вектор развития Китая. Страна активно участвует в международных договорах, соглашениях и правовых инициативах, связанных с торговлей, инвестициями, интеллектуальной собственностью и правами человека. Участие в таких форматах, как ВТО, ШОС и БРИКС, стимулирует Китай к гармонизации части внутренних норм с международными стандартами. При этом исследователи отмечают, что Китай старается сохранять самостоятельность в вопросах стратегического правового развития, адаптируя международные правила с учётом национальных особенностей [4, с. 59]. Такое сочетание суверенного подхода и глобального участия создаёт уникальную модель правовой интеграции.

Китай – это уникальная великая цивилизация, выстроенная благодаря умениям чиновников и огромному трудолюбию людей. Здесь сочетаются верность устоям, защита традиций и принятие нового. Считая изначально, что право – чуждое для китайцев явление, они все же применяют, используют и не отторгают его. Оно реально регулирует жизнь людей. Китайцы сумели совместить право с нормами «ли», наполнить ими нормы, пришедшие с Запада, причём делают это гармонично, не создавая опасности раскола и даже разбалансирования общества. Китай невозможно понять даже наполовину. Культура его пришла из глубины времён. Однако знать социально-правовое бытие Китая нужно, поскольку общение и сотрудничество с этой замечательной страной необходимо и желательно многим странам, в том числе и России [4, с. 64].

Таким образом, особенности китайского права определяются сочетанием исторической традиции, идеологических установок и стремления к интеграции в современное международное правовое пространство. Модернизация законодательства КНР представляет собой целостный и многоплановый процесс, включающий кодификацию, цифровую трансформацию и изменение правовой культуры. Китайская модель права продолжит развиваться в условиях глобализации и внутреннего реформирования, сохраняя свою уникальную специфику.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики – URL: https://chinaperevod.com/law/glava-2-zaklyuchenie-dogovora-0 (дата обращения: 16.11.2025). – Режим доступа: Официальный сайт Цай Ильи: [сайт]. – Текст: электронный.

2. Соловьёва, В.В. Влияние духовно-культурологического подхода на процесс трансформации функций права / В.В. Соловьёва // Актуальные проблемы государства и права. – 2017. – № 3-4. – С. 121-130.
3. Соловьёва, В.В. Права человека в контексте глобализации / В.В. Соловьёва // Вестник Прикамского социального института. – 2022. – № 2(92) – С. 14-20.
4. Сорокина, Ю.В. Правовая система Китая / Ю.В. Сорокина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3(99). – С. 55-66.

УДК 340.5

Жукова Анастасия Александровна
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
nastasya.zhukova.2002@inbox.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА США. ПРОЦЕДУРА ПРАВОВОГО ОБОСНОВАНИЯ В ПРЕЦЕДЕНТНОМ ПРАВЕ США

Аннотация

В статье рассматриваются основные источники права Соединенных Штатов Америки, а также обозначена важная роль прецедентного права в данном государстве. Автором обозначено его правовое обоснование, выделены особенности прецедента. Помимо прочего, автором делается вывод о гибкости прецедента в условиях развития общественных отношений в области технического прогресса.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки; англосаксонская правовая система, роль, судебный прецедент, суды, источники права, ratio decidendi, stare decisis, obiter dictum.

Правовая система Соединенных Штатов Америки, будучи ярким представителем англосаксонской правовой семьи, основывается на сложной иерархии источников права, центральное место в которой занимает судебный прецедент.

Верховным законом страны является Конституция США, и любой законодательный акт или судебное решение, противоречащее ей, могут быть признаны недействительными. На федеральном уровне источниками права также выступают законы, принимаемые Конгрессом, так назы-

ваемые статуты, нормативные акты федеральных агентств и, что крайне важно, решения федеральных судов. Аналогичная структура, возглавляемая собственной конституцией, существует в каждом штате. Однако в случае коллизии между федеральным правом и правом штата действует принцип верховенства федерального права, поскольку оно в свое очередь является всеохватывающим на территории целого государства.

Правовая система Соединенных Штатов Америки формируется на основе нескольких главных источников права: Конституции США, федеральных и штатовских законов, судебных решений (прецедентов), обычаев и принципов справедливости. Конституция является основным и высшим правовым актом, задающим структуру государственной власти, права и свободы граждан. Законодательные акты принимаются Конгрессом и законодательными собраниями штатов и представляют писаное право. Однако одним из ключевых источников права в американской системе является судебный прецедент, благодаря которому формируется прецедентное право, унаследованное из английской правовой традиции общего права [3, с. 91].

Обозначив основные источники права в Соединенных Штатах Америки, на наш взгляд, исходя из темы исследования, необходимо определить роль и указать правовое обоснование прецедента в указанном выше государстве.

Суть прецедентного права в США заключается в том, что решения верховных и апелляционных судов становятся обязательным образцом для судов нижестоящих инстанций при рассмотрении схожих дел. Сущность природы прецедента отражается в нескольких аспектах, которые, на наш взгляд, важно отметить:

- во-первых, в американской правовой семье сложившаяся система прецедентов требует единообразного правового подхода в решении аналогичных правовых ситуаций, гарантирующим равное отношение суда к участникам процесса. Данный подход отражает реализацию принципа равенства граждан перед законом и судом, а также обеспечивает принцип справедливости;

- во-вторых, прецеденты обеспечивают предсказуемость и стабильность правоприменительной практики, так как суды при рассмотрении новых дел ориентируются на уже вынесенные решения по аналогичным вопросам. Данный подход гарантирует предотвращение произвола, обеспечивая тем самым принцип единообразия принимаемых судебных решений;

- в-третьих, формирование устойчивой прецедентной системы отражает объективность принимаемых судебных решений. Ссылаясь на реально существующую судебную практику, судья руководствуется критериями объективной истины, руководствуясь логическим обосно-

ванием принимаемого решения, а не личными убеждениями. Такой подход способствует укреплению принципа легитимности судебной власти, а также повышает доверие к институту правосудия в целом;

- в-четвертых, высшие судебные инстанции, и прежде всего Верховный суд США, сохраняют право пересмотреть устаревший или несправедливый прецедент. Эта возможность обеспечивает динамичное развитие права в ответ на социальные, технологические и экономические изменения, что делает систему претендента адаптивной.

Четвертый аспект сущности прецедента можно отразить через вполне актуальный пример. Так, суд, сталкиваясь с новыми обстоятельствами (например, с появлением цифровых технологий, которые в свою очередь максимально быстро и активно распространяются, и совершенствуются), может, не отменяя старый прецедент, уточнить его, адаптировать к современным реалиям и создать новое, более актуальное правовое правило, которое будет в полной мере влиять на новые возникшие правоотношения [2, с. 49].

Судебные прецеденты делятся на обязательные, которые должны соблюдаться нижестоящими судами, и убедительные, которые суды могут учитывать, но не обязаны строго применять. Федеральные прецеденты устанавливаются Верховным судом и федеральными апелляционными судами, а на уровне штатов – соответствующими верховными судами.

Ключевым механизмом, обеспечивающим стабильность и предсказуемость этой системы, является доктрина «стоять на решенном». Согласно ей, решения вышестоящих судов являются обязательными для нижестоящих, а суды, как правило, следуют своим собственным предыдущим решениям по аналогичным делам. Именно здесь и разворачивается основная процедура правового обоснования. Когда перед судом возникает новое дело, стороны и сам суд проводят тщательный анализ существующих прецедентов. Этот процесс начинается с установления соотношения фактов: суд определяет, насколько факты текущего дела схожи с фактами дела-прецедента. Затем выявляется соотношение решающих факторов, иными словами правовая суть предыдущего решения, та часть суждения, которая была необходима для вынесения вердикта и потому является обязательной [4, с. 252].

Помимо вышесказанного, процедура правового обоснования в прецедентном праве предполагает изучение ранее принятых решений по похожим делам, толкованию Конституции и законодательства, а также рассмотрении обстоятельств конкретного дела [1, с. 241]. Судьи исследуют юридические основания. Эта система позволяет формировать правовые нормы динамично, поддерживая баланс между стабильностью и развитием права в условиях развития мира.

Процедура правового обоснования в прецедентном праве США представляет собой последовательный алгоритм действий судьи, ведущим тот или иной судебный процесс. Начинается процедура с установления обязательных (от лат. binding precedent) прецедентов, вынесенных вышестоящим судом. Ключевым аналитическим этапом является своеобразное дробление текста найденного прецедента на составные части: обязательную (от лат. ratio decidendi), что представляет собой правовую суть решения, без которой вердикт был бы невозможен и убедительную (от лат. obiter dictum), прямо не влияющие на становление правовой нормы, однако имеющие убеждающую силу. Obiter dictum включает в себя мнения, побочные рассуждения, отступления, замечания, только косвенно относящиеся к делу. Некоторые ученые выделяют три вида obiter dictum:

- решения, принимаемые судом в отношении отсутствующих в данном деле фактов или обстоятельств или фактов и обстоятельств, реально существующих, но не имеющих прямого отношения к делу;

- утверждения суда, основанные на доказанных фактах, но не используемые при обосновании решения;

- мнения судей, которые остались в меньшинстве при решении данного дела.

Далее судья проводит тщательное сравнение существенных фактов текущего дела с фактами дела-прецедента. Если аналогия признается полной, ratio decidendi применяется. Если же обнаруживаются значимые различия, судья вправе «отличить» (от лат. distinguish) текущее дело, аргументировав неприменимость старого прецедента и создав, таким образом, новое правовое правило. Вся эта логика находит отражение в строгой структуре самого судебного решения, которое включает изложение фактов, постановку правового вопроса, детальный анализ прецедентов и, наконец, формулировку ratio decidendi по текущему делу.

Если суд приходит к выводу, что факты текущего дела существенно аналогичны фактам прецедента, он осуществляет соотношение решающих факторов и выносит сходное решение. Однако наиболее творческой и динамичной процедурой в прецедентном праве является отличие дел. Если прецедент, на который ссылается одна из сторон, является для нее невыгодным, ее задача суметь убедить суд в том, что этот прецедент неприменим. Для этого уполномоченное лицо, осуществляющее представительство лица в суде, должно выявить ключевые, существенные факты, лежавшие в основе соотношения решающих факторов старого дела, и продемонстрировать, что в текущем деле присутствуют существенные фактические различия, делающие применение прежнего подхода несправедливым или некорректным. Успешное отличие ведет к тому, что прецедент признается не приме-

нимым к данному виду спора, и суд выносит новое решение, тем самым создавая уточненный прецедент для будущих споров, где на первый взгляд кажется, что все достаточно однозначно.

Таким образом, процесс структурирования судебного прецедента сложен и требует профессиональной подготовки судей. Вместе с тем, американские юристы часто считают бессмысленным попытки разграничения ratio decidendi и obiter dictum, так как стараются не обращать внимание на то, что судьи говорят, а учитывают лишь то, что они делают.

Применение судебного прецедента коренным образом отличается от использования писаных источников права. Ключевой особенностью является возможность его пересмотра (overruling), который исторически имел ретроспективный эффект, создавая правовую неопределённость. Более совершенным механизмом стала перспективная отмена (prospective overruling). Согласно практике использования prospective overruling суд в качестве исключения может отойти от общего правила пересмотра прецедента и придать новому правилу исключительно перспективное значение, в случае если старый прецедент влёк за собой негативные последствия для тяжущихся сторон. Стоит отметить, что в современном мире принято ретроспективное изменение прецедентов.

Таким образом, Американская правовая система выстраивается как многоуровневая иерархическая конструкция, фундаментальным элементом которой служит судебный прецедент — институт, уходящий корнями в английское общее право. Основополагающим принципом его функционирования выступает доктрина «стоять на решенном». Эта доктрина служит главным гарантом устойчивости и единообразия судебных решений, формируя четкие ориентиры для судов и граждан.

Следует отметить, что уникальность данной правовой системы заключается в её способности адаптироваться к условиям современной реальности, сохраняя при этом основополагающий принцип правовой определённости. Баланс американского правопорядка достигается благодаря законодательно закреплённой возможности судов пересматривать устаревшие прецеденты, тем самым сохраняя возможность правосудию отвечать критериям как эффективности, так и справедливости.

Список цитируемой литературы:

1. Воробьева, Ю.В. Особенности судебного правотворчества в странах общего права / Ю.В. Воробьева // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 3(41). – С. 238-245.

2. Газимагомедов, М.А. Правотворчество как явление в судебной системе США: некоторые теоретические аспекты развития американского прецедентного права / М.А. Газимагомедов // Образование и право. – 2015. – № 11(75). – С. 44-53.

3. Дворецкая, Е.С. К вопросу о значении прецедента как источника права в американской юриспруденции / Е.С. Дворецкая // Вестник науки и образования. – 2019. – № 12-1(66). – С. 90-93.

4. Ермолов, И.О., Соловьева, В.В. История права США. Рецепция английского права / И.О. Ермолов, В.В. Соловьева // Научный Лидер. – 2025. – № 8(209). – С. 68-69.

5. Петрова Е.А. Правило stare decisis как основа судебного правотворчества в США / Е.А. Петрова // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 3(41). – С. 246-254.

6. Попова, М.Д., Шехматова, Е.С. Судебный прецедент как источник права в правовой системе США / М.Д. Попова, Е.С. Шехматова // Образование и право. – 2021. – № 6. – С. 393-396.

УДК 4414

Киселева Елена Викторовна,
магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
lena.kiseleva2002@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

СТРУКТУРА ПРАВА В СТРАНАХ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ структуры права в странах мусульманской цивилизации. Рассматриваются исторические предпосылки формирования исламской правовой системы, иерархия источников мусульманского права, особенности отраслевого деления. Особое внимание уделяется трансформации традиционных правовых институтов в современных условиях и их взаимодействию с светскими правовыми системами. На основе сравнительного анализа выявлены основные модели развития мусульманского права в современном мире.

Ключевые слова: мусульманское право, шариат, фикх, мазхаб, источники права, правовая система, исламская цивилизация.

Правовая система мусульманской цивилизации представляет собой уникальный феномен, сочетающий религиозные догмы с практикой правового регулирования. В отличие от западных правовых семей, мусульманское право сформировалось как интегративная система,

охватывающая как религиозные, так и светские аспекты жизни общества. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания эволюции мусульманского права в условиях глобализации и его взаимодействия с международными правовыми стандартами.

Целью статьи является анализ структуры мусульманского права в исторической ретроспективе и выявление тенденций его развития в современных правовых системах стран исламского мира.

Формирование структуры мусульманского права происходило в течение нескольких веков и было обусловлено комплексом исторических факторов. Возникнув в VII веке, исламское право первоначально представляло собой совокупность религиозных предписаний, содержащихся в Коране и Сунне. По мере расширения Арабского халифата возникла необходимость в систематизации правовых норм и создании единой правовой системы [5, с. 45].

К IX веку сложились основные правовые школы (мазхабы), каждая из которых разработала собственную методологию толкования источников права. Наиболее влиятельными стали ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский мазхабы в суннитском исламе, а также джафаритский – в шиитском. Различия между мазхабами касались прежде всего методов интерпретации первоисточников и степени использования рациональных методов [3, с. 202].

Структура мусульманского права основана на строгой иерархии источников, которая определяет их юридическую силу и порядок применения.

Таблица 1

Иерархия источников мусульманского права

Уровень	Источник	Характеристика	Значение
1	Коран	Священное писание ислама, прямой текст откровения	Абсолютный первоисточник, содержит около 500 правовых предписаний
2	Сунна	Предания о словах и действиях пророка Мухаммеда	Конкретизация и дополнение коранических положений
3	Иджма	Единодушное мнение правоведов по вопросам, не урегулированным прямыми текстами	Обеспечивает единство правоприменительной практики
4	Кияс	Суждение по аналогии	Позволяет применять existing нормы к новым ситуациям

Вторичные источники включают также УРФ (обычай), Истихсан (предпочтение) и Истислах (учет общественной пользы), которые

применяются в отдельных мазхабах с различной степенью интенсивности [7, с. 134].

Традиционная отраслевая структура мусульманского права существенно отличается от западных правовых систем. Основное деление проводится на ибадат (нормы поклонения) и муамалат (нормы взаимоотношений между людьми).

Таблица 2

Отраслевая структура мусульманского права

Отрасль	Предмет регулирования	Основные институты
Семейное право	Брачно-семейные отношения	Брак, развод, опека, наследство
Гражданское право	Имущественные отношения	Собственность, договоры, обязательства
Уголовное право	Преступление и наказание	Худуд, кисас, тазир
Государственное право	Организация власти	Власть халифа, функции государства
Судебное право	Отправление правосудия	Организация суда, доказательства
Международное право	Отношения с другими государствами	Джихад, статус иностранцев

Особенностью мусульманского права является тесная взаимосвязь между различными отраслями, что обусловлено их единой религиозной основой [2, с. 78].

В XX-XXI веках структура мусульманского права претерпела значительные изменения под влиянием глобализации и вестернизации. Можно выделить три основные модели взаимодействия традиционного и современного права в странах исламского мира.

Во-первых, традиционная модель, где мусульманское право сохраняет доминирующее положение (Саудовская Аравия, Иран, Йемен). В Саудовской Аравии, например, Коран продолжает оставаться конституцией страны, а шариатские суды осуществляют правосудие по большинству категорий дел.

Во-вторых, смешанная модель, характеризующаяся дуализмом правовой системы (Египет, Иордания, Марокко, Малайзия). В этих странах мусульманское право применяется преимущественно в сфере семейно-брачных отношений, тогда как другие отрасли права кодифицированы по европейским образцам.

В-третьих, светская модель, где мусульманское право официально исключено из системы государственного законодательства (Турция, страны Центральной Азии). Однако даже в этих странах сохраняется влияние мусульманско-правовых норм на обыденном уровне [4, с. 156].

Согласно исследованиям, проведенным в 2023 году, мусульманское право в той или иной форме применяется в 57 странах мира с общим населением около 1,8 миллиарда человек. Из них в 12 странах шариат является основой всего законодательства, в 27 странах действует смешанная правовая система, а в 18 странах мусульманское право применяется ограниченно либо на обыденном уровне. Наиболее значительные изменения в последние десятилетия произошли в сфере уголовного права. Если в 1970-х годах уголовное законодательство, основанное на шариате, действовало лишь в нескольких странах, то к 2023 году его различные элементы были incorporated в правовые системы 23 стран [6, с. 215].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о сложной и многогранной структуре права в странах мусульманской цивилизации. Исторически сложившаяся иерархия источников и отраслевое деление демонстрируют способность мусульманского права к адаптации в changing social conditions.

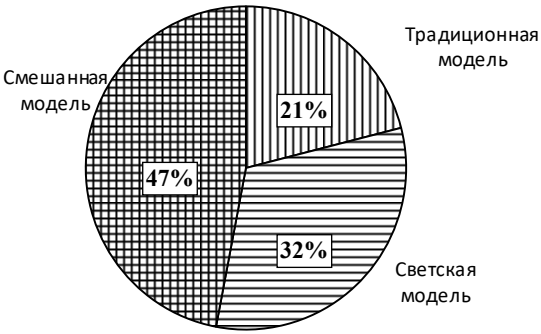

Рисунок 1 – Распространенность мусульманского права в современном мире

Современная структура мусульманского права характеризуется плюрализмом подходов – от традиционных моделей, сохраняющих неизменность основных положений, до смешанных и светских систем, интегрирующих отдельные элементы шариата в правовые системы современного типа. Эта дифференциация отражает различные пути развития стран исламского мира и их поиск баланса между религиозной идентичностью и требованиями современности.

Перспективы дальнейшего развития структуры мусульманского права связаны с процессами реисламизации в одних странах и дальнейшей секуляризации в других, что обуславливает необходимость продолжения комплексных исследований данной проблематики.

Список используемой литературы:

1. Сюкияйнен, Л. Р. Исламское право и диалог культур в современном мире: монография / Л. Р. Сюкияйнен. — Москва : Высшая школа экономики, 2021. — 688 с. — ISBN 978-5-7598-2414-5. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/258761 (дата обращения: 23.11.2025). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

2. Архипов, В. В. Основы теории и истории исламского права / В. В. Архипов, И. А. Васильев, П. А. Гусенова и др. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. — ISBN 978-5-288-05810-3. — Текст : электронный // ЭБС ZNANIUM. — URL: https://znanium.com/catalog/document?id=333213 (дата обращения: 23.11.2025).

3. Халляк, В. История исламских теорий права: введение в суннитскую теорию права : учебное пособие / В. Халляк ; под редакцией И. Л. Алексеева ; перевод с английского И. А. Царегородцевой. — Москва : Высшая школа экономики, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-7598-2101-4. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/173422 (дата обращения: 23.11.2025). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

4. Мухаев, Р. Т. Теория государства и права : учебник для среднего профессионального образования / Р. Т. Мухаев. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2016. — 585 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-9916-8444-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт. — URL: https://urait.ru/bcode/394461 (дата обращения: 23.11.2025).

5. Поляков, М. М. Правовые формы государственного управления : учебное пособие для магистров / М. М. Поляков, С. В. Сабаева ; под ред. Д. К. Нечевина. — Москва : Проспект, 2020. — Текст : электронный. — URL: https://books.yandex.ru/books/TsrmiT4e/read-online (дата обращения: 23.11.2025).

6. Жаров, С. Н. К вопросу об источниках исламского права / С. Н. Жаров, М. Кадири // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 13 (368). Право. Вып. 42. — С. 29–32.

7. Аль-Джазаири, С. Краткая история ислама / С. Аль-Джазаири. — Казань : Российский исламский институт, 2015. — 305 с. — Текст : электронный. — URL: http://znanium.com/catalog/product/553523 (дата обращения: 23.11.2025).

8. Зейналов, Н. А. Исламское право. Учебное пособие / Н. А. Зейналов ; пер. с фарси, предисл. и коммент. Зейналова Н. А. — Москва : Исток, 2009. — 400 с. — Текст : электронный. — URL: http://alhassanain.org/russian/?com=book&id=128 (дата обращения: 23.11.2025).

УДК 340.5

Кузнецов Иван Андреевич,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
dasadse@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ПРАВА

Аннотация

Современное немецкое право представляет собой сложную и многогранную правовую систему, сформировавшуюся под влиянием римского права, средневековых юридических традиций и идей Просвещения. В статье рассматриваются ключевые особенности немецкого права: исторические предпосылки развития, структура, система источников с доминирующей ролью закона, особенности судебной системы и влияние международного права.

Ключевые слова: немецкое право, романо-германская правовая семья, Германское гражданское уложение, Федеральный Конституционный суд, источники права, кодификация, публичное и частное право.

Немецкое право – одна из наиболее систематизированных и влиятельных правовых систем романо-германской семьи. Его формирование происходило в течение нескольких веков и было обусловлено как внутренними, так и внешними факторами: рецепция римского права, территориальная раздробленность, Реформация, объединение Германии и последующая интеграция в Европейский союз. В современных условиях немецкая правовая система демонстрирует способность к адаптации, сохраняя при этом свою традиционную структуру, основанную на кодификации и приоритете закона.

Формирование немецкого права отличается поздним, но интенсивным усвоением римского права. Как отмечают К. Цвайгерт и Х. Кётц, «ни в одной западноевропейской стране процесс рецепции не только институтов и понятий римского права, но и древнеримской мысли не получил столь широкого распространения, как в Германии». Римское право пришло в Германию лишь в середине XV века – значительно позже, чем во Францию или Италию [7, с. 205].

Одной из ключевых особенностей немецкой правовой системы является чёткое деление на публичное и частное право, унаследованное от римской юридической традиции, но доведённое до высокой степени систематизации. Как подчёркивает М.Н. Марченко, в романо-

германской семье наблюдается тенденция усиления роли публичного права за счёт ослабления роли частного, что особенно заметно в условиях развития социального государства [4, с. 7].

Частное право базируется на Германском гражданском уложении (BGB), вступившем в силу в 1900 году. Хотя уложение претерпело множество изменений, оно по-прежнему выступает в качестве «правового остова», сочетающего абстрактные нормы с гибким применением принципа добросовестности [2, с. 74].

Особое внимание в рамках частного права заслуживает структура и внутренняя логика BGB, которая отражает характерный для немецкой юридической мысли доктринальный подход. Уложение построено по так называемой пандектной системе: в его первой части закрепляются общие понятия и институты, применимые ко всем разделам гражданского права (субъекты права, сделки, представительство, сроки, обязательства из причинения вреда). Лишь затем следуют специальные части: обязательственное право, вещное право, семейное и наследственное право. Такая конструкция позволяет избежать дублирования норм и придаёт системе высокую степень внутренней согласованности.

Центральное место в BGB занимает принцип добросовестности, согласно которому обязательства должны исполняться с соблюдением требований добросовестности, соответствующих обычаям делового оборота. Этот принцип не просто моральная рекомендация – он служит основанием для корректировки формальных результатов правоприменения в пользу справедливости.

Важно подчеркнуть, что BGB регулярно модернизируемый через законодательные поправки и судебное толкование. Так, в 2002 году был проведён крупнейший за весь XX век пересмотр обязательственного права, направленный на усиление защиты потребителей и гармонизацию с директивами ЕС. В 2018 году в уложение были внесены изменения, связанные с цифровыми договорами и ответственностью за нарушение прав в сфере обработки персональных данных.

Публичное право включает не только конституционное и административное, но и налоговую, социальную, экологическую, иммиграционную сферы, что отражает стремление немецкой модели к детальной регламентации взаимодействия гражданина и государства [2, с. 74].

Центральным принципом публичного права в Германии является принцип законности (Gesetzmäßigkeit der Verwaltung), закреплённый в статье 20 Основного закона: «Вся государственная власть исходит от народа. Она осуществляется народом путем выборов и голосований и через посредство специальных органов законодательства, исполнительной власти и правосудия. Законодательство связано конституционным строем, исполнительная власть и правосудие - законом и пра-

вом» [5, с. 20]. Это означает, что любое действие государственного органа – будь то выдача разрешения, наложение штрафа или ограничение свободы – должно иметь чёткую законодательную основу. Закон не просто разрешает, он ограничивает власть – именно в этом выражается идея Rechtsstaat (правового государства).

Особую роль в системе публичного права играет принцип пропорциональности (Verhältnismäßigkeitsgrundsatz), который выступает инструментом сдерживания дискреции государственных органов. Любое вмешательство в права граждан должно быть:

1. Пригодным для достижения заявленной цели;

2. Необходимым (то есть не должно существовать более мягких средств);

3. Соразмерным – тяжесть ограничения не должна превышать значимость преследуемой общественной цели. Этот принцип применяется не только в административных, но и в уголовных и конституционных спорах.

Политическая раздробленность и отсутствие сильной центральной власти способствовали тому, что римское и каноническое право стали универсальной основой для регулирования правовых отношений на уровне княжеств и городов. В частности, каноническое право сыграло важную роль в формировании институтов договорного, брачно-семейного, наследственного и процессуального права

Окончательное оформление национальной правовой системы произошло после объединения Германии в 1871 году. Были приняты Торговое (1897), Уголовное (1871), Гражданско-процессуальное уложения (1877) и, наконец, Германское гражданское уложение – в 1900 году. Германское гражданское уложение и по сей день остается «правовым остовом», сочетающим абстрактные нормы с гибким применением принципа добросовестности

В романо-германской правовой семье закон занимает центральное место. Согласно взглядам Рене Давида, юрист стремится к справедливому и правомерному решению в первую очередь через обращение к закону.

Система источников в Германии строго иерархична:

1. Основной закон ФРГ (1949) – конституция;
2. Федеральные и земельные законы;
3. Подзаконные нормативные акты;
4. Международные договоры и право ЕС (имеют прямой эффект и приоритет над национальным законодательством, за исключением конституционных «пределов уступок»).
5. Судебная практика высших судов и правовая доктрина – как вспомогательные источники.

Правовой обычай в Германии имеет ограниченное значение и применяется лишь при наличии пробелов в законодательстве. В отличие, например, от Испании, где обычай широко используется, в немецкой системе доминирует позитивистский подход.

Несмотря на формальный запрет прецедента, решения Федерального Конституционного и Верховного судов фактически приобретают прецедентное значение. Простое судебное решение, благополучно пройдя кассационный этап, может восприниматься другими судами при решении подобных дел как фактический прецедент.

Судебная система Германии сочетает федеральное единство и земельное разнообразие. Высшие судебные инстанции, такие как Федеральный верховный суд (BGH) или Федеральный Конституционный суд (BVerfG), обеспечивают единообразие правоприменения, тогда как земельные суды учитывают региональные особенности.

Особое значение имеет Федеральный Конституционный суд – он осуществляет как абстрактный, так и конкретный нормоконтроль, и его решения носят обязательный характер для всех органов власти.

Таким образом, немецкое право представляет собой уникальный синтез исторической преемственности, системной кодификации и гибкой адаптации к современным вызовам.

Его формирование происходило под длительным влиянием римского и канонического права, однако решающий вклад в его структуру внесли позднесредневековая рецепция, Просвещение и последующая кодификация, в принятии Германского гражданского уложения 1900 года.

В отличие от других систем романо-германской семьи, немецкое право отличается особой доктринальной насыщенностью и концептуальной строгостью: оно не просто регулирует общественные отношения, но и стремится к их рациональному упорядочению на основе всеобщих и вечных принципов разума и справедливости.

Эта черта проявляется в чётком делении на публичное и частное право, в доминировании закона как основного источника, в развитой системе конституционного контроля и в особом внимании к принципам добросовестности и пропорциональности.

Список цитируемой литературы:

1. Антонов, И. П. Правовая система Германии в романо-германской правовой семье / И. П. Антонов // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2012. – № 3 (83). – С. 219–230.

2. Ермолов, И. О. Особенности немецкого права в контексте сравнительного правоведения / И. О. Ермолов, В. В. Соловьёва // Научный лидер. – 2025. – № 8 (209). – С. 74–75.

3. Кабанцов, В. С. Особенности немецкого права / В. С. Кабанцов. – Текст : непосредственный // Новый юридический вестник. – 2025. – № 3 (45). – С. 34-35.

4. Марченко, М. Н. Характерные черты и особенности романо-германского права / М. Н. Марченко // Государство и право. – 2016. – № 3. – С. 5-11.

5. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. // Bundesgesetzblatt (BGBL). – 1949. – Teil I, № 1. – S. 1. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/ (дата обращения: 12.11.2025).

6. Потокин, Ю. Н. Влияние немецкой правовой системы на развитие права / Ю. Н. Потокин. — Текст: непосредственный // Юридическая наука. — 2021. — № 11. — С. 129–133.

7. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт Х. Кётц // М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. С. 203–271.

УДК 341.1

Лещинская Дарья Сергеевна,
студентка,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно
dl009qr@gmail.com
Научный руководитель – Габец Н.С., магистр юрид. наук,
старший преподаватель кафедры международного права

ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация

В статье исследуется современная роль гуманитарной дипломатии как особого элемента внешней политики. Анализируется понятие, сущностные характеристики гуманитарной дипломатии , ее функциональное назначение. Особое внимание уделяется роли акторов в реализации гуманитарных дипломатических инициатив, а также рискам, возникающим в процессе ее осуществления.

Ключевые слова: гуманитарная дипломатия, гуманитарная деятельность, международный диалог, международное гуманитарное право, гуманитарные принципы, защита уязвимых групп населения.

Современная система международных отношений характеризуется высокой степенью взаимозависимости и сложностью вызовов, кото-

рые не могут быть решены исключительно традиционными военно-политическими методами. Пандемии, изменение климата, международный терроризм, затяжные вооруженные конфликты обусловили необходимость поиска новых, более гибких подходов во внешней политике. В этом плане гуманитарная дипломатия выдвигается на передний план как эффективный механизм, позволяющий совместить национальные интересы с общечеловеческими ценностями.

Гуманитарная дипломатия лишь в 1990-е г. привлекла повышенное внимание исследователей и заняла заметное место в международной политико-правовой дискуссии. Термин «гуманитарная дипломатия», введённый американским дипломатом Оскаром Страусом, изначально носил концептуальный характер, однако реальное становление этого явления как самостоятельной дипломатической практики произошло в годы «холодной войны». В тот период она рассматривалась как вспомогательный инструмент поддержки миротворческих миссий, гуманитарных операций и развития межгосударственного сотрудничества. Со временем гуманитарная дипломатия превратилась в полноценное направление внешнеполитической деятельности, ориентированное на координацию усилий международного сообщества в реагировании на гуманитарные кризисы, вызванные вооружёнными конфликтами, стихийными бедствиями, эпидемиями и массовыми перемещениями населения.

В научной литературе нет единого определения гуманитарной дипломатии. Так, одни авторы акцентируют внимание на деятельности специализированных организаций, добивающихся у политических и военных властей безопасного пространства для операций (приоритет – нейтралитет, беспристрастность, независимость), другие рассматривают гуманитарную дипломатию в более широком ключе как совокупность действий государственных и международных институтов по контролю за соблюдением прав человека и продвижению норм международного гуманитарного права [1, с 67; 5]. Определение, принятое Международной Федерацией обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, сводится к убеждению лиц, принимающих решения и формирующих общественное мнение, действовать в интересах уязвимых групп при соблюдении фундаментальных гуманитарных принципов [6].

Существует ряд условий, побуждающих государства к активному участию в гуманитарной дипломатии. Прежде всего, это внешние импульсы: возникновение острых кризисных ситуаций, требующих от государства оперативного, соразмерного и скоординированного ответа в условиях взаимозависимости современного мира. Реагирование на такие кризисы часто становится катализатором поиска новых стратегий гуманитарного взаимодействия и способствует эволюции самой

гуманитарной дипломатии, так как исторически именно в послевоенные периоды происходили качественные сдвиги в международном диалоге по гуманитарным вопросам. Не менее важным является стремление государств укрепить своё присутствие и влияние на региональной или глобальной арене. Участие в гуманитарной дипломатии даёт возможность развивать «мягкую силу», через гуманитарные инициативы и международное сотрудничество государства укрепляют свой авторитет, продвигают собственные приоритеты и повышают статус в международной системе. Еще одним фактором является следование национальным стратегическим интересам и историко-культурная обусловленность внешнеполитических приоритетов. Эти элементы нередко определяют направленность гуманитарной дипломатии: бывшие метрополии традиционно ориентируют свои гуманитарные программы на пространства бывших колониальных связей, региональные лидеры - на соседние государства, а страны с большой диаспорой - на зоны, где проживают их соотечественники. Безусловно, важной составляющей является наличие ресурсов, необходимых для эффективного участия в гуманитарных операциях. Под ресурсами понимаются не только финансовые средства, но и технические компетенции, медицинские и продовольственные резервы, экспертный потенциал, способный обеспечить доставку и реализацию помощи [2, с. 185-186].

Анализ национальных моделей гуманитарной дипломатии позволяет выделить совокупность практических направлений, в которых государства проявляют свою активность:

1) оказание экстренной и долгосрочной гуманитарной и экономической помощи;

2) защита мирного населения в зонах вооружённых конфликтов, эпидемий и стихийных бедствий;

3) гуманитарные и миротворческие инициативы в зонах нестабильности;

4) участие в программах миростроительства;

5) обеспечение продовольственной безопасности в регионах с острым дефицитом;

6) списание долгов наиболее уязвимым странам;

7) участие в совместных инициативах с ЮНИСЕФ по защите детей в вооружённых конфликтах;

8) обеспечение соблюдения норм международного гуманитарного права, в том числе в сфере информационных и кибертехнологий;

9) участие в разработке международных договоров и стандартов, а также просвещение о гуманитарных принципах и нормах международного гуманитарного права и др. [2, с. 185-186].

Следует отметить, что гуманитарная дипломатия сегодня представляет сложный многоуровневый процесс, в который задействованы множество акторов. Так, важное место отводится деятельности Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК), мандат которого прямо вытекает из положений Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года. Он наделён функциональной международной правосубъектностью, которая обеспечивает определённые привилегии и возможности: неприкосновенность, освобождение от налогов и пошлин, иммунитет от юрисдикции и иные гарантии, способствующие проведению конфиденциальных переговоров и защиты жертв вооружённых конфликтов. В то же время МККК формально ограничен рамками деятельности по оказанию помощи и защиты пострадавшим в конфликтах: медицинская, санитарная, продовольственная помощь, меры безопасности, поиск пропавших без вести и сопутствующие мероприятия, реализующиеся, прежде всего, в соответствии с гуманитарными принципами [2; 4].

Организация Объединённых Наций (далее – ООН) и её специализированные агентства также выступают активными «гуманитарными дипломатами». УВКБ, Управление Верховного комиссара по правам человека, ЮНИСЕФ, Программа развития ООН, Всемирная продовольственная программа и Всемирная организация здравоохранения обладают и дипломатическими полномочиями, и оперативными возможностями, что позволяет их сотрудникам вести активную международную деятельность. Создание в 1991 г. Управления по координации гуманитарных вопросов и последующая инициатива гуманитарной реформы в 2005 г. стали этапами институционализации гуманитарной практики внутри ООН. Кластерный механизм, предлагаемый как инструмент интеграции усилий ООН, МККК, международных межправительственных и неправительственных организаций по ключевым направлениям (питание, вода и санитария, здоровье, жильё, раннее восстановление и др.), был призван повысить синергию и оперативную совместимость между участниками глобальной гуманитарной системы [2, с. 181-182].

Значимая роль также принадлежит международным и национальным неправительственным организациям (далее – НПО) («Врачи без границ», Oxfam, Caritas и World Vision International), которые реализует разнообразные формы деятельности: от оказания немедленной медицинской помощи и работы в условиях ограниченного доступа до комплексных программ развития и защиты прав человека. Характерной чертой многих НПО является декларативная приверженность принципам беспристрастности, нейтральности и независимости, организации отстаивают свою независимость от политических, религиоз-

ных и экономических влияний, что в значительной мере влияет на их статус в качестве акторов гуманитарной дипломатии [4, с. 139-140].

Необходимо выделить, что негосударственные акторы в гуманитарной сфере обычно обладают большей степенью политической автономии по сравнению с государственными структурами. Эта независимость позволяет им сохранять нейтральность и оперативно реализовывать гуманитарные проекты, не связывая помощь с прямыми внешнеполитическими интересами конкретных правительств. В то же время гуманитарная дипломатия государств выполняет важную роль в инструментарии «мягкой силы»: через программы помощи и инициативы международного сотрудничества государства формируют собственный образ на мировой арене и укрепляют своё влияние. К тому же мотивация государств к оказанию помощи за рубежом определяется не только внешнеполитическими соображениями, но и международными обязательствами по защите человеческого достоинства и снижению страданий, а также культурно-историческими традициями и связями [2, с. 185].

Одним из ключевых рисков в гуманитарной дипломатии является политизация гуманитарной деятельности - использование гуманитарного инструментария в целях, противоречащих альтруистическим принципам: инструментализация помощи ради военных или политических целей, обоснование вмешательств «гуманитарными предлогами» [3, с. 5]. Такие трансформации подрывают доверие к гуманитарным акторам и ставят под угрозу доступ к нуждающимся. Для минимизации подобных рисков, прежде всего, необходимо твёрдое следование базовым гуманитарным принципам: гуманности, беспристрастности, нейтральности и независимости. В концепцию гуманитарной дипломатии также интегрированы принципы уважения прав и свобод человека, обязанности защищать и оказывать помощь, обеспечения долгосрочной гуманитарной поддержки ради устойчивого развития, которые трактуются как универсальные. Немаловажную роль к тому же играет чёткое разграничение мандатов гуманитарных, политических и военных структур, обеспечение прозрачности и подотчётности гуманитарной деятельности: регулярные аудиты, независимый мониторинг, публичная отчётность, которые позволяют предотвратить злоупотребления [7, с. 60-62].

Таким образом, современная гуманитарная дипломатия вышла за рамки лишь гуманитарной помощи и превратилась в полимодальную практику, объединяющую принципы классического гуманизма и ориентиры устойчивого развития на основе скоординированного взаимодействия государственных и негосударственных акторов. Её ключевое преимущество – способность действовать в чрезвычайных ситуациях, преодолевать политические разногласия и мобилизовать ресурсы там,

где традиционные внешнеполитические механизмы часто оказываются недостаточно эффективными. Вместе с тем, накопленный практический опыт пока не обеспечил должной теоретической и институциональной систематизации: отсутствует единое понятийное поле, не до конца ясны границы взаимодействия гуманитарной дипломатии с официальной внешней политикой государств и её формальное место в дипломатической практике, недостаточно развиты методики оценки долгосрочного и устойчивого воздействия гуманитарных программ, а также не выработаны устоявшиеся стандарты взаимодействия с новыми акторами гуманитарной деятельности. Не менее важным остаётся вопрос адаптации правовых и операционных инструментов к современным угрозам – климатическим катастрофам, пандемиям, киберугрозам и затяжным конфликтам. Несмотря на все эти вызовы и существующие риски потенциал гуманитарной дипломатии является чрезвычайно высоким. В будущем значение гуманитарной дипломатии будет только возрастать, что делает ее дальнейшее теоретическое осмысление и практическое совершенствование одной из приоритетных задач для международного сообщества.

Список цитируемой литературы:

1. Безрученко, Д. А. Гуманитарная дипломатия: понятие и практика / Д. А. Безрученко // Голос минувшего. – 2023. – № 4. – С. 64−72.

2. Богатырева, О. Гуманитарная дипломатия: современные концепции и подходы / О. Богатырева // Международные процессы. – 2022. – Т. 20. – №1. – С. 166−191.

3. Громогласова, Е. С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования / Е. С. Громогласова. – М. : ИМЭМО РАН, 2018. – 124 с.

4. Ковба, Д. М. Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы / Д. М. Ковба // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2023. – № 1. – С. 135−147.

5. Кузнецова, Д. А. Практика современной гуманитарной дипломатии / Д. А Кузнецова. – М. : Эдитус, 2022. − 206 с.

6. Пособие по гуманитарной дипломатии // Белорусское Общество Красного Креста. – URL: https://euneighbourseast.eu/wp-content/uploads/2021/03/6.-a-handbook-on-humanitarian-diplomacy.pdf (дата обращения: 08.10.2025).

7. Соммаруга, К. Гуманитарная деятельность и операции по поддержанию мира / К. Соммаруга // Международный журнал Красного Креста. – 1997. – № 317. – С. 57−65.

УДК 34.05

Манаенкова Мария Алексеевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
manayenkova02@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей и основ, такой правовой системы, как традиционное мусульманское право.

Особенности мусульманского права рассматриваются в различных аспектах: источники, институты, применение в современных государствах, а также проводится параллель традиционного мусульманского права с современным. Рассматривается соотношение мусульманского и европейского законодательства.

Ключевые слова: религия; мусульманское право; шариат; фикх; Коран; Сунна.

Традиционное мусульманское право представляет собой систему норм, которые основаны на религиозных источниках ислама, а именно, Коране и Сунне. Мусульманское право относится к религиозно-традиционному праву, в котором главенствующую роль занимает религия. Базисом мусульманского права является Шариат.

Первоисточником мусульманского права является Коран, в котором насчитывается порядка 500 аятов (стихов), носящих юридический характер.

Сунна содержит основные нормы мусульманского права: афал – описание поступков Мухаммада, аквал – высказывания, такрир – невысказанное одобрение пророка Мухаммада.

Третьим источником является иджма – единодушное мнение, консенсус по обсуждаемому вопросу, обычно применяется в вопросах, на которые нет прямых указаний, например, в Коране и Сунне.

Кияс является четвертым источником мусульманского права и представляет собой умозаключение по аналогии, позволяющее решить вопрос по аналогии с ситуацией, описанной в Коране или Сунне.

В мусульманском праве, можно выделить такие отрасли права как: семейное, наследственное, гражданское, а также уголовное и международное. Согласно трактатам современных ученых, деление на

отрасли, является весьма условным, названный перечень отраслей не является исчерпывающим. Стоит подчеркнуть, что правовой статус личности в мусульманском праве детально урегулирован в области частного права, например, брачно-семейного, наследственного и т.д.

Мусульманское право продолжает оказывать значительное влияние на законодательство многих стран, особенно в сфере семейного и уголовного права. В некоторых странах, таких как Саудовская Аравия и Иран, шариат является основой правовой системы. В других странах, таких как Египет и Марокко, мусульманское право применяется в ограниченных сферах, таких как семейное право и наследование. Кроме того, мусульманское право оказывает влияние на международное право, особенно в вопросах, связанных с правами человека и защитой религиозных свобод. Например, Организация исламского сотрудничества (ОИС) активно участвует в разработке международных норм, учитывающих принципы мусульманского права [2, с. 35].

Шариат регулирует общественные отношения, нравственные правила, законы, социальные нормы. Практические нормы шариата изучает специальная наука, именуемая – фикх.

Фикх понимается как мусульманская доктрина о правилах поведения. В некоторых случаях, судьям (кади) необходимо обращаться к нормам фикха определенного толка. Фикх можно охарактеризовать как субсидиарный источник права, применяемый в случае молчания закона.

Также, стоит уделить особое внимание, мусульманской доктрине, созданной фикхом. В мусульманской доктрине содержится детализированная классификация правомочий человека, которые с точки зрения предписанного или запрещенного Аллахом, делятся на обязательные, одобряемые, разрешенные, осуждаемые и запрещенные. Такая классификация применяется в отношении правил религиозно-культурного характера. В обыденных (мирских) отношениях действует презумпция дозволения, если какой-либо вопрос не урегулирован принципами и нормами шариата. В частности, принцип «исключительности интересов» предполагает, что по неурегулированным шариатом вопросам должны учитываться интересы людей [1, с. 114].

Относительно редко в современных правовых системах, мусульманское право выступает в традиционной форме доктрины, чаще его нормы закрепляются в принимаемом государством законодательстве. Иными словами, несмотря на то, что оно чаще не занимает центральное место в правовой системе страны, его нормы, а также институты действуют в форме основ законодательства государства.

Необходимо обратить внимание, что в мирских взаимоотношениях действует принцип дозволения, то есть права личности превалиру-

ют над обязанностями. Иными словами, разрешено все, что однозначно и прямо не запрещено Кораном и Сунной.

Статичной, неизменной частью фикха следует считать общие принципы, противоположные частным правилам, которые могут подвергаться пересмотру. В связи с этим, общие принципы занимают особое место в структуре фикха, а их главным отличием от Корана и Сунны, является правовая конструкция.

Следует подчеркнуть, шариат регулирует не только порядок исполнения религиозных обязанностей, но и обыденные взаимоотношения. Шариат включает в себя: религиозную догматику, исламскую этику, практические нормы, которые, как раз регулируют внешнее поведение людей. В связи с этим, допустимо считать шариат универсальной системой социального регулирования, ведь предписания охватывают практически все сферы внешнего поведения людей.

Таким образом, человек должен пользоваться своими правами и выполнять возложенные на него обязанности добросовестно. Мусульманская правовая система отводит обычаям и судебным прецедентам второстепенную роль среди источников права. Культурное многообразие среди мусульманских народов находит отражение в адаптации религиозных норм к национальным особенностям [3, с. 5].

Мусульманское право отличается в достаточной степени своей гибкостью, проявляющейся в его эволюции, умении взаимодействовать с другими правовыми системами, культурами, путем поиска точек соприкосновения.

Следует уделить внимание, также, анализу характера взаимодействия исламской и европейской правовых традиций. Ими являются несколько факторов, определяющих современное мусульманское право: с одной стороны, это максимальная схожесть регулируемых правом ситуаций с религиозными, этическими предписаниями шариата, с другой же – отсутствие детального урегулирования отдельных вопросов, имеющих юридический характер. Свидетельством совместимости шариата и европейского законодательства можно считать включение в процессуальное законодательство европейского типа положений фикха.

Таким образом, в большинстве стран можно наблюдать такой подход, когда основные положения берут свое начало исходя из основ шариата, а уже технико-юридические подходы основаны на европейских стандартах.

Говоря о современном процессуальном праве мусульманских стран, следует заметить, что оно ориентировано на европейские модели, но при этом, не противоречит шариату.

На современном этапе, допускается рассмотрение споров коллегией судей. Но это не противоречит классической модели правосудия в

шариате, где споры рассматриваются единолично судьей. Объясняется это тем, что в традиционной модели, рассмотрение судебных споров, судьей единолично предполагалось, но не являлось единственно возможным принципом.

Рассмотреть особенности традиционного мусульманского права возможно и в сравнении с современным. Говоря о судебном процессе, можно отметить, например, следующее отличие. Оно состоит в том, что ранее традиционный фикх предусматривал обжалование судебных решений только в том случае, если они прямо нарушают предусмотренные шариатом требования. Сейчас же существует широкий круг обстоятельств, который предусматривает возможность обжалования, а иногда это происходит даже в силу требования закона.

Если какие-либо вопросы однозначно и точно не урегулированы шариатом, государство вправе принимать законодательство в этой правовой области, но при этом, не нарушая императивные предписания шариата. При таких обстоятельствах, законодательство государства с позиции шариата считается допустимым. Описанная нормотворческая деятельность считается формой осуществления иджтихада.

Таким образом, традиционное мусульманское право показывает себя как достаточно гибкая правовая система. Сохраняя неизменными нормы, принципы, традиции - правовая система оперативно адаптируется в современность, толкование норм происходит в контексте конкретного периода. В этой способности и заключается главная особенность – вне зависимости от изменений актуальность шариата сохраняется.

Мусульманское право является одной из главных современных правовых систем. Это правовая система, основанная на исламе, выраженная в религиозной форме и имеющая свою собственную науку, идеологию, а также правовую культуру.

Список цитируемой литературы:

1. Акельева, К.А. Особенности традиционного мусульманского права / К.А. Акельева // Столыпинский Вестник. – Москва : Пространство и время. - 2023. - №5 (1) – С. 109-116.

2. Кабанцов, В.С. Особенности традиционного мусульманского права / В.С. Кабанцов // Новый юридический вестник. – 2025. - №3 (45). – С. 35-37.

3. Соловьева, В.В. Источники права в странах мусульманской цивилизации / В.В. Соловьева, Е.И. Полуэктова // Научно-практический журнал «Диалог». – 2025. - №3. – С. 4-5.

УДК 340.5

Мардовкин Роман Сергеевич,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
rmardovkin00@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ И АНГЛИИ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности судебных решений как правоустанавливающих актов судей в правовой системе Германии, Франции, Англии.

Ключевые слова: правовая семья; правовая система; норма права; судебная система; суд; обязательность; убеждаемость; прецедентое право.

Судебные решения являются важными элементами правовых систем разных стран. Необходимым является рассмотрение функционирования судебных решений в правовых системах Англии, Германии и Франции.

Правовая система Англии, известная как система общего права (common law), имеет свои уникальные особенности. Ермолов И.О., Соловьева В.В. указывают, что «общее право, сохраняя прецедентный характер, продолжает играть роль первичного источника, формируемого решениями судов» [2, с. 94].

Английская правовая система основывается на принципах общего права. Основное внимание уделяется судебным прецедентам, то есть решениям судов, которые становятся обязательными для нижестоящих судов.

Барахоева Е.А. говорит: «развитие прецедентного права в Англии в средние века привело к формированию системы, которая стала базой для современных правовых систем общего права» [1, с. 239].

Судебные прецеденты обладают признаком обязательности. С этим связан один из важнейших правовых принципов – принцип обязательности «stare decisis».

Как указывает Кисилев А.А., «применение правила «stare decisis» позволяет обеспечить стабильность и предсказуемость правоприменительных практик» [4, с. 36].

Решения высших судов становятся обязательными для нижестоящих судов. Это означает, что если высший суд принимает решение по

делу, нижестоящие суды обязаны следовать этому решению в аналогичных случаях. Прецеденты, установленные Верховным судом, судом апелляционной инстанции, являются обязательными для всех нижестоящих судов. Это создает принцип единообразия правоприменения.

Дело Донохью против Стивенсона стало прецедентом и сформировало институт деликтного права Англии, а именно концепции ответственности за причинение вреда по неосторожности. Этот пример на практике оказал глубокое влияние на последующее развитие правовой доктрины и судебной практики, установив прецедентные основания для возникновения обязательств по обеспечению безопасности и предотвращению вреда, причиняемого третьим лицам.

Убеждающее значение решения суда как его признак заключается в создании ориентира для других судов в правоприменительной деятельности. Судебные акты используются как пример, но признак обязательности отсутствует. Это позволяет каждому суду действовать исходя из обстоятельств дела.

Судебные решения судов Германии не обладают признаком обязательности.

Тарасов П.П. указывает: «В романо-германской правовой системе судебная практика не является формальным источником права в том же смысле, что и законы или подзаконные акты» [6, с. 39].

Судебные решения Германии играют ключевую роль в правоприменительной системе. Акты Федерального суда Германии имеют высокую степень авторитетности и часто принимаются во внимание нижестоящими судами. Такие судебные решения помогают разъяснять законы, вследствие чего происходит единообразие применения нормы права.

В одном из дел суд рассмотрел вопрос о том, могут ли условия, которые не были явно согласованы с потребителем, быть обязательными для него в рамках договорных правоотношений. В рамках судебного заседания было установлено, что такие условия могут быть признаны недействительными, если они не были должным образом доведены до сведения стороны сделки.

Впоследствии нижестоящие суды ориентировались на данный судебный случай при применении законодательных актов в похожих ситуациях.

В правовой системе Российской Федерации наблюдается аналогичный случай внедрения схожего судебного прецедента, но посредством внесения изменений в потребительское законодательство (например, поправки в закон о защите прав потребителей в части запрета на установление условий договора, ущемляющие потребителя).

В Германии судьи принимают решения, которые и соответствуют

рекомендациям вышестоящего суда, и учитывают особенности каждого конкретного дела.

Таким образом, судебные акты судов Германии заключают в себе баланс между обязательным и убеждаемым.

Во Франции судебные решения не имеют обязательной силы в том же смысле, что и в англосаксонской системе.

Как указывает Соловьев А.А., «высшим учреждением системы общих судов является Кассационный суд». [5, с. 110]. Решения Кассационного суда Франции могут служить важным ориентиром для нижестоящих судов, несмотря на отсутствие строгой обязательности. Во французском праве судебные акты могут способствовать изменению или дополнению законодательства, если они выявляют пробелы или коллизии в действующих нормах.

Кабанцов В.С. рассуждает: «хотя Франция принадлежит к романо-германской правовой семье, где прецедентное право не является основным источником, решения высших судебных инстанций, таких как Кассационный суд и Государственный совет, имеют важное значение. Они обеспечивают единство правоприменительной практики и способствуют развитию права» [3, с. 32].

Судебные решения Франции обладают низкой обязательностью. Акты высших судов обладают значительным авторитетом и часто используются в качестве убедительных аргументов. Предыдущие судебные решения являются источником информации, аргументации, но суд сохраняет значительную свободу в принятии решений, руководствуясь прежде всего принципами закона.

«Судебная практика, в особенности решения Конституционного совета (Conseil constitutionnel), играет важную роль в интерпретации и применении правовых норм», – говорит Тонких А.А. [7, с. 43]

Законодательные акты французских, английских, немецких судов обладают значительными особенностями. В Англии судебные прецеденты прежде всего являются обязательными актами. Акты судов Германии и Франции не имеют приоритета принципа обязательности, но в большей степени направлены на единство правоприменения в зависимости от обстоятельств дела.

Таким образом, судебные решения в Англии, Германии и Франции – это сочетающие в себе обязательность и убеждаемость судебные постановления. Если в правовой системе Англии в большей степени преобладает обязательность судебных решений вышестоящих судов, то в это же время суды Германии сосредоточены на издании судебных актов, объединяющих в себе баланс между обязательностью и убеждаемостью, а правовая система Франции в большей степени преобладает судебными решениями с убеждающим характером.

Список цитируемой литературы:

1. Барахоева, Е.А. Особенности судебного прецедента в странах общего права / Е.А. Барахоева // Право и управление. – 2023. – № 11. – С. 238-242.
2. Ермолов, И.О. Структура английского права / И.О. Ермолов, В.В. Соловьева // Научный Лидер. – 2025. – № 8 (209). – С. 94-95.
3. Кабанцов, В.С. Особенности французского права / В.С. Кабанцов // Новый юридический вестник. – 2025. – № 3 (45). – С. 32-34.
4. Киселев, А.А. Значение судебных решений в Англии, Германии и Франции / А.А. Киселев // Новый юридический вестник. – 2025. – № 2 (44). – С. 36-39.
5. Соловьев, А.А. Правовой статус отдельных органов судебной власти французской Республики, обладающих особой компетенцией / А.А. Соловьев // Власть. – 2014. – № 1. – С. 109-112.
6. Тарасов, П.П. Источники права в романо-германской правовой семье / П.П. Тарасов // Новый юридический вестник. – 2025. – № 3 (45). – С. 39-41.
7. Тонких, А.А. Особенности правовой системы Франции / А.А. Тонких // Новый юридический вестник. – 2025. – № 3 (45). – С. 42-44.

УДК 343.1

Михайловская Екатерина Дмитриевна,
студентка,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно
mikhailovskayakatya@mail.ru
Научный руководитель – Габец Н.С., магистр юрид. наук,
старший преподаватель кафедры международного права

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ЗАЩИТЕ: ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация

Статья посвящена исследованию концепции «ответственность по защите» (R2P), с акцентом на ее правовые и политические аспекты в системе современных международных отношений. В условиях глобализации и растущей сложности угроз международному миру и безопасности традиционные подходы к государственному суверенитету оказались недостаточными, что приводит к активному обсуждению инновационных правовых доктрин.

Ключевые слова: международное право, международная безопасность, ответственность по защите, защита прав человека

Глобализированный миропорядок сталкивается с постоянными вызовами, которые оказывают глубокое влияние на все аспекты международных отношений, включая сферу гуманитарной безопасности. Тягчайшие международные преступления – геноцид, военные преступления, этнические чистки и преступления против человечности – зачастую совершаются при неспособности или нежелании государств защитить собственное население. Это формирует необходимость международного сообщества создавать новые механизмы реагирования на такие события, но одновременно порождает острые правовые и политические дилеммы.

Потребность в эффективном противодействии массовым злодеяниям продиктована не только задачей привлечения виновных к ответственности, но и фундаментальной необходимостью предотвращать подобные трагедии в будущем. Реализация этой цели выступает ключевым условием для поддержания международного мира и безопасности, а также для построения справедливого миропорядка, основанного на уважении к человеческому достоинству и верховенству права.

Как отмечает Л.В. Павлова, концепция «ответственность за защиту» (обязанность защищать) является «одной из наиболее актуальных и обсуждаемых проблем в современных международных отношениях в силу ее тесной взаимосвязи с проблемами соблюдения основополагающих прав человека предотвращения и разблокирования международных конфликтов и обеспечения международной безопасности» [4]. При этом, как подчеркивает указанный автор, отсутствие правового регулирования концепции «ответственности за защиту» порождает активные дискуссии относительно ее содержания и применимости в современных конфликтных ситуациях, угрожающих международной безопасности как на государственном уровне в рамках ООН, так и в доктрине международного права.

В современной доктрине международного права термин «ответственность по защите» приобретает особое значение, определяя не только эволюцию гуманитарного права, но и новые парадигмы в области международных отношений. Под «ответственностью по защите» понимается международная норма, утверждающая, что суверенитет влечет за собой обязанность государства защищать свое население от массовых злодеяний, и в случае невыполнения этой обязанности, ответственность переходит к международному сообществу [2, с. 44].

Очевидно, что на фоне сохраняющейся угрозы внутригосударственных конфликтов способность предотвращать и пресекать серьез-

ные преступления напрямую зависит от готовности международного сообщества предпринимать коллективные и своевременные действия. Возможность оперативно и легитимно реагировать на зарождающиеся кризисы становится критически важным элементом в борьбе с безнаказанностью за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего мира. Дальнейшее изучение и добросовестное применение концепции является необходимым условием для обеспечения стабильности и правопорядка.

Применение принципов «ответственности по защите» представляет собой важное направление эволюции механизмов коллективной безопасности, обусловленное необходимостью адаптации Устава ООН к вызовам современности. Международные и региональные организации, и в первую очередь Организация Объединенных Наций, все активнее интегрируют данную концепцию в свою деятельность по раннему предупреждению, анализу рисков и выработке стратегий реагирования на кризисные ситуации [3].

На современном этапе концепция «ответственность по защите» базируется на трех основополагающих столпах (компонентах), которые были единогласно одобрены на Всемирном саммите ООН в 2005 году. К ним относятся: ответственность каждого государства по защите своего населения (компонент I); ответственность международного сообщества по оказанию государствам помощи в защите их населения (компонент II); и ответственность международного сообщества по защите, когда государства явно оказываются не в состоянии защитить свое население (компонент III) [1]. При этом, принятие Итогового документа 2005 г. абсолютным большинством голосов глав государств и правительств и одобрение его Советом Безопасности ООН можно считать выражением *opinio juris* международного сообщества относительно признания этого документа, включая концепцию «ответственности за защиту» [4].

Международная практика как совокупность политических, дипломатических и правовых инструментов выступает ключевым средством в реализации данной концепции. С помощью соответствующих механизмов осуществляется мониторинг, предоставляется помощь в реформировании сектора безопасности и правосудия, а также реализуются превентивные дипломатические инициативы. Современные подходы предполагают использование широкого арсенала мер, от посредничества и санкций до развертывания миссий по установлению фактов. Наличие мандатов у специальных советников Генерального секретаря ООН позволяет адаптировать стратегию в зависимости от специфики кризиса.

Наряду с этим, публичное освещение кризисных ситуаций, включая доклады неправительственных организаций, журналистские рас-

следования и цифровые свидетельства, становится эффективным инструментом для мобилизации политической воли и формирования глобального консенсуса в пользу решительных действий. Такие данные не только повышают уровень осведомленности, но и помогают международным органам более объективно оценивать факты, особенно в условиях, когда доступ к месту событий затруднен.

Особую значимость концепция «ответственность по защите» приобретает в контексте так называемых «замороженных» или «забытых» конфликтов, находящихся на периферии внимания мировых держав. В условиях ограниченного доступа на затронутые насилием территории или при отказе государств сотрудничать с международными структурами, именно принципы R2P служат нормативной основой для документирования нарушений, потенциально составляющих международные преступления.

Однако имплементация концепции сопряжена с целым рядом правовых и политических вызовов. К числу таковых относятся проблемы избирательного применения, обусловленные геополитическими интересами постоянных членов Совета Безопасности, сложности с определением точного момента, когда «государство явно не справляется», а также риски использования концепции в качестве предлога для вмешательства с целью смены режима. Появление доктрины «ответственность во время защиты» (RWP) еще больше усложняет достижение консенсуса по модальностям применения силы [5, с. 89].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что концепция «ответственность по защите» является многогранным феноменом, который сочетает в себе значительный гуманистический потенциал и острые правовые, политические и этические дилеммы, требующие глубокого научного осмысления и выработки взвешенного подхода к ее реализации. С одной стороны, использование инструментов превентивной дипломатии, посредничества и помощи в институциональном строительстве позволяет существенно повысить эффективность предотвращения массовых злодеяний. Это создает предпосылки для укрепления правосудия, привлечения виновных к ответственности и, как следствие, усиления системы международной безопасности. Вместе с тем, широкое внедрение данной концепции в международную практику сопряжено с рисками подрыва фундаментальных принципов Устава ООН. К ним относятся, в первую очередь, проблемы соблюдения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела, а также вопросы обеспечения легитимности и подотчетности при принятии принудительных мер.

Список цитируемой литературы:

1. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс] : Резолюция Генер. Ассамблеи ООН A/RES/60/1, 24 окт. 2005 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2005_outcome.shtml. – Дата доступа: 11.11.2025.

2. Котляр, В. А. Концепция «ответственности за защиту» как проект кодекса проведения гуманитарных интервенций / В. А. Котляр // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 3. – С. 44–48.

3. Ответственность по защите : доклад Междунар. комис. по вопросам вмешательства и гос. суверенитета / Междунар. исслед. центр развития. – Оттава, 2001. – 107 с.

4. Павлова, Л. В. Концепция «ответственность за защиту» : анализ и правовая оценка / Л. В. Павлова // Журнал международного права и международных отношений. – 2013. – № 4. – URL: https://evolutio.info/ru/journal-menu/2013-4/2013-4-pavlova (дата обращения: 11.11.2025).

5. Evans, G. The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and for All / G. Evans. – Washington, D. C. : Brookings Institution Press, 2008. – 349 p.

УДК 340.5

Мячин Артем Михайлович,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
artem.560925@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

Аннотация

В данной статье рассматриваются исторические предпосылки формирования романо-германской правовой семьи, а также основные этапы ее развития, события, повлиявшие на ее становление и выделение основополагающих принципов, и ключевые характеристики как уникальной и одной из крупнейших правовой семьи.

Ключевые слова: романо-германская правовая семья; Конституция; кодекс, Древний Рим.

Романо-германская правовая семья (далее – РГПС) представляет собой одну из наиболее распространенных правовых систем мира, которая начала формироваться еще до нашей эры. К РГПС принадлежат правовые системы стран континентальной Европы (Италия, Франция, Германия, Швейцария и т.д.), Латинской Америки (Мексика, Аргентина, Бразилия, Колумбия, Уругвай, Чили и др.), Скандинавии (Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия, Исландия), Африки (Алжир, Мали, Кот-д'Ивуар) и Азии (Япония, Южная Корея). Правовые системы данных стран характеризуются общей структурой и схожей системой источников права.

Первоначальный этап формирования РГПС охватывает период с IX века до VI века н.э. В то время происходит становление права Древней Греции, основные принципы которого впоследствии легли в основу права Древнего Рима. Фундаментом Римского права стали созданные в V веке до н.э. законы двенадцати таблиц – первый писанный источник права, регулирующий практически все отрасли. До создания в VI веке кодекса Юстиниана (крупнейшего памятника римского права в настоящее время) закладывается правовой фундамент будущей РГПС. В этот период возникают различные научные школы, формируется правоприменительная практика и правовые обычаи. Кодекс Юстиниана систематизирует многовековые правовые нормы и закладывает основы для последующей рецепции римского права в Европе.

После распада в V веке Западной Римской империи на завоеванных в ходе Великого переселения народов германскими племенами бывших римских территориях начинается процесс культурного и правового синтеза римских и германских традиций, что постепенно приводит к формированию романо-германской культуры. Единого права на данных территориях не было – не применялись попытки систематизировать существующие на римских территориях и в германских племенах правовые нормы, преобладало обычное право. Данная ситуация «свидетельствует о смешивании права племен с элементами римского права и церковного права, что говорит о признании германскими вождями племен культурных достижений Рима и римской церкви» [3, с. 31].

С XIII века, когда в Европе стали возникать университеты, на юридических факультетах изучали толкование права по Юстиниану, и постепенно возрастал интерес к римскому праву. Его более глубокое и детальное изучение привело к созданию школы глоссаторов (занимающихся толкованием норм) и школы комментаторов (постглоссаторов), поясняющих римское право по отношению к современности. Также в университетах была разработана концепция приоритета писаного права (закона) над судебным решением (прецендентом). Формируется и распространяется единое европейское право, основанное на

римском правовом наследии, то есть на рецепции римского права. В это же время происходит отделение светского (то есть римского) права от канонического права, регулировавшего деятельность церкви. Таким образом, «решающая роль в формировании РГПС принадлежала средневековым университетам, где обязательно изучалось римское право» [2, с. 287]. Состоявшийся в 1215 году IV Вселенский собор в Латране «завершает формирование РГПС, утверждая самостоятельность и отделение в Европе светского права от церковного» [3, с. 32].

В период XVII-XIX веков развитие естественного права повлияло на правовые доктрины европейских стран и стимулировали развитие национальных законодательств. Именно в период буржуазных революций закон стал основным источником РГПС. Существенное влияние на этот процесс в то время оказали французский Гражданский кодекс 1804 года (Кодекс Наполеона) и Германское Гражданское уложение 1896 года, которые создали институционную (отсутствие общей части и разделение кодекса на 3 части) и пандектную (разделение кодекса на общую и специальные части) структуры нормативно-правовых актов. Эти две страны «выступают в качестве основоположников современного европейского права» [1, с. 281].

В настоящее время главным источником права в РГПС является закон, который понимается как нормативный правовой акт, принимаемый представительными органами власти в определенном порядке, регулирующий важнейшие общественные отношения и обеспечивающийся посредством государственного принуждения. Кроме того, РГПС отличается единообразным подходом к кодификации права. Если говорить об обычае, то его место зависит от конкретной страны – например, во Франции его роль является незначительной и он содержится в небольшом количестве статей, в Австрии, России и Италии применяется, когда на него отсылает закон, а в Германии и Швейцарии он, как источник права, стоит на одном уровне с законом. Судебная практика не имеет приоритетное значение, большее влияние приобретают международно-правовые акты. Договор в РГПС рассматривается «как документ регулятивного характера, заключаемый между субъектами частного права» [2, с. 287].

Говоря об отраслях права, то в РГПС является характерным четкое отраслевое деление на две крупные подсистемы: публичное право, регулирующее отношения между гражданами и государством, и частное право, регулирующее отношение между частными лицами.

Большинство стран Европы входят в РГПС, «а внутри этой группы есть более четкое деление на романскую и германскую группы, однако в настоящее время практически невозможно провести четкое различие» [1, с. 281]. Кроме Франции и Германии, также следует рас-

смотреть Италию и Испанию. «Правовое регулирование в Италии имеет яркий национальный характер, в соответствии с чем некоторые области получают максимальную автономию, ведь данная страна является демократической республикой, в отличие от Испании, которая является ограниченной монархией и не содержит в своей Конституции перечисление автономий» [1, с. 281].

Переходя к Австрии и Швейцарии, следует отметить, что в них менее выражены религиозные и семейные обычаи. Несмотря на то, что «Конституция Австрии признает ее федеративным государством, а в соответствии с Конституцией Швейцарии она конфедерация, многие правовые аспекты их систем схожи, т.к. одна входила в состав другой» [1, с. 282].

Таким образом, история формирование РГПС представляет собой длительный многогранный процесс, включающий в себя постепенное развитие норм в течение более чем двух тысячелетий. Начиная с постепенного синтеза римских и германских традиций, право пришло к рецепции и национальным кодификация. В настоящее время страны, относящиеся к РГПС, имеют как схожие, так и отличительные признаки, что подтверждает длительное формирование и развитие данной правовой семьи.

Список цитируемой литературы:

1. Ганосова, А.С. Особенности права европейских государств / А.С. Ганосова, В.В. Соловьева // Экономика, управление, общество: история и современность : Материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 19 декабря 2023 года. – Хабаровск: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. – С. 281-283.

2. Глазов, Д.В. Выявление исторического процесса возникновения отличий регулирования договорных отношений в романо-германской и англо-саксонской правовых системах / Д.В. Глазов // Юридическая наука. – 2024. – № 3. – С. 286-290.

3. Клюканова, Т.М. История формирования романо-германской правовой семьи / Т.М. Клюканова // Философия права. – 2021. – № 3 (98). – С. 27-32.

4. Соловьева, В. В. Отличительные черты российской правовой системы от общих начал романо-германской правовой семьи / В. В. Соловьева, А. Э. Бурков // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков (шифр - МКРНП) : Сборник материалов XXXV Международной научно-практической конференции, Москва, 28 февраля 2025 года. – Москва: АНО ДПО «Центр развития образования и науки», 2025. – С. 77-81.

УДК 340.5

Мячина Александра Денисовна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
polyakova_2503@mail.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

МОДЕРНИЗАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА

Аннотация

В данной статье рассматриваются исторические предпосылки и ключевые направления модернизации мусульманского права, освещаются направления его развития на разных этапах цивилизации, а также конкретные проявления в настоящее время. Сопоставляется мусульманское право в период его формирования и на современном этапе развития.

Ключевые слова: мусульманское право; Коран; шариат; фикх; сунна; религия; правовая школа.

Модернизация мусульманского права представляет собой сложный и многогранный процесс адаптации традиционных исламских правовых норм к вызовам современности.

В VII в. в среде арабов, на территории Аравии, в которой сосуществовало множество племен с разными религиозными культами, появилось «движение ханифов – пророков-проповедников, основателем которого был Мухаммад. Они призывали отказаться от языческого поклонения разным богам в пользу единого нового арабского бога» [3, с. 174]. После переселения пророка Мухаммада и последователей учения из Мекки в Медину влияние исламской общины распространилось на Южную и Западную Аравию. К концу жизни Мухаммада на Аравийском полуострове образовалось исламское теократическое государство – Арабский халифат.

В переводе с арабского свод мусульманских религиозных, юридических и бытовых правил, основанных на Коране, «Шариат» («Аш-Шариа») означает «правильный путь», включает в себя акид (теологию) и фикх (само право) и является основным «религиозным источником, регулирующим поведение правоверных с момента рождения до смерти» [3, с. 174]. Шариатское законодательство «устанавливает комплексные ограничения прав и свобод человека, регулируя социальные, экономические и личные аспекты жизни общества» [4, с. 5].

Фикх представляет собой «уникальную правовую систему, сформировавшуюся на основе религиозных норм ислама и оказавшую значи-

тельное влияние на развитие юридической мысли в странах Востока» [2, с. 70]. Изначально формирование мусульманского права происходило на основе предписаний Корана, которые регулировали семейные, экономические отношения и уголовные наказания После смерти пророка Мухаммеда возникла потребность в систематизации этих норм.

В эпоху Праведных халифов (632-661 гг.) в процессе активного толкования указанных норм вторым после Корана источником права стали сунны (собрания преданий о поступках и изречениях пророка). Однако «отсутствие единой интерпретации религиозных текстов привело к возникновению различных правовых школ – мазхабов (толков): ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский» [2, с. 70]:

- ханифатский мазхаб (основатель – Абу Ханифа), получивший наибольшее распространение, признавал нормы обычного права (урф) в качестве источника законодательства. В настоящее время доминирует в Афганистане, Пакистане, Индии, Египте и Турции;

- маликитский мазхаб (основатель – Малик бану Анас) в качестве основных источников права рассматривал Коран и сунну, допуская при этом применение кияса (суждения по аналогии). Распространен в Марокко, Бахрейне, Алжире, Тунисе и Кувейте;

- шафиитский мазхаб (основатель – Ащ-Шафия) синтезировал подходы предыдущих школ, рассматривая Коран и сунну как единый источник, дополненный иджмой (мнением ученых-правоведов). Кияс и урф допускались к применению, не являясь при этом самостоятельными источниками. Школа распространена в Сирии, Ливане, Палестине, Иордании и на Северном Кавказе России;

- ханбалитский мазхаб (основатель – Бану Ханбал) призывал вернуться к первоначальным нормам времен пророка и отвергал все положения, не подтвержденные Кораном, сунной или иджмой. Сегодня имеет значительное влияние в Саудовской Аравии [3, с. 176].

Отдельное направление представляет шиизм, возникший в VII веке среди сторонников двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда – Али ибн Абу Талиба. Шиизм включает несколько школ (исмаилитскую, джафаритскую, зейдитскую и др.). Его последователи, центром которых стал город Куфа, признавали особые права потомков Али на посредничество между Богом и людьми [3, с. 176]. С XVI века шиизм приобрел статус государственной религии в Персии, а затем и в Иране.

Расцвет классического мусульманского права «пришелся на эпоху Аббасидского халифата (750–1258 гг.), когда фикх стал основой государственного управления» [2, с. 70]. Расширение границ государства за счет присоединения территорий с иными правовыми традициями стимулировало разработку правовых доктрин на основе иджмы и кияса. В этот период создаются первые своды юридических решений, та-

кие как «Аль-Муватта» Малика ибн Анаса, заложившие основу для последующей кодификации мусульманского права.

В средневековый период судьи в своей практике руководствовались принципами своего мазбаха, учитывая не только правовые предписания, но и местные обычаи, а также общественные интересы (масалих). С XIII наблюдается тенденция к прекращению самостоятельного толкования источников права и закреплению этой функции за авторитетными правоведами, что способствовало росту их влияния, но замедлило развитие фикха.

В XV веке начинаются «первые попытки османских султанов кодифицировать феодальное право в виде сводов законодательных положений (канун-наме) по отдельным провинциям государства» [6, с. 119]. Происходила детализация правовых норм в сфере уголовного и административного права, налогообложения и земельных отношений. В Арабском Халифате правовыми актами выступали фирманы (указы халифов), а в Османской империи – кануны (законы султана).

В то время такое нововведение в мусульманском праве, как кодексы, умаляло роль шариата и являлось значимым изменением во всей правовой семье, но оно было крайне необходимо, поскольку, с одной стороны, внутреннее взаимодействие многонациональной Османской империи требовало единой модели развития, а с другой стороны, религиозные учения, занимавшие главенствующую роль с момента начального развития мусульманской правовой семьи, уже не могли полностью отвечать на современные вызовы.

Наиболее значимыми правовыми документами стали:

- «Турецкий титульный канун» султана Сулеймана Великолепного (XVI век), содержавший нормы земельных, налоговых и финансовых вопросов, не урегулированных Кораном;

- «Маджалла» (1869-1876) – свод норм мусульманского права по гражданским и судебным вопросам, действовавший в Османской империи. Кодекс не включал нормы семейного права, оставляя их в сфере религиозного регулирования. «Маджалла» сохраняла действие в Турции до 1926 года, в Сирии – до 1949 года, в Иордании – до 1976 года, в настоящее время частично встречается в Кувейте, на Кипре и в Израиле» [6, с. 119].

Таким образом, «мусульманское право является подсистемой единого комплекса социально-нормативного регулирования, ядром которого являются религиозные нормы» [5, с. 175]. С течением времени «религиозность в некоторых источниках правовых стран мусульманской цивилизации несколько теряла свое однозначное и преобладающее значение и взаимодействовала в правовых системах таких государств в сочетании с проявлениями светских правовых норм» [1, с. 237].

Начиная с XIX века, применение норм мусульманской правовой семьи было осложнено извне быстро меняющимися социальными, экономическими и политическими реалиями, связанными с технологическим и военным развитием западного мира. Так называемый «вызов западной цивилизации» затронул религиозные основы исламской правовой мысли, когда в начале XX века распад Османской империи привел к колониальной зависимости ряда мусульманских стран от западных держав. Процесс постепенной реформации мусульманского права затронул религиозные основы мусульманской правовой семьи, и с этого момента европейское право начинает активно влиять на внутреннее нормативное регулирование стран мусульманской правовой системы. В современном законодательстве Египта, Турции, Туниса, Ливана и ряда других государств можно проследить результаты такой «протекции» от европейских стран.

Зарождение мусульманского реформаторства связано с деятельностью Джемаля ад-Дина аль-Афгани (1838-1897 гг.), выступавшего за конституционный строй и объединение мусульман. Его идеи получили развитие в трудах египетских мыслителей Мухаммада Абдо, Рашида Риды, Хасана аль-Банны, Саида Кутба, а также в индо-пакистанском регионе – в работах Мухаммада Икбала, саида Ахмед Хана Амир Али и др.

Важнейшим изменением мусульманского права за последние два века стало переосмысление роли правовой доктрины. В ходе ряда реформ отношение между исламским правом и государством изменилось – появилось позитивное законодательство, основанное на исламских нормах. Так, от права, развивавшегося преимущественно посредством трудов ученых-богословов, мусульманское право перешло к законодательству, формируемому государством. Можно наблюдать интеграцию светского и религиозного права, например в Египте, Тунисе, Алжире, Ираке и т.д., что обусловлено «неполным регулированием порядка законности действий власти и народа религиозными мусульманскими нормами права в связи с ориентацией в большей степени на внутренние семейные отношения» [1, с. 239].

Современный этап развития мусульманского права характеризуется интеграцией светских и религиозных правовых начал. Это обусловлено тем, что традиционные религиозные нормы недостаточно полно регулируют вопросы государственного управления, будучи в большей степени ориентированными на семейные и межличностные отношения. Подобные интегральные процессы наблюдаются в Египте, Алжире, Ираке, Тунисе и Иордании.

Таким образом, колониальный период стал переломным для мусульманской правовой семьи, ознаменовав влияние светских правовых систем, «ограничивавших юрисдикцию шариатских судов, что спрово-

цировало реформаторские движения, такие как салафизм и исламский модернизм» [2, с. 71], и способствуя синтезу традиционных правовых норм с современным законодательством. В XX-XXI веках мусульманское право продолжает эволюционировать, представляя собой уникальную правовую систему. Если в Иране и Саудовской Аравии фикх сохраняет статус основного источника законодательства, то в Тунисе и Турции его нормы внедрены в кодексы и регулируют отдельные вопрос, например, семейное право. В контексте глобализации традиционные правовые доктрины требуют дальнейшего тщательного изучения и переосмысления.

Список цитируемой литературы:

1. Гладышева, С.Р. Источники права в странах мусульманской цивилизации / С.Р. Гладышева, В.В. Соловьева // Молодежь и XXI век - 2025 : Сборник научных статей 14-й Международной молодежной научной конференции. В 5-ти томах, Курск, 20–21 февраля 2025 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 237-239.

2. Ермолов, И.О. История формирования и развития мусульманского права / И.О. Ермолов, В.В. Соловьева // Научный лидер. - 2025. - №8 (209). – С. 70-71.

3. Рассказов, Л.П. Возникновение и развитие мусульманского права и его основных источников. Влияние вестернизации на правовые системы мусульманских стран и исламизации на страны романо-германской и англосаксонской правовых семей / Л.П. Рассказов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2025. – № 111. – С. 173-191.

4. Соловьева, В.В. Источники права в странах мусульманской цивилизации / В.В. Соловьева, Е.И. Полуэктова // Диалог. – 2025. – № 3 (33). – С. 4-5.

5. Соловьева, В. В. Политико-правовые мысли Абу-аль-Хасана аль-Маварди и проблемы их влияния на современную исламскую государственность / В. В. Соловьева, А. Э. Бурков // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков (шифр - МКРНП) : Сборник материалов XXXV Международной научно-практической конференции, Москва, 28 февраля 2025 года. – Москва: АНО ДПО «Центр развития образования и науки», 2025. – С. 61-64.

6. Федина, А.С. История становления мусульманской правовой системы / А.С. Федина, К.Б. Егоров // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. – 2011. – № 1 (7). – С. 117-121.

УДК 340.5

Пашков Иван Андреевич,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
pashcov.ivan.75@gmail.com
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВА

Аннотация

Французское право сочетает глубокие исторические корни с инновационными подходами, сформировав уникальную модель в романо-германской семье. К ключевым особенностям относятся четкое разделение на частное и публичное право, доминирование гибкого административного права, иерархия источников с приоритетом Конституции 1958 г. и международных договоров.

Ключевые слова: французское право, правовая система, иерархическая структура, международные соглашения, публичное и частное право.

Французское право занимает одно из ведущих мест среди мировых правовых систем. Его корни уходят в римское право, однако окончательное формирование современной модели произошло в период Великой французской революции и последующих наполеоновских преобразований. Именно тогда в законодательстве были закреплены фундаментальные принципы — свобода личности, равенство граждан перед законом и неприкосновенность частной собственности. Эти идеи не только определили облик французской правовой системы, но и стали основой романо-германской правовой семьи, оказав значительное влияние на правовое развитие множества государств.

Как отмечает Р. Давид, французское право не тождественно французскому закону, что подчеркивает глубину и многогранность данной правовой системы [1, с. 88].

Французская школа сравнительного правоведения внесла весомый вклад в развитие классификации правовых систем, особенно благодаря трудам Р. Давида. Он не только выделил семью социалистического права — что было новаторским шагом на момент публикации его работ, — но и объединил романское и германское право в единую романо-германскую правовую семью. Критикуя подходы предшественников, Давид предложил два ключевых критерия различий между правовыми системами: идеологический — отражающий доминирующие в обществе

религиозные, философские, политические и социальные модели — и технико-юридический, основанный на источниках права как элементах юридической техники. Эта систематизация подчеркивает теоретическую глубину французского правового анализа и его значимость за пределами национальной правовой традиции. [3, с.74]

Французская правовая система занимает особое место в романо-германской правовой семье. В отличие от других представителей данной семьи, французское право подвергло римские правовые постулаты наиболее глубокой трансформации, адаптировав их к идеям французских просветителей. Свободолюбивые идеи эпохи Просвещения нашли свое отражение в ключевых принципах французского права: свободе договора, формальном равенстве сторон и защите частной собственности.

Географическое распространение французской правовой системы выходит далеко за пределы территории Французской Республики. Расширение юридических границ происходило как вследствие колониальной политики, так и за счет добровольной рецепции французских правовых моделей другими странами. Ярким примером является первый японский Гражданский кодекс 1890 года, составленный по образцу французского кодекса. В модифицированном виде нормы французского права продолжают действовать в Японии и сегодня.

Важно отметить, что элементы французской правовой системы проникли даже в англосаксонскую правовую семью. Например, в канадской провинции Квебек действует переработанный французский Гражданский кодекс. Эта особенность делает французскую правовую систему уникальным «нормативным полюсом» романо-германского права, влияние которого выходит за рамки традиционной юридической географии.

Стоит отметить, что Франция одной из первых разделила право на частное и публичное, сохранив и развивая эту классификацию в современной правовой системе.

Публичное право Франции представлено четырьмя основными блоками отраслей:

1. Конституционное право;
2. Административное право;
3. Финансовое право;
4. Международное публичное право.

Наиболее развитым элементом в системе публичного права Франции является административное право. Как подчеркивает Р. Давид, Франция является страной, где «административное право достигло наиболее высокой степени развития», и данной административной модели «следуют многие государства» [1, с. 88].

Особенностью французского административного права является его комплексный характер, включающий нормы, которые в других правовых системах относятся к другим отраслям права.

Наглядным подтверждением уникальности французского административного права служит институт ответственности публичных властей. В отличие от германской системы, где ответственность строго кодифицирована, во Франции она формировалась преимущественно через прецеденты Государственного совета. Так, в знаменитом Бланко (1873 г.) был установлен принцип специального характера административной ответственности, согласно которому государство несет ответственность за вред, причиненный его деятельностью, на особых основаниях, отличных от гражданской ответственности. Этот подход позволил создать гибкую систему компенсации вреда, где учитываются как принципы справедливости, так и интересы общества.

Стоит отметить, что французская правовая система основана на иерархической структуре источников права, делящихся на первичные и вторичные. К первичным относятся нормативные акты государственных органов, причём высшим из них является Конституция 1958 года.

Кодифицированные нормативные акты представляют собой одну из ключевых форм выражения права во Франции. Даже в современных условиях сохраняют непререкаемый авторитет исторические кодексы, в частности Гражданский кодекс, разработанный при Наполеоне в начале XIX века. Процесс систематизации законодательства, начавшийся в середине прошлого столетия, в конечном итоге привел к объединению ранее разрозненных правовых актов. Созданные в ходе этой работы кодифицированные документы во французской юридической практике классифицируются как акты консолидирующего характера.

Значительную роль в правовой системе имеют нормативные акты, издаваемые органами исполнительной власти. Конституция 1958 года существенно расширила нормотворческие полномочия исполнительной ветви власти. Важно отметить, что отличительной чертой французской системы является использование таких специфических инструментов как циркуляры и официальные уведомления, которые не стали распространёнными у других систем континентального права.

Международные соглашения и договоры обладают приоритетом в иерархии правовых источников. Стоит отметить, что ратифицированные международные договоры имеют приоритет над внутренним законодательством — при условии взаимного выполнения обязательств сторон. Это отличительная черта французской правовой системы в рамках романо-германской традиции.

К вторичным источникам французского права относятся судебная практика, общие принципы права и правовые обычаи. Хотя француз-

ская доктрина относит судебную практику к числу вспомогательных источников, на практике решения Кассационного суда и Государственного совета Франции обладают значительным нормативным авторитетом. По мнению современников, обычай может использоваться в дополнение к законодательным положениям, но обычай не может использоваться для разрушения их.

Французский правовой понятийный аппарат характеризуется определенной спецификой. Французская правовая норма более абстрактна, чем, например, немецкая. Эта абстрактность обусловлена стремлением кодексов определить жизненную ситуацию наиболее общим образом. Как отмечает Р. Давид, «потребовались века, чтобы наука смогла выработать формулы французского Гражданского кодекса, которые сегодня кажутся совсем простыми и само собой разумеющимися» [1, с. 71].

Судебная практика во Франции характеризуется расширительным толкованием правовых норм. Французские судьи достаточно широко толкуют правовые нормы, что иногда приводит к отрицанию нормативного регулирования, когда судьи вначале находят справедливое основание в деле, а затем уже соответствующую норму.

Сегодня французское право успешно адаптируется к глобальным изменениям, не теряя своей самобытности. Европейская интеграция влияет на развитие правовых институтов, но система сохраняет свои особенности — например, в вопросах прав человека суды опираются и на Конституцию, и на Европейскую конвенцию. При этом главенство кодифицированного закона над прецедентом остаётся неизменным. Такой баланс традиций и новаций делает французскую модель устойчивой в условиях глобализации.

Таким образом, французское право сочетает общие черты романо-германской семьи с национальной спецификой. Его влияние распространяется не только через заимствование кодексов, но и через правовую доктрину.

Список цитируемой литературы:

1. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Международные отношения, 1997. – 400 с.

2. Кабанцов, В. С. Особенности французского права / В. С. Кабанцов. — Текст : непосредственный // Новый юридический вестник. — 2025. — № 3 (45). — С. 32-33.

3. Соловьева, В. В. Эволюция критериев классификации правовых систем / В. В. Соловьева // Национальные проекты в системе приоритетов развития российской экономики: социальные, правовые и духовные аспекты : Материалы XIV международной научно-практической

конференции, Липецк, 28–29 мая 2020 года / Под общей редакцией А.Д. Моисеева, В.В. Черняева . – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2020. – С. 72-78.

4. Тонких, А. А. Особенности правовой системы Франции / А. А. Тонких. — Текст : непосредственный // Новый юридический вестник. — 2025. — № 3 (45). — С. 42-44.

УДК 340.5

Рыжкова Юлия Ивановна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Ryz13072003@yandex.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА

Аннотация

Статья раскрывает важнейшие исторические аспекты формирования и развития мусульманского права в разрезе основных этапов его эволюции.

Ключевые слова: мусульманское право, фикх, Коран, Сунна, иджма, кияс,

Мусульманское право (фикх) является религиозно-правовой системой, поскольку основано на постулатах ислама, одной из трех основных мировых религий. В настоящее время оно играет важнейшую роль в мусульманской правовой семье, поскольку регулирует все стороны жизни его последователей, что делает его неотъемлемым элементом культуры и традиций мусульманского мира в целом. Его уникальность заключается в том, что религиозная доктрина ислама оказывает на него ключевое влияние, пронизывая все аспекты системы регулирования деятельности мусульманского общества [6, с. 102]. История его формирования началась еще в VII веке нашей эры и связано с именем знаменитого религиозного и общественного деятеля Мухаммеда (571-632 гг.), которого мусульмане называют пророком и посланником Аллаха. Последователи ислама верят в то, что откровения пророка Мухаммеда – это не что иное, как повеления, исходящие от Аллаха, и для них он является звеном между богом и людьми.

Выделяются следующие этапы эволюции мусульманского права:

1. Зарождение мусульманского права (610 – 632 гг.). Данный период непосредственно связан с пророческой миссией Мухаммеда и созданием Корана как священной книги Аллаха, важнейшего источника фикха. Исламские богословы считают, что начало данного этапа датировано 610 годом, когда пророку Мухаммеду было ниспослано первое божественное откровение. С 613 года он начал проповедовать их широкой общественности. Коран открывался Мухаммеду постепенно, до самой его смерти в 632 году. На основе Корана развивался шариат, религиозный исламский закон. Его важнейшими аспектами являются соблюдение установленных морально-нравственных и социальных норм и правил и осуществление религиозных обрядов.

2. Период правления Праведных халифов (632-661 гг.). Когда пророк Мухаммед умер, Корана, как единого документа, к тому моменту еще не существовало, и полностью его написание было завершено в 652 году. Его официальный текст был подготовлен специальной коллегией по приказу халифа Османа. Текст Корана разбит на 114 сур (глав), и каждая сура представлена множеством аятов (слов, словосочетаний, стихов). В 632 году была введена должность главы Праведного халифата, и ими последовательно являлись Абу Бакр, Умар ибн аль-Хаттаб, Усман ибн Аффан и Али ибн Абу Талиб. Хасан ибн Али. В данный период развития мусульманского права, помимо документирования Корана, начали создаваться хадисы [1, с. 34].

3. Правление Омейядского (Дамасского) халифата (661–750 гг.). Политика Омейядского халифата была сосредоточена преимущественно на разработку и реализацию административных реформ, законотворческую деятельность и развитие отношений с другими странами. Данный период ознаменован исламизацией права (традиции, обычаи и решения местных органов власти должны были отвечать общим целям шариата), оформлением богословско-правовых толков (мазхабов), которые формулировали нормы мусульманского права с учетом интересов шариата. Кроме того, в период правления Омейяд благодаря деятельности правоведов Медины был создан такой источник фикха, как иджма, которая является совокупностью согласованных разъяснений исламских правоведов к Корану, представляющих собой варианты поведения в конкретных спорных ситуациях, предусматривающие самостоятельные правила поведения мусульман. Также в данный период активно развивалась мусульманская судебная система (в частности, появился титул кади, который выдавался верховным судьям, делая их представителями халифа [5].

4. Период Аббасидского халифата (750–1258 гг.). В данный период классическое мусульманское право получило динамичное развитие

и стало основой государственного управления. Кроме того, было завершено документальное оформление Сунны, второго по значимости источника фикха. Сунна – «сборник преданий (хадисов) о жизни и высказываниях пророка Мухаммеда. Она служит важным источником для толкования и дополнения правовых норм, содержащихся в Коране» [3, с. 36]. Сунна для мусульман является примером правомерного и общественно одобряемого поведения.

Кроме того, в рассматриваемый период появился такой источник права, как кияс, представляющий собой суждения по аналогии, признанные авторитетными представителями исламского духовенства (например, муфтием), основанные на существующих норм права. Он применяется для решения новых проблем правового характера.

В исследуемом периоде активно применялась иджма в тех случаях, когда невозможно применить конкретные положения Корана или Сунны.

Использование иджмы и кияса в то время позволило адаптировать исламские правовые нормы к новым вызовам (например, расширение территорий, взаимодействие с другими правовыми системами и т.д.). «В этот период были составлены первые своды юридических решений, например, «Аль-Муватта» Малика ибн Анаса, ставшие образцом для последующих кодификаций» [2].

Периоды правления династий Омейядов и Аббасидов в совокупности называются средневековым этапом развития мусульманского права.

5. Период застоя в развитии мусульманского права (1258 г. - начало XIX века). После распада Аббасидского халифата империя начала дробиться на отдельные государства, и каждое из них самостоятельно определяло, какому мазхабу (школе исламского права) следовать. В этот период было прекращено самостоятельно трактовать источники мусульманского права даже авторитетным религиозным деятелям, что замедлило его развитие. В этот период усилились разногласия между суннитами и шиитами на религиозной почве, что впоследствии привело к расколу длиной в 1400 лет.

6. Колониальный период (XIX век – начало XX века). Европейские колониальные державы, устанавливая контроль над исламскими регионами, внедряли светские правовые системы, ограничивая юрисдикцию шариатских судов. В свою очередь, страны арабского мира для сохранения своей религиозно-правовой идентичности пытались противостоять колонизаторам, но в то же время были вынуждены заимствовать их достижения, в том числе в области права. К примеру, «в Османской империи в 1876 году была принята первая конституция (Мидхат-паши), а в Египте в конце XIX века началась кодификация семейного права на основе ханафитского мазхаба» [2].

7. XX век – современный период. С начала XX века наблюдается процесс динамичного развития мусульманского права, на что повлияли во многом европейские правовые традиции (например, исламские правовые нормы в настоящее время стали более единообразными и систематизированными, напоминая структуру статутных законов). Кроме того, меняется соотношение материального и процессуального исламского права, создаются новые правовые концепции (например, Организацией исламского сотрудничества в настоящее время проводится научная работа в сфере защиты прав человека и религиозных свобод).

Таким образом, процесс формирования и развития мусульманского права имеет многовековую историю и тесно связан с политическими и социокультурными трансформациями исламского мира. От создания основополагающих источников права и до формирования сложных правовых школ и систем оно характеризовалось уникальной способностью к адаптации и развитию, при этом сохранив религиозную идентичность в контексте морально-нравственных норм, обычаев и традиций.

Список цитируемой литературы:

1. Ахметова, А. А. Отечественная юридическая наука о понятии и сущности мусульманского права / А. А. Ахметова, Е. С. Косых, А. И. Чигрина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №8 (224). – С. 32-35.

2. Ермолов, И. О. История формирования и развития мусульманского права / И. О. Ермолов, В. В. Соловьева // Научный лидер. – 2025. – № 8 (209). – URL: https://scilead.ru/article/8219-istoriya-formirovaniya-i-razvitiya-musulmansk (дата обращения 19.11.2025).

3. Кабанцов, В. С. Особенности традиционного мусульманского права / В. С. Кабанцов, В. В. Соловьева // Новый юридический вестник. – 2025. – № 3 (45). – С. 35-37.

4. Соловьева, В. В. Источники права в странах мусульманской цивилизации / В. В. Соловьева, Е. И. Полуэктова // НПЖ «Диалог». – 2025. – №3 (33). – С. 4-5.

5. Таилов, Р. З. Особенности развития мусульманского права в период правления династии Омейядов / Р. З. Таилов // «Киберленинка» – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-musulmanskogo-prava-v-period-pravleniya-dinastii-omeyyadov (дата обращения: 21.11.2025).

6. Хазиева, Р. Р. Правовые основы мусульманского права // Р.Р. Хазиева, Е. В. Сивочкин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 4 (232). – С. 102-103.

УДК 340.1

Черненко Виктория Валерьевна
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
VChernenkolip@Yandex.ru
Научный руководитель – Соловьёва В.В., д-р истор. наук, проф.

ПРАВО ИНДИИ. ИНДУССКОЕ ПРАВО. СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО ИНДИИ

Аннотация

В настоящее время Индия является одним из быстро развивающихся культурных и правовых центров, в связи, с чем в теории возникает интерес, касающийся правовых особенностей этой страны. В силу высокого уровня религиозности индийского общества, совместного проживания нескольких разных конфессий на одной территории, необходимо различать право самой Республики Индия и индусское право, распространенное среди индусов, а также шариат в отношении мусульманской части населения. Особенности современной правовой системы Индии связаны с историческими особенностями формирования государства, а также конфессионального состава населения.

Ключевые слова: правовая система, индусское право, шариат, обычаи, общее право, конфессиональный состав, государственность Индии.

Одним из актуальных правовых вопросов международного уровня выступает правовая система Индии. В свете последних событий, особенно важно установить все особенности права Индии, которое относится к числу смешанных правовых систем, включающих в себя признаки общего, континентального и религиозного права.

Право Индии является смешанным, т.к. на него оказало влияние общее право Великобритании, а также религиозное право, сформировавшееся на основании сложного конфессионального состава населения, которое исповедует индуизм, ислам, христианство и буддизм. В силу того, что с 1947 года Индия официально вышла из состава Великобритании, ее правовая система сформирована по типу английской со своими особенностями.

В соответствии с действующим законодательством Индия является светским государством, т.е. государство не отдает предпочтения какой-либо одной религии, а право применяется единообразно ко всем гражданам, независимо от их вероисповедания. Изначально правовая

система Индии сформирована по типу общей системы права, но после 1947 года помимо прецедентного права, а также законов законодательных собраний штатов были сформированы Конституция, а также ряд кодексов. Как отмечают В.В. Соловьева и Е.И. Полуэктова «Британцы не только привнесли собственные правовые нормы, но и систематизировали местные законодательные традиции. В этот период были опубликованы англоязычные издания древнеиндийских законов дхармашастр. Также проводилась кодификация индийского права и издавались сборники судебных прецедентов» [3, с. 42]. Это позволяет говорить о том, что право Индии имеет и черты романо-германской правовой системы.

Иерархия нормативных правовых актов в Индии представлена следующим образом: Конституция, Законы Парламента (в т. ч. кодексы), Законы законодательных собраний штатов, а также прецедентное право. Важное значение имеет Уголовный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, а также иные законы в сфере предпринимательского и процессуального права. Указанные правовые акты являются обязательными для всех проживающих на территории Индии. Кодификация сформировала плацдарм для отмены наиболее архаичных норм традиционного права, таких как полигамия, жесткие кастовые ограничения и серьезное ущемление прав женщин.

Не смотря на светский характер современного права Индии, оно включает в себя и элементы религиозного права, в частности индусского права. Именно это право с древности регулирует жизнь лиц, которые исповедуют индуизм, но только в сфере частных отношений. Это не право государства, а персональное право, основанное на дхарме. Его цель – не просто разрешить спор, а указать верный образ жизни для достижения мокши (освобождения). Основными источниками индусского права являются древние индусские книги, а также веды и эпические поэмы о правилах жизни.

В настоящее время применение индусского права существенно ограничено. В современной Индии индусское право не является самостоятельной правовой системой, а представляет собой кодифицированную часть общенационального законодательства, применяемую в основном в сфере семейно-брачных отношений. В.В. Пчелинцева отмечает следующую особенность: «закон уполномочивает на их (индусские нормы) применение светским судом, в компетенцию которых входит разрешение гражданско-правовых споров, вплоть до Верховного суда Союза» [1, с. 44]. Также, в сельской местности суды могут учитывать при рассмотрении дел кастовую принадлежность человека, несмотря на официальный отказ государства от кастового разделения.

Следует отметить, что в Индии также действует мусульманское личное право для мусульман, а для вопросов, выходящих за рамки личного статуса (уголовное, договорное, налоговое право), также применяется единое территориальное право. Мусульманское право также может применяться в сфере заключения и расторжения браков, семейных отношений, наследования. В отличии от светского индийского и индусского права, мусульманское право распространяется на мусульман, которых в стране около 202 млн человек. Правовая регламентация деятельности мусульман Индии осложняется особенностями взаимоотношений с соседним исламским Пакистаном. В особенности, расхождение между светским и религиозным правом среди мусульман проявляется в брачно-семейных отношениях. Например, М.Н. Старикова пишет, что «несмотря на принятие ряда общеиндийских законов по установлению брачного возраста, мусульмане Индии по-прежнему отстаивают право родителей выдавать дочерей замуж по достижению ими половой зрелости» [4, с. 129].

Справедливым является вывод А.А. Сердюкова, который пишет, что «исходя из историко-правового анализа изучения генезиса права в Индии, более объективным и справедливым будет сказать о слиянии правовых норм с религиозно-этическими догматами, что в свою очередь было вполне обосновано не только социально-экономическими, но и в большей степени психологическими и идеологическими аспектами» [2, с. 176].

Как и с индусским правом, мусульманское право касается наиболее личных отраслей права, но в последние годы прогрессивные индийские политики и правоведы отмечают необходимость распространения официальных законов на всех граждан страны вне зависимости от вероисповедания в силу сложного положения женщины, которая до настоящего времени борется за свои права в Индии. Прогрессивные штаты и города Индии, такие как Бангалор или Мумбаи активно борются за кодификацию и европеизацию семейного права, что уже существенно влияет на правовую систему страны. Религиозные предписания к которым зачастую прибегают глубоко верующие граждане Индии могут идти в разрез с официальной политикой и установленными международно-правовыми нормами, в связи с чем можно сделать вывод, что несмотря на светский характер права Индии, на него все еще оказывается особое влияние конфессии, которые получили распространение на территории страны еще с древних времен.

Таким образом, современная правовая система Индии – это уникальный и сложный гибрид, сочетающий наследие британского общего права, древние религиозно-правовые традиции и современное светское законодательство. Дальнейшее развитие права Индии будет за-

ключаться в поиске баланса между этими элементами для обеспечения и устойчивого развития, и социальной гармонии в многонациональном государстве.

Список цитируемой литературы:

1. Пчелинцева, В. В. Общая характеристика смешанной правовой системы республики Индия / В. В. Пчелинцева // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 1-6(70). – С. 38-44.

2. Сердюков, А. А. Право в Древней Индии: современное состояние изучения / А. А. Сердюков // Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – № 3(60). – С. 175-178.

3. Соловьева, В.В. Историческая эволюция и современное состояние права Индии / В.В. Соловьева, Е.И. Полуэктова // Диалог. – 2025. – № 2 (32). – С. 42-43.

4. Старикова, М.Н. Мусульманское частное право в современной Индии: попытки пересмотра и модернизации / М.Н. Старикова // Вестник Московского университета. – 2019. – Серия 13. – № 2. – С. 129-145.

Научное издание

Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития

Сборник трудов
VI Всероссийской с международным участием
научно-практической конференции студентов и магистров

г. Липецк, 27 ноября 2025 г.

Часть I

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора В.В. Соловьёвой

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 26,63. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ИП Алейников Олег Юрьевич
108811, г. Москва, Московский г., Радужная ул., д. 21